

Мри Желания

Каждой семье нужен джинн

Кристен Эшли

Когда Лили Джейкобс родилась, то унаследовала Фазира – джинна. Ее семья имела возможность загадать ему три желания, но они использовали только одно, поэтому Фафир полностью и застрял в человеческом мире, став даже членом их семьи.

Даже с джинном, подростковая жизнь Лили не была идеальной. Чтобы как-то защититься от школьных друзей, которые делали ее несчастной, Лили решила погрузиться в любовные романы. В один из дней, когда насмешек было уже через чур много, она использовала одно из своих желаний. Она сказала Фафиру, что хотела бы встретить мужчину такого, как в ее книгах, и она извлекла максимальную пользу из этого непростого желая, потому что Фафир такого никогда не слышал. Ее желанный мужчина должен был быть до невозможности красивый, мужественный, сильный, неистовый и безжалостный (среди десятка других характеристик).

Он также должен считать, что она самая красивая, и он должен влюбиться в нее так сильно, намного сильнее чем во что-либо в мире.

Натаниэль МакАллистер родился в жизни, где не существовало таких вещей, как джинны, исполняющие желания. В его жизни существовали наркотики, преступления и разврат. В подростковом возрасте он был на побегушках у гангстера, потом сама жизнь и упорный труд привели его к богатству и респектабельности, но где-то в глубине души, он всегда знал, что был "запачканным". Когда Нейт встретил Лили, то понял, что не достоин ее, мужественный, сильный, неистовый и безжалостный, а именно таким он и был, Нейт не шел ни в какое сравнение рядом с милой, невинной Лили.

К сожалению, исполнение желания Лили уже начинает действовать, и ей вместе со своим героем придется пройти через испытания и волнения, чтобы испытать свою любовь. Фафир не просто хороший джинн, он любил Лили, поэтому дал ей именно то, что она так хотела.

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Сара, Фазир и Ребекка

Апрель 1943

Сара прочитала телеграмму и снова вздохнула.

Она только и могла позволить себе вздохнуть. Бесполезно беспокоиться о том, чего она не знала. Во всяком случае пока, из-за того, что ей сообщил Джим. Ей хватает беспокойства на сегодня. Она позволит себе поволноваться об этом завтра. Или, может быть, после завтра. Или, скорее всего, (она надеялась на это) что вообще не будет волноваться об этом.

Она вошла в дом, который Джим построил своими собственными руками, ну, большую часть в нем, во всяком случае. Дорогой, в некоторой степени просторный белый дом из известняка штата Индиана в окружении десяти прекрасных акров сочных полей. Прямо во дворе был огромный пруд. Каждый подоконник, несмотря на то, что дом был далеко не величественный, отделан мрамором. Джим хотел, чтобы у нее было что-то эффектное и тщательно сделанное. Единственную малость, которую он мог себе позволить на зарплату учителя, были эти итальянские мраморные подоконники и, черт возьми, он положил их для нее.

Она вошла в детскую и подошла к кровати, взглянув на Ребекку, которая спала послеобеденным сном. Она морщила свои детские губки и мило хмурилась, как будто тоже знала содержание телеграммы.

Сара почувствовала, как слезы с коварством начинают подниматься к горлу, но она решительно сглотнула их.

Джиму бы не понравилось, если бы она начала плакать.

Она подумает об этом завтра.

Может быть.

* * *

Май 1943 г.

Пришел пакет, который был так сильно помят, Сара была уверена, что все, что в нем находилось уже разбилось и, следовательно, стало бесполезным.

У нее это вызвало горькое разочарование, потому что пакет был от Джима.

Сара подумала про себя, что прибывший пакет был хорошим знаком вместе с полученным письмом, которое он написал много месяцев назад, а недели спустя его самолет был сбит над Германией, и он пропал без вестей. Они до сих пор не знают, где он, выжил ли или был захвачен в плен, или он пытался как-то вернуться домой или может... что-то еще.

К ее удивлению, предмет в пакете был в целости и сохранности, симпатичный хрупкий флакон, выполненный из обвитого вокруг винограда, из бирюзового стекла. Он выглядел элегантно, тщательно сделанным и восхитительным. Он имел полное основание, тонкое горлышко, которое вело к широкому шару, входящему в другое тонкое горлышко другого, более меньшего шара с таким же тонким горлом, наверху которого была необыкновенная закручивающаяся пробка.

Это было очень красиво.

Джим написал письмо, пришедшее с флаконом, сообщив, что нашел его на рынке где-то в Лондоне, и подумал, что она просто обязана иметь его.

Джим, как всегда, был прав.

Сара полюбила его.

Однако это могло быть и самым отвратительной безделушкой на всей земле, но Сара все равно бы полюбила его.

Она поставила его на почетное место, на комод в столовой.

Каждый раз, когда она убиралась, тщательно стряхивала пыль с красивого, экзотического хрупкого флакона.

И вспоминала Джима.

И надеялась, что с ним все в порядке и что скоро он вернется домой.

* * *

Декабря 1945 года

Война закончилась, и большинство парней вернулись домой.

Но не Джим.

Сара ждала, но ни слова.

Она звонила, до сих ничего.

Она писала и без ответа.

Она посетила военное Министерство.

Никаких известий.

Джим, она боялась, ушел.

Она заплакала, стирая пыль с флакона, его последнего подарка ей, последняя вещь, которую он трогал, она также хотела касаться ее. Сара похудела, глаза ввалились, стали глубокими, темные круги залегли под ними.

Трехлетняя Ребекка играла на полу в столовой, Сара стирала пыль с флакона машинально и совсем не осторожно, а как обычно. Она судорожно терла его, возможно, даже немного безумно, словно хотела стереть с него весь цвет.

Тряпка для пыли выпала у нее из рук, но она этого даже не заметила. Она просто продолжала тереть флакон пальцами, тереть, тереть и тереть. Она подумала немного истерично, что может просто истереть его навсегда.

Пробка выпала, но она даже не заметила этого.

Ребекка, увидев красивую пробку, делая первые шаги подошла и схватила ее тут же засунув в рот.

Сара не заметила свою дочь, просто продолжала тереть флакон.

Она остановилась, потому что великолепный виноград переместился и дым бирюзового цвета выстрелил из горлышка флакона, приобретая очертания фигуры.

Фигура напоминала толстого, добродушного мужчину в красновато-лиловой феске с небольшой бирюзовой кисточкой на верху. На нем был экстравагантный наряд бирюзового цвета с вышитой лилово-красной гроздью винограда на короткой курточке без рукавов и вздымающиеся бирюзовые шаровары, которые заканчивались фиолетовыми туфлями с загнутыми заостренными носами. У него были широкие золотые браслеты, зафиксированные на запястьях, доходящие до предплечий, украшенные синими и пурпурными драгоценными камнями и толстые, золотые кольца свисали с мочек ушей. Он

обладал копной угольно-черные волос и козлиной бородкой, высокомерно свисавшей с его подбородка. У него были блестящие карие глаза, немного задранные в уголках вверх, смотрящие из-под линии бровей, подведенных черной сурьмой.

Он парил в воздухе со скрещенными руками и ногами, и смотрел на нее сверху вниз, не доставая до потолка примерно два фута.

Сара подумала, что она окончательно сошла с ума. Возможно, ей не стоило беспокоиться о Джиме постоянно и той ужасной телеграмме, которая пришла. Возможно, ей следует тихо успокоиться, надеяться и думать, что все будет хорошо, для Джима, Ребекки и наконец, для самой Сары. Возможно, ей следовало примириться с потерей ее самого дорогого Джима, существовать одной, спать в одиночестве, есть одной и воспитывать ребенка своими собственными силами, одной на зарплату учителя. Возможно, поскольку она этого не сделала, а тихо все эти годы ползала по своим мыслям, они и привели ее к сумасшествию.

Потому что только сумасшедшая женщина увидит мужчину, парящего в ее столовой в фески, загнутых ботинках и козлиной бородкой.

— Ты, моя госпожа, у тебя есть три желания, — сказал мужчина.

Сара открыла рот, и если бы она обратила внимание на Ребекку, то увидела, что та тоже открыла рот, и пробка выпала изо рта малышки Бекки, покотившись, никем не замеченной, под шкаф.

— Кто ты? — выдохнула Сара.

— Я Фазир. Я джинн. И я здесь исполнить три твоих желания, — величественно и помпезно заявил он.

Сара уставилась на него во все глаза, она закрыла глаза и покачала головой, бормоча про себя: «Я сошла с ума».

— Ты не лишилась рассудка. Я джинн, и я здесь...

— Я слышала, что ты сказал! — цыкнула Сара на изумленного джинна, наклонилась, подхватила Бекку, бережно прижав к своему дрожащему телу. Она медленно пятилась, шепча: — Уходи.

— Я Фаз... э-э, что? — начал он своим напыщенным голосом джинна, но запнулся от ее слов. Никто и никогда не говорил ему, чтобы он уходил.

Никогда.

Обычно все были очень счастливы видеть его и довольно быстро говорили все свои желания. Несметное богатство, которые он мог им предоставить, это на самом деле было совершенно несложно. Долгую жизнь, немного сложнее, а вечная жизнь запрещалась Кодексом Джиннов. Месть, он не хотел этого делать, но желание других было законом. И так далее.

Но никто и никогда не говорил ему, чтобы он уходил.

Никогда.

И никто никогда не огрызался на него.

За исключением, конечно, когда они желали что-то глупое и это им выходило боком, но в этом не было вины Фазира.

Он попробовал еще раз.

— У тебя есть три желания. Твое желание для меня приказ.

Она продолжала по-прежнему пятиться и моргать. Постоянно. Каждый раз, когда она закрывала глаза, а затем открывала их снова, создавалось впечатление, что она была еще

больше шокирована, видеть его перед собой.

Затем она выбежала из комнаты.

Он поплыл вслед за ней, повторяя снова и снова, что он учился в специальной школе для джиннов, где прошел обучение. Сара просто игнорировала его. Через несколько часов она собрала чемоданы, взяла ребенка, села в машину и уехала.

* * *

Прошло два дня

Сара осторожно подошла к красивому дому из белого известняка. Она выглядела спокойной и вполне нормальной.

Она вместе с Ребеккой были у матери. Сара болтала о своем бреде, и даже, в некоторой степени к своему ужасу, не могла остановиться, ее просто несло.

Потом она плакала целый день и ночь.

Потом заснула, и ее мать ухаживала за ее дочерью.

А теперь она вернулась домой.

Ее сердце было разбито.

Теперь она точно поняла, что Джим никогда не вернется домой.

И она решила для себя, что, если бы Гитлер не был уже мертв, она бы нашла бы его сама и свернула ему глупую, маленькую шею.

Напасть на Польшу, какому дураку могла прийти такая идея? Разве он не знает сколько горя он причинил? Так много жизней уничтожено — погибли целые семьи.

И Джим, жизненно необходимый, сильный, высокий, умный, замечательный Джим. Он никогда не будет опять играть в теннис, как было в первый раз, когда она увидела его. Он никогда больше не перекопает плодородную темную землю у них в саду. Он никогда не вырастит один из своих сочных и вкусных помидоров штата Индиана. Он никогда не обхватит ее своими руками, и он никогда не опустит глаза на красавицу дочь.

Ей необходимо было обвинить кого-то во всем этом, поэтому она обвиняла Гитлера. Конечно, он был виноват во многих вещах, и Сара была рада за свое вероисповедание (хотя за день до этого она прокляла Бога). Она была счастлива, потому что несмотря на веру, она могла представить совершенно отчетливо Гитлера, вытянутого на вертели над костром из древесного угля, крутящегося, как на гриле в вечной агонии.

Независимо от своих мстительных мыслей, Сара по-прежнему был усталой, безмерно грустной, и навечно сломленной из-за своей любви к Джиму.

Но по крайней мере, подумала она, уже не сумасшедшая, чтобы видеть джинна, летающего у нее в доме по воздуху.

Она чуть-чуть приоткрыла дверь и вошла внутрь со своей дочерью, как тут же джинн полетел к ней и несколько раздраженно спросил:

— Где ты была?

Она остановилась, а затем повернулась, чтобы ринуться опять за дверь.

— Нет, не уходи! Просто скажи мне свои три желания, я исполню их и вернусь обратно в бутылку, — она заколебалась, а джинн приковал ее к месту. — Так это работает. Я вернусь в бутылку. Ты закроешь ее пробкой, и отдашь меня или продашь, или... что-то еще. Единственное не члену твоей семьи или другу, и ты никому не должна рассказывать, что находится в бутылке. Мне нужно перейти к кому-то, кого ты не знаешь, и они не должны

знать, что я делаю. И ты никогда никому не должна говорить, что я был здесь, или тысячу проклятий падет на твой род навеки. Таковы правила.

Сара никогда не могла предположить, что у джиннов могут быть правила. Она вообще никогда не думала, что джинны существуют.

Нет, она покачала головой, потому что *точно* знала, что джиннов не существует.

Фазир, наблюдая за ней, понял, что она все еще не верит в него.

Устало, потому что обычно на такую задачу он тратил обычно около пяти минут, а не несколько *дней* (обычно люди точно знали, чего они хотят, и не теряли время попусту, а он не получал по шее), он сказал:

— Просто пожелай чего-нибудь, и я покажу тебе, что смогу это осуществить.

Сара не колебалась ни минуты.

— Я хочу, чтобы вернулся Джим.

Фазир переместился на пару метров вниз и увидел неприкрытую боль на ее лице.

С помощью волшебства, конечно, он точно знал, чего она хотела, но он отрицательно покачал головой.

Это, к сожалению, а также мир во всем мире и искоренение всех пороков, нищеты, невежества, ханжества (который был также просто невежеством), эпидемий чумы и бла, бла, бла, он не мог сделать.

Таковы были правила. Большие Правила в Кодексе Джиннов, которые никто не нарушал.

Он *мог* вернуть Джима, только если нарушит правила, но не такого Джима она на самом деле хотела назад.

— Я хочу, чтобы Джим вернулся! — крикнула она, когда Фазир не ответил. — Я хотела бы, чтобы мой Джим вернулся! Вот мое желание. Это все, что я желаю... вернуть Джима назад.

Она кричала на него, и в ее голосе наполовину слышалась боль, наполовину страсть, Сара рухнула на пол и схватила свою малышку на руки, укачивая взад-вперед хорошенькую маленькую девочку, губы которой задрожали от страха перед криком матери.

Фазир понял, что проплыл еще ниже к полу (он не любил низко парить, годами он не дотрагивался до земли, и сама мысль заставила его задрожать от отвращения). Но все-таки, что-то в ней вынудило Фазира приблизиться.

— Женщина, я не могу сделать то, что ты просишь, твой Джим ушел, — мягко сказал он ей, — я не могу вернуть его. Ты должна пожелать чего-то еще.

Она молча отрицательно покачала головой.

— Может быть славы?

Она еще больше затрясла отрицательно головой.

— Богатства за пределами твоих самых смелых фантазий?

Она продолжала отрицательно качать головой.

— Хорошее здоровье? — продолжал Фазир.

Она просто качала головой, прижимая к себе ребенка и раскачиваясь взад-вперед.

— Я только хочу, Джима, — ее голос звучал надтреснуто, и Фазир находился в полном недоумении. Он еще не встречал такую форму человеческого существа. Обычно он просто видел жадных, или тех, кто превращался в жадных и ненасытных, ненавистных, как только они понимали, что могут иметь все, что пожелают.

Это был совершенно новый опыт для Фазира.

Он не знал, что делать. Он подумывал о возвращении в свою бутылку и вызвать Великого Гранд-Джинна Номер Один, попросить у него совета, но вместо этого Фазир решил следовать своим инстинктам.

И, годы спустя много раз вспоминая этот момент, когда ему казалось, что он сожалеет об этом, на самом деле, это было самое лучшее, что он когда-либо делал за свою очень длинную жизнь джинна.

Он протянул руку и погладил ее красивые светло-золотые волосы.

Он никогда не дотрагивался до человека за свои сотни и сотни лет.

К его глубочайшему удивлению, она повернулась своим лицом к его руке и потерлась щекой о его ладонь.

— Я скучаю по нему, — прошептала она.

— Я знаю, — прошептал он в ответ, хотя *не знал*, потому что он никогда ни по кому не скучал, но он не мог промолчать.

— Я отдам свои желания Ребекке, — сказала она мягко.

Фазир задрал на дюйм нос и уставился на маленького ребенка.

— Но она едва может говорить! — возразил он.

Сара встала, поставила ребенка на ножки, которая учась ходить направилась только ей ведомом направлении, и с ужасом Фазир смотрел ей вслед.

Затем Сара выпрямилась, расправила плечи и посмотрела на Фазира.

— Ну, я полагаю, тебе придется здесь задержаться на некоторое время, — сказала она спокойно.

* * *

Июль, много лет спустя

Фазир грелся на солнышке во дворе, держа трех створчатое зеркало, с картонной основой, которая Сара установила ему под подбородком, чтобы получить двойные солнечные лучи на лицо. Золотые лучи радостно отражались от пруда и было жарче, чем пекло в аду, Фазир знал не понаслышке. У него был друг, который посетил одного из мастеров в аду, и чувствовал тогда избыточное тепло, и Фазир тоже чувствовал распределяющуюся влажную жару штата Индианы в июле месяце, и скорее всего это было похоже именно на то, как описывал его друг.

Он пробыл здесь уже годы, но ни Сара, ни Бекка не использовали ни одного желания и не показывали никаких признаков.

Поначалу большинство его друзей джиннов думали, что это было весело — Фазир из всех мест застрял с семьей в небольшом фермерском городке в Индиане, и они показывали с большим удовольствием на него пальцем.

Фазир ходит по земле, подобно простым смертным.

Фазир одет в настоящую одежду, как люди.

Фазир поедает черничные кексы и клубничные пирожные, также как люди.

Фазир получает носок, наполненный лакомства на Рождество.

Фазир, берет юную Ребекка в автобус на игру в бейсбол (Фазиру нравилась... нет, он любил бейсбол и Бекки абсолютно тоже жила им).

Затем Фазир объяснял им, что домашние черничные кексы самые свежие из духовки и намазанные настоящим маслом, какие они на вкус. Он также подробно рассказал, что было в

носке на Рождество. И он мог удариться в лирику о Большом шлеме, ударе за пределы поля более чем на пятнадцать минут.

Он рассказывал им свои истории, и его друзья-джинны стали вести себя немного тише со своими шутками. Потом они заревновали, потому что не могли дождаться, когда Фазир выйдет к ним на связь, чтобы рассказать им что-нибудь еще.

А Фазиру всегда было что рассказать особенно о Бекки.

Фазир наклонился на левую сторону и подобрал запотевший стакан сладкого виноградного сока, со вкусом газировки, самого любимого напитка человеком летом, он также полюбил зимой кремовый зефир Бекки с горячим шоколадом, тающим сверху. Он отхлебнул большой глоток из прохладного стакана и наблюдал за Бекки, спускающейся к нему.

Она была кругленькая и веселая, вылитая он, и очень высокая. Очень симпатичная с красивыми зелеными глазами и белого цвета золота волосами, как у ее матери. Фазир, хотя он не признавался об этом *никому*, ни джиннам, ни людям, но у него иногда возникала мысль о ней, как о *своем* ребенке. Он помог ее вырастить, решал ее проблемы и уговаривал ее не делать шаловливые вещи, пока она росла, поэтому Фазир предпочитал думать, что это было так.

Сейчас она работала по совместительству фотографом (она выиграла несколько наград и даже научила Фазира делать фотографии), она была замужем за Уиллом Джейкобсом, который думал, что солнце встает и садится в ней.

Фазиру понравился Уилл. Он переехал к ним, а не забрал Бекки подальше от них, и Фазир одобрил это. Он обнаружил, что ему нравилось, когда дома было много людей, много разговоров, больше еды за столом. Уилл был немного напряженный, но в лучшем смысле этого слова. Он любил глубоко, упорно думал и заботился больше о людях, чем, ну, чем Сара и Бекки. Он также мог очень зло обидеть, поэтому Фазир пытался остаться с ним в хороших отношениях.

И он знал о Фазире и не возражал.

И, наконец, он полюбил бейсбол.

Да, Уилл был хорошим в Книге Фазира, а у Фазира на самом деле была Книга.

Бекки махнула рукой Фазиру, и рухнула на траву рядом с ним. Она была босиком в красивом платье. Она улыбнулась такой необычной, милой улыбкой, что перехватывало дыхание. Она также любила солнце, как и Фазир, и они часами могли лежать и печься летом.

— Добрый день, госпожа Бекки, — вальяжно поздоровался Фазир.

— Перестань называть меня так, — сказала она, но ее голос не звучал рассерженно. На самом деле, в ее голосе слышался смех. Он специально назвал ее так, потому что это ее раздражало, и она легко могла разозлиться. И иногда, когда она действительно раздражалась, он заставлял ее улыбаться или хихикать, и не было лучшего желания у Фазира, чем единственное — заставить Бекку улыбаться и смеяться.

Она *была* его госпожой, хотя он и пытался объяснить ей это множество раз, что сбился со счета.

— Ты становишься коричневым, — заметила она, глядя вниз на красивое загорелое округлое тело Фазира, намазанное маслом для загара в плавательных шортах.

— Ты хочешь пойти поплавать? — спросил он с надеждой. Он и Бекки предпочитали купаться в пруду больше раз, чем он мог припомнить. И сегодня такой жаркий день, что это

прекрасная идея.

Она повернулась на бок и покачала головой. Он заметил впервые, что что-то было у нее на уме.

Он убрал зеркало от лица и тоже повернулся на бок.

Когда Бекки что-то не давало покоя, Фазир всегда был рядом, чтобы выслушать.

Он молчал, не говоря ни слова, просто ждал.

— Фазир... — начала она и отвела взгляд, — я боюсь даже спрашивать, — прошептала она.

— Ты можешь спрашивать меня, о чем угодно, Бекки, — и это было правдой. Он мало что знал, она это поняла много лет назад, учитывая, что была очень умной, большую часть своего существования он прожил в бутылках с двойным дном, но несмотря на это, он сделает все от него возможное.

Она кивнула и посмотрела на него своими зелеными глазами с теплотой, но, на самом деле, испуганно.

— Уилл и я пытаемся завести ребенка в течение многих лет.

— Я знаю, — кивнул Фазир с умным видом, она уже говорила с ним об этом раньше. Она говорила об этом и с Сарой. Она пыталась завести ребенка, но каждый раз она теряла его. Иногда это было очень болезненным, иногда она была вся в крови. Много раз. Иногда, нет, на самом деле каждый раз, это было очень страшно для Уилла, Сары и Фазира.

Потеря ребенка всегда навевала на нее грусть и с каждым разом было все хуже и хуже.

— Я хочу иметь ребенка, — сказала она поспешно, словно она боялась этого слова, боялась надеяться, *желать*. — Я не жадничаю, одного. Меня не волнует будет ли это мальчик или девочка. И не нужно какого-то особенного, просто того, кого мы будем любить, кого Уилл и я сотворили, кого...

Фазир был в совершенной готовности.

Все эти годы...

— Ты говоришь о желании, Бекка?

Она посмотрела на него внимательно, затем молча кивнула.

Он не мог в это поверить, после стольких лет. Она была старше большинства женщин, которые уже имели детей, но это, *это* было желание, которое он мог выполнить.

Он улыбнулся ей, протянул руку и коснулся ее живота.

Он посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Твое желание для меня приказ.

* * *

Но Фазир не будет делать так, как она сказала.

Он *сделал* ее совершенной.

Он сделал ее яркой и смешной и очень, очень талантливой.

Он сделал ее милой и вдумчивой и очень, очень заботливой.

Он сделал ее щедрой и доброй и очень, очень любящей.

Он решил *не делать* ее прекрасной, по крайней мере, не сразу, потому что она должна узнать смирение, а не расти с раздутым самомнением.

Хотя, она станет прекрасной, великолепно красивой вне всякого сравнения.

Только... позднее.

Фазир и Лили

Октябрь, очень много-много лет спустя

Фазир наблюдал за Лили, пока она толкала велосипед по дорожке, утопающей в ярких осенних тонах, которые он так любил в Индиане.

Он хмурился, а делал это он из-за того, что видел грустную Лили.

Он не любил, когда Лили было грустно, но Лили большую часть времени в эти дни грустила.

Она никогда не грустила.

Она была настолько жизнерадостной, такой любимой, когда родилась — ну, пару часов спустя, потому что к счастью Фазир не присутствовал при родах, он слышал рассказы и чувствовал свою причастность к желанию, выполненному *им* — Бекки отдала свои два оставшихся желания своей новорожденной дочери.

Лили была очень смышленной, она опережала других детей в развитии, и начала говорить раньше, чем другие дети, также и читать. Сейчас же она на два грейта опережала других детей в школе, она была очень умной.

И она была невероятно жизнерадостной, счастливой, улыбающийся и любящей. Одно объятие от Лили и весь мир приобретал золотистые тона. У нее были абсолютно самые лучшие объятия.

И в тот момент, когда она смогла сложить три слова вместе, она начала рассказывать истории, которые всегда были самыми лучшими историями... *когда-либо*.

Если она рассказывала о чем-то, что произошло на самом деле, то могла сделать самое обыденное событие занимательным. И это было настолько отлично, намного лучше, когда она начинала придумывать истории с нуля, это было абсолютно самое лучшее из лучших.

И она была забавной. Она могла заставить даже старую леди Кравиц засмеяться, а старая леди Кравиц никогда не смеялась.

Все любили Лили, даже старая леди Кравиц.

Было много за что можно было любить. Лили была просто идеальной.

Кроме...

Фазиру пришлось признать, что он совершил крохотную, маленькую ошибку, когда исцелял утробу Бекки, делая ее плодovитой и осуществляя желание, чтобы появилась Лили.

Он должен был сделать, чтобы она становилась красивее намного быстрее.

Или, по крайней мере, симпатичной.

Он оправдывал себя тем, что не знал.

Он был создан Божеством, как полностью развитый взрослый джинн. Потом был направлен в Тренировочную Школу Джиннов, где нужно было сосредоточить все внимание на обучении, иначе ты можешь неправильно исполнить желания или не нарушить Кодекс Джиннов, и в результате будут последствия, о которых лучше даже не думать.

Фазир никогда не был в человеческой школе. Он не знал какими жестокими могли быть дети.

И Лили, хотя не была уродиной, но была не красивой, и ко всему прочему еще такой умной, другие дети думали, что она странная. И они насмехались над ней.

Сара, Бекки и Уилл беспокоились о Лили. Ну, Сара и Бекки беспокоились, а Уилл становился немного бешеннее, чем нечистая сила (этой фразе Сара научила его, но Фазир еще так и не понял, что значит «нечистая сила», но полагал, что это довольно что-то плохое, то что говорила Сара).

Шли годы, и Лили возвращалась домой из школы, все больше и больше такой, как сегодня.

Грустной.

Он испарился, как только она вошла в дом (так он делал большинство дней) и тайно наблюдал за ней, похитив три шоколадки Бэйб Рут (*Бейб Рут (1895-1948) был американский аутфилдер бейсбола*), (названных в честь одного из героев Фазира, Бейба Рута, отличного бейсболиста, который был почти таким же круглым, как Фазир).

Она схватила свою постоянную книгу (другую из сотни любовных романов, которые она читала) и устремилась из дома. Фазир наблюдал, как она шла вниз по скошенной лужайке, в свое укрытие под деревьями по извилистой, покрытой гравием тропинки.

И он точно знал, что она делает в этот момент — ест шоколадки. Она могла даже украсть чего-нибудь и побольше. У нее будет хороший ужин и десерт. Она украдет что-то еще, чтобы перекусить, прежде чем лечь спать.

Фазиру нравилась его еда, а Лили нет. Она ела не потому что ей нравилось, а потому что... ну, Фазир не знал почему.

И Лили было тучной. Не слишком тучной, но она выходила уже за пределы пухленькой.

И она читала эти любовные книги, что ж он знал почему, ему сказала Бекки. Они были ее спасением.

Фазир знал, это было все из-за детей в школе.

Сейчас впервые он захотел, чтобы его госпожа пожелала мести. Если он даже услышит, как кто-нибудь из детей скажет жестокие слова ей, которые Уилл сказал Fazire, что дети вероятно говорят ей такое, он осуществит свое собственное желание (которое явно будет за пределами Кодекса Джиннов) и последуют взрывные последствия.

Глупые, невежественные, завистливые дети.

Он подождал, пока она съела шоколадки и спрятала фантики, как и всегда делала, и спустился, чтобы присоединиться к ней.

Она сидела на подстилке из сухих опавших листьев красных, коричневых, желтых и оранжевых, на некоторых присутствовали одновременно все четыре цвета. Она прижалась спиной к стволу дерева, а голова цвета белого золота склонилась над любовным романом.

Но она не читала, а плакала.

— Что случилось, Лили? — тихо спросил Фазир.

Она дернулась и уставилась на него снизу-вверх, слезы блестели на ее лице.

— Фазир! — она попыталась спрятаться за улыбкой, которая не получилась. Он видел сотню раз ее фальшивую счастливую маску, которую она твердо устанавливала на лицо, но сейчас он застал ее прежде, чем она успела это сделать.

— Не пытайся от меня спрятаться, малышка Лили. Фазиру ты расскажешь. Я знаю все. — сказал он величественным голосом джинна из бутылки.

К его ужасу она не отшутилась и не попыталась скрыться, а разразилась безудержными, сотрясающими все тело рыданиями и слезами четырнадцатилетней девочки.

— Ах, Фаз... Фаз... Фазир. Это было ужасно.

Не раздумывая, он опустился рядом с ней, на листья (о, его друзья-джинны просто

придут в ужас от его сидения больше-чем-на-земле на ложе из мертвых листьев), притянув ее в свои объятия и позволяя ей выплакаться.

— Расскажи мне об этом Лили. Выскажись. Твоя бабуля сказала мне, что она не говорила о своем Джиме, пропавшем без вести в войну, но потом она сделала все правильно, когда поделилась случившимся. Не храни это, словно в бутылке, мой дорогая. Я знаю, что такое быть в бутылке!

Она тихо хихикнула и покачала головой, продолжая себя держать под контролем.

— Это глупости, Фазир, — она старалась казаться сильной, но у нее это не получалось. — Просто один мальчик в школе сказал кое-что обо мне... о, ну, что я жирная. — Она вздрогнула от своих слов и продолжала смотреть в землю.

— Ты не жирная! — с возмущением воскликнул Фазир, хотя это было не совсем правдой, она была пухленькой давно, но он никогда не мог сказать, что она жирная.

Она подняла на меня глаза, не зная, что ей делать то ли смеяться надо мной, то ли плакать.

— Я жирная, Фазир, — тихо сказала она и затем вытащила фантики «Бэйби Рут» из кармана джинсов.

— О, малышка Лили, — он застонал и применил немного магии Джина, волшебства, которое было разрешено, поскольку касалось маленького беспорядка, а не какой-то личности, и одним щелчком пальцев фантики исчезли.

Она смотрела на свою пустую руку. Она знала, что он был джинном, но всегда немного прибывала в шоке, когда сталкивалась с магией, хотя видела ее уже десятки раз.

— Ты действительно хочешь использовать одно из своих желаний, чтобы я что-то сделал этому мальчику? Приделать ему рога и хвост? Или сделать его огромным, как дирижабль? — с надеждой в голосе спросил Фазир.

Она отрицательно покачала головой, ее губы расплылись в одной из самых необычных улыбок, которую она унаследовала от своей матери.

Ее глаза всегда, неважно кто, что говорит (они бледно-голубые внутри радужки и темные с поволокой темно-синего цвета по бокам) стали задумчивыми. Фазир думал, что глаза у нее были потрясающие и прекрасные, хотя Уилл и клялся, что они передались ей с его стороны, и Фазиру нравилось получать огромную похвалу за все, что касалось Лили, он просто не говорил Уиллу об этом. Сейчас он смотрел в ее необыкновенные глаза и ждал.

— Я хочу загадать желание, — прошептала она.

Фазир был в шоке.

Два желания!

Если она скажет желание, то будет уже два выполненных желания, останется только одно.

Это означало, если она использует последнее то, ему придется уйти.

— Лили, подумай хорошо, моя милая. Подумай об этом прежде, чем ты используешь свое желание на какого-то глупого мальчишку, — предупредил Фазир с умным видом, который мог сделать только Фазир.

Она продолжала смотреть ему в глаза.

— Мальчик, который сегодня назвал меня жирной, я выбрала бы его. Как понравится ему, ну, похожего на него. Он самый симпатичный мальчик в школе. И самый популярный. И... — она запнулась и не понятно зачем взяла свой любовный роман и прижала его к груди, словно щит, который в состоянии отразить любое зло.

Фазир много читал, постепенно превращаясь в человека-из-джинна. Но он никогда не будет читать любовные романы, потому что предпочитал Луиса Лямура. (*Луис Ламур — американский писатель, наиболее знаменитый и плодовитый автор вестернов*).

— Фазир, я желаю ... — начала она.

— Малышка Лили, — прервал он, но она уже не слышала его, продолжая говорить.

— Когда-нибудь, я хотела бы встретить мужчину, как в моих книгах. Он должен быть точно таким же, как в одной из книг. И он должен любить меня, любить больше, чем что-либо в этом мире. И самое главное, он должен думать, что я красивая.

— Лили, мне нужно тебе кое-что сказать, — Фазир собирался рассказать ей о желании Бекки и своей ошибке, и позволить ей с радостью ожидать чего-то, разрешить с нетерпением предвкушать стать несравненной красавицей, которой она будет.

Скорее всего, он должен был остановить ее желание *сейчас*. Он не хотел, чтобы она тратила его на какую-то дурацкую идею. Он хотел для нее чего особенного, идеального, сделать ее мир намного лучше, чем она сделала для Бекки и Уилла, и, в действительности, и для него.

Но она не слышала его. Ее глаза сияли, и они в упор смотрели на него.

— Он должен быть высоким, очень высоким, темноволосым, широкоплечим и с узкими бедрами.

Фазир уставился на нее, потому что не понимал, что она имела ввиду, говоря «узкими бедрами».

— И он должен быть порядочным, невероятно благородным, *невероятно* красивым, с сильным квадратным подбородком и мощными скулами, загорелый, красивыми глазами с пышными, густыми ресницами. Он должен быть умным и очень богатым, но трудолюбивым. Он должен быть мужественным, сильным, неистовым и суровым.

Теперь она уже оторвала свою голову от него. А он задавался вопросом, существует ли на самом деле такая вещь, как «невероятно красивый». И могут ли скулы быть мощными, Фазир не знал. Он даже подумывал заглянуть в словарь, который дала ему Сара, и посмотреть толкование слова «мужественный».

— И он должен быть жестким и хладнокровным, может даже немного угрожающим, даже немного бандитом с разбитым сердцем, и я исцелю или растоплю лед вокруг его сердца. Растоплю или еще лучше... и то и другое!

Фазир подумал, что это становится немного забавным, потому что это было самое сложное, что он когда-либо слышал.

Но она еще не закончила.

— Мы должны будем пройти через какие-то испытания и невзгоды. Что-то вроде, чтобы проверить нашу любовь, которая станет только сильнее и ценнее. И... и... он должен быть смелым и мужественным. Сильным. Люди должны уважать его, может быть, даже побаиваться. Очень грациозным и гибким, как... как кошка! Или Лев. Или что-то в этом роде.

Она замедлилась, и Фазиру пришлось признать, что он благодарен ей за это.

— И он должен быть хорошим любовником, — сконфуженно сказала Лили Фазиру. — Самым лучшим, настолько хорошим, что он почти в состоянии заняться любовью со мной только одними глазами.

Фазир почувствовал, что покраснел. Возможно, ему следовало бы взглянуть на те книги, которые она читала и показать их Бекки. Лили была очень сообразительная девушка, за

словом в карман не полезет (еще одна поговорка Сары, хотя Фазир не мог себе представить, как можно искать ум в кармане, тем более такой, как у Лили), но она была слишком молода, чтобы читать про каких-то мужчин, занимающихся с ней любовью одним только взглядом. Фазир никогда не занимался любовью и никогда не будет, джинны не созданы для этого. Но он точно был уверен, что четырнадцатилетней девочке не стоит думать о таких вещах.

Хотя, может быть он ошибался, по крайней мере, Бекки расскажет ему все позднее.

Фазир поймал себя на мысли, что она замолчала.

— Это все? — спросил он.

Она подумала немного, явно не желая что-нибудь забыть и кивнула.

— Ты уверена, чтобы это было твоим желанием? — опять спросил Фазир.

Она посмотрела ему прямо в глаза, ее были — безрадостные и правдивые.

Лили еще раз кивнула.

— Очень хорошо, — на выдохе сказал Фазир.

Он открыл было рот, чтобы еще что-то сказать, но она остановила его положив свою руку на его.

— Не забудь, ту часть, что он любит меня больше, чем что-либо на земле.

Фазир приподнял подбородок в знак понимания.

— А! — вскричала она, сжимая его руку сильнее, — и ту часть, что он считает меня самой красивой.

— Лили, ты будешь прекрасной, у тебя это уже есть.

Ее подбородок задрожал, и он понял, что она почти готова заплакать.

— Просто не забывай эти части, потому что они самые важные, — напредила она ему, ее голос звучал так неуверенно, и Фазир подумал, что он звучал ужасно, *неизгладимо* грустно.

Его рука накрыла ее руку.

— Я не забуду ничего.

Затем он поднял руку, опустив ей на голову и тихо сказал:

— Лили, моя дорогая, твое желание для меня закон.

Фазир и Лили

Восемь лет спустя, Лили сейчас двадцать два...

Попросту говоря, сейчас наступило самое худшее время за всю жизнь джинна.

Так как Фазир жил тысячелетия, иначе говоря довольно долго.

Ему казалось, что самое худшее было, когда умерла Сара два года назад.

Фазир никогда не был знаком с кем-то, кто мог бы умереть, а Сару он знал на протяжении десятилетий. Они вместе жили в одном доме, она была его защитницей, его другом.

Ему было хорошо с Сарой на протяжении долгого времени и ему по-настоящему повезло с ней. Он знал об этом.

Но это не позволяло ему меньше тосковать по ней.

Она все время была добра к нему, заботилась о нем, не смотря на свою учительскую зарплату. Она кормила, одевала, радостно осыпала его билетами на бейсбол и лосьонами для загара. Сара никогда, хотя на это она имела полное право, не просила ничего у Фазира за столько лет. Она просто давала, отдавала и дарила.

Она была первым и единственным человеком за всю историю существования расы джиннов, который имел полное право, но не попросил ни одного желания.

Сара, на Земле Джиннов, была легендой, так думал Фазир, по крайней мере, ей следовало быть легендой.

Она напоследок, перед смертью, увидела какой восхитительной красоты стала Лили, само совершенство, не то, что была раньше. Она путешествовала по всему миру и в заключении по Англии, где она поступила в университет, а затем решила остаться. Она стала утонченной и космополитичной, но никогда не теряла своего домашнего шарма — девушки штата Индиана и своей души.

Волосы цвета белого золота Лили изменились, став еще более золотыми с белыми прядями, но более необычными и редкостными, с рыжеватым отливом, напоминающим медь. И словно, чтобы сделать ее еще более прекрасной, хотя уже больше было некуда, у нее просвечивали золотисто-каштановые пряди.

Ей была присуждена стипендия, и она смогла пойти учиться в некое местечко под названием «Оксфорд» в Англии после того, как она выиграла несколько конкурсов по литературе, создавая великолепные истории, которые, казалось, все хотели прочесть.

В Англии ее стали больше интересоваться «тропинки», как она их называла, посещая соборы, замки, а фактически каждый музей в Лондоне (и совершенно небольшое количество магазинов) и увлекаясь письмом своих замечательных, занимательных историй больше, чем едой. Она постоянно была занята, занята и занята, и вес просто таял на глазах.

Высокая, как и ее мать, отец и дед, Фазир только видел фотографии красивого, стройного Джима и понял, что он был высокого роста, Лили со своими пышными формами была очень тонкой в талии с прекрасной фигурой «песочные часы».

Она повзрослела и ее простенькое лицо изменилось — ее кожа и так всегда была безупречной, но как только подростковая округлость ушла, ее интеллект и чувство юмора придали ей необыкновенное изящество и красоту.

И теперь, с этими чудесными глазами, ну...

Она была просто потрясающей.

Лили была гордость для всех нас — Сары, Бекки, Уилла и Фазира.

Но она не имела об этом ни малейшего представления. Ни в коей мере.

Лили посмотрела в зеркало и увидела ту прошлую Лили — не такую красавицу, которой она стала.

Поэтому на самом деле Фафир сделал свою работу, потому что судя по всему она наверняка имела смирение, а не насущную кичливость и самомнение.

Но сейчас Лили выглядела расстроенной, и он был совершенно точно уверен, что это было худшее время за всю ее человеческую жизнь.

Ее рвало каждое утро, он слышал, как ее рвало в ванной, шел туда, так же как и много лет назад, когда она была маленькой девочкой и у нее случалась простуда или же одна из этих ужасных головных болей, которые доставляли ей столько страданий, что ее начинало рвать. Он гладил ее по спине и держал ее длинные густые прекрасные волосы.

Фафир решил, что с ней такое происходит, потому что она страдает от потери родителей, которые ушли так быстро, чуть ли не вслед за бабушкой.

Авиакатастрофа. Ужасная отвратительная авиакатастрофа. Даже не смогли найти тел.

Как-то Бекки и Уилл решили отправиться на Гавайи на столь необходимый отдых. Они взяли однодневную экскурсию на другой остров, на котором можно было долететь на небольшом двухмоторном самолете (такое Фафиру вообще не приходило в голову — самолету всегда необходимы намного больше, чем два двигателя).

На следующий день они пропали.

Фафиру пришлось воспользоваться телефоном, чтобы позвонить Лили в Англию. Конечно, он знал, как пользоваться им, потому что он жил среди людей и стал сам как человек уже в течение многих лет и прекрасно знал, как заказывать пиццу. Но ему потребовалось много времени, чтобы разыскать ее. Она подрабатывала в магазине и даже купила обветшалый дом в каком-то приморском городке Клеведон в графстве Сомерсет, который можно купить только за «неимением денег», как сказал Уилл, на самом деле было не так. Дом, который она была полна решимости восстановить в его первоначальной викторианской красоте.

Она не отвечала на его звонки, и Фафир наконец решил, что она не живет в своей ветхой обители.

Она окончила Оксфорд и объявила, что не хочет покидать Англию, которая ей все больше нравилась, и Фафир мог ее понять из-за тех фоток, которые она отправляла домой. Они действительно выглядели красивыми.

Тем не менее Фафир ненавидел ее страсть к Англии, он хотел забрать Лили и вернуть ее домой.

И сейчас она была дома, хотя он никогда не хотел вернуть ее домой в таком состоянии.

После того, как он обратился к одной из подруг Бекки, которая находилась в ее контактах, женщина по имени Максин, на конец-то нашла Лили. Максин сказала, что она находится где-то в Лондоне и дала Фафиру ее номер телефона.

Лили наконец-то сняла трубку и была так взволнована, чтобы ему рассказать что-то, ее голос струился радостью. Для него было тяжело слышать ее счастливый голос, когда он готов был сообщить ей страшную новость. Он прервал ее восторженный лепет и сообщил трагическую новость.

Она, конечно, же взяла билеты на первый рейс домой.

Она сидела рядом с ним на панихиде в очень строгом черном костюме, выглядя стильно и слишком образованно, и все, окружающие люди не знали, как к ней относиться. Она совсем не была похожа на Лили, которая покинула в шестнадцатилетнем возрасте дом и поступила в Оксфорд. Она больше походила на современных принцесс — изящных, красивых, утонченных и неприкосновенных.

Она держалась царственно, и Фазир был ею очень горд, что приложил к этому руку, поэтому это чуть-чуть задвинуло его горькую печаль потери Бекки и Уилла.

Лили был очень мужественной и доброй к собравшимся людям, она кивала и улыбалась. После службы они вернулись в белый дом из известняка, принадлежащий когда-то Саре, который теперь стал домом Лили, и она красиво исполняла роль хозяйки, заботясь о людях, чтобы они чувствовали себя комфортно и по-домашнему, хотя Фазир понимал по ее бледности и запавшим глазам, что она была истощена.

Было так много еды, которая стояла всюду, но в первые в жизни, он не смог съесть и куска. Также и Лили.

Все знали Фазира, который десятилетиями жил в этой семье, и конечно же, не постарел ни на йоту. Они задумывались о том, что это странно, но потом решили, что скорее всего он был из какой-то чужеродной страны, а многие из них никогда не покидали Среднего Запада, поэтому не могли точно сказать, как влияет возраст на иностранцев. Так они воспринимали его. Будучи джинном и таким образом возвышаясь над простыми смертными, он не встречался с ними слишком часто, и сейчас делал это только из-за своей обязанности по отношению к Уиллу и Бекки и, конечно, Лили. Он помог Лили, играя хозяина и доброго «дядю» особенно, если взглянуть на его фигуру (термин «дядя» пришлось придумать еще Саре, чтобы как-то объяснить его присутствие в семье, и Фазуру он очень понравился, и нравился до сих пор).

Наконец, после долгих часов, когда все приличия были соблюдены и их оставили последние люди, Фазир щелкнул пальцами, зная, что Лили слишком устала, чтобы все прибрать. Он отнес ее на кровать и стал гладил по волосам, пока она не заснула.

— Фазир? — прошептала она перед тем, как упала в страну грез.

— Да, моя милая?

Она по-прежнему шептала, но ее слова вызвали глубокую печаль в сердце Фазира.

— Я никогда не желала, но мое последнее желание, чтобы ты остался со мной навсегда.

Впервые в жизни он почувствовал, как слезы зацепили в глазах и может именно в этот момент он наконец-то понял хоть немного то чувство, которое испытывала Сара, когда он встретил ее впервые.

— Вот и прекрасно, — прошептал Фазир, но ее усталость взяла над ней вверх.

В последующие дни она поднималась с кровати и ее рвало. Кроме того, в каждый раз, когда раздавался телефонный звонок, ее лицо озаряла странная смесь ожидания и облегчения, и она тут же стремглав бежала к телефону. Но всегда было понятно, что это был не тот, кого Лили надеялась услышать — друга или члена семьи, желающих высказать свои соболезнования или поинтересоваться, как она поживает. Ее лицо тут же резко менялось, словно звонивший сообщал ей, что мир вот-вот рухнет.

Дни переходили в недели, и Лили более отчаянно стала бежать к телефону. Она также сделала пару звонков, но ничего не говорила, все больше и больше становясь отстраненной.

Фазир чувствовал себя обеспокоенным.

Лили, как и Фазир ничего не предпринимали, чтобы решить, что делать дальше. Ни один из них не смог зайти в комнату Уилла и Бекки, они не могли этого вынести. И еще было полно вещей Сары, которые так и не были разобраны, и все еще хранились здесь.

Лили сообщила ему, что она не хочет переезжать обратно в Индиану, а он, ну, он никогда не был в самолете. И он не хотел даже пробовать, особенно после трагической кончины Бекки и Уилла, хотя он по любому не мог умереть, но она могла. Он может и делал (очень часто, в основном для того, чтобы встретиться со своими друзьями-джиннами) залезал обратно в свою бутылку, и таким образом мог путешествовать. Но после ее такого краткого объяснения, ничего не произошло.

Что-то еще тяготило Лили, что-то связанное с телефоном и ее утренним токсикозом, который по-прежнему происходил каждый день.

Наконец, он не смог больше этого выносить. Она находилась дома больше месяца, и они оба дрейфовали по дому, словно тени. Лили большую часть времени читала, Фазир беспокоился.

Она просто перестала быть той Лили.

Она всегда была занятой и целеустремленной – сохраняла свою комнату в чистоте, помогала по хозяйству, делала домашнее задание в срок, двигалась вперед, готовила письменную работу к конкурсу, помола с готовкой. Она была очень хорошим поваром, кроме того она была очень хороша во всем, Фазир постарался направить ее на этот путь. Она была прекрасно воспитана, вежлива, трудолюбива, как девушка штата Индиана.

Сейчас, видно от усталости, она все время была более капризной, нежели Фазир (а Фазир был «королем капризов», по крайней мере так называла его Бекки) вспыльчивым и совершенно необоснованным.

Это новое ее поведение, думал Фазир, со временем как-то изменится.

И кто-то должен был об этом позаботиться, в конце концов. И он решил, что должен позаботиться об этом он.

Фазир пришел к выводу, что пришло время противостоять ей. *Он* понимал, что она все еще скорбит о своих родителях, как и он, но они не могли продолжать жить так вечно. Она даже перестала писать.

— Лили, нам надо поговорить, — однажды сказал Фазир, подплыв к ней после того, как она *опять* читала.

Он решил плыть по течению. Он делал это иногда, по обстоятельствам, он никогда ничего не выуживал. Он также плыл по течению, когда собирался кого-то поставить на место так, как он собирался поступить сейчас с Лили. Он понимал, что она горюет, но жизнь должна продолжаться. Сара сказала ему как-то, что примирилась с потерей Джима, и Бекки сообщила, что она тоже примирилась с потерей Сары, учитывая все это Фазир решил, что Сара и Бекки были самыми умными женщинами, он полагал, что это чистая правда. И он понял, скорее самое ужасное по крайней мере для себя, что он единственный член семьи, который у нее остался. Больше никого не было, чтобы вытащить ее из этого состояния, в котором она находилась.

Это должен сделать именно он.

— Фазир, я на самом интересном месте, — рассеянно пробормотала она, даже не глядя на него, продолжая накручивать прядь волос на палец, она всегда так делала во время чтения или просмотра фильмов по телевидению, даже когда она была еще маленькой.

Он использовал магию, чтобы убрать книгу у нее из рук, материализовал закладку,

лежащую на столе, вложил ее на нужное место в книгу, которая полетела через всю комнату и опустилась намного дальше от нее.

Она напряженно выпрямилась, садясь в вертикальное положение на диване.

— Фазир!

— Ты должна объяснить мне, что происходит, — потребовал он ответа своим лучшим командирским голосом джинна.

— Я читаю, — ответила она, ее лицо стало преднамеренно очаровательно раздраженным с недовольным взглядом, который срабатывал на всех, но не него (оно прекрасно срабатывало на Уилла, ее отца, который становился «легкой добычей», если Лили выражала такую озабоченность).

— Я не имею в виду сейчас, я имею в виду с тобой.

Тень опустилась на ее глаза. И эта тень была лишь только частью по поводу потери ее обоих родителей в авиакатастрофе шесть недель назад.

— Лили, — продолжил он, — я не знаю, понимаешь ли ты это, но я застрял в этом мире и это не мой мир. Поскольку ты не собираешься использовать свое желание, я не могу уйти к кому-то другому. Даже не хочу. Но пока я завишу от тебя, я должен заботиться о тебе. Я не могу только парить в воздухе по дому, наблюдая за тобой, читающей книги и закручивающей волосы. Мы должны иметь план, а так как я ничего не знаю о вас, смертных, план придется придумать тебе.

— Ты знаешь много больше, чем я, — обвинила она его.

Он приступил к делу (еще одна поговорка Сары, которую Фазир использовал, но так до конца и не понял). — Действительно, я знаю, малышка-Лили, что ты всегда была очень рассудительной и мудрой. Что тебя беспокоит?

На ее красивом лице отразилась непокорность. Фазир забыл, что она могла быть немного непокорной и более-чем-упрямой. Лично Фазир не давал ей этого, *это* она получила от своих родителей.

Он подплыл ближе.

— Лили, скажи мне.

— Я... Я, Фазир, я не знаю, что происходит. Он должен был позвонить. Мне пришлось так быстро уехать, но я написала ему записку с номером телефона сюда, объяснила, что произошло, вернее рассказала *его брату*, что произошло, чтобы *он объяснил* все ему, но он не звонит, — она остановилась, глядя на Фазира, а потом уставилась в пол. — Я не могу поверить, что он не звонит, хотя я объяснила, что произошло с моими родителями. И я звонила ему, но номер не работает. Я знаю, что это правильный номер, но он отключен. Я позвонила ему в офис, но он не отвечает на мои звонки. — Закончила она, рассказывая, как бы самой себе.

— Кто он? — спросил Фазир.

Ее невероятно голубые глаза поднялись на него, в них не было беспокойства, в них была боль.

Затем она сказала:

— Нейт.

— Кто такой скажи на милость *Нейт*?

Она теребила пальцы, опустив голову и рассматривая свои ногти.

— Ты помнишь мое желание? — спросила она.

Как же он мог забыть самое сложное желание, которое он когда-либо выполнял?

— Да, — ответил Фазир.

Ее глаза опять подняться на него, но в них было нечто, что заставило великое сердце Фазира биться чуть-чуть быстрее.

— Что ж, оно сбылось. Его зовут Натаниэль МакАллистер и он самый замечательный мужчина на свете. И, я думаю... Фазир, я почти уверена, что у меня будет от него ребенок.

Фазир сразу же перестал парить в воздухе и тяжело опустился на пол.

Он закричал:

— *Что?*

Лили покачала головой и прикусила губу, прежде чем ответить:

— Это так... я не знаю. Я не могу здраво мыслить. Все произошло так быстро. В какое-то мгновение я была просто, ну, в Лондоне жила своей нормальной жизнью. Ходила по музеям, совершала кое-какие покупки...

Фазир засомневался, что это было похоже на «кое-какие покупки». Лили могла ходить по магазинам также, как Джеки Робинсон (*Джек Рузвельт Робинсон, более известный как Джек Робинсон — американский бейсболист, первый темнокожий игрок в Главной лиге бейсбола в XX веке*) мог «украсть базу».

Она продолжала говорить:

— А потом я стала посещать модные вечеринки, он возил меня в рестораны на романтический ужин, мы совершали ночные прогулки по паркам и занимались любовью снова и снова, и снова и это было так, это было..., — она наклонилась вперед, ее глаза светились, прежде чем она восторженно прошептала: — впечатляюще. Ошеломляюще. Ты даже *не сможешь* себе это представить.

Фазир попробовал вновь подняться в воздух, но смог только оторваться на три шага от пола. Ему не удавалось воспарить в основном потому, что вся его концентрация ушла на уши, которые просто пылали, и чтобы удержать свою кровь и не закапать малышку Лили, рассказывающую об умопомрачительной любви.

— А потом мама и папа..., — она не смогла закончить, они по-прежнему не могли касаться этой темы.

— Он не звонит, — закончил за нее Фазир.

— Нет.

— Может он звонил на твою шутовину-мам-Бобби? — предположил Фазир.

— Мою что?

— Ну, такую шутовину, которая записывает голоса на телефон.

— Мой автоответчик?

— Да.

— Я проверяла свои сообщения, но не было ни одного. Он не знает мой номер мобильного. Я была постоянно в Лондоне с ним, он никогда не звонил мне, и у него нет моего номера в контактах.

Фазир задумался на какое-то время. Он был, благодаря своей практики, очень хорош в том, в то что он сделал — в исполнении желаний. Иногда джинны ждали долгими годами, пока кто-нибудь потрет бутылку, поэтому он прекрасно знал, что могут существовать магические задержки и любой хороший джинн всегда был готов к этому. Фазир, думая о себе, выполнил ее желание очень и очень хорошо.

Он сделал и был совершенно, вернее абсолютно уверен, что Лили была лучшей из всех.

Видно, что-то случилось с этим... *Нейтом*.

Фазир посмотрел на свою госпожу и принял решение.

Он заявил:

— Значит нам следует поехать и разыскать его.

* * *

Фазир поднялся по небольшой лестнице в красивый белый дом, Лили сказала ему, что он назывался типа «Джорджия», с черными ставнями и в каждом окне стояли ящики, заполненные поразительно красивой красной геранью, которой было такое множество, что нельзя было сказать даже сколько. Каждый ящик был обвит словно кружевом, зеленым плющом. Перед каждым домом стояли причудливые кованые заборы, покрашенные в блестящий, идеальный черный цвет.

Все дома были похожи друг на друга. Словно каждый дом принял соглашение, что каждый человек на этой улице будет использовать герань только одного цвета, обвитую плющом, и за счет этого улица будет выглядеть опрятно и прекрасно.

Фазир очень хотел возненавидеть эту страну, называемую Англией, и был полностью уверен, что действительно возненавидит Лондон, несмотря на то, что Джим купил его именно на рынке в Лондоне, на самом деле Фазир появился на базаре в Марокко, и никто и никогда не выпускал его из бутылки в Европе. Но несмотря на это, что кое-что в Лондоне было действительно довольно шокирующим – слишком деловой, грязный, исписанный граффити, но эта улица казалась довольно симпатичной.

В страшном самолете (ни Лили, ни Фазир естественно не могли расслабиться в самолете после того, что случилось с Бекки и Уиллом, хотя у этого самолета и было больше, чем два двигателя), Лили сказала ему, что в этом доме живут мужчина и женщина, которых зовут Виктор и Лора, и они знают о ней и Нейте. Она также сообщила, что они хорошие, добрые и заботливые люди, которые заботились о ней после того, как Нейт спас ей жизнь. Она явно пропустила эту историю, и Фазир был поражен мыслью, что ее жизни могло что-то угрожать и она была в опасности, но Лили добавила, что на самом деле Нейт спас ее и ее сумочку от карманника.

Лили нервничала, он заметил, как она дрожит, пока стоял в двух шагах позади нее, хотя он был уверен, что все будет хорошо. Этот Нейт появился, благодаря выполнению ее желания Фазиру, которое он очень хорошо сделал.

Она взялась за латунное кольцо, которое торчало в ноздрах львиной головы, и постучала. Фазир поймал себя на мысли, что он никогда не видел льва с кольцом в ноздрах, и он мысленно отметил про себя, что в будущем разговоре с Нейтом он сможет использовать как-то это «пикантное открытие».

Темноволосая женщина открыла дверь, и Фазир удивился, что она молода, ненамного старше Лили. Ее лицо было мокрым от слез и было покрасневшим от силы эмоций. Фазир решил для себя, что возможно, без заплаканного лица она была довольно милой, но после того, как она посмотрела на Лили с отвращением и в глазах появилась ненависть, он понял, что нет.

— О, привет, Даниэлла, я была..., — Лили помолчала, а затем спросила: — с тобой все в порядке?

Лили замолчала, а Фазир услышал, что ее голос звучал обеспокоенно, пока она задавала свой вопрос, потому что увидела, что девушка смотрела на нее взглядом, наполненным ядом.

Фазиру захотелось оттащить Лили назад, но он сдержался, потому что Лили необходимо завершить начатое.

— Нет, я не в порядке, — выплюнула девушка. — Что ты здесь делаешь, Лили?

Фазир поймал себя на мысли об этих людях, которые жили в этом доме, что на самом деле они не очень добрые и заботливые.

Лили помедлила совершенно не удивленная ее реакцией, но решила продолжить:

— Немного неловко, но мне необходимо было неожиданно уехать из города и теперь, когда я вернулась, я отправилась к Нейту, но его швейцар сказал, что он там больше не живет. Я просто...

Женщина не позволила ей закончить, ее лицо изменилось, став злым и коварным, на что обратил внимание Фазир и тут же растерял все свои мысли от следующих слов, которые она произнесла:

— Нейт мертв, — холодно сообщила Даниэлла.

И без дальнейших объяснений, захлопнула дверь прямо перед носом Лили.

Лили стояла, уставившись на дверь, оцепенев на месте.

Фазир стоял позади нее, так же в полном оцепенении.

И потом, когда показалось, что прошли года (а Фазир прожил очень много лет, поэтому он точно знал, как это ощущалось), Лили медленно повернулась к нему и просто уставилась на него с совершенно побелевшим лицом.

Два года назад она потеряла свою любимую бабушку. Всего два месяца назад она потеряла родителей. Теперь ее новый возлюбленный бойфренд, романтический герой, который должен был носить ее на руках и ухаживать, и конечно любить ее больше, чем что-либо другое на земле, умер.

Ей было всего лишь двадцать два года, она была беременная и единственный, кто остался из всех семьи, был джинн.

Ее выражение лица отражало всю боль и агонию.

Фазир поднялся на две последние ступеньки и осторожно обнял ее за хрупкие, напряженные плечи.

— Давай вернемся домой, — пробормотал он своей любимой малышки Лили.

Она не двигалась, на самом деле она выглядела как замороженная статуя.

Затем прошептала:

— Но, Фазир, где наш дом?

У него не было ответа, потому что он не знал.

Но потом он ответил:

— Там, где мы создадим его, моя милая.

Натаниэль

В жизни Натаниэля МакАллистера не было джиннов.

Отец Натаниэля умер еще до его рождения от поножовчины, в пьяной драке, начавшейся из-за его скверного характера и склонности к кулачным боям, закончив свою жизнь в луже собственной крови.

Мать Натаниэль, Дейдра на самом деле до конца не знала, кто был его отцом. Это мог оказаться один из трех, а скорее всего, даже четырех парней. Она пыталась это выяснить своими затуманенными глазами, смотря как он рос и одурманенные воспоминания той пьяной, обкуреной ночи всплывали перед ее глазами, глядя на своего сына высокого, худого, мускулистого и симпатичного, как его отец.

Не имея джинна и фактически родителей, матери, которая, если не была пьяной или не в состоянии пошевелиться от наркоты, Натаниэль рано узнал, как нужно позаботиться о себе. Его мать обычно отсыпалась, вместо того, чтобы следить за ним, а его внешнем видом и кормить. Инстинкт само выживания научил его совершать самые необходимые вещи, и он просто не мог вспомнить случая, чтобы когда-нибудь не делал этого. На самом деле большую часть времени ему приходилось воровать хоть какие-то деньги из маминого кошелька, или даже несколько раз, что было очень опасным — из кошелька любовника матери, а затем отправляться к газетному киоску, чтобы купить себе молока и хоть какой-то еды. Если у матери не было денег и у нее не было любовника в данный момент, который часто оказывался бывшим, но, к счастью, как на это посмотреть, не оказывался последним, ему приходилось воровать молоко и продукты из газетного киоска. Тем не менее, он научился быстро выбирать те, которые находились подальше от его дома.

Натаниэль МакАллистер учился всему быстро.

Его мать отправила его в школу, ему очень понравилось там. Он был умным, очень смышленным. Он знал об этом, учителя сказали ему. Даже директор школы привел его в свой кабинет, чтобы поговорить о его способностях. Они пытались объяснить все это его матери. Натаниэль, говорили они, должен учиться в специализированной школе, потому что у него потрясающие способности, он опережает большинство детей, просто превосходит своим умом, возможно, даже он гений. Натаниэль запоминал все, абсолютно все, ему достаточно было только один раз сказать или показать, и у него оставалось это в памяти. Они сказали, что он замечательный, назвав его «одаренным».

У Дейдры не было денег на специализированную школу для сына и никакого интереса одаренный он или нет, она не проявила. Так что Натаниэль не пошел ни в какую специализированную школу для одаренных детей, остался в этой, в которой все было очень просто.

Таким образом, он продолжил учебу, как все обычные не одаренные дети, и Натаниэлю становилось скучно и неинтересно. Учителя пытались как-то помочь, но многого сделать они не могли. Он не прогуливал школу, сначала, это началось чуть позже. Находится в школе было гораздо лучше, чем на улице или чем быть дома.

Дейдра отличалась довольно примечательной красотой, которую ей удалось сохранять довольно долгое время, в отличие от других, несмотря на то, что она пила, нюхала, глотала,

курила и кололась наркотиками. Ее совершенно не заботили ее легкие, нос, вены или печень, но ее заботила ее собственная внешность. Видно она имела еще преимущество — свои отличные сильные шотландские корни. Она притягивала мужчин, словно магнит, используя их настолько хорошо, насколько была способна, чтобы получать от них какие-то деньги, еду, таблетки, выпивку или что-нибудь еще, что она была в состоянии от них вытянуть. Она позволяла им пользоваться собой на всю катушку — унижать, оскорблять, трахать, толкать, бить, так что все эти вещи предоставлялись ее в изобилии, шли как бы в комплекте с ней. Она также позволяла им пшынять своего сына, которому спустя какое-то время, это чертовски надоело, и он научился уворачиваться от кулаков, а позже, умело защищаться своими собственными.

Наконец, когда Натаниэлю исполнилось одиннадцать лет, она нашла себе мужчину, который застрял рядом с ней. Его звали Скотт. Скотт застрял в основном потому, что понравился Натаниэлю или Нейту, как он называл его. Скотт принадлежал к тому типу людей, которые увидели в мальчике большое будущее и сказал, что он предназначен для великих вещей. Таких больших великих вещей, которые пришли из мира Скотта вместе с ним.

Скотт не ошибся в нем или по крайней мере не совсем ошибся.

Он устроил Нейта на «рабочее место», давая время от времени Нейту задания, за которые готов был платить целых двадцать фунтов.

Обычно Нейт просто брал пакеты и относил их в определенное место или передавал людям. Это происходило постоянно при свете дня, иногда во время школьных занятий или глубокой ночью. Хотя ни один взрослый в здравом уме, но Нейт знал, что не немногие взрослые в здравом уме пошлют одиннадцатилетнего парня рано утром, почти ночью, на опасные улицы Лондона, Скотт даже не задумывался об этом. Нейт был быстр, как молния, научившись быстро прятаться в тени, не говоря о том, что он мог сам уже о себе позаботиться. Нейт был слишком молод, поэтому не знал никакого страха.

И был очень и очень одарен природным умом.

Однажды вечером, когда Скотт уже прожил с Нейтом несколько месяцев, с очередной доставкой пошло что-то не так. Нейт чисто инстинктивно почувствовал опасность, которая зародилась в нем. Он был очень осторожен, передвигался тихо, становясь невидимым, осматриваясь по сторонам. Когда он понял, что эта доставка может означать для него конец, он вышел стремительно из укрытия и, не будучи замеченным скрылся. Вместо того чтобы паниковать, он совершенно четко трезво мыслил, нашел один из своих многочисленных тайников и спрятал пакет.

Когда он вернулся домой, Скотт был в ярости.

— Что ты имеешь в виду, что ты не доставил пакет? Мистер Робертс растерял свою чертову осторожность! — орал Скотт.

Нейт никогда не видел Скотта таким злым. Но он не видел причин для тревоги, потому что так часто уклонялся от ударов, причем буквальных, и ему все порядком уже это надоело.

— Ты не потерял его? — потребовал ответа Скотт.

Нейт отрицательно покачал головой, он не слишком много общался, потому что давно научился держать язык за зубами.

— У тебя он есть? — спросил Скотт.

Нейт снова покачал головой.

— *В безопасности?* — заорал Скотт.

Нейт опять кивнул.

Скотт сделал несколько звонков, разговаривая по телефону в уважительной, даже можно сказать испуганной манере, Нейт никогда не слышал его таким. Когда он закончил говорить, то повернулся к Нейту.

— Отвезите меня туда, где ты спрятал пакет.

Нейт снова отрицательно покачал головой. Он был не настолько глуп, чтобы расставаться с одним из своих тайников. Даже в свои одиннадцать, почти двенадцать лет, он понял, что жизнь не собирается давать ему поблажек, поэтому ему понадобятся много тайных мест.

— Это приказ! — кричал Скотт.

— Я заберу пакет и принесу его тебе, — предложил Нейт, — просто скажи куда.

Скотт уставился на него.

Скотт не был дураком (или по крайней мере был не совсем дураком), и понимал, что Нейт сложный парень. Наверное, поэтому он и понравился ему. Но Нейт не знал об этом и насколько важно это было для него самого тоже. Нейт понятия не имел, со сколькими проблемами приходилось сталкиваться Скотту.

Наблюдая за парнем Скотт понял одну вещь — у него не было выбора. Он опять уселся за телефон и совершил быстрые извиняющиеся и смущающиеся звонки, потом он приказал, чтобы Нейт сам принес пакет мистеру Робертсу.

Когда Скотт сказал об этом, Нейт всего лишь пожал плечами. Эта доставка, подумал он, ничем не отличается от других.

Убедившись, что за ним не следят, Нейт отправился за пакетом, забрал его, Скотт сообщил, где его будут ждать. Он был несказанно удивлен, когда на в этом районе на грязном углу улицы обнаружил элегантный, сияющий длинный лимузин. Нейт не испытывая никакого страха и смело направился к автомобилю.

Окно медленно опустилось, но Нейт внутри никого не увидел.

— Черт побери, Скотт. Это же еще ребенок? — услышал Нейт грубый, мужской голос.

— Мистер Робертс, — послышался испуганный голос Скотта.

— Убирайся, — снова раздался грубый голос.

— Но, мистер Робертс...

— Вот от сюда.

Тон, каким были произнесены слова, наверное, кому-то и показался бы страшным и пугающим, но не Нейту, он просто спокойно стоял у двери.

Скотт вышел из машины и посмотрел на парня.

— Прости, Нейт, — тихо сказал он, затем воспользовался своим шансом и побежал.

Нейт больше никогда не видел Скотта.

— Садись в машину.

Нейт, будучи очень умным парнем, сделал все так, как ему сказали.

Он сидел напротив мужчины, не похожего ни на одного мужчину, которого он видел когда-либо прежде. У него были густые темные волосы, цепкие оценивающие карие глаза и угловатое жесткое лицо. Он был одет в костюм. Не блестящий дешевый костюм, а костюм, который выглядел так, что у этого человека явно были деньги. У него были хорошие, очень дорогие часы, и Нейт мог с уверенностью сказать, что даже его волосы были подстрижены, явно не тем парикмахером, которым пользовался Скотт (мать Нейта иногда подстригала его, естественно не очень хорошо).

Нейт также обладал очень разборчивым вкусом, просто он не знал об этом на данный момент.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина.

— Нейт.

— Твое полное имя.

Он не колебался, потому что совсем не боялся этого мужчины.

— Натаниэль МакАллистер.

— Так-то лучше, — утвердительно сказал грубый голос. — Как давно ты занимаешься доставкой для Скотта?

Нейт пожал плечами.

Наступила тишина. Нейт чувствовал, что что-то происходило в машине, но он не понимал, что конкретно. У него не было страха, но этот мужчина испытывал опасения, наверное, из-за того, что он еще ребенок, впрочем, как и большинство мужчин.

Нейт, тем временем, уселся поудобнее и стал ждать.

Наконец, понаблюдав за ним некоторое время, мужчина сказал:

— Я платил Скотту триста фунтов за каждую доставку, которую ты делал.

Этим мужчина пробил его нерушимый щит и на Нейта нахлынули эмоции.

Моментально он разозлился и это было видно.

— Сколько он давал тебе? — спросил мужчина.

Нейт снова пожал плечами, но жест был уже другим более напряженным и резким, разозленным. Видно было не плохо, что Скотт никогда не увидит больше Нейта.

Мужчина молча сидел и смотрел на него. Нейт изо всех сил пытался утихомирить свои эмоции, борьба длилась недолго. Когда он смог покорить свой гнев, мужчина улыбнулся.

— Я мистер Робертс и отныне, Натаниэль, ты работаешь на меня.

* * *

И он работал. Целый год он работал на мистера Робертса. Он делал доставки, доставлял сообщения, просто стоял и наблюдал. Он совершал очень много вещей, и платили ему гораздо больше, чем двадцать фунтов.

Дейдра была в восторге, потому что Нейт стал платить арендную плату за квартиру, оплачивать все счета вовремя, в холодильнике постоянно присутствовала еда. Теперь она начала воровать у него.

Он не возражал, потому что денег хватало или по крайней мере их было намного больше, чем раньше.

В двенадцать лет Натаниэль МакАллистер был кормильцем и хозяином в доме. Он был таким с тех пор, как себя помнил, занимаясь чисткой и уборкой в доме, а также держал мать за волосы, когда она начинала блевать в туалете, затем перетаскивал ее на кровать, когда у нее отрубалось сознание в гостиной от наркотиков.

Но сейчас он был действительно мужчиной в доме.

Она, к сожалению, оказалась настолько глупой, а это было слишком важно, по поводу удачи Нейта. Она хвасталась всем, кто соглашался слушать, что ее сын работает на мистера Робертса.

Она не гордилась своим гением или превращающимся в красивого молодого человека, которым он обязательно должен был стать в дальнейшем, высоким, поджарым рослым

парнем, но она гордилась, что он стал гангстером, мальчиком на побегушках в одиннадцать лет.

Эта гордость стала причиной ее смерти.

Напившись и хвастаясь перед своим новым бойфрендом, безработным бездельником, ленивым бродягой, по крайней мере, она так называла его бесконечно и очень громко. Ее сын работал на мистера Робертса. Ее сын приносил домой много денег. Он покупал ей платья и водку.

Учитывая то, что ее парень тоже был пьян, высокий тупица, а значит плохо понимал, что она ему лепетала, и он был сыт уже по горло ее бахвальством, просто быстро сжал ее горло, и сжимал до тех пор, пока не остановил ее пронзительные крики. Затем он сделал себе очередную дозу, нюхнул кокаина, купленного на деньги Нейта, выпил оставшуюся бутылку водки, и стал ждать самого Нейта.

Нейту даже не стоило входить в квартиру, чтобы понять, что что-то не так, но ему все равно предстояло это сделать, поскольку она была его матерью. Он бы продолжал о ней заботиться всю свою оставшуюся жизнь. Он уже настолько хорошо привык к этому.

Он открыл дверь и увидел бездыханное тело своей матери. Этого ему было достаточно.

Ее бойфренд попытался сделать захват, но побоялся подойти близко.

Нейт был настолько быстр — он испарился.

Исчез.

На неделю.

И пропустил две запланированные доставки.

Семь дней спустя его нашли, почистили и отвезли к мистеру Робертсу.

Он сидел на заднем сиденье лимузина, видя мистера Робертса дважды с тех пор, оба раза он казался дружелюбным и радушным.

Теперь он таким не был.

— Не хочешь рассказать мне, в чем дело, Натаниэль? — голос мистера Робертса был совершенно жестким, и Нейт понял, что это не вопрос.

— Мама у меня умерла.

Воцарилось молчание.

Потом он сказал:

— *Моя* мама, Натаниэль.

Нейт поднял горящие глаза к своему работодателю. Он не скучал по ней сильно, но она была единственной, кто у него был в жизни.

— Моя мама, — повторил он с сарказмом, пожалуй, он был единственной живой душой, кроме двух детей самого мистера Робертса, имеющим мужество говорить с ним подобным тоном с сарказмом.

Мистер Робертс не разозлился на его ответ, наоборот он находил его занимательным.

— Где твой отец?

— У меня нет отца.

— Никакого, Натаниэль.

— Ни одного.

Мистер Робертс подавился смешком, но сейчас было не совсем подходящее время для смеха.

— Тети, дяди?

Нейт отрицательно покачал головой.

— Бабушки и дедушки.

Нейт посмотрел ему прямо в глаза и заявил:

— Никого.

Занимаясь таким специфическим бизнесом мистер Робертс научился быстро принимать решения.

Ему нравился этот парень, в нем присутствовало что-то, что-то особенное.

Мистер Робертс быстро пришел к решению.

Приняв решение, он озвучил его:

— Ты поедешь домой со мной.

Натаниэль

Виктор и Лаура Робертс усыновили Натаниэля МакАллистера.

Он не взял их фамилию и это было его решение, и они согласились с ним.

Он хотел помнить, откуда он родом, и не забывать. Он должен был всегда помнить, кем он был, кто он такой, чтобы никогда не вернуться назад.

С его новой жизнью об этом было легко забыть.

Потому что она напоминала, словно джинн вышел из бутылки и выполнил все его желания.

Они были богаты. Виктор и Лаура (он никогда не называл их мамой и папой, хотя Лаура и хотела) жили в прекрасном доме на улице, где все дома были ослепительно белые, с блестящими черными перилами, а на окнах стояли ящики, наполненные красной прекрасной геранью и обвитые зеленым плющом.

У них было двое детей — Джефри и Даниэла.

Джефри ненавидел Нейта с такой страстью, с какой Даниэла любила его.

Верно и обратное, первое оказалось неожиданной удачей, второе — ночным кошмаром.

У Джефри с Даниэлой было все, что они хотели, все, о чем просили, все, чего желали. У них было двое родителей, которые очень сильно любили их и слишком испортили. У них был красивый дом, красивая одежда, еда, которую им не приходилось воровать, повар и слуги, которые застилали чистые, свежие простыни на большие кровати и даже гладили дорогую одежду.

Они никогда ни в чем не нуждались, никогда не голодали, никогда не крали, они никогда не уворачивались от удара взрослого пьяного мужика, и они никогда не держали волосы своей матери, пока ее рвало над унитазом.

Джефри понял по грубомуговору Нейта, кем он был и откуда пришел, и он никогда не позволял Нейту забыть об этом.

Никогда.

И это было неплохо, Нейт не хотел забывать.

Речь Джефри была шикарной в результате обучения в специальных школах. Джефри был одного возраста с Нейтом, но не продержался бы и двух секунд в районе Нейта, где он раньше жил. Джефри знал это, и он также знал, что и его отец тоже об этом знает.

Отец Джефри, он понял это (хотя тот никогда не говорил), был похож на Нейта в молодости. Виктор, Джефри слышал, как сказал Лауре однажды ночью, увидел себя в Нейте. Виктор *восхищался* Нейтом. Джефри даже казалось, что его отец готов был сдувать пылинки с него, и он не ошибался.

Джефри ни во что не ставил своего отца еще до того, как к ним пришел жить Натаниэль МакАллистер. Он был крупным и грубоватым, хотя старался быть изысканным и великосветским.

И он презирал Нейта и делал все возможное, чтобы превратить жизнь вновь приобретенного сына своего отца в ад.

Ничем он не мог пробить броню Нейта, которому наоборот это все казалось забавным.

Однако Нейт самого Джефри не находил забавным, все время находясь настороже. Нейт

доверял Джеффри не более чем в расстояние для удара. Но благодаря Джеффри инстинкты Нейта, связанные с выживанием все время находились в рабочем состоянии.

Даниэла была младше Нейта на два года, увидев красивого молодого парня, она сразу же влюбилась в него.

Она хотела его и собиралась выйти за него замуж, в возрасте десяти лет она уже решила это.

А все, что Даниэла когда-нибудь хотела то, обязательно получала.

Так впервые остановив свой взгляд на нем, она решила, что Нейт принадлежит ей.

Она относилась к тем девушкам, которые не собиралась делиться.

Нейту понадобилось всего лишь пару месяцев, чтобы вжиться в их стиль жизни. Он был хамелеоном. Хотя прошедшие два года он едва ли посещал школу, но догнал программу так быстро, что сразу же стал любимчиком учителей. У него исчез его грубый говор в течение двух месяцев и угловатые манеры за ужином, сидя за изысканном великолепном обеденном столом, просто наблюдая, что делали окружающие и полностью подражая им. Он носил новую дорогую одежду с непринужденной грацией, что заставляло Джеффри кипеть от злости, а сердце Дэниэлы замирать. Он научился играть в теннис, кататься на лошади, играть в крикет, регби, футбол и за самое короткое время стал лучшим. Лучше, чем Джеффри, лучше, чем сам Виктор, лучше, чем любой парень в школе и даже тренеры.

Джеффри ненавидел его.

Даниэла его любила.

Лаура обожала все это, обожала парня, своего нового сына. Сразу же ее сердце потянулось к нему. Виктор послал людей, чтобы выяснить историю Нейта, и Виктор рассказал ее Лауре. Нейт так напоминал ей своего любимого мужа. Она быстро поняла, что Натаниэль обладает чувством собственного достоинства и его история говорила сама за себя, и она поняла, что с ним не стоит нянчиться, хотя она очень этого хотела. Вместо этого она стала относиться к нему с уважением, как к взрослому, и он оценил *это*. У него никогда по-настоящему не было матери, и сначала он не доверял Лауре, но однажды она смогла до него достучаться. Она не относилась к нему, как к ребенку, не относилась к нему, как будто он был глупый, она относиться к нему с заботой, что ей не все равно, на самом деле это так и было.

Виктор культивировал свою неистовую любовь к мальчику, которой у него не было к другим своим детям. Он чувствовал себя виноватым, что долгое время был занят тем, что постоянно очищался от грязи и выковыривал грязь из-под ногтей, поэтому решил своим детям предоставить жизнь, наполненную привилегиями, давая им все, что у него не было в их возрасте, но они канючили еще больше и никогда, ни разу, не поблагодарили его за это. Они никогда ни разу сами ничего не сделали, но просили только больше. Это была частично его вина. Он хотел дать им все, того, что не имел когда-то сам. И часто он ловил себя на мысли, что судя по всему не был хорошим отцом. И он знал это.

Виктор Робертс был также не совсем хорошим человеком, его нельзя было назвать добрым, скорее он был человеком, которого следовало опасаться. Это было неизбежно, и именно таким мог стать и Нейт.

Но Виктор любил своих детей, как бы тяжело это порой не было. Он обожал свою жену. Но лучшее, что он когда-либо сделал за свою жизнь, помимо того, что женился на Лауре, то, что он усыновил Нейта.

И как только он это сделал, он принял решение, что его состояние, бизнес и все, что у

него есть перейдет к Нейту. Разумеется, Виктор позаботился о Джефри и Даниэле, они никогда не будут нуждаться. Но он знал, что Нейт не позволит состоянию Виктора, нажитому тяжким трудом, прийти в убыток и стать неплатежеспособным, т.е. спустить коту под хвост.

В ту же минуту, как только официально Нейт был усыновлен (после нескольких обременительных условий и сделанных одолжений, включающих умасливание некоторых лиц), Виктор Робертс стал законным отцом. Он бы не хотел взваливать на Нейта прославленную жизнь криминала. В одиннадцать лет Нейт и так превратился в мальчика на побегушках у гангстера, в двадцать один год он мог стать собственником, джентльменом.

И поэтому новая жизнь Нейта вела его через различные проблемы: шикарные школы, в которых Джефри постарался, чтобы все мальчишки знали подноготную Нейта, это позволяло ему оттачивать свои инстинкты самосохранения, его постоянно вызывали другие мальчишки на мамаево побоище, чтобы просто проверить настолько ли он тертый калач (другие парни всегда ему полностью проигрывали); Кембридж, откуда Джефри был исключен за плохие оценки; загородные клубы, в которых Даниэла пыталась заставить Нэйта забрать ее девственность, но он этого *не сделал*, это сделал личный охранник, но она убедила себя, что Нейт смотрел на это с ревностью, но за этим наблюдал Джефри и смеялся; воскресные матчи по регби, где Нейт, к полному восторгу Лауры и Виктора, всегда приводил свою команду к победе.

Все это время Виктор подготавливал Нейта к его будущему. Виктор делал тоже самое с Джефри, который не проявлял никакого интереса и в итоге просто ушел, получив номинальный пост, переехав в очень хороший кабинет, в котором он мог соблазнить множество женщин.

И тогда Виктор взял своего собственного изобретательного и непростого нового гениального сына со светлым умом, и вместе они образовывали закономерность и респектабельность, заработав массу денег и выковали отношения гораздо ближе, чем родственные.

Виктор понимал, что будущее Натаниэля обещает быть ярким. Он прилагал огромные усилия, чтобы заверить его в этом. Натаниэль должен удачно жениться, если просто перестанет хватать все юбки, которые вешаются ему на шею, Лаура очень переживала по этому поводу. У него будут красивые дети. Он будет жить в прекрасном доме, будет всегда заботиться о Джефри и Даниэле из чувства долга и уважения к Лауре и Виктору. И Виктор был полностью уверен, что сейчас его состояние находится в надежных руках, под защитой.

Виктор думал, что он точно обеспечил это.

Но Нейт никогда не забывал, откуда он родом, кем он был, *каким* он был, никогда не доверял тому, что он имел и всегда знал, что он этого не заслужил.

Поэтому он упорно работал, гораздо упорнее, чем любой другой мужчина, чтобы удержать свое будущее, построить и сделать его стабильным.

Поэтому будущее было слишком далеким.

Он никогда не вернется назад.

Поэтому его будущее никогда не будет разрушено.

И в какой-то момент он начал чувствовать свой успех.

А потом появилась Лили Джейкобс.

Нейт и Лили

Прошли годы, был май, Нейту было двадцать восемь, Лили было двадцать два...

— Мы опаздываем, — проворчал Виктор.

— Я знаю, — ответил небрежно Нейт, вздергивая подбородок в высокомерном жесте водителю роллса, который наблюдал за ними идущими через толпу туристов, забившими тротуар возле универмага «Harrods».

— Твоя мама спустит с нас семь шкур.

Нейт хотел посмеяться над этим нелепым комментарием, но не стал, потому что Нейт МакАллистер редко смеялся.

Лаура Робертс не отличалась буйным нравом. Ее свирепый нрав, Нейт видел только дважды в шестнадцать лет. И оба раза через минуту, она успокаивалась. Оба раза это длилось меньше десяти минут. Она была доброй, нежной, самой уравновешенной женщиной, которую он имел честь знать. Это совершенно не значило, однако, что у нее не было упорства, когда она хотела заставить что-то сделать своих детей, особенно то, что они не хотели, но это редко случалось.

— Она подбодрит, как только увидит твой подарок на годовщину, — просто отметил Нейт, чтобы что-то сказать. Он знал, что Виктор волновался о подарке. Все-таки удивительным был его отец, и Нейт подумал, что возможно многие не согласятся с ним восхищаясь преданностью его к своей жене.

Хотя подарок на день рождения для Лауры был вызовом.

Что подарить женщине, у которой есть все, ни в чем не нуждается и живет, окруженная счастьем, потому что у нее есть такой муж?

— Сегодня вечером ты сделаешь это, спросишь у Джорджии выйдет ли она за тебя замуж, — заметил Виктор.

Он двигался рядом с Виктором, ожидая пока Беннетт, шофер Роллса, откроет дверцу, чтобы позволить Виктору сесть в машину. У Нейта были дела поважнее, чем быть на побегушках у Виктора, намного больше важных дел, которые необходимо было сделать.

Но Виктор просил и неважно, что Виктор спрашивал, Нейт выполнит это. Это была сделка Нейта у него в голове по отношению к Виктору, хотя Виктор об этом не знал. Нейт задолжал Виктору свое существование.

Люди странно посматривали на двух мужчин, которые, скорее всего, судя по их сшитым на заказ костюмам, стильным шелковым галстукам, дорогим туфлям и сверкающим часам, не говоря уже о шофере Роллс-Ройса совершали *покупки* в «Harrods», и не являлись туристами, осматривающими достопримечательности.

Люди все время поглядывали на Нейта и большинство из них были женщинами.

Он был необычайно, можно даже сказать *невероятно* красив. Очень высокий, поджарый, узкие бедра, широкоплечий с красивыми густыми черными волосами, которые были настолько черными, что отливали синевой, делая его еще более привлекательным. Он имел отточенные черты лица, твердую челюсть, мощные скулы и чувственную нижнюю губу. У него также были выразительные глаза, и хотя он этого не знал (а если бы и знал, то ему было бы наплевать), от которых млели многие женщины и постоянно обсуждали. Во время

драки они вспыхивали и становились холодными стальными, потом темнели или же были настолько глубоко голубыми. После множества без ответных дискуссий было вполне приемлемым продолжить борьбу.

Чувственные губы Нейта превратились в одну тонкую линию от слов Виктора. Он понимал, что Лаура хотела, чтобы он женился, остепенился и произвел ей внуков. Но он был полностью уверен, что она не хотела видеть Джорджию в качестве его жены.

— Я не буду просить Джорджию выйти за меня замуж, — твердо заявил Нейт.

— Почему нет? — спросил Виктор, развивая тему. — Она чертовски красивая женщина.

Она не была чертовски красивая женщина. Она была женщиной кошкой, такой же плохой, как Даниэла, если можно так сравнивать. Он поймал Джорджию выбрасывающую свои противозачаточные таблетки в унитаз, и обнаружил испорченные презервативы. Затем он застал ее за продыравливанием презервативов, поэтому перестал заниматься с ней сексом вообще и начался томительный процесс отхождения от нее.

Ему не следовало никогда погружаться в семейный портфель финансового состояния. Джорджия была дочерью лучших друзей Лауры и Виктора. Нейту даже очень нравились родители Джорджии, он знал их в течение многих лет.

Они все возлагали большие надежды на их объединение, но Джорджия была уже в прошлом.

Она усердно пыталась вернуть внимание Нейта, длинноногая, стройная, с красивыми темно-рыжими волосами, но в ней всегда было что-то немного забавное в чистом виде кошачье.

Поэтому, Нейт отдавал должное за ее упорное преследование его, а она вознаграждала его за это, потому что он ее благодарил. С ней было хорошо, на самом деле хорошо, но так не будет продолжаться до конца жизни.

Нейт чувствовал это врожденным чутьем. В ней было слишком много яда, и она выпускала его слишком часто. Нейту не хватало терпения обихаживать ядовитых женщин, особенно тех, кто вырос в полном достатке, ни в чем не нуждался и не имел никаких причин, чтобы стать слегка жесткой, учитывая ту привилегированную жизнь, которую они вели.

Нейт не знал конкретно чего он хотел, но по любому это была *не* Джорджия.

Он не стал отвечать Виктору, потому что стал следить за молодым пареньком, одетым в серую толстовку с капюшоном, странно одевать капюшон в такой теплый день. Мальчик сгорбился и шел по тротуару, опустив голову, засунув руки в передние карманы толстовки, осматриваясь по сторонам, выискивая свою жертву.

Инстинкты Нейта уже были начеку, они всегда были наготове, и он начал свое движение.

Глаза Нейта сузились, когда он наблюдал за парнем, и Виктор же стал залезать в роллс-ройс. Затем, как и ожидалось, мальчик метнулся к своей цели, и Нейт услышал женский крик возмущения.

— Эй! — закричала она.

Он видел, как парень вырвал дамскую сумочку, и его тело напряглось, готовясь к следующему действию.

А потом Нейт перевел взгляд на женщину и, что для него совершенно нехарактерно, он замер.

— Эй! Он украл мою сумочку! Остановите его, он украл мою сумочку! — кричала она.

Нейт смутно про себя отметил, что она видно была американской туристкой. Мимоходом обводя взглядом Нейт обратил внимание, что никто даже не пошевелился, чтобы помочь.

На какой-то краткий момент времени, Нейт был словно одурманен ею, поэтому и сам не мог пошевелить ни одним мускулом.

Она была высокой, очень высокой.

И соблазнительной, восхитительно прекрасной.

У нее были самые необычные цвета волосы. Про волосы он многое знал, потому что Лаура и Даниэла годами доверяли свои волосы в высшей степени талантливым и дорогим стилистам.

У нее было изысканное лицо, безупречная кожа, и она вся светилась жизнью. Вокруг нее было широкое пустое пространство на тротуаре. Не потому, что она закричала, а потому что она была величественной, светящейся и элегантной...

Неприкосновенной.

В ступоре он просто пялился на нее, а парень с ее сумочкой мчался прямо на Нейта.

Но она быстро пришла в себя и поняла, что никто не собирается ей помочь, престала кричать и помчалась за парнем.

Заслышав шум, Виктор обернулся, Нейт передвинулся, в изумлении наблюдая, как она ловко увертывалась от толпы, и как ее длинные ноги неслись за невысоким парнем. Затем Нейт был совершенно ошеломлен от полной неожиданности, когда она прыгнула на вора каким-то грациозным прыжком.

Все просто стояли, наблюдая в шоке, никто даже пальцем не пошевелил, чтобы ей как-то помочь, за исключением тех, которые стали фотографировать на память.

— Верни мне мою сумочку, ты бандит! — кричала она, оборачивая свои длинные ноги вокруг своей добычи, одну руку вокруг его шеи, пока она шлепала его по голове другой рукой.

Вор попятился назад, пошатываясь, затем толкнул ее в сторону здания. Ее голова дернулась и ударилась о камень так громко, что даже Нейт услышал этот ужасный звук, хотя стоял в двадцати шагах от нее.

При этом звуке Нейт вздрогнул, выходя из ступора, рванув вперед.

— Натаниэль..., — позвал Виктор, но Нейт не обратил на него никакого внимания.

Несмотря на удар, она не перестала воевать и не ослабила хватку.

— Давай ба..., — начала она кричать, но не закончила.

Мальчик согнулся вдвое и перебросил ее через себя. Она потеряла равновесие и приземлилась на спину на асфальт с ужасающим грохотом.

Парень не успел сделать ни единого шага, хотя попытался, подняв уже ногу, чтобы убежать, но Нейт схватил его за толстовку, зажал в кулак и потянул назад к себе. Неистовым рывком Нейт схватил его и яростно стукнул о каменную стену, с огромным дисплеем.

Молниеносно рука Нейта ухватила вора за горло, жестоко сжав и поднимая до тех пор, пока он едва мог достать ногами до земли.

— Брось сумку, — приказал он ледяным голосом, крамая слова, словно бритва.

Вор немедленно выронил сумку.

— Я... я вызову полицию, — ее запинаящийся низкий, богатый американский голос, со странным резким звенящим звуком, послышался позади него, она осторожно наклонилась вперед, чтобы поднять свою сумку. Нейт отметил, что она двигалась осторожно не из-за

страха, а потому что ей было больно.

Нейт повернулся, наблюдая за ней, голова опущена, она рылась в своей сумочке, вытащила мобильный и подняла на него глаза.

На мгновение они ударили его, и Нейт снова замер.

Ее глаза были просто неопишутыми. Светло-голубые, бездонные, неотвратимые, зрачок в окружении дымчатой темноты, такие заманчивые, подумал он, наклоняясь к ней, он был настолько очарован ее глазами.

Они расширились при взгляде на него, как будто она его узнала.

Бандит устраивал умопомрачительный шум.

Нейт не двигался. Он уставился на нее, оцепенев увлекшись ею, пока она придвинулась чуть ближе.

Не прерывая контакта своих невероятных глаза с ним, ее рука мягко опустилась ему на плечо, с той стороны, которая припирала вора к стене. Он быстро взглянул на ее руку у себя на плече.

— Ты душишь его, — прошептала она.

Его захват ослабел, и ее рука опустилась. С усилием он оторвал взгляд от нее, опустив руку только лишь, чтобы схватить бандита в толстовке за горло, поднял его вверх на несколько сантиметров и злобно ударил спиной о стену.

Мальчик застонал от боли.

— Больно, правда? — зарычал Нейт в ярости, потому что его взгляд говорил, что он готов разорвать парня на части.

— Беннетт позвонил в полицию. Черт побери, девочка. С тобой все в порядке? — Виктор был рядом, положив руку девушке на плечо и наклонился к ней, внимательно смотря на нее, ожидая ответа.

— Думаю, что да. Просто дыхание перехватило, вот и все, — ответила она.

— О чем ты думала, прыгая на него? Тебя могли ранить, — увещевал Виктор, потому что было видно, что с ней не все в порядке, она держалась настолько прямо, словно была сделана из хрусталя. И не так легко переступала ногами, как до начала своего полета.

Виктор обхватил ее за талию, поддерживая.

— Он украл мою сумочку, — ответила она на вопрос Виктора.

— Все равно это было опасно, — в голосе Виктора слышались нотки беспокойства, пока он высказывал свой контраргумент.

— Мне *нравится* моя сумочка, — произнесла она своим легким задорным тоном с еле заметной улыбкой.

От этой странной улыбки у Нейта возникли проблемы с дыханием.

Виктор тоже заметил ее улыбку, и резко перевел взгляд на Нейта. А вернее, он наблюдал за тем, как Нейт смотрел на девушку. Затем Виктор посмотрел на нее, потом на Нейта снова.

И принял быстрое решение.

— Натаниэль, дожись полиции. Я забираю ее домой к Лауре и вызову нашего врача.

— Нет, пожалуйста, я в порядке. Я останусь, чтобы поговорить с полицией, — засопровтивлялась она.

— Натаниэль привезет их к нам домой. Ты сможешь поговорить с ними дома. Пойдем со мной, — Виктор говорил совершенно строгим голосом, который явно не следовало оспаривать, и от которого у мужчин появлялись мурашки на коже.

Но она полностью проигнорировала его.

— На самом деле, нет. Мне следует остаться.

— Иди с ним, — пророкотал Нейт, словно отдавая команду, и она вскинула голову, чтобы взглянуть на него. Она смотрела пару секунд, и ему стало интересно, что она выберет.

Через мгновение она кивнула.

Нейт наблюдал через плечо, как Виктор усаживает ее в роллс и это была его чистая победа.

Вскоре прибыла полиция.

* * *

Лили осторожно вытащила себя из декадентской ванны, сняла пушистое персикового цвета полотенце с теплой перекладки и обернула вокруг больного тела.

Лаура заставила ее принять горячую, душистую ванну, хотя Лили упорно сопротивлялась, потому что хотела поговорить с полицией.

Врач, который уже стоял на пороге дома, к тому моменту, когда они прибыли, так как Виктор позвонил из машины и велел «тащить свой зад к его дому» сказал ей принять ибупрофен, горячую ванну и посоветовал Лауре и Виктору присмотреть за ней пару дней. У Лили не было ни переломов, ни трещины в черепе, она была в порядке, но на всякий случай врач все же посоветовал за ней присматривать.

Итак, после краткого, но серьезного разговора с Лили, состоявшегося в холле, Лаура вместе с Виктором были полностью непреклонны, настаивая, что она непременно должна остаться на ночь у них, нежели тащиться в Клевленд. И прежде всего они настояли, чтобы она приняла ванну.

У нее не было особенно сил сопротивляться, или возможно, они были действительно слишком настойчивыми, или они относились к тем людям, которые не принимали ответ «нет», она находилась в их особняке в георгианском стиле, в их роскошной ванной комнате, которая соединялась с не менее роскошной гостевой спальней, декорированной по крайней мере, она насчитала, в семи различных оттенках бледно-персикового цвета.

И она наконец-то встретила мужчину, которого послал ей Фазир.

Лили была уверена в этом настолько, насколько она была уверена в том, что является Лили Сара Джейкобс, дочерью Ребекки и Уилла Джейкобса и жительницей Индианы, где родилась и выросла. И во всем этом она совершенно не сомневалась.

Когда она подняла голову, чтобы посмотреть в глаза своего высокого защитника, то чуть не упала в обморок. Она бы наверное и упала бы на землю бессознательной грудой.

Если бы ему не грозил пожизненный срок за удушение парня, несмотря на то, что он был противным воришкой, она бы это сделала.

И теперь...

Сейчас...

Теперь что?

Она не знала, что ей делать. Она не могла однозначно наброситься на него со словами, что это она пожелала, чтобы он появился в ее жизни с помощью своего личного джинна, и что это наконец-то произошло, который жил дома с ее родителями в небольшом городке в Индиане. Она не могла соблазнить его, потому что она была девственницей и даже не знала, как это сделать. Собственно, он вероятно принимал во внимание насколько красив он был

(безумно красив), и не предполагал о ее существовании, как женщины со всеми соответствующими частями во всех соответствующих местах, и всем томлением, которое она испытывала к нему, хотя знала только его имя.

Натаниэль.

Это было очень, *очень* красивое имя.

— Лили, моя дорогая, полиция уже здесь, — ласково и любезно произнесла Лаура из соседней комнаты.

Лили моментально прониклась к Лауре, женщине маленького роста, немного, но приятно округлой среднего возраста. Она была брюнеткой с короткой мужской стрижкой, с изящными ухоженными ногтями (Лили подумала, что ее руки похожи на руки пианиста, потому что они были такими изящными) и теплыми карими глазами.

— Я выхожу, — сказала Лили.

Она быстро вытерлась, обернулась вокруг полотенцем, порылась в своей спасенной сумочке, отыскав резинку для волос. Она собрала волосы в хвост на затылке и отправилась в спальню, где увидела Лауру, стоящую у кровати, которая сейчас была завалена половиной дюжины блестящих коробок.

Лили замерла на пол пути и уставилась на них.

Лаура объяснила:

— Я обзвонила несколько магазинов, поскольку ты остаешься, тебе необходимы кое-какие вещи, конечно. Я надеюсь, ты не возражаешь, я проверила этикетки на твоей одежде, чтобы узнать твой размер.

«*Я так долго была в ванной?*» — подумала Лили, недоверчиво рассматривая коробки.

— Я не могу, — за сопротивлялась Лили.

— Можешь, потому что тебе это понадобится, — произнесла Лаура голосом матери, которой не отказывают. Лили слышала такой тон раньше, ее собственная мать часто использовала такой тон, когда говорила с ней. Лаура сняла крышку с коробки и вытащила серебристо-голубой шелковый халат с длинными широкими рукавами наподобие японских кимоно и приказала:

— Надень это.

Лили издала мягкий смешок и воскликнула:

— Я не могу встречаться с полицией в халате!

— У них всего лишь несколько вопросов. Я сказала им, что ты не в том состоянии, чтобы к тебе применяли допрос третьей степени, — заявила она, ловко сорвав крышку с другой коробки, вытащив белоснежное шелковое нижнее белье со вставками тонкого кружева. — Если это заставит тебя почувствовать себя лучше, надень это... и... это. — Она потрясла бюстгалтером перед Лили.

Лили ничего не могла с собой поделать, хотя и понимала, что с ее стороны это грубо, но она просто продолжала смотреть на вещи.

Два часа назад она шла по улице Лондона с намерением немного поглазеть на витрины магазинов, так как ее скудные финансы не допускали большего. Уже несколько дней она не ходила на работу в «Machine», потому что усердно работала дома — вымывая, очищая, крася, грунтуя или ныряя под раковину, чтобы разобраться с сантехникой, пытаясь починить водопровод. Она приехала в Лондон, чтобы сделать маленький перерыв, походить по музеям, предоставляющим бесплатный вход и сделать кое-какие покупки.

Сейчас она вошла в Сказочную Страну.

— Лаура, вы... честно говоря, я просто не могу.

Лаура подошла к ней, взяла ее лицо в ладони, так как делала ее мама в самые нежные моменты (коих было очень много), и посмотрела прямо Лили в глаза.

— Не заставляйте их ждать, моя дорогая. Чем раньше с этим покончим, тем скорее мы все сможем наслаждаться вечером.

И с этим она вышла из комнаты, и Лили осталась с ее материнским прикосновением, которое так хорошо ощущалось (таким привычный прикосновением), быстро надела нижнее белье и сверху халат и просто остановила себя, чтобы не рвануть в ванную и не схватить еще одно банное полотенце, и не обернуть вокруг себя.

Она осторожно вышла из комнаты. Ванна помогла, так же как и таблетки, но она совершенно определенно чувствовала, что ею совершили бросок через плечо на бетонный тротуар.

Лили не знала, о чем она думала, кинувшись за сумочником, но это была дорогая дизайнерская сумочка, которую она не могла себе позволить при обычных обстоятельствах. Она отырла ее в магазине винтажной одежды и купила за бесценок. Она никогда не сможет ничем ее заменить.

Несмотря на это, ее действия были совершенно безрассудными. Она могла пострадать или могла бы пострадать еще больше, если бы у него был нож или другое оружие.

Ее родители, если когда-нибудь узнают об этом, убьют ее за это. Фазир бы начал парить, смотря на нее сверху-вниз, и грозить своим пальцем джинна. Она никогда не сможет рассказать им.

Осторожно, держась за перила, она спускалась по лестнице. Она пыталась удерживать свое тело прямо, чтобы не потревожить ноющие части. Ее голова продолжала пульсировать в том месте, где она врезалась в стену, это была другая боль не та, которая приносит с собой эти ужасные периодические мигрени, но она все равно была не приятной.

Она сконцентрировала свое внимание на шагах по серому ковру с голубоватым отливом, спускающимся по ступенькам. Она также оценила свой педикюр, мысленно делая себе пометку, что в Англии, насколько это возможно, пришло время сменить насыщенный темно-красный холодный цвет на что-то другое, более перламутрово-розовое. Ее нога ступила на паркет при входе, и она почувствовала, что не одна.

Подняв голову, она увидела его.

Натаниэля.

Он наблюдал за ней, как какой-то герой романтического романа наблюдает за своей героиней. Одним плечом, прислонившись к стене и скрестив руки на груди.

И он был очень красивым, настоящим, сильным и чрезмерно мужественным.

И они разглядывали друг друга в упор блаженно с любовью, перемешанной с удивлением, или по крайней мере, он может и не смотрел на нее так. Она, к сожалению, скорее всего смотрела на него именно так, к своему ужасу. Он наблюдал за ней прищуренными глазами. Глазами, которые не пропускали ничего.

Ни... одну... вещь.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, у него был глубокий голос, сильный, вызывающий покалывание у нее на коже.

— Нормально, — соврала она и попыталась изобразить веселую улыбку.

Его лицо потемнело. Очевидно, веселая улыбка не сработала.

— Лгунья, — мягко сказал он, но угрожающе, и он выглядел так, как будто он хотел

совершить силовые действия. Типа тех, которые он совершил с вором, с яростью бросив его о стену здания, когда он совершил свой бросок, как бы совершая возмездие за нее. Сама мысль об этом вызвала у нее мурашки по позвоночнику.

— Со мной все будет хорошо... — она замолчала на пару секунд, как бы мысленно оценивая свое истощенное тело, — в конце концов.

Он посмотрел на нее сверху донизу с лицом, внушающим страх. Она покраснела от его взгляда и поняла, что стала его бояться совсем чуть-чуть. В этом костюме, который он носил с таким пренебрежением, словно он был одет в джинсы и футболку, он выглядел утонченным и изысканным. Но где-то совсем рядом в нем проявлялось, что в нем не было ничего, связанного с утонченностью и изысканностью.

Он оторвал ее от размышлений.

— Полиция в гостиной.

Лили никогда не была ни в одной гостиной раньше или в доме, где люди в гостиной на самом деле проводили время. У нее просто не было знакомых, у которых были бы гостиные. Он отстранился от стены, и она обратила внимание, что ее тело как-то странно напряглось, словно готовясь к чему-то, пока он шел напрямик к ней, но он просто прошел мимо.

Ей ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

Он вошел в комнату, она вошла следом. В комнате уже находились Лаура, Виктор и двое полицейских.

— Вот и она, — объявила Лаура, ободряюще улыбнувшись Лили.

Гостиная была красивой, оформленная в мягких салатových тонах с белым карнизами и величественной удобной мебелью. Натаниэль встал позади кресла с высокой спинкой. Он посмотрел на Лили, а затем на кресло и каким-то образом она поняла, что он хотел ее... нет молча говорил ей сесть в кресло.

Она сделала то, что он безмолвно просил.

Опрос, как Лаура и обещала, занял меньше десяти минут. Полицейские задавали вопросы, делали пометки, Лаура и Виктор наблюдали за ней добрыми, родительскими глазами. Словно она не познакомилась с ними всего лишь несколько часов назад, словно она была под их опекуном и заботой с самого рождения.

Однако дача ее показаний не из-за этого была такой короткой.

Хотя она не видела его, но чувствовала, что Натаниэль все это время стоял позади ее кресла, да она чувствовала его. Он ни разу не шелохнулся и не произвел никакого шума, пока полиция проверяла факты и задавала одни и те же вопросы снова и снова.

Затем тихим тоном, не подразумевающим сопротивления, которому подчинился бы даже генерал Паттон (*Джордж Смит Паттон, младший — один из главных генералов американского штаба, действующего в период Второй мировой войны. Во время Второй мировой войны был главнокомандующим нового танкового корпуса, принявшего участие в военных действиях во Франции.*), он сказал:

— Достаточно.

Они не стали спорить и даже возмущаться, сразу же один из них произнес:

— Понятно, мистер МакАллистер.

Они кивнули Натаниэлю, и Лили поняла, что теперь ей известна и его фамилия, она ей тоже понравилась. МакАллистер.

— Мистер и миссис Робертс, — вежливо кивнули полицейские Лауре и Виктору.

Лили вдруг подумала, что у Натаниэля и Робертсов фамилии не одинаковые, и Лили

задалась вопросом по поводу каким родством Натаниэль связан с Лаурой и Виктором, скорее всего не кровным. Он не был похож ни на Лауру, ни на Виктора, но Лили также решила, что их отношения были достаточно глубокими, как родственные узы.

Возможно, он был любимым племянником.

— Мы уходим, — сказали полицейские.

Они не оставили Лили визитку, попросив позвонить им, если она вдруг вспомнит что-нибудь еще, они просто молча ушли.

Прежде чем кто-то произнес хоть слово, в комнату вошел по-мальчишески привлекательной внешности, не такой высокий, как Натаниэль, но все-таки высокий шатен.

— Что это? Впервые празднование годовщины отменяется, полиция в доме. Из-за чего? Богатое прошлое Нейта наконец настигло нас?

Затем он застыл и в упор уставился на Лили, открыв рот от удивления.

Она совершенно не озадачилась этим новым мужчиной с открытым ртом от удивления. Вместо этого ее мысли кружились о том, что она услышала и ничего не находила в этом удивительного, конечно Натаниэль имел богатое прошлое.

— Мой Бог, — воскликнул мужчина, возвращая Лили обратно в комнату.

— Это, — заявил Виктор, обратившись к Лили, — мой сын, Джеффри.

Джеффри подошел к ней, протянул руку и сказал:

— Все, кроме мамы с папой, зовут меня Джеф.

Она собиралась пожать ему руку, но он наклонился, согнувшись в талии и поднес ее руку ко рту, коснувшись губами ее пальцев, и только потом поднял на нее глаза.

— А кто ты? — спросил он, и она подумала, что его тон был флиртующим, хотя у нее не было большого опыта по поводу флирта, по крайней мере, в течение последних четырех лет или может по своей наивности она просто не замечала этого, хотя все время встречала на моем пути.

— Я Лили Джейкобс, — ответила она.

— Нет, ты не Лили Джейкобс. Ты ангел, посланный с небес, — он удивил ее, произнеся спокойно, даже непринужденно, наконец-то отпустив ее руку, хотя удерживал ее дольше, чем положено.

Лили обратила внимание, когда он выпрямился, что все в комнате напряглись от его слов. Воздух стал настолько густым и напряженным, что его можно было разрезать ножом. Виктор напрягся всем телом и его глаза метнулись к Натаниэлю, по-прежнему стоявшему позади ее кресла. Лаура медленно встала и ее взгляд скользнул к Лили, а при этом рука потянулась к горлу в странном жесте неминуемой угрозы. И Лили почувствовала надвигающуюся опасность, стоящую у себя за спиной.

Но Лили мужественно проигнорировала все признаки происходящего, взглянув на Лауру, потому что она казалась самой безопасной здесь.

— Какое празднование годовщины? — спросила она.

Лаура начала отвечать:

— Никакой, моя дорогая...

Джеф двигался к камину, прервав свою мать:

— Это не никакой. Я бы не сказал, что ваша тридцатая годовщина свадьбы — никакая, — он развернулся и беспечно оперся локтем на каминную полку.

Лили ахнула и открыла рот, собираясь заговорить. Она не могла поверить, что они отменили свой юбилей ради нее, но Джеф видно еще не закончил. Он перевел взгляд на

Натаниэля, в его глазах светился чистый расчет.

— Кстати, Нейт, Джорджия звонила. Она очень чем-то расстроена. Вероятно, будет намного лучше, если ты оденешь ей это чертово кольцо на палец наконец. Это вознесет ее на вершину счастья.

Лили закрыла рот, с треском стукнув зубами.

У него была девушка, девушка, которая была для него так близка, что смогла стать невестой.

Конечно.

Конечно, конечно, конечно.

Она знала, что этого не может быть. Он бы никогда не посмотрел на нее, на совершенно обычную из небольшого городка штата Индианы — девушку Лили Джейкобс. Даже несмотря на свое желание, озвученное Фазиру, она никогда не получит такого великолепного мужчину, как Натаниэль МакАллистер.

Никогда.

— Я надеюсь, вы не отменили ваш юбилей из-за меня, — Лили постаралась прикрыть свое разочарование, хотя бы словами.

Глаза Лауры, когда она смотрела на сына не казались такими добрыми, скорее выглядели довольно сердитыми, вернулись назад к Лили и тут же вновь смягчились.

— Мы только перенесли на завтра.

— О нет! Вы должны праздновать, — вскричала Лили.

— Все хорошо и идет как надо, Лили. Не волнуйся, — произнес кратко Виктор, тем самым закончив обсуждение и целенаправленно прошествовал к двери, говоря на ходу:

— Джефри, я хотел бы поговорить с тобой.

— Ох черт побери, что я сделал опять? — пробормотал Джефри не так уж очень стараясь, чтобы себе под нос, а Лаура от раздражения закатила глаза. — Вижу, мой дорогой брат, почему-то он не хочет поговорить *с тобой*, — сказал Джеф Натаниэлю, как-то странно глядя на него, как непослушный маленький мальчик.

Натаниэль не проронил ни слова, отчего гнев Джефа стал еще больше.

Но Лили стало интересно, как Натаниэль стал его братом. Брат все-таки такая вещь, при которой должно присутствовать хоть какое-то сходство, но Виктор, и судя по внешнему виду Натаниэля, Лаура тоже обошли его своим вниманием. Кроме того, у них разные фамилии, и они совершенно по-разному смотрят на вещи.

Натаниэль явно не собирался опускаться до бесполезной борьбы, которая возникла на пустом месте, Джеф начал медленно передвигаться на выход, но остановился, когда проходил мимо Лили.

— Я не знаю, кто ты, но надеюсь видеть тебя чаще, — он улыбнулся ей своей мальчишеской улыбкой, довольный своими словами, и казался довольно очаровательным снова.

Она улыбнулась в ответ, но как-то неуверенно, потому что обнаружила, что он заставил ее почувствовать себя неуютно. Впервые в жизни Лили почти мгновенно испытала нелюбовь к кому-то.

Когда он покинул комнату, Лили повернулась обратно к Лауре.

— Я чувствую себя ужасно. Ваш юбилей..., — начала она.

— На самом деле, Лили, это не проблема. Я чувствую наоборот облегчение. По крайней мере мы вдвоем можем побыть в тишине сегодня вечером именно это я предпочту любому

другому. Я уверена, что Натаниэль сможет развлечь тебя, пока мы с Виктором сходим куда-нибудь поужинать.

Лора с надеждой подняла глаза на Натаниэля, и, хотя Лили не хотела, но она повернулась на кресле, чтобы тоже на него взглянуть.

В нем не было ни капли агрессии, простое пресное равнодушие.

— Я должен увидеться с Джорджией, — он опирался своим весом на руку, покоящуюся на спинке ее кресла, но сказав, убрал ее.

— Я уверена, что Джорджия поймет. У нас гостя в доме, — ответила Лаура.

Натаниэль подошел к Лауре, и Лили зачарованно наблюдала за ними, как он остановился и поцеловал ее в лоб с родной любовью.

— Я больше здесь не живу, помнишь? — его голос звучал ярко, даже поддразнивая, и Лили почувствовала, как ее внутренности плавятся (совсем чуть-чуть).

— Уверена, Джефри найдет *какое-нибудь* развлечение для себя и Лили, — сказала Лаура, как бы бросая ему вызов, Лили не знала, что и подумать.

— Думаю, найдет, — пробормотал Натаниэль, глядя на нее своими темными глазами, *невероятно* темными глазами, сказав своим глубоким голосом:

— Лили.

Даже его голос, произнесший ее имя, вызвал мурашки у нее на коже, словно чье-то мягкое прикосновение, и он вышел также целенаправленно, как и его отец, из комнаты.

И Лили могла поклясться, что слышала, как Лаура произнесла себе под нос: «Черт побери!».

Нейт

— Я не могу поверить, что я делаю это, — голос Джорджии источал яд и наполнен злостью. — Я не могу поверить, что я согласилась принять участие в праздновании юбилея твоих родителей после того, как ты только что порвал со мной. Скажи мне еще раз, почему я это делаю?

Нейт маневрировал на Maserati, пытаясь припарковаться, потянул вверх ручной тормоз и выключил двигатель. Потом повернулся к Джорджии, облокотившись плечом на руль.

— Из уважения к моим родителям, — ответил он, и ему показалось, что это достаточное объяснение.

Его ответ был кратким, потому что терпение трещало по швам. Она причитала с тех пор, как они покинули его квартиру, и Нейт поклялся сам себе больше никогда не пугаться с избалованными до крайности и богатыми до неприличия сучками.

— Ну так я передумала, — резко сказала она. — Я не собираюсь этого делать.

Он отвернулся от нее.

— Тогда я уверен, ты сможешь сама найти дорогу домой.

Она ахнула, испытывая шок от возмущения, словно в Лондоне не существовало миллиона такси, способных отвезти ее домой, после того, как Нейт закончил с ней отношения.

Он вышел из автомобиля, совершенно не намереваясь открывать дверцу с ее стороны, как обычно делал, именно этой вежливости джентльмена учила его Лаура, а просто направился по дорожке к родительскому дому. Он услышал позади себя стук ее каблучков по тротуару через несколько минут, ускоряясь, пытаясь попасть в ногу с его большими шагами. Он не постучал во входную дверь, поскольку это был и его дом, хотя после стольких лет в это трудно поверить, он молча вошел внутрь.

Тут же услышал голоса гостей, приглушенные разговоры и смех.

Он знал, что Лили была где-то там.

Лаура позвонила Нейту, сообщив, что она убедила Лили остаться еще на одну ночь и поприсутствовать на вечеринке. Его мать пояснила, что проснувшись Лили почувствовала скованность и боль, и они сразу же вызвала врача. Лаура, заверила его, что у Лили все хорошо со здоровьем, но потребуется время для восстановления сил, и Лаура, будучи именно Лаурой, была полна решимости помочь ей восстановиться. У Нейта даже возникло ощущение, что Лаура добавила немного драматизма, чтобы оставить Лили у себя, особенно если учесть, что после того, как она рассказала ему историю страданий и боли Лили, в заключение объявила, что они собираются за покупками.

Нейт задавался вопросом, как Лили и Джеф провели прошлый вечер. Ему очень сильно не понравилась сама мысль «Лили и Джеф», но он счел ее намного более уместной, чем «Лили и Нейт».

Нейт знал кем он был, что он делал и откуда пришел. Он был совершенно свободен от предрассудков, повидавший достаточно много и добился всего с Джоржией в своей постели. Однако такие, как Лили Джейкобс с ее сладким тихим голосом, превосходной неприкосновенной кожей и доверчивыми глазами была не для таких, как Нейт.

Нейт МакАлистер не знал своего отца. Его мать была пьяницей, наркоманкой и, если уж говорить начистоту, шлюхой. Она была убита одним из своих обдолбанных любовников в грязной убогой квартире с такими же грязными убогими соседями. Нейт начал воровать еще до того, как его возраст начал выражаться двузначной цифрой, и его первая работа была работа на гангстера, хотя это было не долго, но это совершенно не меняло того факта, что Нейт участвовал в криминальной жизни до того, как вошел в подростковый возраст.

Лили Джейкобс была слишком хороша для него.

Нейт знал это глубоко в своей душе.

— Нейт! — окликнула его Даниэла, его приемная сестра, одетая в дорогое черное платье, которое, как обычно, оголяло слишком много плоти.

Она бросилась к нему, обнимая искренними, слишком долгими и совершенно не сестринскими объятиями.

— Я слышала, ты изобразил вчера героя, — заметила она, отстраняясь, но по-прежнему удерживая руки у него на плечах и ее глаза, такие же глаза, как у Лауры, но без теплоты, смотрели внимательно на него.

Он ничего не ответил.

— Она все еще здесь, эта американка, — сообщила ему Даниэла и уменьшила свой захват, когда он не ответил на ее прикосновения. — Ты должен взглянуть во что она одета. Она и мама направились где-то после обеда, думаю в Ковент-Гарден или Ноттинг Хилл, кто его знает? Пришли из магазина с кучей загруженных сумок. Стыдно ходить маме по магазинам в Ноттинг-Хилле в ее возрасте. О, привет Джорджия.

Джорджия появилась, остановившись рядом с Нейтом, ее лицо превратилось в маску гнева.

Даниэла внимательно оценивая, посмотрела на Джорджию, затем снова на Нейта, который выглядел совершенно равнодушным. Затем хитрая довольная улыбка пересекла ее лицо, делая ее красивые черты гораздо менее симпатичными.

— Все хорошо? — спросила она с притворной озабоченностью, уже зная ответ. Она очень внимательно наблюдала за их близкими отношениями в течение многих лет, и прекрасно знала, что время Джорджии подходит к концу.

— Прекрасно, — коротко ответила Джорджия, давно зная, что Даниэла рассматривает свою кандидатуру на любовные отношения с Нейтом. — О чем ты говоришь?

Даниэла скрестила руки на груди, от чего значительная часть ее груди приподнялась вверх, чуть ли не вываливаясь из платья без бретелек.

— Ну, по-видимому Нейт спас какую-то американку от карманника. Тот швырнул ее малость, и теперь мама с папой при ней, как няньки.

Затем Даниэла быстро перешла от противостояния с Джорджией к сотрудничеству, объединившись против нового врага — любой другой женщины, *особенно* привлекательной и потрясающей, Джорджия тоже любую другую женщину считала врагом, так же, как и Даниэла.

— Ты должна послушать ее рассказ. Половину его я вообще не поняла, что она говорит, потому что она очень тянет звуки. Наверное, потому что из *Индианы*, — Даниэла произнесла слово «Индиана», словно она попробовала что-то кислое. — Наверняка деревенщина. Мама думает, что она очаровательна. Я лично так не считаю.

Нейт почувствовал раздражение... нет, вернее, безмерное раздражения на слова Даниэлы. Конечно, у Лили наверняка был акцент, это совершенно естественно для

американского Юга, и, конечно, она была милой и да, имела деревенские манеры и такт. Тем не менее совершенно не сложно было ее понимать, и она не пыталась составить о себе лучшее мнение, она была такой, какой она была на самом деле. Даже сама мысль об этом показалась ему смехотворной.

— Мне нужно выпить, — объявил он, внезапно ему сделалось плохо.

Даниэла тут же вскинула на него свои ресницы.

— Мне тоже, будь любезен принеси мне, ладно?

Он сжал челюсти, ради Бога, она была его сестрой и рассматривать что-либо кроме этого, было просто мерзко.

Он научился за много лет просто игнорировать ее, поэтому просто вошел в гостиную.

И тут же увидел Лили.

Она стояла у камина рядом с Джефом, глядя на брата Нейта, на высоких каблуках и казалась почти одного роста с ним и неопределенно улыбалась.

Ее платье вовсе не было постыдным, не от кутюр, но было красивым и облегало фигуру, как будто было сделано специально для нее. Из шелка цвета зеленого яблока, с низким V-образным вырезом, делая лишь намек и оставляя место для воображения, не доходя до впадины между грудями, с тонкими рюшками вдоль выреза, которые удерживали платье на ее изящных плечах. Оно струилось по ее великолепному телу и было чуть выше колен.

Она не надела никаких украшений, даже серег, ей они были не нужны. Ее сверкающие глаза и блестящие волосы, убранные вверх, открывали лицо и шею, были единственным украшением, которое требовалось к такому платью. На ногах одеты босоножки на высокой шпильке темнее, чем цвет платья, с дерзким ремешком вокруг щиколотки и двумя тонкими перекрещивающимися ремешками спереди. Ногти на ногах, он заметил со свойственной ему внимательностью подмечать детали, были окрашены не в глубокий темно-красный цвет, как вчера, а перламутровый, переливающийся розовым.

Выглядела она, несмотря на дружескую улыбку, недостижимой недоступной принцессой.

Она также, отметил с обычной беспристрастностью Нейт, хорошо смотрелась рядом с Джефом. Они вдвоем составляли отличную пару, и Джеф явно это знал.

— Здравствуй, моя дорогой, — тихо Лаура коснулась его руки, и он повернулся, наклоняясь ниже, чтобы она смогла поцеловать его в гладко выбритую щеку.

Он посмотрел на женщину, которая стала его матерью, единственную женщину, которая была истинной его матерью, и улыбнулся с неподдельным удовольствием от того, что она стояла рядом.

— Хорошо проводишь время? — поинтересовался он.

— Я ненавижу это, — честно сообщила Лаура. Она была отличной хозяйкой, очень хороша в общении, но предпочла бы оказаться в компании своей семьи или небольшого круга близких друзей, чем на этой огромной вечеринке. — Но, Даниэла была полна решимости сделать это большое дело так что...

Нейт понял без слов ее недосказанность — Даниэла хотела устроить для Лауры и Виктора этот вечер, и Джеф помог ей с этим. Это было гораздо легче, чем выслушивать ее истерики, если бы родители не согласились. Нейт, казался единственным членом семьи, кто мог сказать «нет» Даниэле.

И делал он это часто.

— Как поживает Лили? — наконец решил Нейт поинтересоваться, оставив этот вопрос

«на сладкое», зная, что улыбка прошла по губам матери, и он пожалел, что не сдержался, потому что стало совершенно ясно, что оба его родителя решили сосватать его.

— Думаю лучше, хотя не уверена. Она твердо решила скрывать, что ей с трудом удастся двигаться, и что она до сих пор испытывает боль. Сегодня утром она больше горевала о моем огорчении, когда я узнала, что она едва смогла встать с кровати, не говоря о той боли, которую она ощущала. Но несмотря на все это у нас с ней был прекрасный день, — Лаура задумалась, затем наклонилась ближе и стала говорить шепотом: — Натаниэль, это очень странно, но у меня такое чувство, будто я знаю ее уже много лет, а не один день. Она такая открытая, такая милая. Ты должен послушать некоторые истории, которые она рассказала о своей семье в Индиане. Они веселые и жизнерадостные люди, такие же как она.

Нейт продолжал улыбаться Лауре, смешинки танцевали в его глазах, потом он перевел взгляд на Лили.

Он бывал в Америке несколько раз по делам, но никогда не был в Индиане. Он заинтересовался ее семьей, которая явно была далека от денег. Если принять во внимание ее сумочку, за которую она так боролась, словно в ней хранилось целое состояние. Он понимал это, потому что оплатил Лауре Рождество в прошлом году, не говоря о том, что в Лили имелся класс и воспитание.

— Сколько она здесь пробудет? — спросил он, не отводя взгляда от Лили.

— Я пытаюсь заставить ее остаться еще на один день и ночь, чтобы удостовериться что с ней все в порядке. Но она настаивает, что должна отправиться домой, — ответила Лаура.

Нейт был несказанно удивлен такой реакции Лили.

— У нее закончились каникулы? — спросил он.

— Что прости? — переспросила Лаура в ответ.

Он нехотя замер, наблюдая как Лили разговаривала с Джефом и отцом Джорджии, который так же был сражен ею, как и все остальные вокруг. И в этом не было ничего удивительного, потому что она опять сказала что-то, что заставляло мужчин закидывать назад голову и громко хохотать.

Нейт повернулся к Лауре.

— Я имею ввиду, ее каникулы, она хочет вернуться в Индиану?

Лаура пару секунд смотрела на него в замешательстве, потом отрицательно покачала головой.

— Нет. Лили живет здесь, в Англии, в каком-то приморском городке под названием Сомерсет. Она здесь уже в течение многих лет, сначала поступила в Оксфорд, а потом решила остаться.

«Американка в Оксфорде, которая решила остаться», — подумал Нейт.

Наверняка здесь замешаны деньги.

Это знание укрепило его мнение держаться от нее подальше. Он мог завоевать ее, конечно, но, если она когда-нибудь узнает о его прошлом, она задерет свой миленький образованный нос вверх.

А этого он не сможет вынести.

— Джеф, похоже, захватил ее в плен, — отметил он, придав своему голосу беззаботность, и точно зная, что лицо матери стало разочарованным.

— Да, — спокойно согласилась она, и Нейт даже услышал нотки разочарования в ее голосе.

— Они красивая пара, — рассеянно заметил он, отвернувшись от Лили, и пытаюсь

избавиться в мыслях о ней и больше подумывая выпить, а скорее всего напиться. — Надеюсь, что что-то из этого получится, потому что она так тебе нравится, — произнес Нейт, наклонившись и нежно поцеловав Лауру в щеку, прежде чем покинуть ее разочарованной, отправляясь искать себе выпивку.

В течение последующих двух часов, на вечеринку все прибывал и прибывал народ (никто не собирался пропускать вечеринку у Робертсов, несмотря на то, что она была отложена на день, Виктор, остается зашадкой, как ему удалось, но в баре было полно выпивки постоянно, несмотря на прибывающее количество гостей), Нейту в течение это времени даже не пришлось стараться избегать Лили, потому что его атаковывали знакомые по бизнесу, и женщины, которые желали заполучить его внимание.

Почувствовав, что выполнил свой долг перед своими родителями, он решил удалиться в тишину и покой с сигаретой. Поскольку Лауре не нравилось, что он курит, делал он это не в доме, и Виктор пытался приучить его к сигарам, которые сам любил, но естественно тоже курил их не в доме. Но Нейт остался верен себе, придерживаясь этого недостатка, который напоминал ему о том, кем он был, по крайней мере, это было законным.

Он пробрался к входной двери и открыл, застыв на пороге, увидев Лили сидящую на верхней ступеньке крыльца.

Он не обратил внимание на ее платье, которое было с низким вырезом и рюшками вокруг V-образного выреза на спине, достигающего чуть ли не до талии и выглядевшем так уязвимо и соблазнительно. Ее волосы были собраны вверх бессистемно, но стильно на затылке, и локоны чистого золота спадали на шею.

Она повернула голову к нему, и он заметил, как она поморщилась от движения.

Его губы превратились в тонкую полоску при виде ее боли, и он подумал, уже не в первый раз, что ему не следовало останавливаться, когда он сжимал горло вора.

При виде его на ее лице отобразились эмоции похожие на странную меланхолию, но она попыталась скрыть их совершенно безуспешно, и поэтому просто сказала:

— Привет.

— Лили, — поздоровался он в ответ, непонятно из-за чего раздражаясь. Может быть из-за того, что он не мог вернуться в дом и закрыть за собой дверь, это было бы не вежливо и показало бы, что он слишком явно ее избегает ее, поэтому он вышел на крыльцо и прикрыв за собой дверь. Он встал рядом с ней, оперевшись бедром о блестящие черные кованые перила, вытащил пачку сигарет из внутреннего кармана пиджака и спросил:

— Не возражаешь?

Все это время она наблюдала за ним ни на минуту не отводя глаз, затем ее взор обратился к сигаретам и что-то непонятное промелькнуло у нее во взгляде.

— Тебе не стоит курить, — тихо сказала она обычным тоном, в нем не слышалось неодобрения.

— Ты говоришь, как Лаура, — ответил он.

— Лаура права, — парировала она, опять показывая свой характер, с которым он уже успел познакомиться во время ее безумной гонки за карманником.

От ее слов он убрал назад пачку в карман, но она отрицательно покачала головой и отвела взгляд.

— Нет, нет, кури. На самом деле, я не против, — соврала она.

Может из-за того, что он точно знал, что ей не понравится, он прикурил сигарету от золотой зажигалки, которую ему подарил Виктор, в это время она поудобнее уселась в свое

первоначальное положение, в котором он ее и застал — наклонившись вперед, оперевшись локтями о колени и обхватив себя руками.

— А где Джеф? — все-таки он вынудил себя спросить, хотя уже не волновался об этом, потому что в ответ она только повела плечами и промолчала.

Она тихо смотрела в пол, пока он спокойно курил и продолжал созерцать ее безупречную кожу на наклоненной спине. Он задумался над вопросом — какова ее кожа на вкус и, наконец, она решила нарушить молчание, странным образом:

— Я так и не поблагодарила тебя, — произнесла она, прерывая его мысли.

— Прости что?

Она опять повернула голову и подняла на него глаза.

— За вчерашний день, за мое спасение... ну, меня... от карманника. Я не сказала: «Спасибо».

Он не знал, что сказать на это.

— Спасибо, — прошептала она.

Он слегка приподнял подбородок в знак принятия ее благодарности и показывая свое удовлетворение на ее тихие слова.

— Это было очень героически, — сказала она ему.

— Вряд ли это было героически, — пренебрежительно ответил он.

Ее созерцательное выражение лица сменилось, и уголки губ немного приподнялись вверх.

— Если учесть, что присутствовало около трех тысяч свидетелей и ни один из них не двинулся с места, чтобы помочь мне, я бы сказала, что это было героически.

— Я бы сказал, что три тысячи это немного преувеличено, — произнес он в ответ легко и слегка поддразнивая ее, и обнаружил для себя, что не в состоянии не ответить на ее еле заметную улыбку.

Его слова привлекли все ее внимание и глаза ее заискрились, и он на мгновение замер.

— Преувеличение? На самом деле, *чувствовалось*, как три тысячи человек, — отметила она, откинувшись назад, оперевшись руками в пол крыльца и небрежно скрестив ноги. Подол ее платья поднялся выше колен, показывая бедро, и Нейт почувствовал, как его тело бросило в жар от этого. — Я почувствовала себя в роли уличного артиста, который с шапкой должен пройти по кругу зрителей после того, как все закончилось. Могу поклясться, что некоторые из них даже фотографировали меня.

Он почувствовал, как его собственные губы еле сдерживаются от улыбки, и его настороженность просто таяла на глазах, от ее собственного подтрунивания над ситуацией, которой она оказалась.

— Они действительно фотографировали, — сообщил он ей.

Она покачала головой и тихонько рассмеялась, ему понравился этот звук, он ощущался, словно легкое физическое прикосновение.

— Люди, — пробормотала она с каким-то своим смыслом, и Нейт нашел это очаровательным. Скорее всего она не имела ни малейшего представления, до какого низа и глубины способны опуститься люди. И тогда он очень сильно пожелал, даже довольно пылко, что для него было совершенно нехарактерно, чтобы она никогда так и не узнала этого.

Она глубоко вздохнула и перевела взгляд на дорогу.

— Хотя не знаю, но некоторые из них определенно изменились, — сказала она.

— Да, — согласился он.

Они определенно изменились.

Через минуту с ней наедине, он начинал забывать о своем твердом решении держаться от нее подальше, похоже он собирался забыть с ней многие вещи, которые не позволял себе забыть в течение шестнадцати лет.

Он кинул окурок в канаву водостока, и обратил внимание, как ее тело замерло от его действий.

Потом она сделала нечто совершенно экстраординарное.

— Ты просто так мусоришь! — обвинила она его с такой горячностью, грациозно вскочив на ноги и глядя на тлеющий окурок, словно это была бомба, которая должна была взорваться и снести половину улицы.

Затем ее взгляд переместился на него.

Он ни слова не сказал в ответ. Она была, конечно же, права.

Она становилась еще более потрясающе красивой, когда злилась.

— Фазир говорит, что нельзя мусорить. Он говорит, что люди слишком много мусорят, — произнесла эту тираду, она спустилась вниз по ступенькам. Нейт обомлев наблюдал, как она направилась напрямик к его окурку, медленно наклонилась, достав его из канавы и зажав пальцами, словно это была самая отвратительная вещь, которую ей доводилось держать в своих руках. — Он говорит, что люди должны лучше заботиться о том месте, где живут, иначе оно не сохранится долго в такой красоте. — Она наклонилась вперед и наступила на окурок ногой, предоставив ему дразнящий вид своего декольте.

— Кто такой Фазир? — спросил Нейт, не отводя от нее глаз, она выпрямилась, и ее щеки разругались от гнева, и он понял, что его решение, принятое в начале этого вечера, ускользает, опускаясь фактически до нулевой отметки, вернее даже переходя за нулевую отметку, после того, как он увидел ложбинку ее груди, стал свидетелем ее улыбки, не говоря уже о том, когда она сказала: «Спасибо».

Она оглядывалась кругом, пытаясь найти место, куда бы можно было выбросить окурок.

— Он друг семьи, он помог вырастить меня, — рассеянно объяснила она.

— Лили, дай мне окурок, — тихо сказал Нейт, глядя ей в глаза, и она сосредоточилась на нем. Он протянул руку, она поднялась по ступенькам, остановившись за две до верха, и положила ему в ладонь остатки сигареты.

После своих довольно тщетных попыток спасти Землю от его окурка, она, казалось, запоздало поняла насколько странным выглядит ее поведение со стороны, поэтому стала выглядеть немного растерянно и подавленно.

— Мне кажется, — прошептала она, смотря в другую стороны и стараясь не встречаться с ним глазами, — что с моей стороны это было немного грубо, — произнесла она, словно грубость было худшим из грехов.

— Не более грубо, чем мое бездумное участие в уничтожении планеты, — мягко ответил он, поддразнивая ее.

Ее глаза взметнулись к нему и ее огорчение моментально улетучилось, потому что она рассмеялась от души, не жеманно, а с большим чувством, и это так подействовало на него, что он улыбнулся ей в ответ.

И в этот момент, его принятое решение было окончательно сломлено.

— Да, правда, — она перестала смеяться, но в ее глазах по-прежнему плясали смешинки, — ты наверняка более грубый, чем я. Тебе должно быть стыдно, Нейт, очень

стыдно.

Он спросил, прежде чем смог остановить сам себя, прежде чем задумался над своими словами и прежде чем вспомнил все причины, по которым не должен был спрашивать:

— Ты останешься до завтра?

— Прости? — она насмешливо наклонила голову, и ее великолепные глаза, все еще продолжали улыбаться.

— До завтра. Ты остаешься у Лауры и Виктора до завтра?

— Я..., — она явно колебалась, глядя на него, — я так не думаю. Я и так слишком долго пользуюсь их гостеприимством. Твои эм... родители очень добры, но рыба и гости начинают «вонять» после трех дней.

— Что? — он больше не останавливал себя от этой мысли, потому что, понятия не имел, о чем она говорит.

— Так часто говорила моя бабушка, рыба и гости начинают вонять через три дня. Так она выражала, что не стоит злоупотреблять гостеприимством, если ты в гостях, — она поднялась на последние две ступеньки и встала перед ним, задрав кверху голову, чтобы посмотреть ему в глаза. — Я хочу сказать, что мне пора возвращаться домой.

— Ты здесь всего лишь два дня, — напомнил он ей доброжелательно улыбаясь и глядя на нее сверху-вниз. В ней что-то изменилось, как только она поймала его улыбку, и почему-то это вызвало румянец у нее на щеках.

— Я думаю, что когда я прибыла сюда, то даже не знала Лауру и Виктора, поэтому думаю вполне справедливо сократить срок до двух дней. Так что я изжила свой срок годности, — она мило улыбнулась и ему пришлось приложить все усилия, чтобы не схватить и не заключить ее в свои объятия.

Она стояла близко, неприлично близко, но недостаточно близко, чтобы чувствовать мягкость ее тела, он ощущал только аромат ее тонких духов.

Он подался вперед всем телом, оторвавшись от перил, став на несколько дюймов ближе, и уже не существовало между ними благопристойного расстояния.

— Остайся еще на день, — убеждал он, его голос стал низким и немного требовательным.

Ее тело почти незаметно вздрогнуло и ей пришлось еще дальше отклонить голову назад, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Почему? — прошептала она, в ее глазах светилось восхитительное недоумение.

Он приблизился еще ближе, и ее голова откинулась назад еще больше. *«Так она будет выглядеть, когда я поцелую ее»*, — эта мысль словно пуля пронеслась у него в голове.

Она застыла, как вкопанная, Нейт поднял руку и накрутил на палец ее завиток волос, спускающийся по шеи, он был таким мягким.

— Тогда я смогу пригласить тебя на ужин завтра вечером, — ответил он спокойно.

Именно в этот момент Нейт понял, что она перестала дышать.

В ней было что-то такое, что заставило его понять, что он находится под полным и тотальным ее контролем. Она смотрела ему в глаза, в самую глубину, теряясь в нем, попросту говоря, она могла сделать с ним все, что захотела одним только взглядом, не произнося ни единого слова.

И это его потрясло, потому что это превосходное, первозданное, недоступное творение могло потеряться в нем, в Нейте МакАллистере, мальчике с неудачной стороны города, сына шлюхи. Он имел невыразимое, но опьяняющее желание закричать от своего открытия, и

такое же сильное желание похоронить себя в ней полностью, похоронить свой язык в ее рте, похоронить себя глубоко внутри нее, заявить на нее права, обладать ею, сделать что-то крепкое, долговечное, сделать ее по-настоящему своей.

— А что с твоей невестой? — выдохнула она.

— У меня нет невесты.

— А твоя девушка... как ее зовут, Джорджия?

— Джорджия и я больше не вместе.

Как только он это сказал, она не колеблясь ответила:

— Хорошо.

Он выпустил ее волосы и провел пальцем по мягкой коже у уха, вниз по скуле к шее.

Ее губы вздрогнули.

— Что хорошо? — мягком спросил он.

— Я останусь еще на одну ночь, — ответила она, ее голос звучал мягко.

Нейт улыбнулся.

Лили вздохнула.

Лили

— Натаниэль уже здесь, Лили.

Лили подпрыгнула. Виктор заглянул в дверь гостевой спальни, и ему было достаточно одного взгляда, чтобы он начал улыбаться.

Он полностью открыл дверь и остановился.

— Ты выглядишь прекрасно.

— Правда? — ее голос звучал как-то сомневающееся и, возможно, даже слегка напугано.

— Да, Лили, ты прекрасна.

— Я..., — она не знала, что ответить, поскольку не считала себя прекрасной. Она никогда даже не считала себя симпатичной. Она понятия не имела, что на самом деле была превосходной.

И кроме того, она понятия не имела, почему Нейт обратил на нее свое внимание. *«Временное помешательство»*, — решила она. Или, что более вероятно, подумала она, *он* жалеет ее за страдания, причиненное падением, и за то, что она так растерялась, когда «спасала» его окурки. Тысячи людей выбрасывают повсюду тысячи окурков в день. Она же набросилась на него так, словно он решил совершить убийство. Мысль об этом заставила ее почти чуть ли не умереть от смущения.

Но она не собиралась смотреть «дареному коню», или в данном случае «коню», которого явно сотворил Фазир и сама причина, по которой Нейт пригласил ее на свидание, тоже видно была сотворена магией Фазира.

Поэтому Виктору Лили могла сказать лишь: «Спасибо».

Виктор склонил голову, и она могла поклясться, что он посмеивается над ней, но не зло. Это была самая странная ситуация, которая случилась в ее жизни.

Не то, чтобы она была во многих странных ситуациях, она жила довольно замкнуто и уединенно.

Но это явно была такой ситуацией, конечно, если не учитывать того факта, что один из «взрослых», который воспитывал и у кого она выросла прямо на руках был настоящим джинном, но поскольку она знала его всю свою жизнь, то считала это самой естественной вещью в мире.

Но она никогда настолько не оставалась с людьми, которых едва знала, хотя ей казалось, что она знала их всю жизнь. Она пользовалась их добротой, хотя ее мать и особенно отец считали, что вежливость и хорошие манеры гораздо важнее, чем воздух, учили ее не пренебрегать приличиями. И она собиралась на свидание с их сыном, хотя почему-то ей казалось, будто бы она их дочь, и они сами были невероятно горды, что она решила пойти на свидание с высоким, темноволосым, красивым, самым популярным капитаном футбольной команды.

Не зная, что делать, Лили просто стояла по середине комнаты.

Она еще ни разу за всю свою жизнь не ходила на свидания.

Она одела один из своих нарядов, который купила накануне, ходя по магазинам с Лаурой. Она не могла позволить себе такие наряды, но как только она увидела его, то

полностью влюбилась, как и во все остальное, что купила вчера. Если бы ее мать узнала, что она воспользовалась своей кредитной картой, потратившись на наряды, а не на вещи первой необходимости, Бекку бы хватил удар.

Она надела прямую юбку-карандаш пастельных розовых тонов, которая смело была украшена узором вокруг подола мато-красного и оранжевого цвета. Сверху она надела розовую облегающую кофту из хлопка, потом мато-красный кардиган, оставив его открытым спереди. Лаура одолжила ей туфли (Лили не знала, что они принадлежали Даниэле, если бы узнала, то не надела бы их, у нее была бы такая же реакция, как и у Даниэлы, и она также относилась к Джеффри), красные, на шпильке Chanel.

Она выглядела прямо из пятидесятых, не хватало только платка на шею — Пинк Леди только еще более классно.

Но чувствовала она себя полной идиоткой.

Она не имела ни малейшего представления, насколько потрясающе шикарно выглядит.

Она подобрала небольшую кожаную красную сумку, которую Лаура одолжила ей.

— Все в порядке? — спросил Виктор, внимательно наблюдая за ней.

— Я..., — начала было она, но потом замерла, посмотрев на него с надеждой. Она совсем его не знала, поэтому не могла броситься к нему в объятия, но почему-то очень сильно доверяла ему, поэтому сказала: — Виктор, я не знаю, что мне делать.

Ее голос был таким тихим, что он едва ли слышал ее, и зашел вглубь комнаты.

— Что ты имеешь в виду? — он выглядел немного озадаченным, и его лицо всегда контролируемое, сейчас было совершенно другим.

Она приподняла руку, затем стала теревать сумочку, а потом разглядывать свой маникюр.

— Я никогда не была на свидании, — она перестала разглядывать пальцы, просто тихо ответила.

— Черт побери, — выругался Виктор, — ты должно быть шутишь.

Ее голова вздернулась вверх, и она взмахнула руками.

— Похоже, что я шучу?

Она имела в виду свою внешность, пока рассматривала себя в этом экстравагантном наряде Пинк Леди, который сидел на ней так, как будто был создан специально *для нее*. Она знала еще со школы, когда ее дразнили все, кому не лень многие годы, что она не такая уж красавица и никогда ей не будет. Да, она похудела и видела это, поскольку не была слепой и смотрелась в зеркало, и видела размер на ярлыках одежды, но независимо от этого, она так и не приобрела уверенности в себе.

— Сколько тебе лет? — спросил Виктор прищурившись.

— Двадцать два.

— Черт побери, — повторил он.

— Это не поможет, — она попыталась пошутить, но ее голос звучал с волнением и испуганно, поскольку она сама была очень напугана.

— Ты, должно быть, росла в монастырской школе, я прав?

Она удивилась такому вопросу, но ответила честно:

— Нет, просто в маленьком городке в Индиане.

Он двинулся к ней.

— Это все равно, что одно и то же, — пренебрежительно сказал он, обняв ее за спину и подталкивая к двери, хотя ее тело полностью этому сопротивлялось. — Ты просто

спустишься вниз, улыбнешься Натаниэлю и после этого, я обещаю, Натаниэль позаботится обо всем остальном.

Она расслабилась, позволяя вести себя по коридору.

— Почему вы называете его Натаниэль, когда остальные зовут его Нейт?

Разговоров о Нейте было предостаточно. Казалось, Нейт был самой популярной темой для разговора почти у всех. В первый вечер — с Джеффри, которому, Лили поняла, очень многое не нравится в Нейте; на следующий день, когда она познакомилась с Даниэлой, которая тоже рассказывала о Нейте довольно много, но он ей нравился гораздо больше, чем ее брату; вчера на вечеринке, где все в основном хотели узнать, где Нейт, чтобы побеседовать с ним; и в тот день, когда она ходила с Лаурой и Даниэлой на ланч и за покупками по магазинам, где не могла даже позволить себе купить зажим для волос из-за цены.

Лили пыталась перевести свое внимание на другие вещи, чем на предстоящее свидание с мужчиной ее мечты, мужчиной ее самого горячего и сильного желания, мужчиной, о котором она читала любовные романы в течение многих лет. Этот мужчина воплотился в ее жизни и сейчас, пригласил ее на ужин.

Но мысли бесконечно возвращались к нему, и она не могла остановить себя не задавать вопросы.

— Натаниэль так зовут джентльмена, гения, мужчину со средствами и властью. Нейт же это просто имя. А мой Натаниэль — это *Натаниэль*, — сказал Виктор с такой гордостью, что Лили не могла удержать себя от улыбки.

— Вы знаете, я думаю, вы правы, — сказала она ему, и Виктор утвердительно кивнул на ее слова.

— Он предпочитает Нейт, чем у меня и у Лауры вызывает вечное раздражение, — признался Виктор шепотом.

Они спускались вниз по лестнице, и она запрокинула голову назад и расхохоталась на его замечание. И подумала в этот момент, что ей очень сильно нравится этот сильный мужчина, он напоминал ей ее отца. И поэтому, будучи Лили Джейкобс, она сказала ему об этом.

— Вы очень добрый человек, Виктор, спасибо вам за всю заботу и доброту, которую вы мне оказали.

Он замер на нижней ступеньки, резко и удивленно повернулся к ней, буря ее взглядом, словно она попыталась ему надерзнуть.

— Я... — теперь наступила его очередь заикаться, и от этого она почувствовала себя неуютно, потому что поставила его в такое положение. Он производил впечатление человека, которому просто необходимо все контролировать.

Она своими словами окончательно спутала его. Но она подумала, что ему следует знать, что он добрый, Господи, это совершенно было не похоже, как если бы она сказала ему, что он Супермен, и он может поймать пулю зубами.

Он восстановил над собой контроль, и она вдруг поймала себя на мысли, что контроль ему необходим, словно броня.

Затем заметил:

— Должен сказать, Лили, рад, что у тебя похитили сумочку.

— *Что?* — произнесла она довольно громко на его хихиканье.

— Если бы этого не случилось, мы, возможно, никогда бы не встретили тебя, —

объяснил он, беря ее за руку и по-отечески погладив, этот жест совершенно ему не подходил.

— Что происходит? — спросил Джеффри сутулившись у стены, скрестив на груди руки и всем своим видом выражая несчастный вид.

Лили и Виктор заметили Джефа, уже спустившись с лестницы, и Лили почувствовала укол вины, хотя и не могла понять почему. Она также заметила существенное различие, как Джеффри облокачивается плечом на стену, в отличие от Нейта. Джеф — безразлично сутулился, Нейт же — по-хищнически *опирался*.

— Лили и я обменялись личным, — заявил Виктор, его голос стал каким-то отключенным.

— У Лили, кажется, становится все больше и больше личных моментов с членами нашей семьи за очень короткое время, — прокомментировал Джеф.

Что-то в его словах задевало, и он произносил их совершенно четко, показывая свои намерения.

Лицо Виктора окаменело, он уставился на своего сына.

— О, Лили, ты прекрасно выглядишь! — пропела Лаура, выходя из гостиной, к счастью, нарушив странный напряженный момент. За ней следовал Нейт и при виде его, колкости Джефа сошли на нет, и Лили перевела дыхание.

Впервые она видела его не в костюме, он был одет в выцветшие джинсы, черный с V-образным вырезом пуловер и черные ботинки.

И он выглядел абсолютно красивым.

— Для нее будет тяжело ехать на твоем байке в этом наряде, — голос Джефа становился из-за его угрюмости, вздорным, повышаясь и раздражительным.

— Байке? — пробормотала Лили, смущаясь при виде Нейта, и чуть ли не плаваясь.

— Можно взять «Ягуар», — предложил Виктор.

— Ты катался здесь на байке? — она смотрела на Нейта во все глаза, сама мысль о Нейте на *велосипеде* (*bike* в англ. Языке обозначает велосипед и мотоцикл) казалась нелепой. Романтические герои не крутят педали на велосипедах. Но это был, конечно, Лондон, где велосипеды были самым лучшим и простым транспортом, но она просто не могла ничего поделать с собой, находя это факт довольно разочаровывающим, хотя и понимала, что это не красиво.

— Машина, к сожалению, в сервисе. Мы возьмем такси, — объяснил Нейт.

— Байк? — по-прежнему недоуменно повторяла Лили.

Джеф оттолкнулся от стены.

— Да, его Дукати. Нейт любит ездить быстро, и подвергать свою жизнь опасности. — Это было сказано не так уж резко, и показалось, что в голосе Джефа не слышалось ревности или чего-то еще.

— Что такое *Дукати*? — повернувшись к Виктору, спросила Лили все еще ошеломленная, но ей ответила Лаура.

— Мотоцикл, моя дорогая, он не должен ездить на нем. Это опасно. Я постоянно говорю ему, что он убьет себя, устраивая такие гонки на мотоцикле, словно на спортивном автомобиле, но он не слушает свою мать? Нет, он определенно не слушает.

Ее глаза с восторгом метнулись к Нейту.

Мотоцикл!

Лили начисто отмела мысль о мужчине, похожим на Нейта, мужчине, который вел себя, как Нейт, мужчине, который ездил на мотоцикле (как Нейт), пока слушала его мать.

Единственной мыслью была мысль о его мотоцикле.

У ее отца тоже был мотоцикл, и он всегда брал ее с собой, поэтому она будет умолять Нейта поехать на мотоцикле. Ей нравилось ездить на байке, когда ветер бьет в лицо. Она любила скорость, опасность (хотя никакой реальной опасности не было, Уилл всегда водил очень осторожно и никогда не рисковал, но она воображала, что опасность все же была).

Поэтому она захлеб воскликнула:

— *Я люблю мотоциклы!*

Весь день она уговаривала себя сохранять спокойствие, рассудительность и быть собранной. Вести себя так, как Нейт привык, и не показывать, что она была простой девчонкой из маленького городка, в котором в этом она была уверена, Нейт до смерти бы заскучал.

Но мотоцикл!

Она понятия не имела, что, когда она так взволнована и восторженна, она выглядит такой соблазнительной и желанной, так же как и звучит ее голос.

Лили повернулась к Нейту с сияющими глазами и спросила:

— Можно мы поедem на твоem мотоцикле?

Нейт и Джеф, который стоял сбоку, оба уставились на нее, теряясь в ее восторженном и наполненном желания взглядe.

Нейт первый вышел из оцепенения.

Он подошел к ней, улыбка едва проступала на его чувственных губах.

— Я бы сказал, что твоя юбка не предназначена кататься на мотоцикле.

Она небрежно взмахнула рукой, без тени искусственности и ответила:

— Не волнуйся, я приподниму ее повыше.

Виктор откашлялся.

Лаура опустила голову и улыбнулась в пол.

У Джефа (она не видела его) в прямом смысле отвисла челюсть и тут же (хотя Лили об этом тоже не знала), он решил про себя, что ненавидит Нейта еще больше.

Нейт смотрел на Лили с какой-то теплотой, от которой внизу живота у нее с щекоткой что-то порхало.

— У тебя есть лишний шлем? — упрямо спросила она, пытаясь не упустить возможность прокатиться на его мотоцикле, также как она упрямо игнорировала странное трепетание в животе.

— Да, у меня есть один, — ответил он глубоким голосом.

— Это все решает, — объявила она, захлопав в ладоши и соединив свои пальцы вместе, уставилась на него с ликованием.

— Лили, — произнес он тоном, каким явно всегда отказывал, и она подалась ему навстречу.

— Нейт, пожалуйста? У моего отца есть мотоцикл, — она произнесла «мотоцикл» растягивая звуки, как и многие в Индиане, — он любит ездить со мной. Я хороший пассажир, вот увидишь. Я не буду тебя отвлекать, обещаю.

Ее слова были сказаны без задней мысли, и веселье мерцало в глазах Нейта, в тот момент, когда Джеф пробормотал:

— Это неприемлемо.

Она повернулась к Джефу.

— Почему, — гневно спросила она, — я очень хороший пассажир, так всегда говорит

папа. — И она опять повернулась к Нейту.

Он наблюдал за ней так, словно она была самым очаровательным созданием, которое он впервые увидел.

Но выражение его лица отчетливо говорило, что он готов сказать «нет».

— Пожалуйста, — шепотом взмолилась она, и от мерцающих глаз Нейта, у нее в животе совсем защекотало и подпрыгнуло.

— Ради Бога, Натаниэль, прокати ее на байке, — сломался Виктор, уступая ее мольбам в своей обычной манере, так он всегда поступал со своими детьми.

— Нет! — отрезала Лаурара. — Лили, ты одела *юбку*, — отметила она.

Лили молча умоляюще смотрела на Нейта.

— Ты действительно хочешь прокатиться, не так ли? — тихо спросил Нейт.

Она радостно кивнула, скорее предугадывая прежде, чем он ответит, что он переменял свое решение.

— Мы поедem, — сказал Нейт.

— Ура! — воскликнула Лили, захлопав в ладоши, с полным восторгом, позже она подумает, что скорее всего выглядела маленькой дурочкой, не отдавая себе отчета, насколько привлекательной и искренней было ее ликование.

— Черт подери, — выругался себе под нос, но не совсем под нос Джеф.

— Хватит, Джефри, — отрезал Виктор.

Лили полностью проигнорировала их, потому что она боялась, что Нейт может передумать, поэтому быстро спросила:

— Где шлем?

— Я принесу, — сказала Лаура с достоинством, но несколько более жестоко, нежели обычно.

— Я заберу свою куртку, — Нейт последовал за матерью, которая направилась в сторону кухни, а он свернул в гостиную.

Виктор протянул Лили руку, с хитровой ухмылкой на лице.

— А я познакомлю тебя с Дукати.

— Хорошо, — выдохнула Лили, ее глаза блестели.

Виктор повел ее к байку, она никогда не видела таких раньше (намного *красивее*, чем был у ее отца), и она сразу же влюбилась в него, как только увидела.

Через несколько минут к ним присоединился Нейт.

Джеф куда-то испарился.

— Надень это, — сказал Нейт, протягивая ей черную, кожаную куртку.

— О нет, она же твоя, — запротестовала Лили, застеснявшись от одной только мысли, что наденет на себя его куртку.

— Лили, это необходимо, кожа хоть как-то будет тебя защищать. Господь знает, что делает, остальная часть тебя не будет защищена, — пояснил Нейт с раздражением в голосе, пытаясь вернуть себе контроль.

— Ты собираешься попасть в аварию? — спросила она, наклонив голову.

— Нет, — ответил он, ухмыльнувшись, уголки его губ подергивались от улыбки. Она явно видела, что он развлекается, споря с ней.

— Ты когда-нибудь попадал в аварию?

Его темные глаза переместились на отца, Виктор усмехнулся.

— Просто надень куртку, Лили, — произнес Нейт тоном, не терпящим возражений.

Она проигнорировала его указание.

— У тебя *была* уже авария?

Нейт не ответил, а смешок Виктора превратился в добрый смех.

— Я надену куртку, — благоразумно решила она.

— Хорошая идея, — пробормотал Нейт, подставляя ей рукава, в которые она скользнула.

Она почувствовала головокружение, но ей было все равно, ей было приятно, что он ухаживал за ней. Он развернул ее к себе лицом, положив руки на плечи, и когда она почувствовала его руки на своих плечах, ей захотелось так и остаться (или вернее она хотела, чтобы его руки на ней задержались подольше) на всю оставшуюся жизнь. Потом она уже не чувствовала тяжесть его рук, она удивилась как ловко он застегнул молнию на куртке, почти до самого подбородка.

Она тут же пожалела, что разрешила себя уговорить надеть его куртку.

Потому что сейчас она *действительно* выглядела, как Пинк Леди, одетая в огромную кожаную куртку байкера.

Но ее сожаление тут же испарилось, как только она подняла глаза на Нейта. Он смотрел на нее сверху-вниз в теперешнем ее наряде, и несмотря на то, что у Лили не было никакого опыта, но даже она поняла, что в его глазах было что-то напряженно собственническое, необузданное и очень, очень опасное, но в *хорошем смысле* слова.

Она с трудом сглотнула.

— Вот шлем, — произнесла, появляясь Лаура.

Собравшись с духом и решив больше сосредоточиться на появившейся неожиданно-негаданно Лауре, Лили взяла шлем и слегка улыбнулась, откинув волосы и мастерски надев его, Нейт перекинул мускулистую ногу через байк, и Лили отметила, может быть даже немного рассеянно, как натянулись его джинсы на его мускулистых бедрах.

Он опустил маску и повернул к ней голову. Она совершенно не задумывалась о своих действиях, просто боялась, что он может передумать в последний момент, поэтому быстро задрала юбку вверх, помогая покачивая бедрами и подергивая согнутыми коленями. Когда юбка поднялась фактически до бедра, давая ей возможность оседлать мотоцикл, она закинул ногу на сидение позади Нейта. Лили весело взмахнула рукой Лауре и Виктору и не задумываясь обвила руками талию Нейта точно также, как держалась за своего отца.

— Я готова! — крикнула она, и ее голос приглушенно рикошетом прозвучал у него в шлеме.

Нейт коротко кивнул, завел мотор и двинулся вперед, его движение никак не сказалось на ней, сидящей сзади, потому что так всегда делал отец, но ей показалось, почему-то движения Нейт очень уж мужскими.

Затем они помчались.

Ее руки, небрежно обхватывающие его за талию, ухватились крепче, потому что Нейт ездил ни как Уилл. Нейт ездил быстро, и Нейт ездил жестко.

Пока они мчались, ее руки поднимались все выше и выше по его груди, сильнее держась за него, пока она всем телом не была прижата к его спине, а ее бедра не вжимались в его ноги, она словно сливалась с ним полностью.

Но ей было все равно, она восхищалась им.

Она мчалась с Нейтом на байке и только это имело значение.

Она положила подбородок ему на плечо, и ей нравилась каждая минуту этой поездки.

Они прибыли, и Нейт остановился, припарковавшись на определенном месте, Лили легко соскочила с сидения и извиваясь стала тянуть свою юбку вниз. Когда она выпрямилась, Нейт уже встал на землю. Она видела, что он наблюдает за ней через темное стекло шлема, затем поднял руки, чтобы снять его. Она также сняла свой шлем, трясая головой, чтобы убрать волосы с лица.

— Это было великолепно! — воскликнула она, все еще находясь под впечатлением от быстрой езды. Она не видела себя со стороны, как улыбка сияла у нее на лице, и как ярко от восторга горели ее глаза.

И тогда случилось то, о чем она даже и не догадывалась, никогда не планировала, не мечтала, не желала и никогда бы не узнала даже за миллион лет.

Удерживая шлем пальцами одной руки, другой рукой Нейт обхватил ее за талию и с усилием резко притянул к себе, похитив ее дыхание.

Она впечаталась в его жесткое тело.

Затем его рот опустился на ее губы.

Жестко.

Из горла у нее вырвался удивленный сдавленный возглас сам по себе.

Она чувствовала тепло его тела даже через кожаную куртку, ее грудь приятно прилепилась к его твердой каменной груди, она расслабилась в его руках. Ее губы раскрылись, она положила руки ему на плечи и прижалась к нему сильнее, у нее в животе возникло сальто после качки от поездки и после...

Он отодвинулся также резко, как и набросился на нее.

Это было впервые, когда ее поцеловали, она не могла вздохнуть.

— После ужина, мы поедem ко мне на квартиру, — заявил Нейт голосом, который вызвал мурашки у нее по позвоночнику и по всему телу.

Она даже не подумала отказать ему, просто кивнула.

Он забрал у нее шлем, взяв их в одну руку, взял ее за руку и повел в ресторан.

И, только сейчас со свистом, она выдохнула.

* * *

— Пойдем прогуляемся.

Лили стояла на тротуаре, глядя на Нейта.

Солнце по-прежнему освещало небо и даже после всех этих лет, проведенных здесь, она не могла привыкнуть к длинным летним дням в Англии.

У них был прекрасный, вкусный ужин, за которым в большинстве своем говорила она. Нейт почти ничего не говорил, и вообще, она нервничала, очень нервничала в основном из-за идеи оказаться у него в квартире после ужина, и еще от того, что он продолжал смотреть на нее как-то странно.

— В квартиру? — спросил Нейт, сверху глядя на нее, его красивое лицо выглядело расслабленно, на губах бродила еле заметная улыбка.

— Нет, просто прогуляемся. Мне необходимо размять ноги, — раньше так говорила Сара всегда после обеда, она потянула его за руку, у него были сильные руки с длинными пальцами. Лили нравились его руки, Лили все нравилось в нем. — Пошли, — позвала она.

Она пошла вперед, но почувствовав, что он остался на месте, она остановилась и оглянулась, мотнув головой, как бы приглашая и с надеждой улыбнувшись.

Нейт смягчился от ее улыбки и пошел за ней.

Когда он смотрел на нее, его улыбка становилась шире.

Он остановился рядом, потянул ее за руку к себе, и она опять врезалась в его каменную накаченную грудь.

Его руки сомкнулись вокруг ее талии, он наклонил голову и коснулся ее губ.

Поцелуй был легким, как перышко, но она растерянно смотрела на него, чувствуя, как подгибаются ее колени, слабее.

Видно, он остался доволен, потому что сказал:

— *Теперь* мы можем идти.

Она вышла из оцепенения и отступила на шаг назад.

— Давай понесу шлем, — предложила Лили.

— Не нужно, — ответил Нейт.

— Нет, правда мне...

— Лили, я понесу, — его голос звучал так, словно он пытается сдержать смех.

— Ладно, — сдалась она немного недовольно, потому что она не понимала, почему он находит ее забавной, хотя она не пыталась такой быть.

Они шли рука в руке по тротуару, пока внезапно не достигли Гайд-парка.

Лили знала Лондон довольно-таки хорошо, потому что обошла его много раз, но Гайд-Парк (она *любила*), независимо от громадных размеров, и он всегда удивлял ее.

— Давай пройдемся по парку, — она свернула к нему, меняя направление и не дожидаясь его ответа, вошла в парк. К ее удивлению, он без возражений последовал за ней.

Они уже долго гуляли, и она поймала себя на мысли, что никогда еще не испытывала столько счастья в своей жизни.

И она была довольна (в основном), счастлива (в основном) жизнью.

Она вздохнула от удовольствия.

Спустя какое-то время она поняла, что можно завести разговор, и хотя немного смущалась, но любопытство взяло вверх.

— Лаура и Виктор твои родители? — робко задала она ему вопрос. Она попыталась за ужином задать пару вопросов, но его ответы были слишком краткими, он отвечал, конечно, но особо не распространялся, казалось, вообще предпочитая ничего не говорить о себе.

Нейт ответил:

— По жизни.

Она взглянула на него краем глаза.

— Как они могут быть твоими родителями *по жизни*?

Она подумала, что он явно не ответит ей, но он сказал:

— Они усыновили меня, когда мне было двенадцать.

Рефлекторно ее рука сжала его.

Всякие мысли кружились у нее в голове — почему он вдруг остался один в возрасте двенадцати лет, видно что-то произошло плохое, ее сердце разрывалось от такого открытия, но она хотела узнать, что произошло на самом деле.

— Они из твоей семьи? — тихо спросила она.

— Что вы имеешь в виду? — по его тону она поняла, что он думал о чем-то своем, и если бы она узнала, *о чем* он думал то с криком выбежала бы из парка или, возможно, запрыгнула бы на него.

Когда она гуляла, то всегда смотрела под ноги, он же шел, она увидела краем глаза,

смотря прямо перед собой, спокойный и уверенный.

Это ее очень впечатлило.

— Лаура и Виктор. Они из твоей семьи? Тетя, дядя? — пояснила она, думая о его приемных родителях, которые естественно любили его и естественно, очень гордились им, но он не называл их «мама» и «папа».

— Не имеют никакого отношения, — его ответ был исчерпывающим и не подразумевал дополнительные вопросы.

Они углублялись все дальше в парк.

Она поняла, что он не хочет затрагивать эту тему, но ей необходимо было узнать.

Он был, попросту говоря, предназначен ей. Она загадала на него желание. Он, конечно же, этого не знал, даже она толком не знала в тот момент, но единственное, что она знала, что он стал любовью всей ее жизни.

По этой причине она продолжила свой расспрос.

— Что случилось с твоей родней? — мягко спросила она.

На этот раз, его рука рефлекторно сильно сжалась, и она поняла, что это не предвещает ничего хорошего.

Он остановился.

Она замерла рядом с ним, посмотрев ему в лицо и запрокинув голову назад, чтобы заглянуть в его глаза.

— Лили, — тихо сказал он, смотря на нее сверху-вниз. Ей нравилось, как он произносит ее имя, оно звучало вкусно на его губах. Его глаза настолько потемнели (она не могла понять были ли они серыми или голубыми) смотрели напряженно. Нейт продолжал:

— Я никогда не знал своего отца. Моя мать была убита.

От шока у нее округлились глаза, рука непроизвольно метнулась ко рту, пальцы закрыли губы. Он произнес это резко, кратко, как бы вырывая из себя, словно он никогда не говорил этих слов никому раньше.

— Нейт, — выдохнула она в пальцы, с таким чувством произнеся его имя, что оно будто бы замерло и повисло в воздухе между ними.

Он продолжил, по-прежнему смотря ей прямо в глаза и наблюдая за ее реакцией.

— Я узнал Виктора. Он взял меня к себе, и усыновил вместе с Лаурой. Конец истории.

Он развернулся и направился обратно туда, откуда они пришли. Прогулка была закончена.

— Почему ты не взял их фамилию? — заставила она себя прошептать, хотя это было не ее дело, но она хотела знать про него все.

— Я не хочу забывать, кто я есть, — ответил он, хотя его ответ не объяснял ей ничего.

— А кто ты есть? — спросила она, не в состоянии побороть свое любопытство.

И это любопытство бесповоротно вытолкнуло ее из защищенного кокона, в котором она проживала свою жизнь.

Он остановился, перестал тянуть ее за руку за собой, повернулся к ней лицом. Затем его рука скользнула вокруг ее талии, притягивая к себе, пока она не прислонилась к его пылающему жаром телу. Наклонил голову, и она подумала, что он опять собирается ее поцеловать, поэтому затаила дыхание от ожидания.

Но вместо этого он произнес слова, которые ей никогда еще не говорили.

И для нее они звучали очень и очень шокирующе, и в то же время очень и очень волнующе.

— Я тот, кто отвезет твое прекрасное тело на своем байке к себе домой. Потом я собираюсь снять каждый предмет твоего прекрасного наряда с этого потрясающего тела. Затем я отнесу тебя на свою кровать и собираюсь изучить, запоминая, двигаясь очень медленно, каждый дюйм твоей кожи. А потом я хочу увидеть, как ты кончишь, пока я буду находиться внутри тебя. Вот кто я такой.

Ее рот сам по себе раскрылся.

За целую жизнь с ней еще никто так не разговаривал. Она даже не может себе представить, кто вообще мог такое сказать. И она никогда с тех дней сколько себя помнит не перед кем никогда не была обнаженной.

— Лили? — окликнул ее Нейт.

Сейчас было самое время убежать, спрятаться, рвануть от него, что есть сил.

Но Лили даже не собиралась думать о побеге, потому что она была слишком занята — уставившись на него во все глаза, испытывая трепет во всем теле.

Она поняла, что он ожидает от нее ответа.

— Да. — прошептала она.

Только после этого он наклонил голову и поцеловал ее.

Этот поцелуй не был жестким и жадным. Этот поцелуй не был легким, как перышко.

Этот поцелуй был чем-то еще.

Его губы замерли на ее, его руки обвились вокруг ее талии, притягивая еще ближе к себе, к своему телу. Его язык коснулся ее губ и толком не зная, что делать, но решила, что, наверное, лучше всего приоткрыть свои губы (слегка), что она и сделала.

Он воспользовался, его язык нырнул в ее рот, и она почувствовала, попробовала его на вкус, в ее животе перестали порхать бабочки, превращаясь в какие-то кульбиты и сальто, и она была уверена, что в животе явно готовится сальто-мортале.

Она застонала (она ничего не могла с собой поделать, потому что ей было так хорошо, она ощущала его поцелуй везде, и в животе тоже) и ее руки метнулись к его плечам, а потом опустились на мягкие волосы на затылке.

Она слышала, как на землю упали шлемы, и его другая рука обвилась вокруг нее, притягивая ее еще ближе к себе, потом рука заскользила вниз по ее спине.

Она снова застонала (она ничего не могла поделать, его рука на ее попке ощущалась как-то... очень... *приятно* и то, что она прижималась к его выступающей части спереди было еще *приятнее*).

Его язык играл с ней, танцевал, устраивал с ней дуэли, и она старалась соответствовать ему, повторяя его действия, совершая их инстинктивно даже не задумываясь, потому что мысли испарились. Она прижалась бедрами к нему, извиваясь, но не сильно, ей нравилось ощущать его своим телом, и она еще глубже скользнула в его волосы, удерживая его голову.

Настала его очередь застонать, потому что она поглощала его рот, хотя ее колени ослабели от его натиска.

Это было обольстительно.

Он поднял голову, вернее оторвал свои губы от нее с большим трудом.

Затем пробормотал:

— Черт возьми, ты великолепна!

Может, это не стоило расценивать, как комплимент, который, наверное, каждая девушка, увлекающаяся любовными романами в течение десяти лет, желает услышать, но Лили это очень понравилось, и она подумала, что это комплимент.

— Мы едем домой, — его голос был решительный, в котором проскальзывала необходимость.

Лили кивнула.

Их обратный путь к байку был больше похож на ускоренный шаг, иногда переходящий в бег. На полпути она выдернула руку, остановилась, он посмотрел на нее с нетерпением. Она, не сказав ни слова, наклонилась, сняла туфли и взяла их в руку.

Потом распрямила плечи, склонила голову набок, улыбнулась причудливой улыбкой.

И побежала обратно к мотоциклу.

Нейт не помчался за ней. Он просто целенаправленно ускоренно шел за ней своими длинными шагами и смотрел на нее, как она бежит.

И хотя он не бежал, добрался до байка за считанные минуты после нее.

И они помчались к нему домой.

Нейт, Лили и концепция поцелуев

Нейт чуть не убил их по дороге домой.

Это напоминало абсолютную эротическую пытку — чувствовать ее сладкое тело, прижимающееся к нему после того поцелуя.

К счастью, благополучно прибыв на место, Лили сошла с байка, но он не стал ждать, когда она снимет свой шлем, а схватив ее за руку, потащил за собой, сдирая с себя на ходу шлем, вошел в здание, совершенно не обращая внимания на приветствующего его швейцара.

Она изо всех сил пыталась не отставать и как-то стянуть с себя шлем, но ей удалось это сделать только у лифта. Она, как и раньше тряхнула головой и ее блестящие золотистые с красными прядями волосы, опали на ее лицо, потом водворившись за спину, когда она наклонилась к нему, волосы опять окутали ее лицо.

Она выглядела испуганной и взволнованной, и он понял, что ему нравится выражение ее лица.

Очень сильно нравится.

Лифт остановился, двери открылись, и он грубо втолкнул ее внутрь, последовав за ней, нажимая кнопку нужного этажа. Пока они поднимались, он толкнул ее к стене и прижался к ней.

В минуту, когда его губы коснулись ее, она застонала и маленький сексуальный звук, вылетевший у нее, заставил его собрать все свои силы, чтобы молниеносно не сорвать с нее одежду прямо в лифте.

Она приоткрыла рот, и он немедленно воспользовался этим преимуществом. У нее все еще был вкус вина и богатого шоколадного десерта, который она заказала и съела с таким наслаждением, и это для него было впервые, потому что большинство женщин, с которыми он встречался, наотрез бы отказались от такого десерта или не за что бы не признались, что вообще хотели его.

Она обвила его руками за талию, проскользнув под куртку, он был слишком нетерпелив, при этом сдерживая себя, чтобы не раздеть ее по дороге к апартаментам, поэтому удивлялся, как она могла вот так переносить сексуальное напряжение, прикасаясь к нему. Он весь горел, с трудом сдерживаясь, и был уверен, что одно его прикосновение способно опалить ее кожу.

Двери лифта открылись, не теряя времени, он оторвался от ее рта, схватил за руку и потащил за собой по коридору. Она бежала за ним, пытаясь не отставать, и когда он резко остановился у своей двери, врезалась ему в спину.

От этого у нее вырвался смешок, он повернулся, выпустил ее руку, вставляя ключ в замок.

Она улыбнулась своей необыкновенной, обворожительной улыбкой и сказала:

— Мы очень спешим, не так ли?

Он толкнул входную дверь.

— Чертовски верно.

Схватил ее за руку и втолкнул внутрь.

Бросил свой шлем куда-то в сторону дивана, забрал из ее рук ее шлем, совершенно не

обращая внимания, что она с любопытством оглядывалась вокруг, и направил его в том же направлении. Затем он опять схватил ее за руку и направился напрямик в спальню.

— Нейт, — произнесла она у него за спиной.

Он не ответил, продолжая двигаться в выбранном направлении.

— Нейт, — крикнула она, на этот раз громче, пытаясь вырвать руку.

Он слышал, но не собирался отпускать ее, пока не дошел до кровати, только теперь он остановился.

— Нейт.

Его руки проскользнули под ее кардиган, а взгляд не на минуту не оставлял ее.

— Знаешь, Лили, — его голос стал более глубоким, нежели обычно, и шероховатым, он оттянул ее топ, — если ты ляжешь со мной в кровать, это будет всем, что я почувствовал, впервые увидев тебя, всем, когда ты впервые прикоснулась ко мне, не говоря о том поцелуе в парке. Я *никогда* не позволю тебе уйти. Ты поняла меня?

Его слова были иррациональными, даже безумными.

Но он никогда не мечтал о такой женщине, как Лили.

Никогда в своих самых смелых фантазиях, которых на самом деле было не много, Нейт не относился к мужчинам, обладающими дикими фантазиями по поводу его пылких желаний, даже если бы у него были желание, то единственное желание, которое мог выполнить Джинн из бутылки, он никогда бы не смог мечтать, а тем более ожидать такой женщины, как Лили.

Растя и спя на кровати, которая знала свои лучшие времена машинной стирки, ворует еду, чтобы не умереть с голода, при этом видя, как его мать вставляет иглу в свою вену. Он даже не мог себе представить, а пожелать и подавно, кого-то столь же царственного и великолепного, как Лили.

Лили, женщину, которой нравится просто гулять по парку, держась за руки, женщину, которой нравится, несмотря ни на что ездить на заднем сидении мотоцикла, женщину, которая в состоянии мужественно преследовать вора и броситься на него, женщину, которая смогла покорить Лауру, собственно это было и не сложно, поскольку у Лауры было доброе сердце, и Виктора, определенно не имеющего доброе сердце, просто за считанные часы.

Нейт не ожидал, что такая женщина, как Лили, может даже взглянуть на него. По крайней мере, не таким взглядом, как она смотрела на него сейчас.

Она смотрела на него взглядом, словно он был покорителем народов, создателем мира.

Когда она смотрела на него, ее лицо отображало восхищение.

— Ты понимаешь меня? — его голос перестал быть шероховатым, превращаясь в более низкий, и еще более низкий с хрипотцой.

— Я... думаю... да.

Этого было вполне достаточно для него.

— Хорошо, — он снял с нее кардиган, а затем поднял руки и через голову снял топ.

Она ахнула, поскольку не носила лифчика, поэтому загородила свою грудь руками.

— Нет, — он схватил ее за запястья и отвел руки за спину, его рот опустился на ее губы в диком, жестком, влажном поцелуе.

Сначала он чувствовал борьбу, с ее стороны, — она пыталась вырвать свои запястья, но потом расслабилась от поцелуя, он отпустил ее руки, отступив на расстояние, чтобы сорвать с себя куртку и джемпер.

На этот раз она смотрела на его грудь с трепетом.

— Господи, Лили, — воскликнул он, поймав ее взгляд, найдя молнию на ее юбке и смотря почти с благоговением на ее удивительную полную грудь. Он дернул молнию и заскользил руками по ее спине, грубо притягивая к себе, заставляя ее выгнуться под его пристальным не на секунду не оставляющем взглядом. Затем совершенно не в состоянии остановить самого себя и не желая останавливаться, он склонил голову и накрыл ртом ее сосок.

У Лили перехватило дыхание, он услышал, как она втянула воздух, и он еще больше увеличивался неистово в брюках, пока его язык кружил вокруг ее твердеющего соска.

— Что ты со мной делаешь? — выдохнула она с удивлением, заскользив руками ему в волосы.

Он ничего не ответил. Он проделывал то же самое с ее другим соском, пока не почувствовал, как у нее стали подкашиваться ноги, и ему пришлось поддержать ее, потому что все ее тело стало вибрировать.

Затем он поднял голову и отстранившись, присев на кровать, снимая ботинки, а за ними — и джинсы.

Она смотрела на него с опаской широко раскрытыми глазами, словно никогда не видела обнаженного мужчину в своей жизни.

Это никак не отпечаталось у него в мозгу. Он толкнул ее на кровать, она легла спиной поперек и прежде чем успела пошевелиться, он наклонился над ней и стал снимать ее спущенную юбку, стягивая через ноги.

— Нейт, — прошептала она, пытаясь закрыть в защитном жесте свой живот, но он опять не обратил внимания на ее поведение, точно также он снял с нее трусики.

— Нейт!

— Что? — прорычал он, его руки подхватили ее ягодицы, приподнимая вверх, подальше от простыней.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — она все еще тяжело дышала и ее чистые голубые глаза стали темно-синими.

Он раздвинул ее ноги и расположился своим естеством между ними.

— Говори быстро, — сказал он ей в губы, но на самом деле не позволил сказать ни слова — просто стал целовать.

И это было такой же поцелуй, как в парке.

И этот поцелуй был всем — *таким* великолепным, таким неопишуемым.

Рука его опустилась между их телами. Она должна была быть готова для него, если это было не так, то ему станет очень некомфортно.

Она была готова — мокрая и скользкая, он проскользнул пальцем внутрь, невероятно тугая.

Она выдохнула ему в рот, засасывая его язык все глубже, пока его палец входил в нее. Он начал кружить, время от времени выходя и входя вовнутрь.

Она с силой двигалась в такт с его рукой, продолжая целовать *его*.

Ее руки были везде, отставляя горящие места у него на коже от ее прикосновений, умоляя своими прикосновениями, дать ей освобождение, которое он увеличивал все больше в ней.

— Что ты хотела мне сказать? — прошептал он ей в губы, ее бедра все еще продолжали двигаться настойчиво против его руки. Он был полностью готов к ней и не мог больше ждать.

— Что? — спросила она, отвлекаясь и вздрагивая, как только его палец нажал сильнее и закружил. — О, Боже, — простонала она, ее лицо было таким красивым, раскрасневшимся, шея царственно изогнулась, он знал, что она уже подходит к краю.

Прямо к самому краю.

Он убрал пальцы, схватив ее за бедра, и его член идеально встал напротив ее входа.

— Лили, посмотри на меня.

Ее подбородок опустился, и она попыталась сосредоточить на нем свой взгляд. Ее великолепные волосы разметались по постели, голубые глаза были затуманенными, казались опьяненными, полные губы опухшими, она была на грани оргазма.

Он сделал с ней это, заставив выглядеть так чертовски, невероятно прекрасной.

Осознание этого ударило по нему с такой силой, что пустило его желание за край — Нейт вошел в нее.

И она закричала.

* * *

Резкая боль, смешанная с яростным удовольствием, как лезвие полоснуло низ живота.

Все тело Нейта замерло.

Он по-прежнему находился глубоко внутри нее, она зажмурила глаза от унижения. Теперь он узнает, что она никогда не была ни с одним мужчиной. И его желание поблекнет, потому что он увидит какая она на самом деле, и его восхитительный такт его движений тоже сойдет на нет.

— Лили? — нежно позвал он.

Она отвернула голову в сторону, боль постепенно отступала. Он был резким, но ее крик был неожиданным. Она была так близка к чему-то, чему-то восхитительному и блистательному, но все улетучилось, когда пришла эта жуткая боль.

— Лили, посмотри на меня.

Она отрицательно покачала головой.

Она не хотела открывать глаз, не хотела видеть ничего, кроме того, как он смотрел на нее той ночью. Она не хотела видеть отвращения, и не хотела чувствовать, как он отстраняется от нее.

Хотя он не отстранялся, а находился все также глубоко внутри, не двигаясь, замерев.

— Дорогая, посмотри на меня.

Услышав его нежные слова, ее глаза открылись, и она повернула к нему голову.

Она не была бы еще больше удивлена, увидев на его красивом лице, словно у него отражалась каждая жизнь бывшего президента Соединенных Штатов Америки с ее мучениями и тревогами.

Он улыбался одной из своих самых очаровательных улыбок, источающей полное глубокое удовольствие.

— Никто никогда не дотрагивался до тебя, да? — спросил он.

Она качнула головой.

Он продолжил:

— Только я.

Это был не вопрос, но она все равно кивнула головой.

И от этого, его улыбка стала еще более горделивой и более самодовольной.

— Почему ты улыбаешься? — прошептала она, у нее даже не хватало смелости, чтобы спросить в полный голос и ненароком промелькнула мысль: «Может он сошел с ума».

Он переместил руки с ее бедер к ее лицу, нежно взял в ладони.

— Потому что, дорогая Лили, никто никогда не прикасался к тебе, — объяснил он, его голос напоминал довольное бархатное мурлыканье, которое восхитительно скользило по ее коже.

— А это хорошо? — спросила она неуверенно.

По непонятной ей причине его тело стало сотрясаться от смеха, и она чувствовала, как его вибрация отдается даже у нее внутри.

Когда его глаза сосредоточились на ней снова, они светились каким-то светом, которого раньше она никогда ни у кого не видела.

Ее тело стало согреваться и возбуждаться.

— Ах, да, — тихо ответил он, затем провел своими губами по ее и прошептал: — это очень хорошо.

— Хорошо, — повторила она, — я пыталась сказать тебе...

— Я знаю, — он медленно передвинулся, выскальзывая из нее и пристально наблюдая за ее реакцией, она не вздрогнула и не поморщилась от боли, на самом деле его член ощущался очень приятно, он нежно скользнул обратно, и это *однозначно* было приятно.

— Я переживала, потому что не знала, как сделать все правильно, — призналась она, немного поджав губы, как только он выскользнул из нее снова, ей не нравилось, что он ее покинул. Ей нравилось чувствовать его внутри.

Он наблюдал за ее губами, его невероятно темные глаза потемнели еще больше, превратившись в черные.

— Ты однозначно делаешь все правильно, — спокойно сообщил он, но его губы подергивались, словно он с трудом сдерживал себя от смеха.

Он бережно скользнул назад и ее рот превратился в сладкий удивленный, вкусный звук «О».

Ей потребовалось мгновение, понять, что его тело снова сотрясается от смеха.

— Прекрати смеяться надо мной, — выговаривала она ему, он выполнил еще один плавный вход.

Его губы приблизились к ее, и он сказал:

— Я ничего не могу поделать.

— Можешь! — потребовала она, и он полностью вышел из нее, и она подумала, что он сейчас вообще уйдет, но затем он скользнул в нее опять, но на этот раз быстрее, и она забыла про свой поднимающийся гнев, ахнув от удовольствия, возвращая ощущение наполненности им.

Она закусила губу, этого движения для него было вполне достаточно, чтобы он потерял осторожность и впал в пьянящий, характеризующийся резкими толчками ритм.

— Это чувствуется совсем неплохо, — прошептала она, хотя это чувствовалось более чем неплохо. Это чувствовалось прекрасно, восхитительно.

Это чувствовалось магически.

— Это чувствуется чертовски фантастически, — прорычал он ей прямо в ухо, и мурашки пробежались вверх по ее животу, как пузырьки от шампанского.

— Так происходит? — она по-прежнему говорила шепотом, двигая бедрами вверх к нему навстречу, углубляя его частые толчки, она перевела дыхание, вероятно, именно так и

следует делать.

Его язык ласкал ее кожу чуть ниже уха, от чего в ее животе порхали бабочки, кожа покалывала и сладостные мурашки распространялись по ней.

— Ты такая тугая, такая мокрая, Лили, самая сладкая.

Он двигался быстрее, поднимая ее все выше, ведя в то место, в которое привел ее раньше. Его слова отозвались у нее в самом центре ее естества, и она чувствовала дрожь в местах, о существовании которых даже не задумывалась.

— Нейт, — выдохнула она, как только его рука опустилась между ними и коснулась *там* ее снова. — Боже, Нейт! — с силой воскликнула она, путешествуя руками и пытаясь запомнить его жесткие мышцы спины, он сказал, что хочет запомнить все ее тело.

Он толкался внутрь, заполняя ее полностью, и выходя, и его пальцы творили с ней какое-то чудо, она приподняла бедра, принаравливаясь к его движениям, чувствуя, как в ней поднимается волна желания, становясь почти невыносимой, словно сладострастные пытки.

Он был прав — она оказалась сладкой и красивой, позволяя вдалбливаться в нее, она отчаянно двигалась на его руке, ее тело жаждало его, напрягаясь и вибрируя от ожидания, все ее мышцы сжались.

— Отпусти, милая, — прошептал он, и его слова сладко закружили у нее над ухом, она сделала, как он сказал, даже не отдавая себе отчета, что она удерживала на самом деле.

Она вскрикнула, когда чувства стали выхлестываться из нее, упиревшись пятками в постель, сжимаясь вокруг него. Огонь охватил все ее тело, восхитительные волны удовольствия переливались вверх и наружу, вибрируя у нее между ног, он прекратил свои нежные попытки, переместив руки ей на бедра, удерживая их неподвижно, и стал врезаться в нее снова и снова, и она упивалась его движениями.

Она приподняла голову, в ней не было робости, ею полностью овладевала настойчивая, пульсирующая страсть. Она скользнула ему в волосы, притягивая его голову к себе и поцеловала, приоткрыв губы. Его язык вторгся в ее рот, пока его тело осуществляло вторжение у нее между ногами. Она уговаривала, провоцировала, приветствовала, восхищалась своим поцелуем, и когда он кончил, проглотила его сочный, глубокий стон, словно это был драгоценный подарок.

* * *

Нейт любил спать один.

Он редко приводил к себе женщин в квартиру, потому что, закончив с ними было потом слишком сложно от них избавляться. Он предпочитал отправляться к ним, так как потом мог свободно уйти.

Он переехал в эту квартиру несколько лет назад, но недавно купил большие апартаменты ближе к офису с более приятным соседством, и должен был перебраться туда в течение следующих нескольких недель.

Он лежал на постели, простыня небрежно прикрывала нижнюю часть тела, и прислушивался к передвижениям Лили в ванной, не собираясь нарушать ее личное пространство.

Пока он лежал, вспоминая свою новую квартиру, в которую вложил с умом инвестиции, полностью представляя Лили в тех своих апартаментах, и у него совершенно вылетело из головы их стоимость. И он четко представлял Лили, спящей в его огромной новой кровати,

специально сделанной для этих новых апартаментов, и у него ни разу не появилась мысль, остаться там и спать в одиночестве без Лили.

Он перевернулся на бок, схватил телефон и набрал номер родительского дома, зная, что Лаура могла волноваться.

К счастью, ни Джеф, ни Лаура, ни Даниэла не подошли к телефону. Его брат и сестра в отличие от Нейта не собирались съезжать и иметь свое жилье. Они никогда не знали, что такое арендная плата, которую Нейт платил за свою первую квартиру, или ипотека, которую выплачивал потом, они никогда за всю свою жизнь не покупали продуктов или что-нибудь еще, и в общем никогда не делали тех вещей, которые делают большинство людей, когда живут отдельно от родителей.

Трубку снял Виктор.

— Лили не вернется сегодня вечером, — сообщил ему Нейт.

— Я так и понял, — ответил Виктор, даже не пытаясь скрыть горделивый смешок.

— Она не вернется и завтра тоже.

— Возвращается в Сомерсет?

— Нет, — коротко ответил Нейт.

— Я точно так и подумал.

Нейт старался не раздражаться на своего отца, который знал о нем буквально все. Сегодня была хорошая ночь, вернее, лучшая ночь в его жизни, и он совершенно не чувствовал раздражения.

— Сын, обычно, когда ты принимаешь решение о чем-то, то черт побери не ходишь вокруг, да около. Никогда такого не видел, и скорее всего никогда такого не увижу. Я видел, как ты смотрел на эту девушку у магазина «Harrods». Честно говоря, я немного удивлен, что это заняло у тебя три дня.

Нейт решил закончить разговор:

— Спокойной ночи, Виктор.

Нотки веселья так и не покинули отцовский голос, когда он попрощался:

— Спокойной, Натаниэль.

— С кем ты разговариваешь? — спросила Лили, стоя в дверном проеме ванной комнаты. Она стояла словно солнце, потому что Нейт выключил электричество по обе стороны кровати.

Она была обернута в белое банное полотенце, и вторым с наслаждением вытирала ноги.

— С Виктором, — ответил он, наблюдая за ней, прилагая все усилия, а ему потребовалось немало усилий, чтобы не затащить ее обратно в кровать.

Она выглядела такой совершенно очаровательной.

И она принадлежала ему, только ему, никому больше, она была только его.

Она была единственной хорошей и достойной вещью в его жизни, которая принадлежала только ему.

Она прервала его приятные размышления.

— Я поняла, потому что слышала, как ты произнес его имя. Я хотела спросить, о чем?

— Я сказал, что ты не вернешься сегодня.

Ее глаза округлились от шока, она тут же стремительно шагнула вперед и остановилась.

— Что ты наделал?

— Ты останешься со мной сегодня, — сказал он ей.

— Я не могу остаться с тобой. Я не могу не вернуться. Если я не вернусь они поймут,

чем мы занимаемся, что мы сделали, я имею в виду, что мы наделали!

Он не ответил, главным образом потому, что она была права.

Она начала носиться по комнате, собирая свои вещи с пола.

— Я должна вернуться, — объявила она, выгнувшись и пытаясь надеть нижнее белье, положив остальную одежду под руку. — Они приютили меня, дали крушу над головой. Я имею в виду, ты их сын.

— Лили, иди в кровать.

Она резко обернулась, одновременно пытаясь просунуть лифчик под полотенце.

— Нет! Ты должен отвезти меня назад.

— Я не повезу тебя назад.

Она схватила кардиган, сорвала с себя полотенце, отбросив его на кровать. Одежда перепуталась, потому что она пыталась выудить свою юбку, и Лили окончательно его потрясла тем, что попыталась надеть ее на себя, при этом полностью игнорируя его заявление.

— Лили, если ты даже оденешь эту милую юбочку, я просто сниму ее снова.

— Они будут думать, что я наглая нахалка, — пробормотала она с муками в голосе.

Он хотел рассмеяться на ее высказывание, но почувствовал, что этого не стоит делать. Вместо этого он скинул с себя одеяло и обнаженный подошел к ней.

Она все еще пыталась надеть юбку, согнувшись пополам и неуклюже прыгая на одной ноге, бормоча себе беспрерывно под нос:

— Моя мама бы просто умерла и моя бабушка! Ой, я даже не могу этого *представить*. Она бы отреклась от меня. Скорее всего, она явно *перевернулась* в своей *могиле*.

— Лили, — он положил руку ей на спину, и она выпрямилась, запутавшись ногами в юбке и начиная падать.

Его руки моментально подхватили ее, прижав к своему телу.

Она много рассказывала о своей семье, почти все время. За ужином она рассказала ему о своей матери, отце и бабушке, и каком-то мужчине со странным именем Фазир, которого она явно обожала. Каждый раз, когда она говорила о них, ее глаза загорались любовью. Он никогда не видел ничего подобного и никогда не испытывал такую же преданность к своей семье, как она. Он никогда не позволял своему сердцу таять, несмотря на то, что у него тоже были Лаура и Виктор.

Но сейчас он позволил своему сердцу растаять, и это было связано с Лили.

— Нейт, ты должен отвезти меня обратно к своим родителям, — умоляюще произнесла она, глядя ему в глаза. — Я нравлюсь *им*. Я не хочу, чтобы они подумали, что я... Я... *распутница*. — Она пыталась подобрать нужные слова, и Нейту пришлось проглотить свой смех.

— Они не подумают, что ты распутница, — он с трудом произнес это слово не смеясь, но при этом улыбнулся.

Ее глаза округлились, затем угрожающе сузились.

— Ты думаешь это смешно, — обвинила она его.

Он склонил голову, чтобы поцеловать ее, но она выгнулась, увернувшись от него, он прижал руку к ее спине, между лопаток, заставляя приблизиться к себе.

— Это просто забавно, — ответил он.

— Это... это... не..., — она тщательно подбирала каждое слово, которое собиралась произнести, и к своему удивлению, он понял, что ему нравилось, когда она злилась. Когда

его мать злилась, это означало, что она начинала говорить отвратительные вещи. Даниэла была точно такой же, Лаура же редко сердилась.

Лили была совершенно иной. Лили была шустрой и веселой, и Нейт на каком-то подсознательном уровне знал, что она не могла быть злой, даже если ей придется спасать свою собственную жизнь.

— Лили, успокойся и послушай меня.

— Я спокойна! — прокричала она, сама себе удивляясь, что позволила повысить голос и так себя вести, поэтому она прикусила губу, и отвела взгляд в сторону. Затем медленно вздохнула и выдохнула:

— Ладно, может, я не спокойна на самом деле.

Наконец, она перестала вырываться из его рук, и он смог поцеловать ее, слегка дотронувшись до нее губами.

Когда он наконец вернул ее внимание к себе, то спросил:

— Ты помнишь, что я сказал, когда мы пришли сюда, в спальню?

Она задумалась на секунду и кивнула.

— Что я сказал? — спросил он.

— Ну..., — она заколебалась.

Он притянул ее ближе к себе и напомнил, хотя был уверен, что она не забыла:

— Я сказал тебе, если ты ляжешь со мной в кровать, я никогда не позволю тебе уйти.

Она смотрела на него широкими глазами наполненными удивлением и оставшийся гнев растаял в ней без следа.

— Ты помнишь, что я именно это и сказал? — спросил он.

Она молча кивнула.

— И ты помнишь, что ты согласилась?

Она снова кивнула.

— И ты легла со мной в постель?

— Ну, ты в какой-то степени просто бросил меня на кровать, или что-то в этом роде... подтолкнул меня.

От ее слов он, наконец-то, позволил себе выпустить резкий лающий смех, он слишком упорно пытался его скрыть.

Однако он вернул себе свое самообладание, почувствовав, что она расслабилась у него в руках, и ее тело стало податливым.

Он нежно произнес:

— Вполне справедливо. Итак, раз я бросил тебя на кровать, ты ушла бы?

Она покачала головой.

— Ты действительно хочешь уйти сейчас?

Она смотрела на него несколько секунд, он затаил дыхание, ожидая ее ответа.

Затем она вздохнула и отрицательно покачала головой.

Он выдохнул с таким облегчением, которое оказалось настолько сильным, что ему даже было трудно справиться с собой пару секунд. Он скользнул руками под ее кардиган.

— Теперь, давай снимем эту одежду и вернемся в кровать.

Он снова снял с нее кардиган, но на этот раз она помогала ему.

— Нейт? — позвала Лили в тот момент, когда он отбрасывал ее трусики в сторону.

Он скользил руками по ее гладкой спине и рассматривал безупречную кожу плеч.

— Мм?

— Ничего.

Его глаза встретились с ее, их невозможно было прочесть. Он неправильно понял ее мысли и наклонился коснуться ее губ.

— Идем в постель.

Она вздохнула еще раз и кивнула.

* * *

Лили всегда спала одна.

Правда несколько раз ей довелось спать со своей лучшей подругой из начальной школы — Коллин. У Коллин была большая двуспальная кровать, и они спали в ней вместе.

На этом и заканчивался весь ее опыт спать с кем-то, поэтому она понятия не имела, как спать с мужчиной.

Она прижималась к Нейту, обхватившему ее руками, поглаживающему пальцами ее бедра.

Как только он снял с нее одежду (снова) и уложил в постель, он обнял ее.

Ну, совсем не так, он не вошел внутрь нее, даже когда она попросила его об этом, ответив, что не хотел бы причинять ей боль. Вместо этого, он опустился к ее прекрасному месту, и делал что-то своими руками и ртом, постоянно наблюдая за ней.

Она была чрезмерно смущена этим, пытаясь контролировать свое тело и пульс, она не отводила от него глаз, как будто ей только что объявили, что она вылечилась от рака. И ей не было стыдно за себя, когда он так смотрел на нее.

И когда он натянул на них сверху одеяло и уложил ее себе под бок, и это оказалось таким правильным для Нейта, словно она все время здесь и находилась, что он почувствовал себя вполне счастливым.

Но Лили не была счастлива, думая о том, что она обещала ему и что это означало для нее.

— Хм... Нейт? — позвала она, положив голову на его плечо, откуда открывался потрясающий вид на его широкую грудь.

Ей нравилась его грудь, сильная широкая и мускулистая. Она нравилась ей так же сильно, как его руки, и теперь у нее было еще больше причин полюбить его руки, поскольку она любила его всего.

— Мм? — произнес он, низко рокоча откуда-то изнутри своего естества. Она обнаружила для себя, что ей очень понравился его рокот, даже слишком.

— Что это означает, что ты не отпускаешь меня, эм... поточнее, если можно?

Его пальцы прекратили свое ленивое поглаживание ее бедра и с силой схватились за него, впившись ей в кожу.

— Это значит, что ты никуда не поедешь, — со скрежетом произнес он.

— Сегодня вечером? — спросила она, полностью игнорируя его странный тон.

— Сегодня вечером и завтра ночью, потом следующей ночью и на следующей недели, — он остановился, потому что для него и все было слишком ясно, а не потому что после следующей недели ей позволялось куда-то исчезнуть.

Эта мысль согревала ей душу, но она была практичной девушкой из Индианы, и у нее еще до сих пор имелись другие вопросы, которые она хотела бы обсудить.

— Но я живу в Сомерсете, — сообщила она ему.

— Теперь ты живешь здесь, — моментально откликнулся он, словно это было самой простой вещью в мире.

Ее тело непроизвольно дернулось от его неожиданного сообщения, которое для нее оказалось полным сюрпризом, она уперлась на локоть, тут же прикрывая свою грудь простыню. Он беспечно совершенно не обращал внимания на свою (довольно потрясающую) наготу, но она все же стеснялась.

Она смотрела на него сверху вниз. Всего лишь после одного свидания, он был уверен, что она переедет к нему?

— У меня есть свой дом в Сомерсете, — пояснила она.

Он перевел на нее взгляд, но в нем почти ничего не отражалось

— Мы съездим туда в выходные.

Она ахнула.

— Но у меня есть работа в Сомерсете! — сообщила она ему.

— Уволишься. Тебе больше не придется работать.

Она снова ахнула, впадая еще больше в шок от его слов.

— Я работаю с тринадцати лет!

Словно переключатель изменил его взгляд, как только она произнесла эту фразу, и Лили вдруг поняла, что смогла удивить его.

Она действительно работала с тринадцати лет. Ее родители и бабушка предполагали, что заработок ребенка вещь не плохая. Она работала почтальоном, разнося разную корреспонденцию каждое утро, не говоря уже о том, что она пошла на работу к другу ее отца, владеющим гольф клубом, чтобы подбирать мячи после игры по субботам. Как только у нее появилась возможность работать официально, она устроилась в ресторан быстрого питания, где работала в течение года. В Оксфорде ей однозначно пришлось работать, и она перетаскала такое количество пинт с пивом в местном пабе.

Она не стала всего этого объяснять Нейту, или как-то оспаривать его замечание, просто продолжила:

— Я не знаю, что значит не работать. Что я буду делать?

Он приподнялся на локте и посмотрел на нее, его рука направилась в ее волосы, спускающиеся на спину.

— Ты сможешь ходить за покупками, ходить на ланч с Лайрой, она будет только рада, — его глаза святились мягким светом, и остановились на ее губах, и он, очевидно, подумал, что это вполне достаточно для ответа.

Настолько, на сколько она любила шопинг, но она не могла совершать покупки каждый день, ей совсем было бы неинтересно совершать их каждый день. И у нее была ипотека на дом, кредит, ей просто необходимо работать.

— Мне необходима работа, — решительно произнесла она.

Он наклонился к ее губам.

— Потом получишь работу, — сказал он против ее губ, прижимая ее спиной к кровати, она совершенно не сопротивлялась. Она не смогла бы ему сопротивляться, даже если бы хотела. Он поцеловал ее. Ее живот опять затрепетал, устраивая внутри какие-то гимнастические кульбиты, она чувствовала.

— Нейт... — начала она, но менее пылко, поскольку ее голос дрожал.

И наконец, он воспринял ее всерьез.

Оторвавшись от нее, его голос был низким рокотом, глаза стали полностью черными.

— Лили, я буду заботиться о тебе. Постоянно. Все, что ты захочешь, стоит только сказать и я доставлю тебе это. Ты никогда не будешь нуждаться ни в чем, пока ты со мной. Я обо всем позабочусь.

Он посчитал, что тема закрыта, снова поцеловав ее и заскользив руками по ее телу, и ипотека вместе с кредитками просто стремительно выскользнули у нее из головы.

Позднее она научилась спать с кем-то. Нейт притянул ее к себе, прижавшись грудью, крепко обернулся вокруг нее руками, обняв за талию и зарылся лицом в ее волосы.

Лили уснула с последней мыслью — она ощущала себя с ним довольно-таки уютно.

Отъезд Лили

Лили волновалась.

Она не знала сможет ли быть более счастливой, более довольной и умиротворенной, какой была сейчас впервые за всю свою жизнь и в тоже время чертовски взволнованной.

То, что делал Нейт было замечательно... нет, восхитительно... нет, *поразительно*.

Ну, большую часть времени.

Он очень много работал. Несмотря на свой возраст (ему было всего 28 лет!), он был исполнительным вице-президентом двух отделений компаний отца, и относился к своей работе очень серьезно. Ужасно серьезно, словно его жизнь полностью зависела от этой работы. Нейт вставал рано, оставляя Лили одну в постели, несмотря на то, что она сама была ранней пташкой, а возвращался домой после восьми вечера.

Иногда она готовила ужин, когда он приходил домой. Но чаще он звонил ей днем, сообщая, что собирается вывезти ее в какой-нибудь сказочный ресторан (все было так сказочно, Нейт предложил в значительной степени максимально обновить ее гардероб). Дважды они ужинали у Виктора и Лауры.

Каждую ночь он занимался с ней любовью (и утром тоже), в большинстве ночей не единожды и каждый раз был лучше предыдущего.

На второе утро после проведенной первой ночи с ним, она вернулась в Клеведон, сказав, что должна сообщить Максин и продолжить работу в магазине. Он не испытывал радости, но она топнула ногой и честно призналась, что ее родители никогда не поймут и не простят, если она вот так просто бросит работу, без существенных оправданий, потому что они считали это дурным тоном. В конце концов, поняв насколько важно для нее было иметь работу, потому что Лили бесконечно твердила об этом громче и громче, он сдался. Это был единственный раз, когда он рано не отправился в офис. Вместо этого он довез ее до поезда, поцеловал на платформе так, что ей расхотелось куда-либо ехать.

— Я передумала, я буду работать, — прошептала она ему в губы.

Он улыбнулся, и она призналась самой себе, что ей очень нравилось, когда он улыбался.

— *Сейчас*, — пробормотал он в ее губы, и ей тоже это очень понравилось, даже слишком, — я не возражаю, что ты идешь на работу. — Он слегка поцеловал ее и закончил: — Увидимся в выходные.

Максин, поначалу, не была счастлива от ее сообщения.

— Я никогда больше не разрешу тебе отпрашиваться! — закричала она, поскольку была немного драматической натурой, и Лили привыкла к ее воплям.

— Но Максин, я просто увольняюсь, — четко и мягко ответила Лили.

— Расскажи мне о нем. Что он с тобой сделал? — потребовала Максин, испытывая любопытство.

Максин не могла предположить такой поворот событий, потому что Лили Джейкобс никогда не заглядывалась на мужчин, не говоря уже о свиданиях, а тем более бросить все и переехать в Лондон к какому-то мужику, которого она знала всего лишь три дня, это явно было на нее не похоже.

Лили рассказала *полностью* свою историю, ничего не утаивая. Она хотела кое-что

утаить, но Максин была так настойчива, желая узнать больше.

Когда она закончила свой рассказ, Максин стала противоречить сама себе.

— Я не хочу, чтобы ты увольнялась. Вернись к этому мужчине, вернись к нему сейчас же!

— Но, магазин..., — начала сопротивляться Лили.

Она полюбила Максин и полюбила этот магазин, которого ей будет не хватать. Он притаился в переулке, вымощенным брусчаткой, витрина была в два шага от булыжников, заполненная под завязку горшками и ящиками с благоухающими цветами. С обеих сторон старых, маленьких входных дверей свисали огромные, сверкающие синим кобальтом вазоны, с которых свешивались цветы и сочная зелень. Магазин был наполнен фанатами, весельем, причудливой одеждой и украшениями, сделанными местными мастерами. Но самой лучшей достопримечательностью в нем была Максин, которую бы ее бабушка назвала определенно «личностью с характером».

Максин продолжила драматично:

— Неожиданный успех магазин как-нибудь переживет. Мы разговариваем здесь уже в течение часа и пришел только один покупатель и ничего не купил, — она наклонилась ближе и в ее фиолетовых глазах плясали смешинки (Лили подумала, что Максин чем-то напоминает ей Элизабет Тейлор своими темно-фиалковыми глазами, черными волосами, следует отметить не такая доброжелательная, Максин походила на Элизабет Тейлор, но была более круглощекой и старше). — Большинство девушек никогда не находят такого мужчину, Лили. Ты держись за него, держись руками и ногами.

Максин, Лили знала об этом точно, любил читать любовные романы. Причем читала их слишком много.

Поэтому Лили позвонила Нейту и оставила сообщение на автоответчике, что приедет домой на две недели раньше, чем ожидалось. Она направилась к своему покосившемуся дому и стала паковать вещи, вернее пару сумок. Нейт сказал, что они вернутся позднее и заберут необходимые ей вещи, сейчас у нее было при достаточно времени, чтобы что-то упаковать. Она почувствовала тошноту, оставляя свой дом, который не мог отрастить ноги и убежать от нее на совсем, в то время, как у Нейта были ноги, но она не хотела давать ему повод убежать от нее, потому что знала, что Нейт самый лучший, и со временем они смогут прийти к другому соглашению.

Но сейчас он хотел, чтобы она жила в Лондоне. Он хотел, чтобы она была с ним, а он был замечательный, красивый и умный. Он фантастически целовался и у него имелись лучшие руки в мире и другие части тела, и он думал, что она смешная.

И он смотрел на нее так, словно она была красивой.

Он был всем, что она могла желать, именно всем тем, что она и загадала Фазиру, чтобы он осуществил ее желание.

И она будет держаться за него изо всех сил, всеми руками и ногами.

* * *

Первая неделя с Нейтом была просто фантастической, единственное, что испортило настроение — ужин у Лауры и Виктора. Джеф и Даниэлла тоже были приглашены, хотя Виктор и Лаура были счастливы, видя Нейта и Лили вместе (не столько счастливы, сколько восхищены), но брат и сестра не были, наблюдая за ними.

Даниэлла жестко выразилась о наряде Лили и акценте, ее слова заставили Виктора сжать губы, а щеки Лауры покрыться румянцем, на что Нейт сказал: «Даниэлла, достаточно», и сказал это так, что все за столом поняли, что это действительно было *достаточно*, и Даниэлла замолчала, в этот раз не устраивая бунта.

Затем, стало еще хуже, когда после ужина Лили возвращалась из дамской комнаты, Джеф поджидал ее в холле. Он зажал, в буквальном смысле загнал в угол у стены, преграждая путь, и она не смогла оттолкнуть его.

— Я не могу поверить, что ты выбрала его, Лили. Я не могу в это поверить. Ты знаешь кто он? — говорил тихо Джеф, быстро окидывая ее взглядом, словно она была сочным стейком, а он — бешеной собакой.

Своим поведением он пугал ее до полусмерти.

— Джеф...

— Я не против, что ты спала с ним, мне плевать, что он лапал тебя своими грязными руками. Но ты и я можем начать все сначала, — она уставилась на него с открытым ртом, онемев. Она не поняла, что значит они могут начать все сначала. — Но как только ты узнаешь, кто он, *что* он из себя представляет, откуда он пришел... Лили, ты должна знать.

Лили прервала его, сказав:

— Я выбрала Нейта.

Она хотела убежать от него, ей *необходимо* было убежать от него. Он был таким отталкивающим, мерзким, а сейчас и пугающим в своей ненависти к брату. Она не разбирала его слов, потому что ей было все равно. Лили поймала себя на мысли — впервые увидев его, она оказалась права — в нем не было ничего, чтобы могло понравиться. *Господи Боже мой, как он мог говорить о своем брате такое.*

— Лили, как только я скажу..., — продолжил он, приближаясь к ней и протянув руки, словно собирался дотронуться до нее.

— Я выбираю Нейта! — огрызнулась она, не желая, чтобы он даже дотрагивался до нее, злясь на то, что он смог загнать ее в угол, и еще на то, что у такого человека, как Нейт имеется такой злобный избалованный брат, как Джеф. Ее гнев стал усиливаться, и она злилась уже на то, что у Лауры и Виктора был такой сын. — Не подходи, — потребовала она.

— Лили, — произнес он с мольбой.

— Отойди! — повторила она.

— Она сказала, отойди.

Голос был низким, просто убийственным и доносился из-за спины Джефа. Джеф оглянулся, Лили взглянула поверх его плеча, и они оба увидели Нейта.

Он стоял в коридоре в пяти шагах от них, расставив широко ноги, скрестив руки на груди. Весь его вид вызывал ужас.

Он готов был нанести удар.

И его лицо ужасно, даже убийственно, хмурилось на брата.

Джеф не отступил, наоборот уперся руку в стену рядом с головой Лили. Она нырнула под его руку и прямоком бросилась к Нейту.

Как только она оказалась на расстоянии вытянутой руки, он схватил ее и рванул в свою сторону, прижав к напряженному телу.

Она не сопротивлялась ни минуты. Она прижалась к нему и положила руку на его грудь, при этом тяжело дыша.

Джеф и Нейт уставились друг на друга, и казалось смотрели целую вечность.

Потом Джеф сказал:

— Ты должен сказать ей, ты же понимаешь.

Нейт не ответил.

— Если ты не скажешь ей, тогда скажу я, — угрожающе произнес Джеф.

Нейт опять ничего не ответил.

Тогда Джеф перевел глаза на Лили.

— Он усыновлен. Он не был рожден в этой семье.

Лили даже не могла поверить, что усыновление Нейта являлось причиной того, что всем своим видом показывал Джеф. Ее гнев превратился в ярость, причем настолько сильный, что она просто была вне себя.

Лили подалась вперед к Джефу, но не отодвинулась от Нейта ни на дюйм.

— Я знаю. Он уже сообщил мне об этом, — она осталась довольной, что ее голос прозвучал сильно и ровно.

— Держу пари, что он не сообщил тебе всего, — сказал Джеф, не смотря на то, что он был взрослым мужчиной, но вел себя, как мальчишка.

Лили подумала, что сейчас он собирается сообщить ей, что мать Нейта убили. Но она не собиралась давать ему такую возможность. В тот раз, когда Нейт сказал ей об этом, она поняла, что он до сих пор испытывает боль. Поэтому вместо этого, она сказала со всей лояльностью, которая воспитывалась в ней, будучи внучкой Сары и дочерью Ребекки, и живя среди людей прекрасного штата Индиана (потому что Лили до сих пор неприятно от колких замечаний, которые позволили Даниэллы в течение ужина, в ее адрес).

— Я знаю все, что мне необходимо знать.

Как только Лили произнесла эти слова, рука Нейта еще сильнее сжала ее талию, и она приподняла голову, заглянув ему в глаза.

— Я хочу уйти, — требовательно попросила Лили.

Нейт опустил на нее взгляд, в его глазах промелькнуло что-то, что она не смогла понять. Они отправились в гостиную, где все остальные пили кофе, а Джеф так и продолжал стоять на месте.

Одного взгляда на побледневшее и расстроенное лицо Лили было достаточно, чтобы Виктор подскочил со стула, Лаура побледнела. Даниэлла же наблюдала, оценивая создавшуюся ситуацию, с восторгом.

— Что случилось? — спросил Виктор.

— Мы уезжаем, — ответил Нейт.

— Лили, ты выглядишь так, словно увидела привидение. Натаниэль, отведи ее в комнату, я принесу ей выпить, — сказала Лаура, медленно поднимаясь с места.

— Мы уезжаем, — непримиримо повторил Нейт.

— Что случилось? — снова спросил Виктор на этот раз жестко.

— А где Джеф? — проворковала Даниэлла.

Моментально глаза Виктора и Лауры посмотрели на Лили, и должно быть они все поняли, потому что Виктор злобно выругался, причем громко.

— Натаниэль, — теперь была очередь Лауры обратиться к чувствам. Полная загадка, как у нее такой милой женщины могли родиться такие дети.

— Я позвоню тебе позже, — ответил Нейт и на этом все закончилось, никаких прощаний, ничего. Они просто ушли.

Пока его «Мазерати» гладко урчал мотором по дороге домой, Лили поняла, что он не

хотел обсуждать произошедшее, но она не могла терпеть, потому что очень злилась.

— Мне жаль, что такое способен сказать твой собственный брат, Нейт, и мне совершенно не нравится, Джеф.

Нейт молчал.

Лили продолжила:

— Сразу же, как только я его увидела, он мне не понравился и такого раньше никогда со мной не случалось.

Нейт молчал.

Лили опять продолжила:

— Мне просто не верится, что он так разговаривал. Что с ним произошло?

Нейт по-прежнему хранил молчание.

Постепенно гнев Лили стал проходить, она не могла долго злиться, если учесть, что Нейт не поддерживал с ней разговора, поэтому замолчала.

Когда они приехали к Нейту домой, он налил себе виски в очень большой и стакан (не предложив ей в этот раз, поскольку знал, что она не будет его пить), Лили тогда заговорила снова.

— Сколько ты слышал из разговора Джефа?

К ее удивлению, он ответил:

— Все.

Лили уставилась на него.

— Ты видел, как он зажал меня в углу? — спросила она в ужасе.

Он залпом опустошил стакан, несмотря на то что стакан был далеко не маленьким, но он выпил все до капли.

— Почему же ты ничего не предпринял? — потребовала она ответа. Она стояла у одного из двух кожаных диванов, находящихся напротив друг друга в его гостиной, а сбоку от них был камин. Ее тело стало напряженным, словно одеревенело.

Это уже совершенно не походило на героя из романов. Романтические герои не позволяли своим сводным братьям зажимать свою героиню в углу, при этом совершенно не желая шевелить пальцем, чтобы ее освободить.

— Я хотел посмотреть твою реакцию, — ответил Нейт.

Она не знала, что ответить, просто продолжала пялиться на него широко открытыми глазами. И ей показалось, что скорее всего, она неправильно его расслышала.

Он пытался не смотреть на ей в глаза, наливая себе очередной стакан.

На удивление, он нарушил их напряженное молчание.

— Ты не спросишь, что он имел в виду, — он поднял глаза на ее лицо, но они ничего не выражали.

— Что? — она еще не оправилась от мысли, что он просто стоял и наблюдал, как Джеф загнал ее в угол.

— Ты не просишь меня объяснить, о чем он говорил.

Лили напряженно на него посмотрела, оценивая, а потом взмахнула руками и резко выдохнула, потому все еще была раздражена.

Затем она начала ходить взад-вперед по комнате.

— Ты уже рассказал мне все, что хотел. Перво-наперво, это не мое дело, но ты все равно рассказал мне. Если есть еще что-то, что ты хочешь сказать, то ты скажешь, когда сочтешь нужным. Ничего из того, что ты скажешь или твой брат не способно изменить моих чувств к

тебе...

Лили замолчала, потому что слышала, как его тяжелый хрустальный стакан с грохотом разбился о шкаф, в котором он хранил спиртное, она развернулась к нему и остановилась по середине комнаты.

Он направлялся прямо к ней.

Его лицо выражало...

Она в страхе смотрела на него.

Теперь Нейт пожирал ее глазами, как сочный стейк, при этом он не был похож на бешеного пса, он был оголодавшим мужчиной, которому предложили попить, и этим пиром была сама Лили.

— В чем дело? — спросила она.

Он продолжал двигаться к ней.

Она начала пятиться назад, ускоряя шаг, так как он еще быстрее приближался.

— Нейт, что случилось?

Он не стал объяснять, но как только поймал ее, потащил к в спальню, бросив на кровать, а не нежно положив. Ни говоря ни слова, он любил ее так, как никогда раньше не занимался с ней любовью, жестко, яростно, собственнически. Как только она подошла к кульминации, он остановился, заставив произносить его имя снова и снова, и еще раз, и только затем разрешил ей кончить.

Все было великолепно и интуитивно она почувствовала, что это было чем-то очень важным для него, и хотя Лили упивалась предыдущими разами, она не совсем поняла этот раз.

* * *

В следующий раз, когда они отправились на ужин к Виктору и Лауре домой, Джеф и Даниэлла не присутствовали, и Лили была благодарна за это.

Лили попыталась найти работу, но удача не сопутствовала ей в этом вопросе. Максин переслала ей по почте счета и квитанции по ипотеке, которые следовало оплатить, но у нее не хватало денег, чтобы сделать это.

Больше всего на свете она хотела быть писателем, жить своей жизнью, сидя за компьютером и писать истории. Она не привезла свой компьютер из Кливленда, предполагая, что позднее они съезжают туда за вещами. Как-то ночью она доверилась Нейту уже почти засыпая, после занятий любовью, свою мечту стать писателем, он сказал ей не беспокоиться о работе и сосредоточиться на написании историй.

Ему легко было говорить, у него не было счетов, которые стоило оплатить и при этом не хватало денег.

Он сказал ей, что позаботится обо всем, но Лили не могла попросить у него денег. Она просто не могла этого сделать и не собиралась. Ей придется что-то придумать, чтобы решить как-то свои собственные проблемы.

Однако Нейт, пока она как-то пыталась разрешить свои насущные вопросы, был очень проницательным мужчиной. Пошла вторая неделя, и он понял, что Лили что-то беспокоит, и спросил ее об этом.

Лили обманула его, хотя ненавидела лгать, но в этот раз ей пришлось. Она ничем не хотела пользоваться, что принадлежало его ужасному брату и сестре, чтобы как-то

испортить их идеалистическую жизнь. Она была смущена, потому что сама поставила себя в такое положение, особенно по кредитной карте. Сумма, конечно, была не астрономическая, но для нее она все равно была большая, особенно если у тебя нет денег.

Поэтому она удвоила свои усилия, чтобы найти работу, любую работу.

В конце второй недели она отправилась на ланч с Лаурой, которая сразу же заподозрила неладное.

— Мне нужно кое с чем разобраться, — ответила Лили, когда Лаура спросила.

— Это касается Натаниэля? — поинтересовалась Лаура, глядя на нее с нежностью.

— Нет! Конечно нет, все прекрасно, отлично, с Нейтом все *замечательно*.

Лаура улыбнулась, потом ее улыбка исчезла.

— Это связано с Джефом?

Не колеблясь Лили схватила женщину за руку и сжала, заверяя, что это никак не относится к ее второму сыну. И им вообще не стоит говорить о Джефе.

Лаура опять улыбнулась и сказала:

— Что бы это ни было, просто скажи об этом Натаниэлю. Он разберется с ситуацией. Он очень хорош в таких вещах.

Она произнесла это таким тоном, который явно давал понять, что он хорош во всем. Лили в порыве чувств обняла женщину и была слегка удивлена, когда Лаура ответила ей крепкими объятиями.

Лаура смогла вырастить двух ужасных детей, но на удивление была превосходной матерью, проявляя терпение ко всем.

Этой же ночью в постели (кроме тех моментов, когда они ужинали в ресторане или были у Виктора с Лаурой, они, казалось, всегда находились в постели, но Лили не жаловалась), прижимаясь ближе к Нейту, положив руку ему на живот, она сказала:

— Тебе не кажется, что мы немного поспешили?

На самом деле вопрос был глупым, понятное дело, что они поспешили. Они едва знали друг друга и решили жить вместе — вернее он потребовал, чтобы она переехала к нему, и она согласилась.

Нейт продолжал быть все таким же, не очень разговорчивым. Он вообще мало когда говорил, и Лили не возражала, потому что он также мало разговаривал со своей семьей, поэтому дело было совершенно не в ней. Он всегда слушал ее истории, смеялся, когда она рассказывала о своей семье, Фазире и о том, как росла в Индиане. Но большую часть времени он работал, а оставшуюся часть времени, тоже большую, они занимались любовью. Оставшееся время от работы и занятий любовь, они ели, чтобы как-то набраться сил, которые были необходимы для занятий любовью. Разговоры совершенно не стояли во главе угла.

Сейчас у нее были существенные проблемы с деньгами, и она не знала, стоит ли ему сообщить об этом и стоит ли его просить о помощи.

Она не то, что не доверяла ему. Она не хотела использовать его.

Он и так предоставил ей жилье, кормил великолепной едой. Его квартира была просто фантастической, она немного знала о недвижимости в Лондоне и понимала, что такие апартаменты стоят очень больших денег, не говоря уже о том, что он заказывал все продукты из очень дорогого шикарного магазина и к нему приходила домработница раз в неделю убираться.

Лили, конечно, не собиралась просить его оплатить ее ипотеку. Она решила попросить

его подыскать ей работу в компании Виктора, но это было тоже не слишком удобно.

Она купила тот дом по совершенно низкой, вопиюще низкой цене, потому что он был в таком упадническом состоянии, что он едва ли представлял из себя какую-то ценность, хотя бы в том сколько она за него заплатила. Но несмотря на то, что это были небольшие деньги, особенно для кого-то, он был куплен благодаря ипотечному кредиту.

Она остановила свои бесконечно роящиеся мысли и громко вздохнула.

Потом она поймала себя на мысли, что Нейт не ответил ей.

— Нейт? — позвола она.

Настала его очередь вздохнуть, и он спросил:

— Поторопились с чем?

— С моим переездом, — сказала она, уткнувшись ему в грудь.

— Лили, что у тебя на уме?

Она подняла голову и посмотрела на него, и он приподнял подбородок и пристально посмотрел ей в глаза. Он все время так делал — смотрел ей прямо в глаза. Он не относился к тем мужчинам, которые предпочитали прятать свой взгляд. Ей нравилась эта черта в нем, и наверняка ее отцу тоже понравится, потому что ее отец всегда не уставал повторять: «Никогда не доверяй человеку, который не смотрит тебе в глаза».

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

К ее удивлению, он тут же ответил на ее вопрос.

— Да, поспешили, поторопились, слишком быстро, но это не значит, что это неправильно. Ты прекрасно понимаешь это так же хорошо, как и я. Не этот вопрос тебя волнует. Поэтому я хотел бы узнать, что на самом деле тебя волнует.

Она улыбнулась, потому что ничего не могла с собой поделаться. Он был очень проницательным. Казалось, Нейт видел ее насквозь, своим взглядом он прожигал ее до самых костей, и такое было не в первый раз, она замечала это и раньше.

— Сейчас ты пытаешься отвлечь меня своей улыбкой, — сказал он тихо, и она захихикала, положив голову обратно ему на грудь и обняв за талию.

— Ничего существенного. Это не имеет значения, — прошептала она.

И это действительно не имело значения. Она разберется с этим, она всегда так делала. Все, что имело значение сейчас то, что они были вместе. Если уж совсем настанет крайний случай, она всегда сможет попросить Фазира, используя свое последнее желание.

— Лили.

Она приподняла голову и посмотрела на него.

— Да?

— Ты же знаешь, что всегда можешь мне все рассказать, да?

Она не ответила, просто кивнула и переместила свою руку к ней на бедро.

Она вздохнула.

Она разберется, и все будет хорошо.

* * *

На следующий день пришла куча почты, пересылаемой Максин. Было письмо из журнала, в который она отсылала свою статью, ее собирались опубликовать и также прилагался чек на небольшую сумму денег, но их могло хватить на выплаты по ипотеке, а также на минимальные выплаты по кредитной карте.

Лили была в полном восторге.

— Я знала, что все будет хорошо! — крикнула она громко и закружилась по гостиной.

Зазвонил телефон, радостно кружась, она схватила трубку вне себя от счастья.

Она услышала Фазира, испытывая одновременно удивление и восторг.

— Фазир, Фазир, ой, я так рада, что ты позвонил, мне не терпится..., — начала она.

Но он прервал ее.

— Лили-дитя, — произнес он голосом, который она никогда не слышала ранее от обычно беспечного и иногда напыщенного всезнайки Фазира.

Она замерла от его интонации, а когда услышала слова, то просто окаменела.

— Я скоро буду, — заверила она своего дорогого друга, как только он замолчал.

Она машинально повесила трубку и стояла замороженная может быть несколько минут, а может быть и час.

Затем она со скоростью начала действовать.

Она позвонила Нейту в офис, но его секретарша не отвечала, а Лили не хотела наговаривать сообщение на автоответчик, особенно не *такое* сообщение. Она позвонила в авиакомпанию, опустошила свою кредитную карту и купила билет. Она собрала свои собственные вещи, которых у Нейта было не много, в других она не особенно и нуждалась.

Затем позвонила Лауре и, к ее большому сожалению трубку взяла Даниэлла, сообщив, что Лауры нет дома.

— Ты не могла бы попросить ее, чтобы она перезвонила мне сию минуту, как только вернется? Я уйду из апартаментов Нейта в час, — Она затаила дыхание и попросила: — Даниэлла, мне очень нужно, чтобы ты сделала это, это срочно.

— Нет проблем, я передам, — кисло ответила Даниэлла.

Лили поблагодарила, подавив свои опасения по поводу нее и проглотила слезы.

Она положила трубку, подняла снова и позвонила Нейту.

Рабочий телефон не отвечал. У него не было прямой линии, все звонки шли через его секретаршу, потом она опять позвонила три раза, все с тем же результатом.

Она позвонила Максин и рассказала ей, что произошло, но довольно-таки быстро, стараясь надолго не занимать телефон, потому что боялась, что может позвонить Нейт или Лаура.

Время шло, и Лили становилась безрассудной. Лаура не звонила, Лили не могла дозвониться до Нейта, а ей необходимо было немедленно улетать в Индиану. Она должна была прилететь к Фазиру, потому что он не знал, что делать. Он же не был человеком. Он находился совсем один в доме из белого известняка впервые без своей Бекки.

Она проглотила подступающие к горлу слезы, при одной только мысли о своей матери и отце, когда писала Нейту записку. Она уже подписывала ее, когда услышала звонок домофона, кто-то пришел.

Надеясь, что это все-таки была Лаура с неожиданным визитом, Лили подлетела к домофону.

Но скорее всего этот день был самым неудачным днем в ее жизни, мягко сказано, поскольку это оказался Джеф.

Сердце Лили упало.

— Лили, не вешай трубку! — быстро прокричал Джеф в домофон. — Я здесь, чтобы извиниться. Обещаю. Я не перейду границы дозволенного.

Она заколебалась, смотря на телефон через всю комнату, молясь про себя, чтобы он в

конце концов зазвонил.

Но стояла тишина.

Ее последний шанс — это сказать Джефу. Ей казалось, что он поможет ей в отличии от Даниэллы, и он был уже здесь, чтобы извиниться. Возможно, он не такой уж и придурок, как она подумала о нем в самом начале.

— Поднимайся Джеф, — сказала она и нажала кнопку домофона.

Ей придется уйти через пять минут. У двери стояли упакованные сумки, она позвонила портю, чтобы тот поймал такси до аэропорта Хитроу.

Раздался стук в дверь, и Лили направилась к двери. Джеф увидел ее стоящие сумки в коридоре, он сделал свои выводы и его глаза засверкали.

Она была слишком напряжена чтобы заметить его изменившееся поведение, пытаясь побороть надвигающиеся слезы и испытывая потребность поговорить с Нейтом или Лаурой.

— Что случилось, Лили? — мягко спросил он.

Она посмотрела на него, и ее прорвало, она больше не могла сдерживаться, просто начала рыдать. Он притянул ее в свои объятия и стал поглаживать по спине.

— Скажи мне, Лили, скажи мне, что он сделал, — прошептал он ободряюще.

Она отрицательно покачала головой и ответила прерывающимся голосом:

— Это не Нейт. Мои родители. Они погибли в авиакатастрофе вчера. Оба.

Он крепче прижал ее к себе.

— Ох, Лили, — пробормотал Джеф, и она могла поклясться, что он на самом деле расстроился.

Она отстранилась, вытирая слезы с щек.

— Я должна идти, — быстро произнесла она и посмотрела на часы. — Сию минуту! — в панике закричала Лили. — Я не смогла дозвониться до Нейта и до твоей матери. Джеф, ты должен позвонить Нейту. Расскажи ему. Ты должен. Пожалуйста. Скажи ему, что я позвоню ему позже, через несколько дней. Обещай мне.

Его рука прикоснулась к ее щеке, по которой скатывалась слезинка.

— Я обещаю, — прошептал он.

Она крепко при крепко обняла его и сказала:

— Спасибо.

Затем схватила свои сумки и рванула за дверь, чтобы улететь домой.

К Фазиру.

* * *

Джеф наблюдал, как за ней хлопнулась дверь и увидел записку на столе.

Он спокойно подошел и стал читать.

Он смутно подумал, что это все довольно-таки грустно.

Затем смял записку и засунул себе в карман.

Он знал, что Нейт через несколько дней переедет.

Лили только что сказала ему, что позвонит через несколько дней.

Как раз хватит времени.

Он прошелся по шикарной квартире брата, выискивая что-нибудь, что она могла оставить.

Нашел флакон духов на комод, пару сережек на тумбочке и ночную рубашку,

единственную в пустом ящике.

Как раз то, что надо.

Он запихнул все это в мешок для мусора, и выбросил на улице в первый попавшийся контейнер.

Затем позвонил своей сестре.

«Смерть» Нейта

— Я думаю, что мы должны сделать это.

Нейт возвышался за своим столом, Виктор сидел напротив. Они просматривали какие-то цифры по предполагаемому соглашению, которое Виктор очень хотел заключить.

Нейт смотрел в окно недоумевая, думая о том, что происходит с Лили.

Она защищалась, скрывая что-то от него.

Он не хотел давить. После того, как Джеф загнал ее в угол у стены, она могла заставить Нейта обнажить свою душу и рассказать о своем прошлом, но она сказала, что готова ждать, пока он сам не решит ей открыться. Хотя он хотел ей все рассказать и разделить с ней свое прошлое, а также все, что ее беспокоило, он решил для себя, что лучше будет поступить также, как и она — ждать, пока она сама будет не готова поделиться с ним.

Нейт понятия не имел, как стоит вести себя в нормальных отношениях между двумя влюбленными людьми. Он мог легко справиться с неприятием, равнодушие, злобой и жадностью, но он был безнадешен от глубины чувств с Лили.

Он понимал, что она хотела большего, но он не мог ей этого дать. Он боялся сделать что-то, что заставило бы ее отвернуться, он боялся потерять ее глаза, светившиеся так ярко, когда она смотрела на него, он боялся этого.

Он стоял позади, слушая Джефа и Лили, которая выбрала его, чувствуя первый раз за всю свою жизнь непомерную гордость за самого себя, что это величественное создание захотело его и выбрало его. В то же время он хотел, чтобы Джеф рассказал ей все, и как бы там ни было, он понимал, что рассказать ей было бы открыться, было бы честнее.

Джеф не сказал, оставив на нем все тоже бремя и в то же время огромным облегчением.

Нейт даже лелеял мысль упаковать ее вещи, перевести их, вернуться в Индиану вместе с ней, так и оставив свое прошлое позади навсегда. Он не хотел брать на себя больше, чем он есть, он не хотел разрушать свою жизнь, наоборот, надеялся построить новую с Лили.

Но он не мог этого сделать, он никогда не сможет оставить своих родителей. Он задолжал им, потому что был многим обязан Виктору и Лауре, и должен был заботиться о Джефе с Даниэллой.

Нейт уже подумывал закончить со всем этим, когда встретил Лили.

Поэтому как всегда у него был план.

— Натаниэль?

Нейт повернул голову, чтобы взглянуть на отца, который поднял документы, напоминая ему зачем они здесь собрались.

— Нет, — наотрез заявил Нейт.

— Ты не хочешь это делать? — в недоумении спросил Виктор.

— Это слишком большой риск.

— Хо, хо, хоооо..., — последнее «хоооо» отец произнес с большим чувством. — Ты становишься слишком мягким. — Он понимающе уставился на Нейта, и он понял, что отец имел в виду Лили.

— Не мягкий, Виктор. Это соглашение, похоже на крушение поезда, — спокойно произнес Нейт.

— Две недели назад, ты бы так не говорил, — произнес Виктор.

— Две недели назад, эти бумаги были у меня на столе. Я просмотрел их и выбросил в мусорное ведро, — ответил Нейт.

Глаза Виктора округлились.

— Джеф привез их мне только два дня назад.

— Джеф хочет подписать это соглашение, но я также скажу Джефу нет.

Больше нет необходимости говорить о Джефе или соглашении. Джеф потратил достаточно денег компании, принимая глупые решения, не советуясь и не думая.

Нейт, тем не менее, был движущей силой их успеха и оба, Виктора и Джеф это знали. Виктор всегда был беспощадным любителем риска, Нейт же всегда оценил свои возможности и предлагал направление деятельности. Виктор всегда прислушивался к советам Нейта. Нейт, в свою очередь, никогда не ошибался, поэтому Виктору не приходилось о чем-либо сожалеть.

Кроме того, после инцидента, произошедшего на ужине, Джеф был больной темой, и Виктор прекрасно это понимал. Он точно знал, что Нейт после этого никогда не пересекался с Джефом, кроме как дома или в офисе.

Виктор кинул ненужные бумаги на стол Нейта и откинулся на спинку кресла.

— Значит, никакой сделки не будет. Давай тогда поговорим о чем-нибудь другом. Как там Лили?

В приемной зазвонил телефон, но никто не ответил. Его секретарь находилась на больничном, а у отдела кадров не было подходящей кандидатуры, чтобы на время заменить ее.

Нейт проигнорировал звонки, говоря отцу:

— Она в порядке.

— Ты собираешься жениться на ней? — спросил Виктор.

Нейт решил проигнорировать этот вопрос и посмотрел в окно снова.

— Сын, я задал тебе вопрос, — тихо сказал Виктор, по-доброму. Он никогда не говорил с Нейтом возмущаясь или угрожая, каким на самом деле он и был, причем даже слишком. Во-первых, Нейт никак бы не отреагировал на это. Во-вторых, Виктор видел в Нейте слишком много достоинств. В-третьих, Нейт не относился к тому типу мужчин, которые могли бы бояться угроз или опасностей.

— Думаю, Лили решила немного снизить скорость, — наконец-то ответил Нейт.

— Послушайся моего совета, — сказал Виктор, и глаза Нейта переключились на него, — пусть она забеременеет. Это помогло мне в свое время с Лаурой. — Сказав, он нахально ухмыльнулся.

Нейт чуть не вздрогнул от его слов, но остановил себя.

— Виктор, вы женаты тридцать лет, Джефу двадцать восемь, — Нейт не верил, что отец мог что-то выдумать такое шокирующее, чтобы услышать его ответ.

— Она потеряла ребенка. Это был мальчик, — объявил Виктор, и Нейт ошеломленно уставился от неожиданного сообщения, Виктор стиснул челюсти. Нейт никогда раньше не слышал эту историю. — Лаура говорит, что ей понадобилось четырнадцать лет, чтобы получить того мальчика обратно.

От этих еле слышных слов, Нейт почувствовал, словно его ударили в живот. Он не стал показывать свою реакцию, просто кивнул.

Потом Виктор решил продолжить, но с другим настроением:

— Лаура — лучшее, что случилось со мной. Я был убийцей, худшее, что может быть, и я не мог быть с ней. Я знал это, Натаниэль, знал до самых своих костей. Но ничто не могло остановить меня, ничто. Это неправильно, бл*дь, даже сама мысль уже ужасна, о том, чтобы сделать ее беременной, но я сделал. Она забеременела от меня, и я сделал это специально. Я бы сделал что угодно, чтобы привязать ее к себе.

Нейт хранил молчание и сохранял внешнее спокойствие, но слова отца, словно молотом, вколачивались в него.

— Ты и я, сынок, мы с тобой похожи. Я не знаю, как ты обмозговываешь многие вещи, потому что ты шибко умнее меня, но я знаю, как ты думаешь.

Нейт перевел свое внимание обратно на окно.

Затем он сказал:

— Лили была девственницей.

— Я знаю, — ответил Виктор.

Тело Нейта расслабилось от такого ответа Виктора, который всегда почему-то все знал.

Хотя Нейт не спрашивал, но Виктор все равно стал объяснять:

— Она доверилась мне, сказав, что у нее это первое свидание.

Глаза Нейта снова переместились на отца от *такой* новости. Он едва мог поверить в это.

Как обычно, Виктор хорошо понимал, о чем думает Нейт, хоть он и не сказал ему ни слова.

— Я знаю, что ты в шоке, я тоже был тогда в шоке, но клянусь, она не лгала. Она нервничала, безумно нервничала.

Это заставило Нейта улыбнуться.

Виктор продолжил:

— Повезло, что у тебя был мотоцикл, который объединил ваши интересы, — Виктор улыбнулся.

Для Нейта было совершенно нехарактерно, но он вдруг решил поделиться своими мыслями:

— Она ничего не говорила о противозачаточных таблетках.

Виктор пристально наблюдал за ним.

— Я считаю, что ты их и не увидишь.

Нейт покачал головой, об этом он тоже уже однажды подумал.

Виктор просиял.

— Мы думаем одинаково, мы с тобой всегда думаем одинаково.

Нейт совершенно не волновался по этому поводу, Виктор уже сказал, что это неправильно и не совсем правильно, но ему было все равно. Он подумал, что если бы она решила оставить его, то скорее всего он бы приковал ее к кровати. Если же она будет беременной, то будет привязана к нему на всю оставшуюся жизнь. Он хотел, чтобы она была беременной и собирался именно так и поступить.

Если она забеременеет, то не оставит его, потому что семья для нее значила очень много, даже больше, чем что-либо в этом мире. Она совершенно ясно дала это понять, не только из-за того, что захлеб рассказывала о своей семье, но и потому что очень переживала из-за того, что у него не было такой семьи.

Даже если бы она узнала о его прошлом, возможно Джеф когда-нибудь скажет, или Виктор с Лаурой сболтнут что-то лишнее, она все равно не сможет его оставить. Она могла

съехать от него сейчас, в конце концов развестись, если бы они были женаты, но Лили никогда бы не разрушила семью. Он, точно знал это, как и его отец.

В приемной вновь зазвонил телефон.

— Ответишь? — спросил Виктор, вставая с кресла.

— У меня есть работа, я не буду отвлекаться, хочу пораньше прийти домой.

— Не осуждаю тебя за это, — пробормотал Виктор, небрежно махнув на прощанье рукой и ушел.

Нейт окунулся в работу.

У него не было никаких идей по поводу дальнейшей жизни, и во второй раз за многие недели, Лили опять поколебала все его принципы.

* * *

Нейт вернулся домой пораньше, с желанием сообщить Лили, что они скоро переедут, он собирался уже давно сказать ей об этом, но все не представлялся удобный случай, все время находились дела поважнее.

Завтра появятся грузчики и начнут паковать вещи для переезда, который состоится после завтра. Он хотел сказать Лили, что, если ей необходимо они могут перевезти все самое нужное из ее дома в Сомерсете.

Он приехал домой в пустую квартиру.

Он не звонил ей заранее и не сообщал, что собирается прийти пораньше, поэтому возможно она ушла куда-то. Последнее время она была одержима идеей найти работу. Или возможно она отправилась вместе с Лаурой.

Он поднял трубку и набрал номер матери.

— Натаниэль, мой дорогой, я так рада, что ты позвонил. Ты не хотел бы вместе с Лили прийти к нам на ужин на следующей неделе?

Нейт направлялся в спальню, чтобы переодеться и остановился, как вкопанный.

Затем замер.

— Натаниэль? — позвала его Лаура.

— Извини, Лаура, я перезвоню, — пробормотал Нейт.

Он нажал на кнопку, даже не выслушав ее слова прощания и стал оглядываться по сторонам.

Не было косметики Лили, наваленной на комод с зеркалом. Он чувствовал запах ее духов, но духов тоже нигде не было.

Он пошел в ванную.

Ее зубная щетка и множество баночек, бутылочек (когда Нейт увидел их в таком количестве впервые, то к своему удивления почувствовал необычное чувство удовлетворения), пропали.

Он вернулся в спальню и открыл один из ящиков, в котором она хранила свои вещи.

Он был пуст.

Он вытащил следующий.

Тоже пустой.

Он вернулся в гостиную, увидев несколько писем на столе, которые валялись в полном беспорядке, пересланные ее подругой Максин. Некоторые были распечатаны.

Нейт заметил, чтобы выплаты по ипотеке были просрочены, так же как и две кредитные

карты. Нейт почувствовал какое-то смутное чувство, почему она не сказала ему об этом. Он же сказал ей, что позаботиться обо всем, и не было абсолютно никаких причин, оставлять ее счета не оплаченными.

И там же лежало письмо, написанное аккуратным слегка каллиграфическим почерком от ее матери, которая рассказывала Лили «последние шалости» Фазира и волновалась по поводу скорого отъезда в отпуск на Гавайи.

Он налил выпить, сел на диван и стал ждать.

Наступила ночь, он очень много курил и пил намного больше, чем обычно. Он не курил с той ночи, когда стоял у входной двери родительского дома. Ему не хотелось курить.

Она не вернулась домой и не позвонила.

Не той ночью и не следующей.

Грузчики перевезли его вещи, и в этот день он отправился по адресу, указанному на ее счете за ипотеку.

Город, в котором она жила, был элегантным, он мог судить по тому количеству дорогих БМВ, Мерседесов и Ягуаров, припаркованных на подъездных аллеях.

Ее дом стоял на берегу моря, можно было из окна увидеть Викторианский пирс. Он отстраненно заметил, что это очень хорошо сохранившийся объект недвижимости в удобном месте. Ее дом представлял из себя трех ярусный таунхаус, первый этаж, выходящий на улицу, а другие упирающиеся в крутой отвесный склон берега. Этот дом был создан словно именно для Лили. Он выглядел немного вальяжным и шикарным, несмотря на то, что был в запущенном состоянии. Она поставила два огромных терракотовых вазона с разнообразными цветами по обе стороны от входной двери.

Он постучал, увидев слева от себя в окне залитую солнцем комнату, находящуюся в передней части дома с полами, выложенными мозаикой, плетеной мебелью и веселыми разноцветными подушками, которые так и приглашали вас присесть. Но Нейт был не в настроении, чтобы обращать внимание на мебель, которая была далеко не новой и довольно потрепанной. Он также был не в настроении, вообще что-либо замечать, потому что никто не вышел из дома. Дом выглядел опустевшим.

Затем он услышал:

— Вы ищете Лили?

Соседка вышла на прогулку со своей собакой, Нейт повернулся к старой леди.

— Да, она здесь?

— Нет, переехала, а потом уехала назад домой, так я слышала. Улетела обратно в Америку. Меня удивило, она мне казалась решительной девушкой и вроде бы собиралась остаться. Но вот ведь, чем черт не шутит.

Она продолжила свой путь со своей маленькой собачкой, и Нейт наблюдал за ней, пока она шла вниз по маленькой улице, которая вела к дому Лили. Он смотрел, как она перешла на широкий тротуар главной дороги, которая поворачивала к улице Лили. Он наблюдал за этой старушкой, пока она не скрылась из виду, свернув к причалу.

Затем он сел в машину и поехал обратно в Лондон.

* * *

Через три дня, после того как Лили ушла, Нейт переехал в свою новую квартиру, в тот же день он отключил свой старый телефон. Его секретарь взяла отпуск, чтобы поправить

здоровье после непредвиденной продолжительной болезни.

Его временная секретарша никогда не слышала ничего о Лили Джейкобс. Принимая звонки от женщины с таким именем, она потеряла большую часть ее сообщений под грудой тех, что шли с пометкой срочно (почти все звонки к Нейту МакАллистер, казалось, были срочными, и секретарша просто была не в состоянии справиться со всем этим). Она потеряла много сообщений за те две недели, пока Нейт терпел ее, причем большинство из них были срочными, и не только от Лили.

Те, что не потеряла она, украл Джеф.

Даниэлла захлебывалась от восторга от странного и резкого исчезновения Лили. Несколько недель спустя, она предприняла последнюю, отчаянную попытку захватить сердце Нейта, пытаясь соблазнить его своим телом. Его это настолько возмутило, что не постеснявшись Нейт высказал ей все, причем гораздо большим количеством слов, нежели обычно. И после этой драматической сцены, буквально пять минут спустя, когда Нейт вытащил свой «Мазератти» из гаража родительского дома, Лили позвонила в дверь в последний раз, стоя со своим любимым Фазиром. Лучшего времени и нельзя было предположить, потому что именно в тот момент Лили была самым последним человеком на земле, которого Даниэлла Робертс хотела бы увидеть. Но Даниэлла и ее брат хорошо подготовились к этому моменту.

Виктор и Лаура сначала смутно переживали, а потом они оба стали злиться на Лили, которая просто сбежала, не объяснив ничего. Удивительно, но впервые за всю свою жизнь Нейт увидел Лауру в ярости, она взрывалась на все за считанные минуты. Казалось, она пестовала Нейта в течение нескольких дней, недель, и готова была продолжать это делать годами, и тут же превращалась в фурию, стоило только упомянуть имя Лили в разговоре (обычно это делал Джеф).

Джеф был также вполне доволен и очень гордился собой по поводу отъезда Лили. Он что-то знал, Нейт чувствовал это по тому, как Джеф вел себя. Сначала он нервничал и затаивался, как будто ждал, что правда всплывет наружу, так всегда и происходило с Джефом. Но когда стали проходить годы, он успокоился, осталось только самолюбование.

Нейт подумал, что Джефф рассказал Лили о его прошлом, о том с чего начались его отношения с отцом Джефа, и она убежала из-за этого. Она же сказала ему, что даже если Джеф что-то и расскажет, то не сможет изменить ее чувств, но получилось, что она солгала.

Нейт много повидл таких людей за свою жизнь, которые лгали. Это его нисколько не удивило. Потрясающая, двадцати двухлетняя девственница из Индианы, живущая, вероятнее всего в роскошном доме, окруженном гектарами земли (по крайней мере, именно так Нейт всегда ее представлял, когда думал о ней, очень часто он вспоминал о ней особенно в первые несколько месяцев, но позже, видно стало что-то притупляться, он вспоминал, но не постоянно, по крайней мере, не в светлое время суток) была изнеженной и обласканной всю свою жизнь, вдруг столкнулась с тем, кем Нейт был...

Скорее всего она часто принимала душ, там у себя, чтобы смыть грязь после него.

* * *

В тот день, когда Лили Джейкобс узнала, что ее родители погибли в авиакатастрофе, новая жизнь, которую она вдохнула в Нейта МакАллистера умерла.

Он стал встречаться с новыми женщинами, но ни одна из них ничем не была похожа на

Лили. Его отец стал председателем правления, а Нейт занял пост генерального директора компании. Он купил огромный пентхаус и установил огромную кровать.

И он спал в ней в полном одиночестве, в те редкие моменты, когда находился дома (или, по крайней мере, большую часть времени).

Лаура и Лили

Восемь лет спустя — Нейту тридцать шесть, Лили тридцать, начало мая...

Лаура Робертс шла по Гайд-Парку.

Ей нравилось гулять, и она делала это довольно часто, потому что тогда ноги сохранялись стройными (по крайней мере, Виктор всегда восхищался ее ногами). И это заставляло ее двигаться, это заставляло ее быть молодой.

Гайд-Парк был ее любимым местом, в котором она предпочитала гулять по извилистым дорожкам между деревьями, рассматривая различные памятники и статуи, Мемориал, посвященный памяти Дианы, «Уголок оратора», люди совершали конные прогулки, хозяева выгуливающие своих собак, которых было довольно-таки много и младенцев в колясках. Всегда можно было увидеть что-то новое и это никогда не повторялось.

В этот солнечный, прекрасный, теплый день, Лаура увидела мужчину, который выглядел довольно-таки странно, словно его темные глаза были подведены сурьмой, волосы были такие же черные, как у Натаниэля, но без синевы, темная загорелая кожа, выпирающий животик и заостренная, черная бородка.

Лаура подумала, что он выглядел очень причудливо, как джинн, но только в обычной человеческой одежде.

Она наблюдала за ним, он остановился, расставив ноги и скрестив руки на груди, его лицо выражало притворную ярость, словно он был Юл Бриннер в «Король и Я». Сейчас он выглядел *определенно*, как настоящий Джинн. (*Юл Бриннер (англ. Yul Brynner, 11 июля 1920, Владивосток — 10 октября 1985, Нью-Йорк) — американский актёр театра и кино русского происхождения.*)

Любопытство пересилило, и Лаура решила посмотреть, что же может его так раздражать, и перевела взгляд в ту сторону, куда джинн-мужчина сердито смотрел.

И потом она замерла.

Лили.

Лаура не могла поверить своим глазам, поэтому дважды моргнула, она думала, что ей это мерещится, и она сейчас увидит кого-то другого, похожего, но не Лили, Лаура подумала, что это ее сознание играет с ней в такие игры.

Но это *была* Лили. Она выглядела почти такой же, за исключением того, что постройнела. На ней были застиранные Levi's и еще более выцветшая футболка с надписью: «Чикаго Кабс». Она бежала к джинну-мужчине, улыбалась, такой же странной, необычной, но прекрасной улыбкой Лили.

Но *определенно* другой.

Лора стала внимательнее рассматривать женщину, которая разбила Натаниэлю сердце.

Лили выглядела бледной, слегка напряженной и даже усталой.

Сияние Лили, которое она так хорошо знала раньше, ушло.

Жизнь, подумала Лаура с каким-то несвойственным ей удовлетворением, помотала Лили Джейкобс очень хорошо.

Лаура решила сразу же выкинуть Лили из головы. Она, конечно, расскажет Виктору об этой встрече, но никогда не обмолвится и словом Натаниэлю. Ее сын никогда не говорил

ей, чего ему стоило пережить необъяснимый уход Лили, но Лаура, как любая мать, чувствовала это.

Лили Джейкобс стала действительно единственным человеком в мире, которого Лаура Робертс ненавидела. Лаура все знала о прошлом Натаниэля, Виктор рассказал ей. Лили, давшая ему жизнь и свет, заставившая его по-настоящему *смеяться* (причем много), сделала его таким *счастливым*, а затем вырвала его из своего сердца без объяснений и даже без простого «прощай»...

Ну, она просто не оценила понимание Лауры, и она определенно не оценила ее доброту. Лаура начала уходить, надеясь, что она уйдет незаметно, до того, как Лили ее увидит. Она терпеть не могла говорить нет, представляя Лили, которая соберется когда-нибудь приблизиться к ней, если она вовремя не ускользнет от нее.

Затем она услышала знакомый голос Лили, зовущий:

— Таш! Давай быстрее, куколка.

Лаура опять повернула голову и оцепенела.

К Лили и странному джинну-мужчине бежала маленькая девочка.

Маленькая девочка Натаниэля.

Лаура поняла это сразу же, она была точной копией его.

Те же иссиня-черные волосы, те же (даже с такого расстояния, Лаура видела, поскольку, несмотря ни на что, она все же была матерью Натаниэля) темные при темные глаза, та же костная ткань, те же длинные ноги, длинное тело и девичья талия. Действительно, невозможно было не увидеть ничего этого, девочка была ребенком Натаниэля МакАллистера.

Лаура потрясенная, молча застыла, глядя, как маленькая девочка подбежала к Лили и обняла свою мать. Лили наклонилась, поцеловала ее в макушку и заговорила, улыбаясь. Улыбка не была уставшая и неестественная, она осветила ее лицо, как у той доброй Лили.

Лаура не могла поверить в это. Она не знала, что делать. Она хотела закричать, ринуться вперед и вырвать ребенка из рук.

Затем Лили выпрямилась, повернулась, чтобы пойти в другом направлении и увидела ее.

Ее бледное лицо, еще больше побледнело, став совершенно белым. Она застыла на месте с полуоткрытым ртом.

Несколько минут спустя, пока Лаура изумленно смотрела на нее, Лили вышла из своего ступора, и ее лицо отразило такое счастье, такую любовь, что Лаура почувствовала, словно ее ударили в живот.

Лаура же посмотрела на Лили с такой ненавистью, на какую была способна только разъяренная мать, развернулась и побежала прочь.

* * *

— Мой Бог, Фазир, мой Бог. Ты видел, как она смотрела на меня?

Фазир левитировал. Он всегда так делал, когда волновался, или когда играл, или когда хотел сделать ей замечание, она знала об этом, но в данном случае он не играл.

Он не ответил. Он не мог, поэтому Лили продолжила:

— Она видела Таш. Она знает. Я говорила тебе, что мне следовало им давным-давно сказать. А теперь слишком поздно. Сейчас...

Она перестала говорить и начала ходить взад-вперед, а вернее просто судорожно стала расхаживать.

В течение многих лет у Лили было желание сходить к Робертсам. Наташа была их внучкой, они захотели бы узнать о ее существовании. Даже если для них будет больно, после смерти Нейта (которая, она решила, своим воспаленным воображением произошла или на мотоцикле, или на «Мазерати», но она точно не знала и не хотела знать).

Но что-то всегда мешало. Магазин, дом, простуда Таши, мучающие мигрени Лили (которые становились гораздо чаще сейчас, как сказал врач от стресса), не хватало денег на поезд (денег все время не хватало), телефона не было, стирка, уборка, покупка продуктов, автомобиль, нуждающийся в обслуживании (ему почему-то все время нужен ремонт).

Конечно, наверное, ей следовало написать, но как сказать об этом в письме? Все-таки это была такая вещь, которую стоило сообщать лично.

И Лили так плохо переносила начало беременности, к тому же она, и Фазир долго жили в Клеведоне, поскольку она была практически прикована к постели. К концу беременности, врач насильственно приковал ее к постели. Роды были не простыми, у нее заняло почти год, чтобы восстановить свои силы. К этому времени долги росли, счета были все просрочены, и она почти уже была готова загадать последнее желание Фазиру. Но ее спасла Максин. Максин и красивый дом из белого известняка бабушки Сары с итальянскими мраморными подоконниками и десяти сотками.

Пока Лили была больна, у нее было время подумать. И она задумалась вот над чем, почему Лаура и Виктор не связались с ней. Почему не они сообщили ей, что Нейт умер, а Даниэлла. Почему, когда Лили сообщила через Джефа, что она потеряла родителей, они не пришли к ней, зная всю чудовищность ее потери? Даже не зная о Таш, Лили была абсолютно уверена, что они видели, как она любила Нейта и ей следует горевать вместе с ними, это было просто жизненно необходимо для нее, потому что ее красавец мужчина, мужчина ее мечты умер. Она не понимала почему они этого не сделали и подумала, что, возможно, переоценила их. В мрачные моменты (которых было много), она поняла, что они вырастили таких, как Джеффри и Даниэлла детей и, возможно, мало чем отличались от своих детей, ведь кровь одна.

Потом время пролетало день за днем, и стало слишком поздно.

Впервые за восемь лет Лили была в Лондоне. *Восемь лет.* Они остановились в не очень чистом отеле и в не такой уж хорошей части города. Но это было единственное, что они смогли себе позволить.

Для них это не имело никакого значения, поскольку они возвращались в отель только на ночь. В остальное время Лили показывала им все свои самые любимые места в Лондоне и конечно же включая место, где она вместе с Нейтом гуляла по Гайд-Парку.

Дочь Лили все знала о своем отце.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Каждую деталь, которую Лили могла вспомнить, а вспомнила она все, была рассказана Таше, как самая грандиозная история, которую когда-либо создавала Лили. Годы проходили, Лили даже добавляла какие-то детали к своим рассказам, удерживая в памяти живого Нейта для их дорогой дочери.

— Я должна к ней съездить, — сказала Лили.

Фазир посмотрел вниз на нее, скрестив руки на груди. Он, лично, однозначно не ценил этих людей Робертсов высоко. Каждый раз, когда они глядели на его малышку Лили, то

занимались с ней сексом, который был точно омерзительным, вот почему он постоянно пытался разубедить ее сообщать им о Таше и отвлекал, когда она собиралась написать им письмо или позвонить.

Если бы они узнали о Таше, он даже не мог бы себе представить, что они смогли бы сделать.

И очевидно же, что сегодняшнее произошедшее событие, как обычно, только укрепило его в правильности своего решения.

— Я не думаю, что это мудро, — заявил он.

— Таша — ее внучка! — запричитала Лили.

— О чем ты говоришь?

Таша вышла из ванной и посмотрела на них с любопытством.

Лили посмотрела на свою красавицу дочь, которая не взяла переняла ее внешность или внешность Бекки и Сары, а была абсолютной копией Нейта.

Таша Джейкобс была ярким ребенком, ужасно талантливым. Гений, так сказала ее учительница, но развивать ее способность у Лили просто не хватало денег. Она не могла позволить себе ничего лишнего, просто наблюдала со стороны в надежде, что когда-нибудь отправит Ташу в специальную школу для одаренных детей.

В это Фазир, как раз поверил, потому что это рассказывала сама Лили, что Нейт был очень талантливым. Таша обладала точно такими же способностями, схватывая все налету, как и Нейт.

И от этой мысли, Лили приняла окончательное решение.

Она улыбнулась своей дочери.

— Мамочке нужно отойти и встретиться с друзьями. Я скоро вернусь.

— Лили..., — сказал тяжело, предупреждая своим трубным голосом Фазир.

Лили посмотрела на него полная решимости.

— Я скоро вернусь.

И у джинна не хватило сил больше ничего сказать, она ушла.

* * *

— Ты... черт побери... смеешься.

Лауре не нравилось, когда Виктор ругался. Однако, если, когда и было время сыпать проклятиями, то именно сейчас.

Как назло (а возможно и нет, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть), Нейт вернулся домой вместе с Виктором. Поэтому Лаура решила рассказать им обоим, Нейту по любому стоит об этом узнать и лучше всего, если он узнает от нее. И не задумываясь, она выдала Виктору все информацию, он внимательно выслушал, а в конце ее рассказа просто взорвался.

Натаниэль, сидящий напротив Лауры, положив небрежно одну ногу, лодыжкой на колено другой, казалось, с радостью готов был совершить убийство.

И совершил бы он его совершенно хладнокровно, полностью себя контролируя.

Ей хватило одного раза посмотреть на сына, и Лаура почувствовала зарождающееся в ней беспокойство.

Но она продолжила свой рассказ с радостным видом.

Лили обрадовалась, увидев ее.

Возможно, это было напускным с ее стороны шагом, потому что за минуту до этого, она смотрела на нее с ужасом, но Лаура начала сомневаться уже в этом.

Почему Лили обрадовалась, увидев ее? Особенно если учесть, что все это время она скрывала от них дочь (Лаура мысленно попыталась сосчитать сколько лет назад, но просто догадалась), восьмилетнюю дочь, копию самого Натаниэля.

— Я найду эту сучку и сверну ее белую деревенскую шею, — угрожающе сказал Виктор.

— Виктор, успокойся, — успокаивающе произнесла Лаура.

— Я не собираюсь успокаиваться! Это черт побери моя внучка! — громко заорал он, что стекла задрожали.

— Что происходит?

Лаура от отчаяния прикрыла глаза, только это еще не хватало. Даниэлла использовала именно этот момент, чтобы зайти в комнату.

Ее дочь наконец-то переехала от них к мужчине, и Виктор с Лаурой теперь мало беспокоились о ней, подходит ли он ей или же нет. Тем не менее, она с определенной регулярностью приходила к ним домой, и у Лауры появилось какое-то неприятное ощущение, что она появлялась именно тогда, когда у них находился Натаниэль.

— Твоя мать встретила Лили, — сообщил Виктор дочери, Лаура взглянула на него широко распахнутыми глазами.

— Виктор! — Лауре показалось, что это не самое мудрое решение, привлечь к дискуссии Даниэлла в разворачивающейся драме. В любой неприятной ситуации Даниэлла всегда показывала себя не с лучшей стороны. Кроме того, Даниэлла создала достаточное количество драматических ситуаций в своей жизни.

— Кого? — Даниэлла направилась к Натаниэлю, опустившись на подлокотник его кресла. Ее сын на мгновение замер, потом поднялся и направился в противоположную сторону комнаты. Он как обычно не сказал ни слова.

— Лили, Лили, Лили! — возмущенно закричал Виктор. — Ту девушку из этого болота, Индианы, которая ушла от Натаниэля.

Глаза Даниэллы округлились, и Лаура своим *Материнским Взглядом* отметила, что она стала выглядеть как-то немного испуганно.

Затем в дверь позвонили.

— Я открою, — моментально Даниэлла вскочила на ноги. *Даже слишком моментально.*

— Нет! Я, черт побери, открою, — закричал Виктор, хотя не было такой необходимости.

Даниэлла нехотя снова сел.

Лаура перевела взгляд на Натаниэля, сделав себе пометку, позже разобраться со своей дочерью. Внешне он выглядел совершенно спокойным, но Лаура увидела гнев, *смешанный* с недоверием, который бурлил и клокотал в нем.

— Ты так ничего и не сказал, — сообщила она ему.

— Нейт никогда ничего не говорит, — пробормотала Даниэлла, но все в комнате услышали, и Лаура кинула на дочь просто убийственный взгляд, и вдруг из холла послышался крик Виктора:

— *У тебя хватило наглости, бл*дь!* — орал он, и все присутствующие рванули к нему.

Натаниэль широким шагом первый вышел в холл. Даниэлла появилась вместе с Лаурой, следом за ним, встав позади него.

Лаура стояла рядом с Нейтом и просто не верила своим глазам.

Виктор мертвой хваткой схватил Лили за плечи, удерживая на месте и треся. Она пребывала в полном шоке, смотря на него ошарашенными глазами.

— Виктор, дай ей войти! — прокричала Лаура.

Лили повернулась в сторону Лауры и увидела *Натаниэля*.

А потом что-то произошло, чего Лаура даже никогда не смогла бы предположить.

Глаза Лили округлились, она побледнела, каждый мускул ее тела напрягся, рот открылся в немом возгласе.

Потом она произнесла беззвучно только лишь одними губами:

— Боже мой.

И Лаура увидела, как стало меняться выражение лица Лили, также как и в парке, когда она увидела ее, но на этот раз на нем не отражалось ни радости, ни неожиданного счастья, а только полное удивление.

Но это выражение тут же исчезло, как только Виктор начал трясти ее за плечи и опять кричать.

— Виктор! Я сказала, отпусти ее, — снова попыталась остановить его Лаура.

Он резко отпустил ее плечи, и ей пришлось взмахнуть руками, чтобы удержаться от падения и сохранить равновесие, прислонившись спиной к косяку двери.

— Ты сука! — опять заорал на нее Виктор. — Ты строила из себя невинную провинциалку в моем чертовом доме, тебе лучше подыскать себе чертовски хорошего адвоката, потому что мы отсудим ребенка. Ты скрывала ее от нас, и оставшиеся восемь она проведет с нами!

Лили вскинула голову, шокированными глазами уставилась на Виктора.

— Чт... что? — выдохнула она, с трудом ворочая губами.

Лаура обратила внимание, что Натаниэль стоял, скрестив руки на груди, наблюдая за разворачивающейся драмой, словно это представление происходило исключительно для его развлечения.

И похоже он не собирался вмешиваться.

Лили перевела взгляд от Виктора к Натаниэлю и ее и так бледное лицо стало совсем бескровным, как только глаза встретились с приемным сыном Лауры.

Затем она кинула взгляд на Даниэлла и на ее лице отобразилась такая боль, на которую было даже больно смотреть.

— Ты сказала, что он умер, — прошептала она.

— Убирайся! — закричал Виктор, шагнул вперед и толкнув ее рукой в грудь, вытолкнув за порог. Она сделала непроизвольно несколько шагов назад, и Виктор захлопнул дверь перед ее носом.

— Виктор! — вскрикнула Лаура и побежала к двери. Во всем этом что-то было совершенно неправильное, что-то скрывалось за всем этим. Она чувствовала. Ее сердце колотилось с такой скоростью, внутри зарождалась паника. Ей необходимо было вернуть Лили.

Она схватилась за ручку, но Виктор с силой потянул Лауру к себе.

— Мы должны выслушать ее! — закричала Лаура мужу, вырываясь из его хватки и рванула на себя дверь.

И никого не увидела, Лили убежала.

Убежала, спасая свою жизнь.

Лили

— Они здесь, — сообщила Джейн.

— Заставь их подождать, — ответил Алистер Хоббс.

Лили смотрела в окно конференц-зала, совершенно игнорируя разговор между Алистером и его ассистенткой Джейн.

Алистер Хоббс был другом друга Максина. Высокий, стройный с рыжими волосами и такими же бровями. Смутно для себя (как обычно, когда ей приходили на ум такие мысли), Лили отметила, что он был довольно симпатичным. Лили встретила его в магазине у Максина, потом увидела несколько раз на рынке, и они поболтали. Однажды он пригласил ее на ужин, но она ответила «нет».

Лили никогда ни с кем не встречалась, никогда. У нее на это не было времени и желания.

Алистер совершенно не обиделся. Несмотря на его профессию, он оказался очень хорошим человеком.

Максин зато на него обиделась, она думала, что Алистер был более настырным парнем.

Сейчас, когда Лили стала его клиентом, это вопрос становился бессмысленным. Алистер не мог пригласить ее снова на ужин, потому что он стал ее адвокатом.

Или, по крайней мере, он не мог приглашать ее какое-то время, пока идет процесс.

Она не могла позволить себе оплатить его услуги, естественно. Она не могла позволить себе очень многое, почти ничего. Она, конечно же, не могла позволить себе тягаться с Нейтом и всем кланом Робертсов в битве за опеку над Таши. Лили понятия не имела, насколько богатыми они были, но она точно знала, что дома, автомобили и одежда, которую они могли себе позволить, напрямую показывало, что у них было намного больше денег, чем она бы смогла заработать.

Лили, Фазир, Таша не успели вернуться домой в Сомерсет, потому что Виктор остался верен своему слову — она получила письмо лично в руки от их адвокатов.

Нейт оказался жив и здоров, передвигался на своих двоих, дышал и, видимо, злился на нее, собираясь получить полную опеку над Таш, хотя *Лили* понятия не имела, почему *Нейт* злился. Ведь Лили не мела сестру, поскольку она была единственным ребенком, которая решила убрать свою соперницу со своего пути, сказав, что он был мертв.

В письме было сказано, что он хочет полной опеки.

Нейт собирался попробовать забрать от нее дочь.

Лили не могла поверить в это. Она не могла поверить, что Нейт жив, но больше она не могла поверить, что он способен сделать что-то такое, столь порочное и жестокое.

Узнав, что у него есть дочь, о которой он ничего не знал первые семь лет ее жизни, в конце концов это была не вина Лили.

Прошло всего лишь несколько дней после той унижительной сцены у парадных дверей Робертсов с Виктором. Живой Нейт уставился на нее как... как... она не знала, каким словом это назвать. У нее просто было жуткое ощущение мурашек, скользивших по телу, пока он смотрел, как Виктор «раздавливает ее своим ботинком».

Лили не могла это объяснить, потому что ей никак не удавалось совместить две мысли,

и не удавалось спокойно проанализировать ситуацию, чтобы разобраться во всем этом безобразии.

Почему?

Почему, почему, почему?

Она закрыла глаза.

Она знала почему.

Он закончил с ней, так же, как в свое время закончил со своей подругой Джорджией. Секунду назад он готов был объявить о помолвке и одеть кольцо на палец, а в следующую секунду он уже с ней порвал.

Лили пришлось с удивлением признать, что их отношения продлились даже намного дольше. Лили не относилась к Лиги Нейта, для него она была неопытной девственницей. Еще она не была красивой и стройной. И кроме того, она была застенчивой девушкой из Индианы, не веселой, космополитичной, умудренной опытом.

Вероятно, она должно быть очень быстро ему наскучила.

Ну, очевидно, так думала она.

Когда она рассказала все Фазиру, тот впал в ярость. Он был просто вне себя, а вне себя Фазир представлял собой определенное зрелище.

Он связался со всеми своими друзьями джиннами в надежде осуществить свое собственное желание, превратить Нейта, Виктора и всю семью Робертс в нечисть, и он на самом деле собирался сделать это, паря едва ли в сантиметре над потолком.

К счастью или к сожалению, зависит от того, как на это посмотреть, джинны не могли загадывать свои собственные желания, им не разрешалось своевольничать. Такого никогда не было, семья Лили оказалась первой в Великой Истории Джиннов, не заказав сразу же свои желания *и теперь* имея своего собственного джинна.

И Лили не собиралась для этого использовать свое последнее желание.

Сейчас ей было за что бороться. Бороться за самое ценное, что у нее было.

— Лили, — тихо позвал ее Алистер.

Ее глаза открылись, она приподняла голову, чтобы взглянуть на него, и он ласково улыбнулся ей.

— Ты знаешь наш план?

Лили кивнула.

Она знала план, но в то же время и ненавидела этот план. Она ненавидела его со всей страстью, на которую была способна.

Но она сделает все, чтобы сохранить Ташу. Все, чтобы сохранить свою драгоценную дочь.

Ни перед чем не остановится.

Алистер знал ее грустную, глупую, правдивую историю от начала до конца. Лили рассказала ему все: от мельчайших унижительных подробностей встречи с Нейтом и всю свою жизнь за последние восемь лет, про свою сложную беременность, неоплаченные счета, состояние дома, когда они туда переехали, совершенно не подходящее для Фазира и Лили, а что уже говорить про ребенка, что перво-наперво она должна была поставить хорошую электропроводку и сантехнику, большинство других работ Лили сама сделала по дому и то, что она пыталась накопить на специальную школу для Таши.

Все.

Когда она закончила свой рассказ, Алистер смотрел на нее взглядом, в котором

читались смешные чувства. Затем он поднял стеклянное пресс-папье, лежащее у него на столе, и с такой силой швырнул его через всю комнату. Лили не была уверена, что это поведение соответствует профессиональной стороне юриста, но она ничего не сказала.

— Пригласи их, — сказал Алистер, позвонил своей помощнице и снова обратился к Лили. — Ничего не говори, Лили. Просто предоставь это мне.

Лили снова кивнула.

Все взвесив, она совершенно не возражала, чтобы Нейт имел право видеться с ребенком, хотя ей не нравилось, что Таша будет проводить много времени с Даниэлой или Виктором, или, что еще хуже, с Джефом. Впрочем, Таше однозначно был нужен отец, и она никак не ожидала, что у нее оказывается уже был отец... до определенного времени не ожидала.

Для Ташы это станет настоящим подарком богов. Лили все время рассказывала своей дочери истории о Нейте, как только она родилась. Огромный, щедрый, обожающий, потрясающие истории, которые делали образ Нейта похожим на принца, как в любой сказке. Таша будет в неописуемом восторге, когда узнает, что ее отец жив. Таша думала, что Нейт был супергероем, борющимся за освобождение мира или святым в одном лице.

Это действительно подарок, которого ни один из них не ждал. Какое благо, что Фази́р не смог осуществить свое желание, о котором он твердил ей все время — превратить их в нечесть. На самом деле, она не желала ничего плохого Нейту, потому что молилась за него, умоляла, плакала почти каждый день в течение многих и многих лет.

Когда она увидела его *живого*, то решила, что все сны о его возвращении из мертвых наконец-то осуществились. Это был самый потрясающий момент за все ее прошедшие годы.

Он длился всего лишь две секунды, потому что потом превратился в кошмар, которые донимали ее по ночам.

А потом все стало еще хуже.

Теперь ей придется пережить унижение еще раз — выложив на всеобщее обозрение всю свою грязную историю и глупости, совершенные по наивности.

И все это ради Ташы, ее превосходной, сладкой, блестящей, красивой Ташы. Ташы, за которую в эти ужасные темные годы Лили цеплялась, как за спасательный круг. Ташы, которая была маленькой женской копией Нейта, и о котором Лили раньше думала, что он был сокровищем и драгоценным подарком. Таша была единственным человеком, кроме Фази́ра (когда он не пребывал в ярости), кто мог по-настоящему заставить Лили улыбнуться и рассмеяться.

Таша была единственно прекрасным, что произошло с Лили за эти восемь жестоких мертвых лет.

Алистер взял ее руку в свою и ободряюще пожал.

Лили вздрогнула незаметно, надеясь, что он не обратил внимания. Оставшиеся болезненные синяки после рук Виктора до сих пор еще побаливали. Но она не стала рассказывать Алистеру о синяках, после того, что она увидела, что он сделал с пресс-папье, подумав, что это не столь важно.

— Тебе не стоит волноваться, мы сделаем их Лили, — пообещал он шепотом.

— Хоббс, — окликнул голос позади него, Лили повернула голову.

Джейн вела к ним четырех мужчин, двоих из которых она точно знала.

Она затаила дыхание от удивления и страха.

Виктор шел впереди с маской гнева на лице. Ярость со стороны Виктора была страшна, теперь она знала это довольно-таки хорошо.

Нейт тоже шел с этой четверкой в сшитом на заказ невероятно дорогом костюме. Он оставался таким же высоким, таким же красивым, и года сделали его еще более потрясающим, он был просто невыносимо красив. Он смотрел на нее, точнее на руку Алистера, покоящуюся на ее руке, взглядом, в котором сквозило исключительно презрение.

Если бы ее сердце раньше не окаменело, она бы отреагировала на этот взгляд.

Но вместо этого ей было все равно.

Лили оцепенела, подумав, что хуже уже ничего не может случиться, что она не может второй раз потерять сначала бабушку, а потом родителей, и неосуществимые мечты о светлом будущем с Нейтом, мечты популярной писательнице, мечты о живом романтическом герое, который стал ее мужем, создав с ней семью. И то, что появилась Таша и как ей было тяжело. Слишком тяжело, даже очень тяжело.

Внутренне оцепенев, она смутно подумала, что неопределенность была хорошим способом для нее в тот момент.

Алистер подвел ее к стулу, заранее объяснив ей ход всей процедуры. Джейн вежливо разносила напитки, создавая умиротворенное чувство безопасности, прежде чем Алистер начнет сталкиваться лбами с юристами противоположной стороны.

Автоматически Лили ответила Джейн, что предпочла бы кофе, и была так удивлена, находясь полностью в своих мыслях, когда перед ней поставили чашку с кофе.

Она так и не дотронулась до него.

Алистер организовал это неофициальное, предварительное совещание в своем офисе в Бристоле. Он был рад выиграть этот маленький бой, но Лили было совершенно все равно где это произойдет и в каком месте, хотя она была рада не тратиться на поездку в Лондон.

Она была готова даже поехать на Шри-Ланку, если бы это помогло сохранить Ташу.

Лили тщательно оделась в то, что купила ей Максин. Максин многим ей помогла за эти восемь лет. Она предоставила Лили работу у себя в магазине. Она заботилась о Лили, пока та восстанавливалась после рождения Таши. Она держала волосы Лили над унитазом, когда ее начинало рвать от изматывающих мигреней.

Лили задолжала Максин намного больше, чем за один прекрасный наряд.

Костюм был рыжевато-коричневого цвета с прямой юбкой выше колен с разрезом сзади, и пиджаком с поясом на талии. Она одела шарф такого же рыжевато-коричневого цвета, веселенький, завязав на шее (Максин все предпочитала веселенькое), чтобы он соответствовал лакированным туфлям на высоком каблуке с острыми носами.

— Затрахай их до смерти, — сказала, глядя на нее Максин.

Лили была слишком напугана, чтобы думать об этом. Страх был единственной эмоцией, которая просто переполняла ее по сравнению с другими, страх и унижение. Остальные чувства просто... умерли. Умерли также, как в свое время для нее умер Нейт, и все, что она испытывала к нему когда-то.

Умерли все те чувства, которые она испытывала тогда к нему, потому что он был *всем* для нее.

— Мы можем начать? — спросил один из адвокатов Нейта, и Лили, которая сидела, уставившись на свои руки, с ощущением, будто бы ее голова живет своей собственной жизнью (что, конечно, так и было, но обычно Лили контролировала мысли, кружащие в голове, но сейчас все вышло из-под контроля).

Она увидела Нейта, сидящего напротив нее и смотрящего ничего не выражающим взглядом, словно она была насекомым, которого он очень хотел раздавить.

Странно, она никак не отреагировала на его взгляд. Она перестала на что-либо реагировать уже давно.

Он за все время не сказал ей ни слова, ни единого слова.

Для Нейта это было обычным поведением, но возможно ему нечего было ей сказать. Хотя, судя по выражению его глаз, она не хотела бы услышать то, что он собирался ей сообщить.

Лили окинула взглядом сидящих напротив адвокатов рядом с ним. Алистер объяснил ей, что это всего лишь шоу, но сам факт того, что Лили с трудом смогла себе позволить одного, а Нейт мог запросто не в ущерб себе привести двоих, испугал ее до чертиков. Виктор сидел по левую руку от Нейта и сердито с ненавистью смотрел на нее, с такой ненавистью, которая затмевала даже ненависть Даниэллы, и чего она никак не могла ожидать от Лауры, Лили даже никогда не могла предложить, что Лаура на такое способна, но видимо они все способны.

Лили опять перевела свой взгляд вниз на руки, решив, что это самое безопасное место, куда она сможет смотреть в данный момент.

— Во-первых, я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы согласились участвовать в этой не запланированной встречи. Мы собрались здесь, чтобы обсудить график посещения Наташи Робертс МакАллистер Джейкобс, — объявил несколько пафосно Алистер.

От прозвучавшего полного имени Таши, что-то сразу же изменилось в помещении. Лили почувствовала это, но была слишком напугана, чтобы обратить на это внимание. Вместо этого, она стала смотреть на Алистера, пока тот говорил:

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать график посещений. Мы собрались здесь, чтобы обсудить опеку. Вы же знаете, мистер МакАлистер хочет получить полную опеку над ребенком, — сказал один из адвокатов Нейта.

— Очевидно, что мою клиентку не прельщает эта идея, — парировал Алистер, Лили все так же продолжала смотреть на него.

— За семь лет, с момента рождения ребенка, мисс Джейкобс не сообщила отцу ребенка о его рождении. Моего клиента явно не согревает эта идея, — вставил адвокат Нейта.

— Она при всем желании не могла сообщить ему, что родила ребенка, потому что как оказалось он был мертв, — быстро ответил Алистер.

Опять что-то изменилось в помещении, почувствовала Лили, но опустила голову, уставившись на свой маникюр. Ей необходимо делать такой маникюр, рассеянно подумала она. Хотя она не могла себе позволить никакого, но это совершенно не меняло того факта, что ей необходимо делать маникюр.

— Это смешно. Ведь вполне очевидно, что мистер МакАллистер жив и сидит в данный момент за этим столом, — тут же парировал адвокат Нейта.

Алистер тут же спокойно произнес:

— Да, конечно, сейчас она узнала, причем несколько дней назад об этом факте *тоже*.

— Интересные вы выбрали методы для своей обороны, — с сарказмом произнес другой адвокат Нейта.

— Согласен, что очень интересные, — прокомментировал Алистер рассеянно перебирая лежащие перед ним бумаги, как будто пытаясь что-то найти. — Сейчас, посмотрим. Да, — произнес он, — вот оно, — при этом совершенно не смотря на бумаги.

И затем он стал осуществлять свой «план».

— Наша история началась восемь лет назад, когда мисс Джейкобс жила в Лондоне с

мистером МакАллистер. В какой-то момент ей пришлось срочно покинуть страну из-за чрезвычайной ситуации, произошедшей в ее семье.

— Учитывая, что вы выбрали метод обороны «он-был-мертв», я уверен, ваш рассказ будет чрезвычайно увлекательным, — Лили даже не подняла на него глаза, потому что слышала прямую насмешку от адвоката Нейта номер два или, как она назвала его про себя, «адвокат с сарказмом». Ее испуганный взгляд прошелся по мужчине, который, отметила она рассеянно, смотрел на нее с явным отвращением.

— Ну, не уверен, что факт потери обоих родителей в авиакатастрофе можно назвать «увлекательным», — вежливо произнес Алистер.

Именно от этих слов, в помещении все переменялось, что-то сдвинулось в ее сторону, приблизившись к ней, и это был Нейт. Лили почувствовала это, почувствовала однозначно, что невольно скользнула по нему взглядом, хотя и не желала.

Он больше не смотрел на нее отстраненно, надменно откинувшись на спинку стула. Он побледнел и наклонился вперед к столу, и смотрел на нее совершенно по-другому, напряженно, и сила его напряжения сотрясала комнату.

Лили сразу же отвела взгляд.

Алистер продолжил:

— Мисс Джейкобс сообщила мне, что как только она услышала эту новость приложила все силы, пытаясь связаться с мистером МакАллистером, но в офисе никто не подходил к телефону. Она попросила сестру, Даниэлу Робертс, мистера МакАллистера срочно передать матери мистера МакАллистера, как только она вернется, чтобы та срочно позвонила ей. Впрочем, миссис Лаура Робертс так и не перезвонила, и мисс Джейкобс была вынуждена уехать, чтобы успеть на самолет. Мисс Джейкобс написала и оставила записку, и брат мистера МакАллистера, Джеффри Робертс, зашедший к ней, заверил ее, что обязательно сообщит мистеру МакАллистеру о случившемся.

— Не было никакой записки, — произнес Виктор, Лили знала, что именно так и будет, поэтому не сводила глаз с Алистера, который повернулся к ней с молчаливым вопросом.

Лили утвердительно кивнула.

— Записка была, — упорно подтвердил Алистер.

— Не было чертовой записки, — огрызнулся Виктор, Лили взглянула на него.

Он сидел с пепельно-белым лицом, но больше не выглядел разъяренным, наоборот он выглядел расстроенным и растерянным, и тем не менее пытался хорохориться, чувствуя себя не в своей тарелке.

Виктор не сдавался:

— И вообще, когда она вернулась, она что не могла прийти к нам домой. Мы не переезжали, живем в этом чертовом...

— Я рад, что вы подняли эту тему, мистер Робертс, Лили именно так и сделала, она пришла к вам домой, потому что пока была в Индиане, занимаясь приготовлениями к похоронам своих родителей трагически погибших, она поняла, что беременна. Из дома она несколько раз пыталась дозвониться до мистера МакАлистера ему домой и в офис. Его домашний номер был отключен. Сообщения, которые она оставляла ему в офисе, оставались без ответа. Когда мисс Джейкобс вернулась в Англию, она отправилась на квартиру мистера МакАллистера, где ей сообщили, что он там больше не живет. Она тут же направилась к вам домой, но ваша дочь сказала ей, что мистер МакАлистер умер.

Лили во все глаза пялилась на Нейта, желая увидеть его реакцию на эту новость. Теперь

он был однозначно далек от спокойного равнодушия и высокомерия, которые просто улетучились.

— Это просто смешно. Она могла бы вернуться потом, могла бы рассказать кому-то другому. И с какой стати Даниэлла Робертс сказала..., — начал адвокат Нейта.

— Действительно, с какой стати? — переспросил сам себя Алистер. — Это спорный вопрос, но Лили не могла вернуться, потому что беременность была очень тяжелой. У мисс Джейкобс были трудности, она чуть дважды не потеряла ребенка. Ей не разрешалось путешествовать, и врачи принудили ее вести постельный режим в течение последних трех месяцев.

— После этого..., — перебил его адвокат.

— После этого Лили не совсем поправилась и естественно столкнулась с огромными финансовыми трудностями. Про роды мне рассказала сама Лили и ее акушер, с которым я вчера разговаривал. Врач прекрасно помнит этот день и описывает его, как «чудовищный день», который будто бы произошел только вчера. Мало того, что ей пришлось сражаться, чтобы выносить ребенка напряженно и мучительно много дней подряд, так в конце концов, после затяжных и трудных родов, ребенка все-таки удалось спасти, хотя она чуть не умерла. Лили же пережила *клиническую смерть* в течение двух минут и тридцать восемь...

Алистер не получил возможности закончить свою грандиозную речь, потому что Нейт молниеносно вскочил со стула, с бранью схватил стул и со всего размаха бросил его через всю комнату в стену.

— Мистер МакАлистер..., — предостерегающе произнес Алистер, но Нейт быстро обошел стол, направляясь к *ней*.

Увидев его разгром, Лили в панике тоже вскочила со стула, ее оцепенение совершенно испарились, и она стала пятиться назад, пытаясь как-то обороняться, видя, как Нейт широкими шагами целеустремленно сокращает расстояние между ними. Она резко отступала, держа одну руку за спиной, другую перед собой, и отступала до тех пор, пока не уперлась спиной в стену. Прежде чем она поняла, что он собирался предпринять, его жесткая, каменная грудь уперлась ей в руку, продолжая двигаться вперед, пока его тело не прижалось к ней.

Пребывая в ужасе и растерянности от столь резкой перемены, она посмотрела по сторонам, пытаясь найти место, куда бы ей сбежать, куда угодно сбежать подальше от Нейта.

И для нее наступил еще больший шок, когда осторожно он взял ее лицо в ладони, пытаясь заставить ее посмотреть на него, в его невероятно потемневшие, ставшие почти черными глаза.

— Я не знал, — прошептал он с такой болью, которая просто сочилась из этих слов, первых слов, которые он произнес с тех пор, как узнала, что он жив, прорезая ее тонкий щит оцепенения, как бритва.

Она попыталась освободиться из его ладоней, но он удерживал ее крепко.

— Лили, я не знал, — повторил он, и она взглянула ему в глаза, поблескивающие темным и в них было еще что-то, она не могла понять, что именно, но скрывалась ужасная боль, и она отвела взгляд. Она отчаянно пыталась избежать этого. Ей необходимо спастись бегством.

Она старалась посмотреть поверх его плеча, но он был слишком высокий и стоял слишком близко. Что творилось в комнате ей было не понятно, то ли там шли переговоры, то

ли затевалась драка, но она ничего не видела за Нейтом.

— Посмотри на меня, — потребовал он.

Она судорожно покачала головой в его руках.

— Лили, посмотри на меня.

От его мягкого, нежного голоса, она не могла сопротивляться и подняла на него глаза.

Она смотрела на это невероятно красивое лицо.

И впервые с тех пор, как она узнала, что он жив, заговорила и сказала слова, которые крутились в ее голове все дни напролет.

— Ты сказал мне, что никогда не отпустишь меня, — прошептала она, слова звучали, как обвинение.

Он прикрыл глаза, и такая боль отразилась на его лице.

Затем он потряс ее снова, прислонившись своим лбом к ее лбу, и продолжая держать ее лицо в ладонях.

Но что-то заставило ее продолжить:

— Ты говорил мне, — сказала она дрожащим голосом, — что всегда будешь заботиться обо мне.

Он открыл глаза и уставился на нее. Он был так близко, что если бы она чуть-чуть наклонила подбородок, даже меньше чем на дюйм, то поцеловала бы его.

— Ты не заботился обо мне, — прошептала она, констатируя очевидное.

— Мистер МакАллистер, отойдите от моей клиентки, — потребовал Алистер где-то совсем близко.

Нейт не двинул ни единым мускулом.

— Мистер МакАллистер! — сорвался Алистер.

— Оставьте его в покое! — яростно крикнул Виктор, — оставьте его в покое, — повторил он, и Лили удивленно отметила, что его голос звучал совершенно подавленно.

Алистер не сдавался.

— Мистер МакАллистер!

Нейт не обратил на него внимания, сверля Лили взглядом.

Она не могла выносить этого ни секунды дольше и поменять ко всему свое настроение, что-то происходило вокруг, но она понятия не имела что. У нее осталось так мало сил для борьбы, потому что ей приходилось концентрироваться на более важных вещах. Она не отличалось силой духа, пока руки Нейта обнимали ее лицо, и его теплое тело прижималось к ней, хотя именно об этом она мечтала столько лет подряд, а его лоб упирался в ее. Она просто не могла больше этого выносить.

— Нейт, — умоляюще сказала Лили. — Отпусти меня.

Пару минут он никак не отреагировал на ее слова.

Затем так же резко, как двигался к ней, отпустил.

Развернулся и также быстро направился к своему стулу, вернув его на место, сел.

На мгновение воцарилась полная тишина, все замерли и сидели неподвижно.

Нейт наблюдал за Лили, как она медленно, пошатываясь шла по комнате к своему стулу рядом с Алистером.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался Алистер, опустившись рядом с ней и наклонившись в ее сторону, она обратила внимание, что он разозлился, обрадовалась про себя, что в этой комнате нет никаких пресс-папье, иначе начнется полный ад.

Она кивнула, не желая ничего продолжать, а только поскорее уйти отсюда. Вернуться

домой к Таше и Фазиру, прийти в себя, набраться сил и побороться с ними в какой-нибудь другой день.

Еще хуже, у нее начинала болеть голова, и она чувствовала легкую тошноту, и у нее появилось ужасное предчувствие, что начинается мигрень.

— Давайте покончим с этим, — попросила она еле слышно, ее услышал, наверное, только Алистер.

Она не представляла, что ее голос сообщил двум мужчинам в комнате, которых она знала очень короткое время много лет назад, один из них очень сильно ухаживал за ней, и она обожала его больше жизни, сообщил, что она стала теперь всего лишь тенью той Лили Джейкобс.

От ее слов Алистер полностью потерял самообладание и развернулся в сторону остальных.

— Итак. Полагаю, после *этой* сцены мне не придется вдаваться в подробности по поводу финансового положения, которое есть у мисс Джейкобс. В семье было не очень много богатства, Лили училась в Оксфорде на стипендию и работала в пабе, и еще и в магазине с момента прибытия в Англию. Из-за беременности она не смогла работать, но у нее была ипотека, проценты по которой не платились месяцами, и чуть было не лишилась этого дома. Она не имеет права на государственное здравоохранение, поэтому роды и последующая госпитализация оплачивались частным образом ею и стояли целое состояние. Она была вынуждена, хотя и не хотела продать свой семейный дом в Индиане, но похороны и плохой обменный курс сыграли ей не на руку, деньги практически исчезли прежде, чем она попала в страну. Она...

Адвокат Нейта устало перебил Алистера, понимая, что они не выигрывают это дело, нежели когда они вошли в комнату, уверенные в своей победе.

— Просто скажите нам, что вы хотите.

Алистер сообщил без стеснения.

— Мы хотим получить пятьсот тысяч фунтов на содержание ребенка за семь лет, две тысячи фунтов в месяц, начиная с сегодняшнего дня. Мистер МакАлистер может видаться с дочерью один раз в месяц, две недели во время летних каникул и каникул в течение года. Мисс Джейкобс хочет справлять с Наташей каждое Рождество. Первая встреча мистера МакАлистера и Наташи будет проходить под наблюдением либо Максин Грант, либо давнего друга семьи Лили, Фазира.

Алистер был в ударе, он просил больше, чем они договаривались с Лили. Если бы Лили так не нервничала из-за происходящего, она бы ерзала от неудобства на своем месте, как волчок, из-за того, что требовал в настоящий момент Алистер.

Но его прервали:

— Согласен, — сказал глубокий голос Нейта, и Лили резко вскинула на него голову.

Он смотрел ей в глаза, и его взгляд, словно физически прикасался к ней.

— Простите? — в замешательстве произнес Алистер от того, что его потревожили, пока он перечислял требования.

— Согласен. Деньги будут перечислены ей на счет к концу дня, — он посмотрел на адвоката, и было ясно, что это приказ.

— Но, мистер МакАлистер..., — начал его адвокат.

— Пятьсот тысяч? — с радостью уточнил Алистер.

— Миллион, — Лили в шоке уставилась на Нейта, полуоткрыв рот.

— Миллион фунтов? — Алистер почти подпрыгнул на стуле.

— Да, миллион фунтов..., — заявил Нейт, и Алистер сделав рывок вперед, но Нейт продолжил: — за каждый год Наташиной жизни.

Лили моргнула, впад в полный ступор, если бы сейчас целые стада буйволов промчались через комнату, она бы не двинулась с места. Даже если бы Алистер сделал сальто со своего места, Лили бы совершенно не удивилась.

— Семь миллионов фунтов? — взбудораженно переспросил Алистер. Лили не знала ни одного человека, кто бы имел семь миллионов фунтов, да она и не знала, кто бы имел и намного меньшую сумму и смог бы перевести ее на другой банковский счет «до конца дня».

— Да, — сказал Нейт, как отрезал.

Лили не могла смотреть в глаза Нейту, поэтому перевела взгляд на Виктора, который смотрел на нее в некотором смысле, отчасти...

Он все время смотрел на нее.

Она не успела понять взгляд Виктор, так как Алистер решил подвести черту, спросив:

— Согласны ли вы на график посещений?

— Нет, — непримиримо произнес Нейт.

Лили и так была ошеломлена, но его ответ, словно удар хлыста, пронесся по ее телу. Она знала, что не может быть все так уж хорошо.

— Простите? — произнес Алистер.

— Я хочу полной опеки, — заявил Нейт.

Теперь очередь Лили была вскочить со стула. От его слов, шок и оцепенении тут же испарились, и она ринулась в бой.

— *Что?* — закричала она.

Нейт тоже встал, хотя и медленно. Он повернулся к ней прямо смотря в глаза, но выражение его лица тщательно контролировал.

— Я хочу полной опеки над своей дочерью, — спокойно произнес он.

— Ты не сможешь этого получить! — закричала Лили, забывая о своем спокойствии и обещание Алистеру ничего не говорить.

— Она переезжает в Лондон и будет жить со мной, — заявил Нейт.

— Нет! — закричала Лили.

Нейт продолжил:

— И ты тоже.

— *Что?* — на этот раз ее крик был более пронзительным.

— Что? — закричал Алистер, тоже вскакивая со стула.

Виктор тоже поднялся со своего места.

Нейт не на минуту не отпускал Лили из вида, объявил:

— Ты переезжаешь в Лондон.

— Я не хочу, — ответила Лили.

— Ты и Наташа переезжаете *ко мне*. Ты и я поженимся через два месяца.

— Что? — снова закричала Лили.

— Это полное безумие, — выкрикнул Алистер.

Нейт одарил Алистера соответствующим взглядом и повторил:

— Лили и я поженимся. Она и Наташа переедут в Лондон ко мне.

Лили наклонилась вперед, оперев руки в стол. Для нее было достаточно, он слишком увлекся. *С нее хватит.*

— Ты забываешь, я уже пробовала это раньше, и это... не... не... сработало! — швырнула ему в лицо слова Лили.

Нейт пытаясь полностью контролировать выражение лица, но не смог на нем отразилась боль.

— Лили, — тихо проговорил Виктор.

Она перебила его, совершенно не волнуясь о том, что собирался сказать ей Виктор.

— Нет! Нет, нет и *нет!* — Лили оттолкнулась от стола и взглянула на Алистера. — Я ухожу, — категорически заявила она.

Алистер стоял, стиснув зубы. Если сейчас у нее под рукой находилось бы пресс-папье она бы с радостью исполнила его желание и даже показала бы ему цель.

Он пересилил себя и выдавил одно слово:

— Иди.

Она схватила сумку со спинки стула, развернулась быстро направилась к двери, не оглядываясь назад.

Ее остановила сильная рука, опустившись ей на плечо.

Она неудержимо поморщилась от боли, когда сильные пальцы дотронулись до ее синяков и развернулась, взглянув на знакомую, сильную с длинными пальцами руку Нейта, стоявшего позади нее.

Он увидел, как она вздрогнула от его прикосновения и страдание промелькнуло у него в глазах.

— Уберите руку от моего клиента, — закипая прорычал Алистер, быстро направляясь к ним.

Нейт даже не обратил на него внимания.

— Я хочу увидеть свою дочь, — сказал он Лили.

— Хорошо, — откликнулась Лили, желая поскорее сбежать отсюда, голова начинала болеть.

— Я хочу встретиться с ней завтра, — потребовал Нейт.

— Отлично! — отрезала Лили.

— Я хочу, чтобы ты тоже была, — продолжил он.

— *Хорошо!*

— Лили, ничего не говори, — предупредил Алистер, оказавшись наконец-то рядом с ними.

— Ты будешь там завтра, — приказал Нейт, казалось, что он спрашивал, но на самом деле он просто приказывал.

— Да! — воскликнула она. Она готова была ответить все, что угодно, лишь бы побыстрее сбежать.

Она вывернулась из руки Нейта, Алистер расстроенно окликнул ее.

Она не обращала ни на что внимания.

Развернулась на своих каблуках и быстро побежала прочь, так быстро, насколько была в состоянии бежать на своих высоких каблуках.

Нейт и Виктор, Нейт и Лаура

В первые пятнадцать минут поездки обратно в Лондон, два пассажира, сидя на заднем сидении «Роллс-Ройс», хранили молчание, каждый находясь в своих собственных ужасных мыслях.

Затем тишина была нарушена.

— Натаниэль..., начал Виктор.

— Нет, — голос Нейта прозвучал, как свист кнута.

Виктор задержал дыхание на мгновение.

Не было ни одного человека на земле, которому бы он позволил так с собой разговаривать, кроме Натаниэля.

Особенно сейчас.

Виктор вздохнул, посмотрел в окно, совершенно не замечая проносящийся пейзаж, потому что перед глазами стояла Лили.

«*Господи, бл*дь, Бой мой*», — подумал он. Лаура бы сыпала бы проклятиями за его кощунственные мысли и скорее всего, если бы она стала свидетелем того кошмара, который произошел в конференц-зале, добавила бы еще несколько своих собственных крепких высказываний.

Как только Виктор вошел в комнату и увидел Лили, стоящую так близко и чуть ли не обнимающуюся со своим адвокатом, выглядевшую так прекрасно, стильно и спокойно, он хотел оторвать ей голову.

Десять минут спустя он как сумасшедший, чувствовал пожирающее его желание опуститься перед ней на колени и вымаливать у нее прощение.

Она назвала своего ребенка Наташа в честь Натаниэля.

Она назвала своего ребенка в честь него, Виктора, дав своему ребенку, дочери Натаниэля, фамилию Виктора.

И она чуть не умерла, рожая ее.

Через десять минут Виктор был полностью сломлен, не зная, что и делать, он испытывал чувство, которое не испытывал уже на протяжении многих десятилетий.

Он был сломлен и разрушен, потому что *она* была сломлена и разрушена. Сломлена, по сравнению с той яркой, жизнерадостной девушкой, которая была столь невинной и жила у него в доме восемь лет назад, сейчас была полностью разрушена.

Ее костюм и туфли на высоких каблуках был лишь прикрытием, за которым она пыталась скрыться, что бы никто не увидел насколько великолепная Лили была потеряна сейчас. Чем дольше говорили адвокаты, тем больше она отдалялась, отдалялась все дальше от них, от всех и особенно от Нейта. Она была такой худой, такой бледной, а в конце выглядела так, словно испытывала физическую боль.

И все из-за двоих избалованных до крайности, намертво прогнивших детей Виктора.

И во всем этом был виноват только он. Виктор.

Его прошлые грехи всплыли во всей красе.

— Натаниэль, нам надо поговорить, — попытался начать он снова.

Нейт медленно повернул голову к нему, оторвавшись от окна, уставившись невидящим

взглядом. Он посмотрел в глаза своего сына, и Виктор впервые не знал, что сказать.

Затем Нейт заговорил:

— Восемь лет, — произнес он.

Виктор с болью закрыл глаза.

— Они заплатят мне за эти восемь лет, — услышал Виктор слова Натаниэля.

Виктор снова открыл глаза.

— Я позабочусь о Даниэлле и Джеффри, — поклялся он.

И он совершенно точно позаботиться о них.

Нейт сжал челюсти так, что скрипнули зубы, и отвернулся обратно к окну.

Виктор решил продолжить:

— Сын, я клянусь тебе, они пожалеют, что родились на свет.

Именно это он и имел в виду. Они были его кровными детьми, но они не были его детьми.

Ни Нейт, ни Виктор ни на секунду не усомнились в том, что Джеф и Даниэлла могли сделать именно то, о чем говорил адвокат Лили. Все это время Лаура бесконечно говорила, прямо бредила и ругалась на Виктора, за то, что он не выслушал Лили и дал ей вот так просто исчезнуть.

Теперь все выглядело не так, словно Лили тогда получила отличное предложение пройтись по магазинам в Милане, которому она не могла сопротивляться и поэтому бросила Нейта. Она отправилась к себе домой в Индиану, оплакивать потерю *своих родителей*. И в двадцать два года, скорбя, беременная, она вернулась к ним в дом, чтобы узнать, что Нейт умер.

И его дети знали об этом, и ни один из них не проронил ни единого слова.

Мало того, они совершили этот ужасный обман. Скорее всего, именно Джефф забрал ее записку, а Даниэлла...

Виктор отогнал от себя эти мысли, с ними он разберется позднее.

— Что ты собираешься делать? — спросил Виктор.

Нейт молчал.

Виктор продолжил:

— Натаниэль, ты видел ее. Она...

— Я видел, — прорычал Нейт, и его голос красноречиво говорил о том, что он все увидел и это сильно повлияло на него.

— Ты должен..., — начал Виктор, но не закончил. Как одному можно соединить полностью разрушенного другого человека?

Виктор подумал, что Натаниэль сможет это сделать, если подумает, как. Он считал, что Натаниэль сможет сделать все.

Впрочем, в данный момент его сын был для него самой большой проблемой.

— Что ты собираешься делать? — снова спросил Виктор.

Нейт глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул.

Он повернулся к Виктору и посмотрел прямо ему в глаза.

— Я собираюсь вернуть свою семью.

* * *

Нейт стоял у стены, состоящей из окон от пола до потолка, в своем пентхаузе.

Он пригубил стакан, заполненный двумя кубиками льда и большим количеством водки, курил одну из своих последних сигарет (Лили не нравилось, что он курил, и он не собирался курить перед своей семилетней дочерью), он смотрел на закат Лондона.

Лили вернется к нему.

Он пытался сосредоточиться на единственной этой мысли. Все другие, засевшие у него в голове были просто невыносимыми — ее бледное, почти безжизненное лицо, ее заломленные рук, некогда пышные формы ставшие теперь слишком худыми.

И другие — его брат и сестра умышленно солгала и держали все в тайне, он потерял восемь лет своего счастья с Лили.

И то, каким ужасным голосом она сказала:

— *Давайте покончим с этим.*

И то, как она посмотрела на Нейта, словно на привидение, когда адвокат предположил, что известие о смерти ее родителей будет «занимательным».

И то, как она вздрогнула от прикосновения его руки.

И то, как ее бывшие когда-то такими выразительными глаза, стали совершенно пустыми и смотрели сквозь него, словно его не было там с ней.

И то, что благодаря его целенаправленным действиям, от которых он получал огромное удовольствие, она забеременела и едва не умерла.

И то, как она сказала ему: *«Ты обещал всегда заботиться обо мне».*

И то, что он обещал ей это, но не сдержал свое обещание, и не попытался удержать ее.

И тот ее шепот: *«Ты сказал, что никогда не отпустишь меня».*

От этой мысли он развернулся и бросил стакан с водкой через всю комнату, с такой силой, находясь словно в тумане. Стакан ударился в самый центр очень дорогой картины, осколки разлетелись по комнате.

А затем он услышал позади тихий вскрик и повернул голову, придя в себя.

Лаура стояла в дверях.

Она была одета в стильную серо-голубую юбку и нежно-голубую блузку, которая помялась и находилась в каком-то беспорядке. Бросив взгляд на ее покрасневшее лицо, он понял, что она плакала, тушь потекла и макияж размазался.

Она выглядела опустошенной.

Нейт повернулся к ней всем телом.

— Как ты сюда попала?

— У меня есть ключ, — пояснила она, конечно, он знал, что у нее был ключ.

— Я не об этом, скажи мне, что ты ничего не натворила в таком состоянии.

Она молчала, они стояли, мать и сын в колоссально просторной гостиной, которая разделяла их своим расстоянием, но было что-то еще, что разделяло их эмоционально.

Затем она улыбнулась ужасно печальной улыбкой.

— Конечно, как всегда мой Натаниэль, после того, что произошло сегодня, ты по-прежнему беспокоишься не вела ли я сама машину, — она покачала головой. — Я взяла такси.

Натаниэль не ответил, потянувшись в сторону стола, стоящего рядом с ним и затушил сигарету в хрустальной пепельнице.

Лаура с нежностью смотрела на него, говоря:

— Виктор позвал детей. Он отрекся от них. Он уволил Джеффри. Он лишил Даниэла содержания. Теперь у них остались только целевые фонды, из которых, как мне сказал

Виктор, они истратили значительную часть.

Натаниэль продолжал хранить молчание. Ему нечего было сказать, потому что все прекрасно понимали, что все эти действия опоздали на восемь лет, и все понимали этот довольно болезненный факт.

— Он совершил это с моего благословения, — прошептала она. — Я не могу объяснить, у меня нет слов, чтобы выразить, как мне жаль...

Она не смогла закончить, он видел, что она судорожно сглотнула, сдерживая слезы.

— Теперь у меня только один сын, — закончила она скрипучим голосом.

У нее на лице отразилась такая боль, Нейт никогда не видел ее раньше. Она пристально смотрела ему в глаза, ожидая его реакции, но он не двигался.

Видно она сделала для себя какой-то вывод, поэтому медленно кивнула, стала поворачиваться, чтобы уйти.

И Нейт сказал:

— И внучка.

Она резко обернулась к нему опять и уставилась на сына.

Нейт продолжил:

— И, если я смогу убедить ее, невестка.

— Ох, Нейт, — произнесла она, впервые сократив его имя за все эти годы и полетела к нему через всю комнату, бросившись с рыданиями к нему на грудь. — Я ужасная мать, — простонала она, как только он заключил ее в свои сильные объятия, и при слове «ужасная» он сжал ее еще сильнее.

— Ты не ужасная мать, — пробормотал он.

— Я потеряла своего первенца, своего первого ребенка мальчика, — она подняла глаза, наполненные слезами на него. — Я пообещала Богу, что, если у меня будут еще дети, я сделаю для них все, что угодно. Я сделала бы их такими счастливыми. Я бы отдала им все, чего бы они не захотели. И посмотри! Посмотри, что я создала из них!

Она уткнулась лицом в его грудь, и Нейт опустил голову на ее макушку.

Говорить было не о чем, нельзя никакими словами забрать ее боль, и успокоить ее чувство вины. Никто не сможет этого сделать.

Она пробормотала ему в грудь:

— Я поняла это, когда было уже слишком поздно. Я знала, что разрушаю их, но ничего не могла поделать. Затем Бог подарил мне второй шанс, — она подняла голову, смотря ему в глаза, — тебя.

— Лаура..., — произнес он, но не знал, что сказать.

— Я хочу завтра поехать с тобой.

И тут Нейт четко сказал:

— Лаура, нет.

Ее руки крепче сжались вокруг него.

— Ты не можешь пойти туда один. Я не позволю тебе идти одному. И я должна встретиться с Лили, я должна..., — она остановилась, но тут же продолжила: — я хочу встретиться со своей внучкой тоже.

Нейт отрицательно покачал головой.

— Лили не...

— Я знаю, — перебила она его, ее глаза, смотревшие на него с нежностью, опять стали наполняться слезами. — Виктор сказал мне. Натаниэль, она должна знать, что мы... —

Лаура замолчала затем продолжила: — она должна знать, что больше не одна.

— Я не думаю, что...

— *Пожалуйста*, — взмолилась она, — я должна *что-нибудь сделать*, — с отчаянием произнесла она.

Нейт начал колебаться, потому что это чувство, как раз сейчас он и испытывал. Он чувствовал его внутри себя с той минуты, когда услышал, что она чуть не умерла, пока рожала его ребенка. Ребенка, которого он намеренно создал внутри ее тела, а затем оставил ее разбираться со всеми этими проблемами.

Недолго думая, Нейт запустил стул в стену тогда в конференц-зале, испытывая единственное желание взять Лили на руки и унести ее из этой комнаты. Унести ее в безопасное место, где он мог бы растрачивать каждую унцию своей энергии на нее, каждый заработанный им фунт на нее, каждый день всей оставшейся жизни тратить только на нее, если бы это помогло вернуть ей радость, вернуть ту девушку, которая хлопала в ладоши и заливалась от восторга, катаясь с ним на мотоцикле, ту девушку, которая с легкостью доверила ему свое тело и свое сердце, ту девушку, которая смотрела на него с благоговением.

— Пожалуйста, — просила Лаура, вытаскивая его от темных мыслей.

Нейт стер своим большим пальцем слезы с щеки матери.

— Она стала другой, — предупредил он.

Ее газа загорелись не светящимся светом, но у нее появилась надежда.

Это была первая обнадеживающая вещь, которую он увидел в этот день. Пожалуй, первая надежда, которую он увидел за восемь лет.

— Ты должна быть готова, Лаура, она не та Лили, которую ты знала раньше, — Нейт почувствовал, что ее следует предупредить, что она может увидеть завтра, встретившись с Лили.

Лаура кивнула.

— Она вернется. Я знаю, что она станет такой же, как была. Ты позаботишься об этом, Натаниэль. Только ты сможешь вернуть ее, только ты. Ты разберешься с этим так же хорошо, как разбираешься со всем другим.

От ее слов что-то зашевелилось у него в груди, но он проигнорировал это.

Он очень надеялся, что его мать была права.

Нейт

— Мы слишком рано, мы приехали слишком рано. Мы должны быть у нее ровно в десять, а сейчас всего лишь девять тридцать.

Причитала Лаура Робертс.

Они прохаживались по набережной возле пирса Виктория. Нейт ехал на своем Astor Martin впереди, Лаура и Виктор на роллсе следом за ним.

Нейт сам сидел за рулем. В его голове было слишком много мыслей, и он не хотел ехать в Сомерсет в компании, особенно со своими родителями, и особенно в этот день.

Лаура заметно волновалась, Виктор на самом деле тоже нервничал. Нейт увидел Виктора, вышедшего вместе с Лаурой на порог дома, когда сегодня утром приехал за ней. Он заявил, что поедет тоже, и тот тон, с которым он заявил о своем решении, не подразумевал возражений.

Нейт бы поспорил со своим отцом, но у него не было желания терять драгоценное время, поэтому Виктор тоже поехал.

— Мы приехали слишком рано, поэтому нам стоит полчаса погулять по набережной и выпить чая. Невежливо приезжать рано, — волновалась Лаура, предпочитая сосредоточиться на плохих манерах с их стороны, нежели на том факте, что она фактически лишилась двух детей, разрушив их жизни.

Нейта совершенно не беспокоило, что они приехали слишком рано и не волновало будут ли его манеры казаться грубыми. Он хотел встретиться со своей дочерью и хотел увидеть Лили. Он потерял восемь лет и вся манера поведения Лили днем раньше, говорила о том, что ему придется сражаться за нее. Он сразу же намеревался пойти к ней, не собираясь ждать полчаса и бродить по набережной, а тем более выпивать чашку чая, бл*дь, который он вообще никогда не пил.

Они прошли мимо отеля «Royal Pier» и короткой улицей вышли к террасе Лили, которая была буквально в нескольких шагах. Нейт с трудом подавил острое желание припустить вперед и оставить позади медленно идущих родителей.

— Что эта маленькая девочка подумает? Что Лили рассказывала ей про Натаниэля? Что она *могла* ей вообще рассказать? И какие слова нужно использовать в предстоящей ситуации? Как она отреагирует? — бесновался Виктор, выстреливая свои вопросы, но при этом совершенно не ожидая ответа, но закончил тяжелыми словами: — нам придется найти психолога.

«Виктор начинает говорить, как Лаура», — с досадой подумал Нейт.

Нейт даже не мог такого предположить, как только они подошли к двери Лили, он услышал:

— Папаааааааааааа.

К нему летела со всех ног красивая маленькая девочка, в прелестном небесно-голубом сарафане, с бесконечно махающими руками в воздухе, ее черные длинные волосы развивались позади.

Красивая маленькая девочка, выглядевшая точно, как Нейт.

Нейт остановился как вкопанный, потому что она не собиралась тормозить. Она сломя

голову врезалась головой ему в живот, вызвав боль и ее летящих руки обхватили его за талию, крепко и сильно обняв.

От ее прикосновения, Нейт почувствовал, как что-то в его груди неловко сжалось, его рука автоматически легла на мягкие, темные волосы, другая — на плечо.

— Боже мой, — выдохнула Лаура.

— Таш! Что ты... ой.

Все взгляды обратились к выбежавшей Лили, которая рванула за дочерью. Она остановилась, увидев всех, ее губы изогнулись от удивления.

— О Бог ты мой, — выдохнул Виктор.

Лили была одета довольно-таки миленько, но лучше сказать, как попало. Она была босиком, на лице не было макияжа, на ней красовалась пара выцветших, потрепанных, и казалось, армейских брюк, облегающий сиреневый топ, который не скрывал ее тонкие плечи и руки.

И на открытых предплечьях отчетливо были видны фиолетовые и желтые синяки, отображающиеся всей пятерней, эти синяки оставил Виктор.

Несмотря на это, для Нейта она выглядела неоспоримо, просто бесспорно прекрасной.

Прежде чем кто-либо произнес слово, Наташа запрокинула голову назад. Нейт убрал руку с ее головы и посмотрел на нее, встретившись с ее темными глазами, со своими темными глазами, в которых плескалось веселье.

— Я ждала тебя все утро. Казалось, что за... эх... вер! Я думала, ты *никогда* не появишься здесь!

Видимо, Лили правильно преподнесла новость, и сделала это хорошо.

Наташа повернула голову к матери, но по-прежнему удерживая руками Нейта.

— Смотри, мамочка, папа приехал, — сказала она матери, как бы уточняя.

При слове «папа», Нейт почувствовал, словно что-то полоснуло его по животу.

Ошеломленный взгляд Лили переместился от приехавшей толпы к своей дочери, и ее лицо расплылось в улыбке, как только она на нее посмотрела.

— Я вижу, куколка.

Нейт видел нежную улыбку Лили, чувствуя ее нежность к дочери, *его* дочери, *их* дочери, и она омывала его своим светом, Наташа опять обратила свой взгляд к нему.

— Мама сказала мне вчера, что ты приедешь, — сообщила она ему.

— Правда она сказала? — пробормотал Нейт.

Наташа весело кивнула.

— Да, она сказала, что ты жив и захотел сразу же встретиться со мной, — затем она расставила руки в стороны и объявила: — Вот она я!

Нейт зачарованно уставился на красивого ребенка, которого он и Лили создали. Она была такой, попросту говоря, он до конца не верил в это. Ее глаза сияли, ее сердце было открыто, а солнечная улыбка не покидала ее прекрасное лицо. Было совершенно понятно любому, что она рада его видеть, безмерно счастлива, она была просто в восторге.

Он понятия не имел, что сказать или что нужно делать. Никогда, ни разу за всю свою жизнь, он не был так не уверен в том, какие действия ему следует предпринять.

К счастью, Наташа не была столь неуверенной.

Она прижалась к нему.

— А кто они? — прошептала она громко так, что все слышали.

Нейт оглянулся на Лауру и Виктора, про которых совершенно забыл, как только увидел

свою дочь и дотронулся до нее.

Он заметил, как у Лауры замерцали слезы в глазах. Виктор стоял абсолютно неподвижно, выпятив грудь и прилагая все усилия, чтобы сдержать слезы.

Нейт опустил руку на затылок дочери. Он подумал насколько маленькая у нее головка, крошечная и хрупкая, и почувствовал тут же защитный рефлекс внутри себя, который появился независимо от него, независимо от его контроля, он просто возник в его существе, где-то очень глубоко. Он придвинул ее ближе к себе под другую руку, чтобы она могла полностью видеть своих бабушку и дедушку. Он взглянул на нее, она же доверчиво прижалась к его высокому, сильному телу. Для него это было необычно, такое беспрекословное доверие, необычным и чем-то еще, чем-то экстраординарным.

— Это мои родители, — ответил он ей.

Наташины выразительные глаза округлились от удивления, и ее голова снова дернулась к матери, но она по-прежнему прижималась к нему.

Нейт проследил за взглядом своей дочери и увидел, Лили не двинулась с места, но к ней присоединился какой-то странный человек с копной черных волос, черными глазами, заостренной черной бородкой и большим округлым животиком. Он стоял, уперев руки в бедра, широко расставив ноги, что ему грозила опасность упасть на землю, но выражение на его лице было настолько жестоким, особенно, когда он смотрел на Нейта, и он невольно удивился, как этот мужчина своим взглядом не превратил его в камень.

«*Это, — подумал Нейт, — должно быть Фазир*».

Мысли Нейта были прерваны возгласом дочери: «Бабушка и дедушка», направленным к матери. Ее возглас звучал так, как будто кто-то подарил ей богатый и неосвоенный рудник с алмазами в качестве подарка.

У Лауры от этого окончательно перехватило дыхание, вот-вот польются слезы, Наташа отвернулась от матери и как будто почувствовав, что Лауре она нужнее, высвободилась от руки Нейта и направилась вперед, пробежав последние несколько шагов и бросилась, к счастью, менее решительно, чем к отцу, к Лауре. Ее руки сомкнулись вокруг ее талии, и она громко провозгласила:

— Нанна! (*ласкательное название бабушки – прим. пер.*)

Лаура тут же расплакалась, а Виктор отвел взгляд, не желая казаться не удел перед всей аудиторией, если уж на то пошло.

Нейт заметил движение в свою сторону, обернулся, Лили подошла ближе, но все равно далеко, и он не мог прикоснуться к ней. Она наблюдала за этой встречей со странным, вроде бы доброжелательным выражением, но при этом все ее тело напряглось, как будто она ждала чего-то, чтобы напасть, защищая.

Нейт заговорил, направляясь прямоком к ней, на мгновение привлекая ее внимание к себе, но Наташа вырвалась из объятий Лауры и сейчас мчалась к Виктору, обхватив его одним из своих яростных объятий с криком:

— Дедушка!

Виктор немедленно опустился на корточки и зажал ребенка между своих ног, обнимая ее так же крепко, как она обнимала его.

Лили позволила свершиться этому мгновению, а потом окликнула дочь:

— Таш, дорогая, пойдем в дом. Я уверена, что твои, гм... все не откажутся от чашки чая.

Наташа отстранилась от Виктора и посмотрела ему прямо в глаза.

— Хочешь чаю? — спросила она, наклоня вопросительно голову в сторону.

Виктор не ответил, скорее всего, не мог, поэтому просто кивнул.

Она высвободилась из объятий Виктора, и пританцовывая, припустила обратно к Нейту, схватив его за руку.

— Отличная идея, мамочка, — она улыбнулась Лили, и Нейт замер от этой улыбки. Его дочь улыбалась знакомой улыбкой, единственное, что она унаследовала от своей матери.

Ее улыбка была такой же милой, причудливой улыбкой, как у Лили.

Наташа продолжила свою мысль:

— Пока ты будешь делать чай, я покажу свою комнату! — произнесла она с таким восторгом и восхищением, как будто предлагала им показать свои самые смелые фантазии, которые причем сбылись.

Наташа потянула Нейта за руку вперед к дому, и он направился вместе с ней. Лили шла за ними, *нет*, он заметил рядом с ними.

Когда они приблизились к дому, Фазир по-прежнему стоял, уперев руки в бедра, со свирепым выражением, прочно застывшим у него на лице.

— Это Фазир, он наш самый дорогой друг, — весело представила Наташа. — Хватит хмуриться Фазир, — предупредила она его, голос у нее был властный, любящий и поддразнивающий одновременно. Она потащила Нейта мимо этого мужчины, который не сдвинулся ни на дюйм. Потом Наташа шепнула: — Не обращай на него внимания, он был в *очень плохом* настроении целую неделю.

В этом Нейт как раз не сомневался.

Они вошли в дом, в дом Лили, через прихожую и внутренние красивые из витражного стекла двери. Наташа потянула Нейта прямо к лестнице, но он решил оглядеться, чтобы получить представление о доме Лили.

— Я приготовлю чай, — пробормотала Лили, проходя мимо и не глядя на них, затем строго и громко позвала, как бы отдав приказ:

— Фазир, ты можешь мне помочь.

Лаура и Виктор стояли в прихожей, Фазир шел, вернее *топал раздраженно* за ними. Он захлопнул входную дверь, а потом продолжил топтать по коридору, заставив Лауру и Виктора чуть не отпрыгнуть с его пути, следуя за Лили, которая исчезла в задней части дома.

Наташа потянула Нейта за руку, поднявшись на две ступеньки вверх по лестнице, Нейт посмотрел на нее. От одного взгляда на ее возбужденное, открытое, радостное лицо, он улыбнулся ей.

Ее лицо как-то переменялось, когда она поймала его улыбку и улыбнулась ему в ответ, сказав:

— Мамочка говорила, что у тебя красивая улыбка. Она говорила, что это самая красивая улыбка, которую ей довелось *когда-либо видеть*. Она говорила, что от твоей улыбки ее живот всегда совершал *сальто*, — она выдала ему эту информацию, даже не подозревая, какое колоссальное значение и влияние на него, она оказывает, Лаура у них за спиной ахнула. — Пошли! — взволнованно позвала Наташа.

Она двинулась вверх по лестнице, ведя его за собой, но едва сделав два шага, он резко остановился.

Не доходя до последней ступеньки лестницы, он увидел фотографию.

Коридор был выкрашен в мягкий беж с персиковым оттенком, который делал его более теплым и привлекательным. Деревянные части были свежее выкрашены в белый, а деревянные перила и лестница были отполированы до блеска. Деревянные полы были также

переделаны и покрыты бежевой ковровой дорожкой.

Это могло казаться слишком чопорным и слишком классическим, если бы не гирлянда, каждый свет от фонарика которой был таким нежным, приглушенным теплым персиковым оттенком, именно то, что надо, художественно переплетенная, она вызывала необычное чувство. Единственным украшением в коридоре, через каждые несколько шагов, был черно-белый снимок с изображением одних и тех же.

— Боже мой, — выдохнула Лаура, глядя на первую фотографию.

На ней Лили сидела в плетеном кресле, стоявшем в передней части дома. Она выглядела худой и больной, у нее под ногами был какой-то коврик, но она улыбалась устало, почти героически, в камеру и держала так аккуратно на руках завернутого крохотного младенца, как будто эта была самая хрупкая и самая драгоценная вещь на земле.

На следующей фотографии были те же, только ребенок был старше, Лили стояла, а не сидела, поддерживая малыша своим стройным бедром. Она смотрела на Наташу, заправив свои длинные волосы за ухо, и она опять улыбалась. Наташа смотрела на мать снизу-вверх, ее пухлые крошечные пальчики прикасались к щеке матери.

На другой фотографии, Наташа уже еще подросла и стояла, Лили присела на корточки рядом с ней и указывала ей на камеру, очевидно пытаясь привлечь туда внимание ребенка. Лили и Наташи снова опять улыбались.

Через каждые несколько шагов была еще одна, потом еще одна фотография, все восемь, на которых изображены одни и те же, но уже другие. На всех Лили и Наташа в разных позах, никто из них не репетировал, никто из них не хмурился, на всех Лили и Наташа улыбались.

Нейт отметил, что Лили пришлось отрезать ее прекрасные червонного золота волосы, по сравнению с той длинной, когда он встретил ее впервые и теперешней, когда она могла время от времени провести по ним расческой, и это произошло, когда Наташи было пять лет.

— Это фото моего Дня рождения, кроме первого, хотя у меня и был именно тогда мой настоящий день рождения, я же родилась, но тогда мамы не было дома, ее не отпустили из больницы. Это Фазир сделал все фотографии. Моя бабушка Бекки научила его. Она была фотографом, — со знанием дела рассказывала им Наташа, пока они шли по коридору, и она потянула его за собой в одну из четырех дверей, находящуюся посередине.

При входе в комнату дочери, Нейт на мгновение потерял дар речи от изумления, а с ним такое происходило не часто.

Комната была окрашена в розовый при розовый, такого цвета он никогда не видел. Он даже не мог предположить, что такой цвет вообще может существовать. Он вдруг подумал, что возможно мир стал бы немного лучше, если бы этого конкретного розового при розового не существовало.

— Ну, — сказал Виктор, озираясь вокруг себя и пытаясь что-нибудь сказать: — это... э-э, розовый.

Наташа захихикала.

— Я знаю, — она отпустила руку Нейта и начала пританцовывать по комнате. — Мама сказала, что я не могу получить тот розовый, который *хотела*, потому что он будет слишком *шокирующим*.

Нейт поймал себя на мысли, что может быть более шокирующим, если Лили пришлось согласиться на розовый при розовый.

Наташа пританцовывая направилась к полкам, пока Нейт оглядывался вокруг. Небольшой белый стол с витиеватыми ножками, такого же цвета гардероб и комод, в центре

комнаты была двуспальная кровать с сильно вычурным, девчачьим покрывалом с оборкой, подушки и мягкие игрушки, там же свернувшись клубком, лежала пушистая рыжая кошка, который полностью проигнорировал их прибытие и дальнейшее существование.

Наташа жестом указала на полки.

— Это мои книги, которые мне читала мама, теперь читаю я ей, — радостно похвасталась она, потом указала на полки повыше, — а это мои медведи, которые мисс Максин дарит мне на каждое Рождество. Это особенные медведи, потому что она делает их специально для меня.

Подпрыгивая она направилась к кошке и подняла ее вверх одной рукой за середину туловища. Кошка, очевидно, привыкла к такому обращению, ее громадное, пушистое тело обмякло, повиснув на ее маленькой руке.

— Это миссис Гундерсон, моя кошка, — объявила Наташа. — Фазир считает, что это дурацкое имя и не подходит для столь достойного животного. Мама называет ее Гунни. Миссис Гундерсон не спит со мной, потому что я очень ворочаюсь во сне, она спит с мамой.

Наташа убаюкивала кошку на руках, пока продолжала свою экскурсию по своей комнате, которая на самом деле должна была быть очень короткой, потому что смотреть здесь особо было нечего. Однако она, по-видимому, решила показать и рассказать им о каждой вещи, которая была скорее всего не очень важной и таких вещей в ее комнате было очень много. Затем она остановилась, поставила на пол кошку, которая быстренько ушла на то место, где и лежала перед этим, уперла руки в бока также, как ее друг Фазир, и огляделась по сторонам.

— Отлично! — она произвела драматический жест рукой. — Это моя комната. Сейчас я покажу вам комнату Фазира. Я люблю комнату Фазира.

Не проронив ни слова и совершенно не в состоянии остановить самих себя от ее брызжащей энергии, они гурьбой двинулись в коридор. Лаура и Виктор изучающе посмотрели друг на друга, потом на Нейта, как Наташа руководила Нейтом, тянув его за руку. Она подошла к первой двери и с размаха распахнула дверь в комнату Фазира, отпустила руку Нейта, пропустив его вперед.

Оглядываясь по сторонам, он отметил, что эта комната, явно отличалась от любой другой спальни, которую ему доводилось видеть, если учесть, что она была мужской спальней. В основном в ней присутствовал глубокий темный красно-лиловый цвет и почти всю комнату занимала огромная кровать, покрытая атласным покрывалом, вместо стандартных подушек, была огромная куча круглых подушек бирюзового цвета с пуговицей по середине. Но самое странным здесь был постер на одной стене с автографами игроков в бейсбол, на другой — книжные полки, которые просто ломились от количества книг.

Наташа вскочила на атласное покрывало и задала вопрос, на который, как ей казалось, ответ должен быть только один:

— Разве это не *великолепная* комната?

Лаура тихо сказала:

— Тебе разрешается прыгать на кровати, моя дорогая?

— Ой, мама не возражает, — ответила Наташа, по-прежнему продолжая прыгать. — Или, по крайней мере, она сдалась, потому что мы с Фазиром оба прыгаем на кровати.

Лаура с выпученными глазами повернулась к Нейту от самой идеи, что такой большой, крупный и круглый мужчина прыгает на кровати. Нейт еле сдерживал смех от того, что говорила его дочь, явно что-то перепутав, и от испуганного взгляда матери.

В отличие от Лили, которая за эти годы потеряла свою ослепительную жизнерадостность, Наташа искрилась ею. И в ней жизнерадостность была такой шипучей, игристой и очевидно сама Наташа была очень, очень счастлива.

Нейт, откровенно говоря, был удивлен всему, что сотворила Лили. Его дочери, уютному дому, где все обитатели имели свое собственное пространство, и оно было именно таким, какое они и хотели, наполняя свой индивидуальностью (принимая во внимание комнату Фазира, хотя Нейт сомневался в личности Фазира). Но создавалось настолько потрясающее ощущение, что его тонкая, нежная Лили смогла создать что-то замечательное при таких скромных возможностях.

Прерывая его мысли, Наташа вскинула свои ноги и умело, явно имея большой опыт, приземлилась на попку, затем оттолкнулась от кровати.

— Сейчас! Мамину комнату! — объявила она, схватив Нейта за руку и направляясь к двери.

— Я не думаю..., — начала Лаура, очевидно, не совсем согласная с идеей вторгаться в личную жизнь Лили, но Наташа не слушала ее.

— Я очень сильно не люблю мамину комнату. Хотя мама говорит, что она когда-нибудь доберется до нее, ээ... вен... Чу... ах... ли, — пропела она слова какой-то песни, очевидно, которую слышала часто, пока шла к дальней комнате.

Наташа распахнула дверь и втащила Нейта внутрь, и ему показалось, что он вошел в другой дом, совершенно не такой красивый, как этот.

Комната была чистой и кровать застелена, кроме этого, в ней не было больше ничего хорошего.

Стены были очищены от обоев, но не оштукатурены и не окрашены, в некоторых местах остались куски обоев. Кровать была старая, матрас продавленный, вся мебель поцарапанная полу разрушившаяся, находившаяся явно в аварийном состоянии. Двери шкафа до конца не закрывались, их явно перекосило, одежда была впихнута внутрь в небольшое пространство, обувь выстроилась внизу у шкафа, она просто туда не слезала. Было много книг, сложенных на прикроватной тумбочке и на полу, старые, неотесанные доски, не было даже коврика, чтобы можно было прикрыть их.

На стенах не было ни одной фотографии или украшения, или еще чего-то, что могло бы украсить эту комнату. Единственное, что Нейт увидел, была большая фотография в рамке на потертом комод, на которой была именно та Лили, которую он знал восемь лет назад, и она обнимала темноволосого мужчину, а женщина со светлыми золотыми волосами обнимала Лили сзади, положив голову ей на плечо.

Кошка прошмыгнула в комнату и проворно запрыгнула на кровать Лили, направляясь к ее подушке и свернувшись на ней калачиком, чтобы снова вздремнуть.

Эта комната была полностью лишена индивидуальности, эта комната совершенно не походила на спальню, в которой хотелось бы проводить время, в этой комнате хотелось только глубоко горевать.

— Итак, ты хочешь чая? — спросила Наташа, пребывая в блаженном неведении о том, что комната Лили выглядит, как принесенная материнская жертва, посмотрев ему в лицо, и не дожидаясь ответа, схватила Нейта за руку и потянула из комнаты.

Когда он проходил мимо своих родителей, Нейт увидел на их лицах такое же выражение, которое скорее всего было сейчас у него самого, от мыслей, крутящихся у него в голове, при виде спальни Лили.

— Натаниэль..., — вполголоса позвал Виктор, когда его тянула Наташа за собой, и он проходил мимо.

Он был спасен от ответа, потому что Наташа взглянула через плечо на отца.

— Натаниэль, — произнесла она, — меня назвали в честь тебя. — Она продолжала тащить его вниз по лестнице. — Мама говорила: «Натаниэль — имя джентльмена, хорошее имя, сильное имя». Ей *на самом деле* очень нравится твое имя, — закончила она, как только они вошли в гостиную.

— Таша, чем ты забиваешь им головы? — тихо спросила Лили дочь, когда они вошли, и небольшая улыбка тронула уголки ее губ.

Гостиная была в нежно бежевых тонах, с ярко-желтым оттенком. Мебель была неплохой, но явно недорогой, купленная не для комфорта, а из разряда прочности. Лили стояла у камина, выглядя и чувствуя себя некомфортно даже в своей повседневной одежде. Прежняя Лили не беспокоилась бы о долговечности мебели. Прежняя Лили стояла и чувствовала бы себя комфортно даже в роскошных комнатах с троном.

Рядом с ней находился Фазир, который восседал, разведя ноги в разные стороны, скрестив руки на груди, и как бы положив их на свой выпирающий животик. Он выглядел еще более разъяренным, чем бык на корриде, его голова была немного отклонена назад, так он мог как бы смотреть на всех сверху-вниз, свысока, хотя в сидячем положении он был едва ли на дюйм выше, чем Лаура.

Все уставились друг на друга, никто не проронил ни слова.

— Чай! — громко произнесла Лили, в ее голосе звучало отчаяние, и она бросилась к подносу, стоявшем на низком столике перед диваном.

Нейт рассеянно отметил про себя, что чайник был со сколами.

Он также отметил, что она не налила ему чай, который он *не пил*, автоматически, без единого слова или взгляда, протянула ему кружку черного кофе.

Это он *пил*.

Значение этого жеста, и то, что рассказала ему его дочь, как Лили говорила о его улыбке и о его имени, толкало Нейта вперед, словно несшийся поезд по рельсам.

Он не был потерян для Лили, как опасался первоначально, не был, она была разрушена, и это было видно по ее внешнему виду.

Она была просто сломлена.

А то, что сломано он сможет починить.

Он посмотрел на нее внимательно, затем улыбнулся.

Она одела сдержанный розовый кардиган, на котором тонкими сиреневыми лентами были вышиты цветы с одной стороны от пуговиц. Она одела его явно для того, чтобы прикрыть синяки на руках.

Она по-деловому разливала чай, как будто вся ее жизнь зависела от этого, чтобы выполнить эту задачу проявив своим лучшие навыки хозяйки. Она раздавала чашки, взяв себе кофе и отступила назад, встав рядом с Фазиром.

Как только она встала на свое место, все молча опять посмотрели друг на друга.

Прошла минута, но никто не произнес ни слова. Молчание становилось напряженным, затем оно просто стало мучительным.

Лаура пристально посмотрела на Лили. Виктор оценивающе смотрел на Фазира. Фази́р оглядывал всех по очереди. Наташа выжидающе смотрела то на одного, то на другого взрослого.

Затем Фазир открыл рот, всасывая в себя огромное количество воздуха, словно пытаясь создать в комнате полный вакуум, явно собираясь что-то сказать, когда слегка истерично, Лили вдруг воскликнула:

— Фотоальбомы!

Фазир закрыл рот, при этом послышалось щелканье зубов, сердито посмотрел на Лили, которая отреклась от него и помешала ему сделать Гранд-заявление.

— Альбомы с фотографиями, — повторила Лили, неловко поставив свою чашку на каминную полку, на которой также стояли в рамках семейные фотографии. — Фазир делает тонны фотографий. Вы сможете наверстать упущенное время Таш через фотографии Фазира.

— Какая прекрасная идея, — тихо сказала Лаура, но Лили даже не взглянула на нее, на самом деле Лили старательно ни на кого не смотрела, с тех пор как они вошли в комнату.

— Я схожу за ними, — выкрикнула Лили и практически побежала к двери.

— Я помогу, — сказал Нейт, ставя свою кружку на столик и намереваясь побыть с ней наедине, первый раз они смогут побыть одни за восемь лет.

Лили остановилась, развернулась и уставилась на него с выражением ужаса перемешанным со страхом. Она открыла рот, собираясь что-то ответить, но прежде чем она смогла произнести хотя бы слово, Фазир сказал:

— *Я помогу*, — также поставив свою чашку с чаем на стол.

Нейт выпрямился и посмотрел на странного мужчину.

— Я сказал, что *я помогу*, — отметил он низким тоном.

— А *Я* сказал, что *Я* помогу, — ответил ему Фазир, явно не понимая и не желая понимать предостерегающий взгляд Нейта.

— Пусть Натаниэль поможет, — мужественно вступилась Лаура в разрастающуюся дуэль взглядов.

Фазир качнулся и злобно уставился на Лауру.

— Пусть папа поможет, — сказала Наташа, подпрыгивая на диване и наблюдая за ними своими поблескивающими глазами, совершенно не замечая напряжения в комнате. — Фазиру все равно не нравится лазить по всем этим лестницам. Он обычно плывет вверх, но не может этого сделать, пока вы все здесь.

Наташа уселась на диван, совершенно не обращая внимания на ошалелый взгляд своей матери и удивленный взгляд отца и его семьи, которые смотрели на нее.

— Хорошо, — Лили первая пришла в себя, приходя от шока «странных слов» своей дочери. Она взглянула на Нейта, и он заметил, что она тщательно сдерживала свои эмоции. — Нейт?

Не дожидаясь ответа, она развернулась и прошагала из комнаты.

Он медленно последовал за ней вверх по лестнице, она закрыла дверь в свою спальню, а затем направилась к другой двери.

Они прошли несколько дверей и вошли в комнату, которая, очевидно, предназначалась для просмотра телевидения. Большой, плюшевый угловой диван занимал большую часть помещения, а также присутствовали недорогие, но стильные, соединенные между собой полки, заставленные книгами, статуэтками, фотографиями в рамках и большим количеством фотоальбомов. Нейт смутно отметил про себя, что за те деньги, которые он заплатил своему дизайнеру интерьера, его пентхаус по-прежнему выглядел холодным и неудобным. Лили же, не имеющая денег, создала теплый и комфортный дом.

Она сразу же направилась к полкам и вытащила альбом.

— Возьми вот этот, — она повернулась и протянула ему альбом.

Он машинально взял его, говоря:

— Лили, нам нужно поговорить.

Она схватила еще один альбом, полностью игнорируя его.

— И вот этот, — она протянула ему следующий, он взял.

— Лили.

Она просмотрела другой альбом.

— И вот этот, — она протянула его к нему, но он не взял его. Ее глаза были по-прежнему на полках, она указала ему на другой альбом, который он должен был достать, но он проигнорировал ее.

— Лили, нам нужно поговорить, — повторил он.

— Ладно, я возьму этот, — великодушно решила она, засунув его подмышку и повернулась, чтобы достать другой.

Нейт подошел к дивану и бросил на него альбомы. Затем направился к двери, закрыл.

Она замерла, с одной рукой тянущейся к следующему альбому, и уставилась на него.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, подходя к ней.

Она ловко развернулась обратно к полке.

— Алистер сказал, что мы не должны разговаривать. Алистер сказал, что мы должны разговаривать через своих адвокатов. Алистер сказал мне передать тебе, что, если ты хочешь что-то мне сказать, ты должен передавать это через него.

Она начала одержимо перебирать и сваливать в кучу альбомы.

Нейт подошел, положив руки ей на плечи, мягко развернул ее от полок и забрал у нее все альбомы, положив на диван. Она не сопротивлялась главным образом потому, что ошеломленно стояла неподвижно.

Он повернулся к ней.

— Мы закончили разговаривать через адвокатов, — сообщил он ей.

— Алистер говорит..., — опять начала она, ее тело напряглось, словно готовилось атаковать.

— Мне плевать, что говорит Алистер, — оборвал ее Нейт.

— Что ж понятно.

— Нам нужно поговорить, — терпеливо повторил Нейт.

— Нам не о чем говорить, — парировала Лили, приходя в себя и направляясь к дивану, чтобы собрать альбомы.

Когда она проходила мимо, Нейт схватил ее за локоть и остановил. Она приподняла голову и посмотрела на него, в ее глазах полыхал огонь.

— Нейт, убери от меня свои руки.

Он проигнорировал ее, по-прежнему удерживая ее за локоть, ему не хотелось упускать такую возможность.

Вдруг он тихо сказал:

— Благодарю тебя за то, что ты назвала Наташу в честь меня.

Она моргнула, ... и опять моргнула.

Он воспользовался ее секундным замешательством.

— Спасибо за то, что она так прекрасна, — тихо пробормотал он.

У нее приоткрылся рот.

Затем он произнес то, что хотел ей сказать уже в течение двадцати часов.

— Я думал, ты ушла от меня.

Ее губы сомкнулись, глаза закрылись на секунду, она выдернула свою руку.

— Нам не стоит говорить об этом, — категорически заявила она.

Нейт продолжил:

— Я пришел домой, а тебя не было и все твои вещи пропали. Я подумал, что ты меня бросила.

— С какой стати мне тебя бросать? — выпалила она, явно не желая вдаваться в дискуссию, и весь ее вид говорил, что она закончила обсуждение. Она двинулась в сторону дивана, но он опять схватил ее и нежно притянул к себе.

Ее взгляд скользил по его руке, удерживающей ее.

— Нейт, я просила тебя не трогать меня.

Она пыталась освободиться, но он крепко удерживал свою руку, чуть выше локтя, стараясь не дотрагиваться до ее синяков.

— Я думал, ты бросила меня, — снова сказал он, испытывая необходимость в ее ответах и в ее понимании.

— Ты уже говорил это, — отрезала она, запрокидывая голову назад, и он увидел, как загорелись ее глаза, хотя в них и была усталость, но они поблескивали.

Это порадовало Нейта, ему очень сильно это понравилось.

— Должно быть Джефф забрал твою записку, если бы я знал...

Она перебила его, расстроено прочистив горло, пытаясь с силой высвободить свою руку, и решив отодвинуться от него подальше, отступив на шаг назад.

Он не позволил ей отойти от себя. Его рука скользнула вниз по ее руке, и он соединил их пальцы, привлекая ее ближе.

Она отрицательно покачала головой, пытаясь освободиться от него, говоря:

— Теперь это уже не важно, это было давно. Все кончено.

Она посмотрела на альбомы, лежащие на диване, собираясь продолжить свое занятие.

Нейт решительно продолжил:

— Моя секретарша заболела, у меня была временная. Она потеряла сообщения.

Лили снова покачала головой, намереваясь полностью проигнорировать его.

— Я переехал, мы должны были переехать, я купил новую квартиру. Я не говорил тебе об этом, потому что мы были слишком заняты... — он сделал паузу и продолжил: — другими вещами. Я собирался сказать тебе в тот вечер, когда пришел домой, а ты ушла.

Она пыталась освободить свою руку, но по крайней мере она не качала отрицательно головой из стороны в сторону, просто кивала, и если бы она закрыла уши руками, пока он говорил, он бы не удивился.

Он крепче сжал ее руку.

— Если бы я знал, я бы перезвонил тебе.

Услышав эти слова, ее глаза посмотрели на него, она перестала качать головой, он обнял ее за талию.

Нейт закончил.

— Я бы полетел с тобой в Индиану. Лили, я сожалею о твоих родителях.

Она смотрела ему прямо в глаза, и он увидел промелькнувшую печаль, печаль, связанную с его дезертирством или с гибелью ее родителей, он не мог сказать, но от этого в нем только возросла сила, которая осела где-то глубоко внутри него.

Затем ее глаза стали обычными.

— Спасибо, Нейт, — вежливо сказала она. — Теперь ты закончил?

— Нет, — спокойно произнес он, внимательно наблюдая за ней.

Ее глаза опять распахнулись в замешательстве.

— Я закончила, — отрезала она, — не о чем больше говорить!

Она снова попыталась рывком освободить свою руку, он мягко, но решительно, не отпуская, и от своего неожиданного рывка, она подалась вперед, привстав на носочки, чуть ли не падая на него. Молниеносно, чтобы удержаться она опустила руку ему на грудь. Ее прикосновение было обжигающим, даже сквозь рубашку, словно она ставила метку, он тут же не мешкая обнял ее за талию.

— Не о чем больше говорить? — спросил он, обманчиво вежливым тоном.

— Да. Больше никаких разговоров, — согласилась она, изо всех сил пытаясь отстраниться от него.

И в эту секунду, он решил сыграть в опасную игру, пойти на риск, просчитав на десять шагов вперед, прежде чем дверь перед ним с треском захлопнется. Он сможет, он знал, либо она с треском захлопнется у него перед носом, либо он сможет ее открыть, и она позволит ему войти.

Он взвесил свои варианты за считанные секунды и рискнул.

— Хорошо, Лили, — мягко ответил он, — мы никогда не были хороши в разговорах.

А затем его голова начала медленно наклоняться к ней.

Как только она это заметила, выгнулась, широко распахнув глаза и не веря самой себе и крутя головой по сторонам.

— Что ты делаешь? — тихо спросила Лили.

Он отпустил ее руку, и прошелся по ее спине, придвигая ее к себе.

— Я собираюсь поцеловать тебя, — ответил Нейт.

— Ты не можешь! — выпалила она удивленно и с гневом.

— Да, — непримиримо сказал он. — Могу.

Его рука со спины передвинулась к шее, потом к ее мягким волосам, удерживая ее голову. Ее тело прижималось к его, ее груди касалась его груди, бедра терлись о него, он боролся с желанием с силой прижать ее к себе.

— Убери от меня свои руки! — воскликнула она.

Он наклонился и выдохнул ей в губы:

— Нет.

Все продолжая бороться с ним, она потребовала:

— Отпусти меня!

Он сказал ей в губы:

— На этот раз, Лили, я не позволю тебе уйти.

И поцеловал ее, как только его губы прижались к ее, она замерла в его объятиях, перестав бороться, но став абсолютно оцепеневшей, твердой, как скала.

Его губы уговаривали, дразнили, но она не отвечала. Она неподвижно стояла на месте совершенно безучастная.

Нейт не купился на это, он не собирался сдаваться.

Он провел языком по ее нижней губе, но ее губы не открылись.

— Раскрой губы, — рискнув потребовал он.

Она отрицательно покачала головой, ее волосы щекотали его руку.

Он еще сильнее обхватил ее за талию, полностью накрывая ее своим телом.

— Лили, открой свой милый ротик. Дай мне попробовать тебя снова.

Она с шумом сглотнула, у нее вырвался какой-то гортанный вздох, он не мог понять, что за эмоции бушуют в ней, но подумал, что должно быть это добрый знак.

— Нет? — мягко спросил он, удерживая свои губы в миллиметре от нее.

Она не двигалась.

Тогда он решил попробовать другую тактику.

Он скользнул губами по ее щеке к уху.

— Знаешь, — прошептал он на ухо, целуя, он почувствовал, что ее и так неподвижное тело, напряглось еще больше, превратившись в скалу, — я помню все. Я обладаю такой... способностью, — он щелкнул языком по мочке уха, — я никогда ничего не забываю.

Она полностью контролировала свое тело, пытаясь одной рукой упереться ему в грудь и отодвинуться, и помогая себе другой рукой пытаясь отодвинуть его тело, отталкивая его за талию.

Он прислонился своим лбом к ее лбу, нос к носу, он взял ее лицо в ладони, большим пальцем поглаживая ее скулу.

— Я помню о тебе все, — сказал он, глядя прямо в глаза, ее огромные глаза не изменились, не поблекли, у них по-прежнему была бледно-голубая радужка. — Все эти годы эти воспоминания мучили меня. Я помню звук твоего голоса, твой смех, твою улыбку, я даже чувствовал, как ты прижималась ко мне во сне.

Она покачала головой, отстраняясь, упираясь ему в грудь, пытаясь вырваться. В ее глазах стоял страх.

Не смотря на нее действия, Нейт продолжал:

— Я думал, что потерял тебя навсегда, но никогда не забывал, *не мог* забыть. Ты была такой сладкой, невероятно сладкой. Вкус твоих губ, между твоих ног, твои руки, скользящие по мне, твой рот, берущий меня, чувствовать тебя под собой, когда ты сжимаешь меня, кончая.

Ее губы приоткрылись от слов, которые он ей говорил, он понял это.

И ему было все равно.

— Вот оно, — прошептал он утвердительно, и поцеловал ее, скользнув языком внутрь.

Она сражалась всего лишь секунду, потом из нее вырвался мягкий стон, от которого внутри он почувствовал обжигающий триумф, ее рука обхватила его за шею, а другая крепко удерживала за талию, удерживала так яростно, будто никогда не позволит ему уйти. Ее голова наклонилась в одну сторону, Нейта — в другую, ее язык коснулся его.

И она была на вкус именно такой, такой сладкой, как он и помнил ее.

Еще слаще.

Он углубил поцелуй, она наклонилась вперед, приспособливаясь под него, извиваясь, приближаясь и впечатываясь в его тело, словно она хотела, чтобы он полностью поглотил ее. Его рука прижала ее за талию к себе, другой рукой удерживая ее наклоненную голову, которую он хотел приблизить еще больше. Он почувствовал, как его член начинает твердеть, испытывая жгучую необходимость за все восемь лет, и этот поцелуй нес с собой тоску всех восьми лет, жар поднимался в его крови, знакомый жар, который он никогда не испытывал ни к одной женщине. Этот жар был предназначен только для Лили.

Он застонал ей в рот, она задрожала, принимая его, ее рука скользнула ему в волосы, удерживая его голову.

Поцелуй был отчаянным и диким за все восемь лет жуткой тоски, и он совершенно потерялся в ней.

Но она не растворилась в нем до конца.

Этот поцелуем показал Нейту, что в Лили по отношению к нему ничего не изменилось, за исключением одной вещи.

Она стала матерью.

И стала обладать материнским слухом и обостренным материнским чутьем.

Она оторвала свои губы и развернулась к двери, наполовину оглушенная и страстная.

Медленно Нейт проследил за ее взглядом.

В дверях стояла Наташа, уставившись на них широко открытыми удивленными глазами.

Потом лицо Наташи изменилось, превратившись в изысканную, счастливую улыбку, и она бросилась к ним.

Прежде чем Лили смогла высвободиться из его объятий, Наташа врезалась в них, обвив их двоих руками вокруг талии и прижавшись к ним лицом.

В этот момент Нейт, испытал такое чувство, которое никогда не присутствовало в его жизни, но он готов был встать на колени.

Но он вынужден был продолжать стоять, поддерживая Лили и Наташу, которые обе оперлись на его тело и руки.

Рука Нейта, которая обнимала Лили, опустилась на спину своей дочери, прижав к себе.

Лили приподняла голову от Наташи, которая прижалась к нему. Он подумал, что поразительные голубые глаза Лили приняли прежнее выражение — полного контроля.

Она посмотрела ему прямо в глаза и яростно прошептала:

— Это ничего не меняет.

Он покачал головой и улыбнулся, зная, что она была права.

Тихо, все еще отрицательно покачивая головой, Нейт решил ей сообщить важный факт:

— Ты ошибаешься, дорогая. Это меняет все.

Лаура

Лаура сидела, потягивая чай и наблюдала, как друг Лили, Фазир и ее муж, Виктор, молча принимали боевую стойку.

И видя все это, она переживала.

Этот странный Фазир на удивление, совершенно не испугался Виктора. Он даже не испугался Нейта, хотя почти все боялись Нейта. Ее сын был мужчиной — динамическим, обладающий магнетизмом, высоким, крепко сложенным, и взглянув на него, каждый понимал, что несмотря ни на что, *не стоит* связываться с ним.

Виктор был в возрасте, и стал мягче, но по-прежнему сохранял в себе некую угрозу, которую только Лаура или Лили, восемь лет назад, смогли разглядеть.

К сожалению, Фазир видел словно Виктора насквозь.

Виктору явно не нравилось это, потому что он положил много сил, чтобы отточить свое мастерство по легендарной угрозе.

— Они что-то закопались. Малышка, Таш, иди посмотри, что они делают, — произнес Фазир, сидя по-прежнему со скрещенными руками на груди, с отклоненной назад головой и нелепо смотря на них сверху-вниз, задрав кверху нос, как будто он привык всегда смотреть с высока.

— Позволь им побыть вдвоем и кое-что обсудить, — остановил Наташу Виктор, как только она начала подниматься со своего места. Девочка взглянула на Виктора и снова села на диван, повернувшись к Лауре.

— Там очень много фотоальбомов, *очень-очень* много. Фазир очень любит фотографировать, — пояснила ей Наташа, как бы объясняя, чем занимаются ее родители наверху, и почему они так копаются.

Лаура молчала, надеясь про себя, что там были сотни альбомов.

Тысячи.

— Я не могу дождаться, моя дорогая, чтобы увидеть фотографии, — улыбнулась своей внучки Лаура, прикоснувшись к ее мягкой щеки, она мечтала это сделать, как только они приехали. — Знаешь, насколько ты прелестна? — спросила она, потому что ничего не могла с собой поделать.

Но реакция ребенка напугала и в то же время обрадовала ее.

Наташа радостно кивнула.

— Да, мама называет меня самой красивой девочкой *во всем мире*, — она захихикала от этой мысли, потому что сама мысль показалась ей смешной, словно это не было на самом деле правдой.

Лаура же подумала, что она самый прекрасный ребенок, которого ей довелось увидеть. Кто бы мог подумать, что явно мужские черты Натаниэля, воплотятся в женских и девочка станет с такой яркой внешностью.

— Таш, — предостерегающе произнес Фазир и опустил свой подбородок, чтобы посмотреть на нее внимательно вниз и не терпя возражения.

— Ох, хорошо, — сдалась Наташа, с недовольством в голосе, передвинувшись в конец дивана, вскочив на ноги и выскочив за дверь.

В ту же минуту, как только она скрылась из виду, поднимаясь по лестнице, Виктор рывкнул:

— Им нужно время, чтобы побыть вместе.

Фазир повернул свое лицо к Виктору и медленно покачал головой.

— Не нужно, — произнес он с абсолютной уверенностью.

— Натаниэль должен объяснить кое-какие вещи, — Виктор подался вперед, пытаясь все-таки сдерживаться.

Бросив взгляд на мужа, Лаура тихо произнесла:

— Виктор.

Лаура знала, что этот Фазир очень много значил для Лили. Лаура слышала рассказы Лили о нем. Он выглядел гораздо моложе, чем Лаура могла себе представить, учитывая тот факт, что он был уже в семье Лили еще до ее рождения, но казалось, что ему лет сорок или сорок с небольшим.

Не стоит в первый же визит вступать Виктору в конфронтацию с ним, тем более у Лили в гостиной, первый визит должен быть вежливым и деликатным.

Фазир, как будто бы и не замечал никакой угрозы, исходившей от Виктора, просто парировал в ответ:

— Тогда он должен объясняться со *мною*. Я был там у двери твоего дома, когда твоя дочь сказала Лили, что он умер. Я стоял и видел опустошенные глаза двадцати двухлетней беременной девушки, которая осталась совсем одна в этом мире, не считая *меня*. Я был рядом с ней, когда у нее открылось кровотечение, и вызвал скорую, когда она чуть не потеряла Наташу. Я был рядом с ней все эти годы, пока *он* жил в двух часах езды от нее и не удосужился приехать сюда и постучаться в эту дверь.

Лицо Виктора становилось все краснее и краснее, и Лаура стала уже беспокоиться о его состоянии, взяв его за руку. Каждое слово, произнесенное этим мужчиной, словно кувалдой вбивалось в них.

Но на этом Фазир не закончил.

— И я был именно тем, кто увидел ее в каком состоянии, она пришла от вас несколько дней назад, намереваясь наконец-то сказать вам про Наташу, она намеревалась сделать это с той самой минуты, как Таша родилась. Она даже чувствовала себя виноватой, направляясь к вам домой, хотя в течение восьми лет она не имела ни цента, ни гроша за душой. Я был единственным, кто увидел в каком состоянии она вернулась от вас, и я был тем, кто увидел те синяки, которые ты оставил на ней.

Красные щеки Виктора стали просто пунцовыми.

— Мы думали, что она..., — начал Виктор.

— Неважно, что *ты* думал, — прервал его Фазир. — Все, кто хотя бы провел в компании Лили час, понимают, что она не волк в овечьей шкуре и не склонна к предательству, и чтобы вернуть ее, потребовалось бы всего два часа езды на автомобиле.

Наконец, все высказав, Фазир отвернулся и стал изящно потягивать чай из своей чашки. Он празднично наблюдал, как миссис Гундерсон вошла в комнату, взглянула на него, моргнула, как будто общаясь с ним на своем языке, согласившись с его короткой, но эффективной тирадой, и вышла снова.

Лаура решила сыграть роль посредника и урегулировать этот конфликт.

— Мы должны все уладить ради Натаниэля и Лили... ради Наташи.

Фазир скользнул по ней взглядом.

— Нет никакого «Натаниэля и Лили». Лили не нужен *он*. Лили уже прошла через это с *вашим сыном*. И, к сожалению, могу вас заверить, что та Лили, которую вы знали восемь лет назад, совершенно отличается от той Лили, которая есть сегодня. Сегодняшняя Лили не такая наивная и ее невозможно одурачить.

Лаура почувствовала сосущее ощущение в желудке и встревожено посмотрела на мужа, но он прямо вперился взглядом в Фазира, и Лаура заметила, что Виктор улыбался.

— Чего ты не знаешь, Фазир, — провозгласил Виктор, — когда мой сын чего-то хочет, он находит способ добиться этого.

Фазир смело встретил взгляд Виктора.

— Посмотрим.

На лестнице послышался потоп ног, и Наташа, ухмыляясь от уха до уха, вбежала в комнату, неся альбом с фотографиями, хлопнув на стол перед Лаурой.

— Вот первый, который мы должны посмотреть. Самый последний, но здесь самые лучшие фотографии, эх... вер, — объявила она.

Лили и Натаниэль спускались медленнее, каждый с другими альбомами. Лили вошла в комнату, ее щеки разрумянились, она выглядела более цветущей, чем была за эти последние дни, хотя ее глаза смотрели насторожено.

Натаниэль же явно выглядел очень довольным.

Лаура взглянула на мужа, и внутри у нее возникло удивительное светлое чувство.

Прежде чем кто-либо успел что-либо сказать, послышался сильный шум из коридора.

— Я опоздала, опоздала, — услышали они, а потом появилась владелица голоса. — Я знаю, что опоздала. В «Tesco» было *столпотворение*. Дюжина Ведьм — это полный дурдом. Я с трудом...

В дверном проеме появилась большая, очень красивая, пожилая леди, которая была полной копией воплоти самой Элизабет Тейлор. Она была одета в длинное, аметистового цвета свободно платье, щедро расшитое серебряной нитью. С большим количеством серебряных украшений, которые еще больше привлекали к себе внимание, и на ней были туфли с очень высокими каблуками, с заостренными носами, фиолетового цвета, все в блестках. В руках у нее была большая коробка и четыре пакета из «Tesco».

Она остановилась, как вкопанная, когда увидела всю компанию. Сначала посмотрела на Наташу, сидящую на коленях на полу и открывшую альбом. Затем перевела взгляд на Лауру, рядом с которой сидел Виктор. Затем на яростно нахмурившегося Фазира, потом — на покрасневшую Лили.

Наконец, она взглянула на Нейта.

И от одного взгляда на него, ее глаза комично расширились, рот открылся сам собой в негласном возгласе, и она изумленно просто стала пялиться на него.

Через секунду, она оторвала свой изумленным, ошеломленным взгляд от Нейта, переведя глаза на Лили. Она прищурилась, внимательно посмотрев на Лили, потом опять взглянула на Нейта.

В этот момент, она закрыла рот, по-видимому, придя к какому-то выводу. Она окончательно вошла в комнату, напрямик направляясь к Натаниэлю, Лаура затаила дыхание.

— Вы, — заявила она, скрипучим голосом и с каким-то только ей понятным смыслом, и ее лицо расплылось в совершенно потрясающей улыбке, — должно быть Нейт.

Она поцеловала его в щеку.

Лаура напряженно выдохнула, и, если не ошиблась, то Виктор кажется тоже.

Нейт подошел к столу, положив три фотоальбома и вернулся к женщине.

— Я возьму это, — и не дожидаясь ответа, забрал у нее коробку и пакеты.

— Галантный! — заявила она громко, словно он бросился перенести ее через лужу, чтобы она не намочила свои изящные туфельки. Лаура почувствовала сильное облегчение, что все ее годы, потраченные, чтобы привить своему сыну хорошие манеры джентльмена, наконец-то принесли свои плоды.

— Лили похоже не в состоянии говорить, а Фазир не отличался вежливостью даже в лучшие свои времена, я представляюсь сама, — объявила она. — Я Максин Грант, друг семьи. — Она прямо смотрела на Нейта, когда говорила это, но затем ее глаза переместились на Лауру. — Вы, должно быть, Лаура, — со страстью заявила она.

Лаура кивнула и подошла к женщине, протягивая руку.

Максин, Лаура быстро это поняла, была не тем типом женщин, которые пожимают друг другу руки. Как только их руки встретились, Максин крепко обняла Лауру, сильно прижав к себе, и поцеловала ее в щеку.

Потом она посмотрела поверх плеча Лауры на Виктора, ее радушное лицо и голос стали холодными.

— И могу предположить, что вы Виктор.

Виктор, который дорого заплатил (даже Лауре пришлось признать, что он заслужил это, несмотря на то, что она очень сильно его любит и понимает его действия) за свое поведение несколько дней назад, кивнул и правильно вычислил, что он не получит поцелуя в щеку от Максина.

— Максин, — провозгласил Фазир, как будто он собирался сделать объявление самого короля, — ты забываешь, что это не радостное воссоединение семьи.

Наташа вскинула голову от удивления:

— Да оно радостное, я же видела...

— Прекрасно! — воскликнула Лили, перебивая дочь, подойдя к столу и положив альбомы. — Пришло время перекусить.

Лаура заметила, как Нейт ухмыльнулся, посмотрев на Лили, и при виде этой ухмылки, Лаура почувствовала облегчение и какое-то странное чувство внутри себя, как если бы летела к звездам.

Лили подошла к Нейту, полностью игнорируя его ухмылку, даже не взглянув ему в лицо, забрала у него коробку и пакеты. Она попыталась сделать это осторожно, не дотрагиваясь до него, словно контакт с его кожей мог вызвать у нее ожог, как от кислоты. Она быстро направилась к двери, бросив через плечо:

— Максин, ты не поможешь?

Без лишних слов, обе женщины вышли из комнаты.

Все остальные застыли в ожидании, потом Фазир сделал своеобразное заявление:

— Мне нужно произвести *челлинг*, и кое-что сделать, — он потопал к двери, повернулся и фактически каждого взрослого пронзил своим яростным взглядом, — многое, — и громко топая вышел.

Прежде чем кто-либо успел среагировать, Наташа позвала:

— Папа, взгляни на это.

Нейт опустил взгляд на свою дочь и его глаза почти осязаемо загорелись теплотой. Лаура поняла, что он был счастлив. Она поняла это, хотя понятия не имела, что произошло наверху, но, чтобы там не произошло, Натаниэль точно знал, что все будет хорошо.

Лаура почувствовала, как напряжение полностью оставляет ее, Нейт сел на диван и нежно притянул к себе дочь, усадив на ногу. Обе их одинаковые темные головки, склонились над альбомом.

Виктор решил тоже присоединиться к ним, только Лаура продолжала стоять в полной нерешительности.

— Думаю, — сказала она, и все взгляды обратились к ней, — мне стоит пойти и помочь Лили и Максин.

— Давай, дорогая, — Виктор обнадеживающе подмигнул ей, но Лаура ждала подтверждения Натаниэля.

Кончик его рта почти незаметно приподнялся, и он еле заметно кивнул.

Больше ей было не нужно никакого одобрения от него, она почти выбежала в коридор.

Восемь лет назад Лили Джейкобс вошла в их жизнь, и все изменила. Лаура не могла объяснить, как такое произошло, словно кто-то заставил ее сделать так, приставив пистолет к голове. Факт оставался фактом — Лили должна быть с ними, частью их семьи.

Она и *была частью их*.

Затем произошло что-то ужасное (и Лаура очень старалась не вспоминать о том, что случилось, потому что было слишком болезненно для всех).

Теперь, не только Натаниэль, а они все должны сделать так, чтобы Лили вернулась к ним назад, завоевать ее доверие и вернуть ее на ее законное место.

Как только она увидела дверь кухни, ее шаги замедлились, потому что она услышала голоса.

Лаура не относилась к тем людям, которые могли подслушивать, на самом деле, ее ужасала сама идея. Но приглушенные голоса Лили и Максин, и тон каким они говорили, заставил ее остановиться, она прижалась к стене и прислушалась.

— Лили, поговори со мной, — просила Максин, — скажи мне, что случилось.

— Ничего, — ответила Лили, даже Лаура, которая не видела ее лица, поняла, что это ложь, кроме того она произнесла это таким тоном, который полностью говорил, что обсуждать она не собирается.

— Ты не говорила мне, что он такой привлекательный, — сказала Максин, и Лаура услышала, как они зашуршали пакетами.

— Да не говорила, — ответила Лили.

— Ты... не... *не*. Он *невероятно* красив, — отметила Максин.

— Максин, я не хочу говорить об этом, — твердо заявила Лили.

— Невероятно красивый, — не испугалась Максин, — ты была к нему несправедлива, когда описывала его.

— Максин! Я ударялась в лирику, описывая красоту Нейта годами!

От этих слов Лаура улыбнулась и еще ближе наклонилась к двери, стараясь ничего не пропустить, оставаясь в тени, чтобы ее не застукали.

— Ты все еще не справедлива к нему, — пробормотала Максин.

— Я говорю не об этом, — огрызнулась Лили, явно теряя терпение.

— Хорошо, давай поговорим о том, почему ты покраснела, — Максин была как собака, почуявшая кость, Лаура восхищалась ею.

— Я не покраснела, — парировала Лили, и Лаура поняла, что она лгала.

— Ты...!

— Максин, перестань, — тон Лили звучал предупреждающе.

— Нет. Что случилось? Он что-то сказал? Что-то сделал? Я все же надеюсь, что он что-то сделал, — с жаром ответила она.

— Максин...

— Лили, милая, ты можешь сказать старой Максин.

— Он поцеловал меня! — недоверчиво прошептала Лили.

Наступила тишина, и Лаура, стоя в темном углу, сама удивилась на поведение своего сына, еще ближе склонившись к двери, чтобы услышать реакцию Лили.

Наконец, Максин нарушила тишину.

— А ты ответила на поцелуй?

— Нет! Да! Ну, не в первый раз, — сказала Лили.

— Он поцеловал тебя *дважды*? Как я опоздала? — приглушенно воскликнула Максин, переходя на крик.

Лили не удосужилась отвечать на ее замечание.

— Тебе понравилось? — не унималась Максин.

— Да, было приятно. С Нейтом всегда было приятно, — ответила Лили таким голосом, что становилось ясно, что она не была рада из-за того, что ей было приятно.

— Я готова поспорить, что это было великолепно, — пробормотала Максин. Затем она перешла к вопросам, выстреливая их один за другим. — Ты рассказала? Он объяснился? Он что-нибудь сказал?

Тишина.

Максин продолжила:

— Он должно быть сказал что-то, должно быть рассказал тебе, почему он не приехал.

Опять тишина.

Максин нажимала дальше на Лили.

— Он хочет жениться на тебе.

В ответ тишина.

— Через два месяца! — не унималась Максин, теряя терпение.

— Я говорю не об этом.

— Лили!

Раздался резкий звук, как будто что-то швырнули.

— Он обещал мне, что никогда не отпустит меня! Он говорил, что будет заботиться обо мне! — зашипела в ответ Лили.

— Милая..., — это было сказано примирительно, и Лауре даже не нужно было находиться на кухне, чтобы понять, что чувствует Лили в данный момент, ее эмоции были настолько яркими, почти ослепляющими с дрожью в голосе.

— Нет, Максин. Ты больше всех знаешь, на что это было похоже, что мы пережили. Нет. Он обещал мне..., — она замолчала, не в состоянии продолжить свою мысль, потом сказала: — Все восемь лет я думала, что он *мертв*.

Раздался шорох пакетов, и потом Максин произнесла:

— Я знаю, милая, но он *не* умер, он здесь, и...

Лили перебила свою подругу, ее голос теперь был наполнен горечью, и этот звук очень больно ранил сердце Лауры.

— Я верила ему. Я доверилась ему. А он не пришел ко мне. Он думал, что я бросила его, вот так, — Лаура слышала всю боль. — Я оставила *его*. Это смешно! Без объяснений, без причины, просто собрала свои вещи и ушла после того, что было между нами. И он не

пришел за мной. Даже если он думал, что я бросила его, он мог появиться и попросить объяснить *почему*, убедить в конце концов вернуться к нему домой. Он врал мне. Он сказал, что не позволит мне уйти, и ему нужно было сделать всего лишь одну единственную правильную вещь, чтобы вернуть меня...

Максин сказала:

— Скорее всего тебе стоит поговорить с ним, возможно у него есть объяснение этого.

Звуки приготовления закуски возобновились.

— Слишком поздно, — ответила Лили. — Мы боролись, нет... я боролась. Я полностью зависела от тебя и Фазира и... и... он мужчина, который способен перевести семь миллионов фунтов на чей-то банковский счет в течение дня! Видишь, какой он! Он потащил меня к адвокатам, угрожая, что заберет у меня дочь. Он думал обо мне только плохое. Он думал, что я была какой-то взбалмошный, без ума влюбленной идиоткой, которая случайно забеременела, а потом спрятала от него ребенка на многие года, — по шуму Лаура поняла, что Лили продолжала заниматься едой. — Он не сможет мне этого объяснить. Я не хочу слышать то, что он скажет. Все кончено. Мы согласуем график посещения, и я буду с ним встречаться лишь тогда, когда он придет, чтобы взять Ташу и когда вернет ее назад домой. Вот и все. Конец.

— Лили, я не могу помочь тебе с этим, но мне кажется, ты совершаешь ошибку, — предупредила Максин и Лаура почувствовала маленькую надежду.

Затем Лили сказала слова, которые все-таки давали надежду.

— Нет, я *уже* совершила ошибку восемь лет назад. Сейчас я защищаю себя. Я не смогу вынести это снова, и Максин, мне нужно, чтобы ты была на моей стороне.

Шум стал более приглушенным.

— Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне. Я просто хочу лучшего для тебя.

На этом разговор закончился, Лаура стояла в коридоре, соображая, что делать.

Конечно же она должна все рассказать Натаниэлю.

Она должна попробовать поговорить с Лили, рассказав ей о Натаниэле, почему он решил, что она оставила его. *Почему*, Лаура знала это только своим сердцем, он никогда не говорил ей об этом, но она знала, почему Натаниэль позволил ей уйти. Лаура хотела объяснить им, почему ее сын так поступил, потому что она глубоко внутри себя чувствовала, что Лили поймет ее.

Но она не имела на это права.

И Натаниэль не поблагодарил бы ее за это, если она вдруг решит поделиться его прошлым. Он носил свое прошлое, почитая за честь, в то же время прятал его, как грязный секрет.

Лаура также, как и Виктор, была уверена, что Нейт сможет все. В течение всей своей жизни он доказывал это снова и снова. Он был не нужен никому, ему приходилось заботиться о себе с тех самых пор, как он родился. Он никогда ничего не просил, но она понимала, что сейчас наступил тот момент, когда он всем сердцем хочет вернуть Лили, она увидела это в его глазах.

И на этот раз, хотя он не просил ее об этом, но она собиралась помочь ему сама по собственному желанию.

Лаура подождала несколько минут, чтобы никто не заподозрил ее в подслушивании, вошла приветливо улыбаясь:

Ступив на кухню, Лаура поинтересовалась:

— Могу ли я помочь?

Лили

Время подходило к закрытию и Лили сидела за прилавком магазина Максин “Flash and Dazzle”, погруженная в свои не очень радостные мысли, большинство из которых были слишком запутанными.

Лили купила этот магазин несколько лет назад на средства, оставшиеся от продажи ее родительского дома. Она использовала их лишь в том случае, если происходили какие-то непредвиденные вещи, а непредвиденные вещи происходили с пугающей частотой: то сломался холодильник (причем дважды); полетело сцепление в машине; сломалась стиральная машина, вода вылилась и затопила дом. И Фазир решил воспользоваться своей магией, чтобы исправить, но Великий Гранд-Джин Номер Один направил ему предупреждение, что если он попытается сделать это еще раз, то подобное будет рассмотрено, как последнее желание Лили и ему придется покинуть ее. Но Фазир не мог покинуть Лили, поскольку был единственным членом семьи, который у нее остался.

Фазир пришел в ярость, потому что на самом деле он не мог получить работу у него отсутствовало необходимое образование, он обладал лишь магией, кроме того, он на самом деле не существовал в человеческом мире, поскольку не имел паспорта или водительских прав. Восемь лет назад впервые он совершил воздушное путешествие из Индианы, находясь в багажном отделении в откупоренной бутылке, материализовал себя и перенес в пассажирскую зону, сев рядом с Лили. Он не мог водить машину, они пугали его.

— Машины, — говорил он с содроганием, скрывая свой страх, — это обычное явление.

В те тяжелые дни, он не мог ничего сделать, кроме как помочь своей магией решить какие-то проблемы. Однако, он также не мог пойти против Великого Гранд-Джина Номер Один, потому что последствия могли быть весьма плачевными.

Поэтому фактически в течение многих лет Фазир не был волшебником, за исключением того, что плыл по воздуху, конечно, и как-то случайно создал три горячих шоколада с фруктами.

К счастью «Flash and Dazzle» становился процветающим магазином постепенно. Каждый товар в магазине был ручной работы, сделанный талантливыми дизайнерами и художниками, каждый предмет был единственным в своем роде. Двое ювелирных дизайнеров стали очень популярными, и Максин еще нашла женщину, которая вязала самые прекрасные, красивые свитера, Лили никогда таких не видела раньше. Люди приходили отовсюду, чтобы купить свитер, сделанный в единственном экземпляре, платье или украшения.

Максин хотела расширить и открыть магазин в городе Бат, но не имела достаточного капитала. За эти годы она очень сильно помогала Лили, и Лили решила рискнуть и вложила деньги в идею Максин. Это оказалось хорошими инвестициями, увеличив ее доходы, хотя бы настолько, что ее финансовое положение от «критического» перешло к «тяжелому».

Теперь Максин проводила время, порхая от одного магазина к другому, ослепляя блеском клиентов своей экстравагантной личности, и клиенты, которые приходили за товарами, потом возвращались за очередной дозой Максин, но она также заботилась о своих служащих, как если бы они все были ее любимыми дочерьми.

Лили теперь считала этот магазин «своим». Она проработала здесь (за исключением короткого времени, когда жила в Лондоне и времени, когда была не в состоянии работать из-за беременности Таш) на протяжении уже почти десяти лет. Она любила его, у нее всегда были цветы в окне и яркие, веселые кашпо снаружи круглый год. Она оформляла витрины, ставя товары с повышенным вниманием к деталям, заботилась о своих собственных служащих и вникала во все их разные проблемы, которые возникали у девушек, словно они были ее младшими сестрами. Было совершенно прекрасно, что Лили могла пешком ходить на работу и таким образом не платить налог за ее упрямый автомобиль. Она могла составить свой график работы, и могла побыть или забрать Таш, когда ей было нужно.

Это было совсем не сопоставимо с наградами, богатством и успехом известного писателя, но это приносило еду на стол.

В тот день, как и в каждый другой день на Лили были украшения, которые она купила в магазине оптовой торговли, других она не могла себе позволить, «Flash and Dazzle» был *очень* эксклюзивным магазином. На Лили было оранжево-розовое платье на тонких бретельках изящно расшитое ярко-розовыми цветами, верх обтягивал ее, как перчатка, более свободно спускаясь к бедрам и доходя до середины ноги. Она носила его с парой ярко-розовых флип-флопов и набором разноцветных поблескивающих инкрустированных браслетов — оранжевым, персиковым и розовым, которые позвякивали у нее на запястье.

Лили даже не имела никакого представления, что от одного взгляда на нее, такую стильную подтянутую, продажи в магазине подскакивают (хотя Максин знала об этом, наверное).

Она также не имела понятия, что несмотря на свою нынешнюю худобу, ее прекрасная красота не поблекла, а еще более стала зрелой. Ее печаль только добавила некое таинственное очарование.

Она так и не узнала о своей красоте, с которой до сих пор не примирилась, хотя периодически у нее появлялось предчувствие, что она больше не похожа на гадкого утенка. Она не была ни глухой, ни слепой, и конечно, не была глупой.

В этот день она сбежала из дома. Была суббота, Нейт и Робертсы встречались с Наташей в среду. Сегодня Нейт должен был приехать и забрать Наташу на уроки верховой езды. Это было самое отчаянное желание ее дочери, но поскольку эти уроки обходились почти в сорок фунтов в час, Лили не могла себе этого позволить. Она копила деньги, чтобы подарить эти уроки ей на Рождество. Тот факт, что Нейт даже не моргнув глазом, мог позволить себе оплатить эти уроки вот так запросто, Лили находила очень раздражающим.

Теперь в банке у Лили лежало семь миллионов фунтов, которые Алистер вложил в трастовый фонд для Наташи. Лили даже не собиралась прикасаться ни к одному пенни из этих денег.

Она упрямо решила, хотя Фазир пытался ее уговорить, взять хотя бы немного, чтобы закончить по крайней мере ремонт в доме, а также привести в порядок весь сад, до которого просто не доходили руки, три комнаты на верхнем этаже, на которых у нее просто не было средств и опять не доходили руки, не говоря уже о ее спальне, находящейся просто в катастрофическом положении. Фазир предложил ей взять немного больше свободной наличности и отдать побольше Максин, которая хотела открыть еще один магазин в Челтенхеме. Он пытался с большой решимостью, плавая опасно близко к потолку, убедить ее вложить в свое будущее.

Лили словно не слышала его.

Это не ее деньги. Это деньги Нейта, а теперь стали Наташины деньги.

И это было так.

И Лили приняла еще одно решение более стратегическое.

Она решила все время избегать Нейта, и не колеблясь стала осуществлять этот конкретный план.

Лили не было дома, когда в то утро прибыл Нейт. Она оставила Фазира с Наташей и сказала передать ее Нейту, когда тот прибудет. Фафир, кстати, искренне согласился с нее Планом Избегания Нейта.

Она даже отказалась встречаться с ним в конференц-зале с адвокатами, учитывая прошлый раз, когда он припер ее к стенке и взял ее лицо в руки, словно это был самый дорогой бриллиант.

Она точно не хотела оставаться с ним наедине, учитывая последний раз, когда они остались наедине и он поцеловал ее.

Поцеловал ее!

Он обезумел, и это, попросту говоря, неприемлемо.

Она простила себя за то, что ответила на поцелуй. В течение всех восьми лет она хотела поцеловать Нейта, желала прикоснуться к нему, задержать его, вернуть и никогда не отпускать. У нее просто тогда был момент слабости, всего лишь один раз.

Но не снова. Никогда не будет снова.

Остаток того дня, когда Наташа встретила Нейта и остальных членов ее вдруг выросшей семьи прошел относительно хорошо. Лили была удивлена увидеть Виктора и Лауру, но, если она смогла справиться с Нейтом, то конечно могла вытерпеть присутствие Виктора с Лаурой в течение нескольких часов.

Они накрыли закуски, принесенные Максин и сделали больше чая и кофе. Разговор был неловкий и какой-то неестественный, в основном, взволнованно захлеб трещала Наташа, Максин отпускала веселые шутки и Лаура мягкие осторожные комментарии.

Потом Лаура предложила пройтись по набережной, Лили поощрила это с большим энтузиазмом, вбегая вверх по лестнице и вытаскивая Джина из его челлинга (Фафир был в ярости, поскольку рассказывал своим друзьям-джинам, последние новости из жизни Лили), чтобы спланировать с ним свою стратегию Избегания.

В самый последний момент Лили воскликнула, что только что вспомнила про срочное дело, которое ей необходимо сделать, поэтому ей стоит уехать. Нейт бросил на нее взгляд, который был одновременно раздражающе терпеливым и, что еще более раздражало, он понял, что она избегает его.

Она кратко простилась и сделала вид, что не обратила внимания на расстроенный взгляд Лауры. Она бросилась к своему разбитому Пежо, уговаривая его завестись и рванула с места так быстро, насколько он был способен ехать быстро, хотя для многих это считалось медленно.

Фафир, как и планировалось позвонил ей на мобильный, когда побережье очистилось.

Она и Фафир стали дальше тщательно продумывать ее следующую тактику Избегания.

Фафир не звонил ей, и Лили была на работе, в магазине весь день и вечером шла по магазинам за продуктами. Она надеялась, что это даст Нейту много времени побыть с Таш и уйти. Уроки верховой езды не длились целый день, а всего лишь час. Накануне вечером за бутылкой вина, Лили и Фафир придумали полдюжины отговорок, чтобы она снова смогла уехать, в случае если Нейт будет все еще дома (чтобы это не выглядело, и он на самом деле

не узнал, что она избегает его).

Алистер подталкивал ее уклоняться от Нейта, даже требовал этого. В настоящее время он работал с адвокатами Нейта над составлением графика посещений и ясно высказался, что Лили не заинтересована в «примирении».

Адвокаты Нейта совершенно отказывались даже рассматривать график посещений, требуя примирения и даже пошли дальше, предоставив Алистеру брачный договор. Алистер отдал его Джейн и сказал уничтожить. Алистер не читал его, и естественно, не собирался при первой же возможности давать Лили, даже если бы она хотела, но она не хотела.

Она старалась не думать, что сказал Нейт, пока они искали фотоальбомы, хотя у нее не получалось. Он думал, что она ушла от него, и это было полным абсурдом и смутило ее. Он не искал ее и не пришел, и это ее разозлило. Он не знал, что затеял Джефф и Даниэлла, чтобы разъединить их и это было очевидно. То, что он воспринял спокойно ее уход и даже не пытался выяснить почему, это ошарашило ее. Особенно сейчас, когда он явно намерен ее вернуть.

И опять же, когда он подумал, что она оставила его, о ребенке тогда не было и речи. Сейчас есть ребенок и если Лили все правильно поняла, то для семьи это было очень важно. Лили не секунду не сомневалась, что он хотел не только *ее*, он хотел *их*. Более вероятно, похоже Таш, а Лили в качестве компаньона, брошенную в кровать партнера, чтобы подсластить сделку.

А Лили не хотела быть частью такой сделки.

Пришло время закрытия магазина и обычно Лили была рада вернуться домой к Таш и Фазиру в субботу вечером, когда они возьмут рыбу и чипсы или прогуляются по набережной, или посмотрят DVD. Таш любил Pixar, Фазир любил Westerns, Лили не волновало, кто из них что смотрел.

Она заперла двери, еще раз медленным взглядом окинула помещение, все ли в порядке в магазине, записывая в реестр последние данные и заперла замок, подергала ручку двери. Потом направилась в Tesco и вместо того, чтобы бегать по магазину, как огалтелая занятая мамаша в полном состоянии безумства, скупая все подряд, медленно стояла и читала этикетки на продуктах, вспоминала сколько у нее осталось, проверяла срок годности, представляя запасы в кладовой у себя дома прежде, чем решалась на покупку.

Она загружала пакеты в машину, тщательно и с большой аккуратностью устанавливая каждую сумку, словно кто-то собирался оценить ее работу. У нее было странное чувство, что сейчас есть столько свободного времени. Она подумала, что у нее так долго не было столько свободного времени, она даже не могла вспомнить, когда это было в последний раз.

Да, наверное, тогда, когда она жила с Нейтом в Лондоне.

Затем она отправилась отвезти назад тележку в магазин, напевает себе под нос какой-то мотивчик причем совершенно не торопясь, словно в ее распоряжение было все время мира.

Затем с нежеланием, первый раз в жизни, поехала домой.

Сверкающий, гладкий, спортивный автомобиль был припаркован перед домом, перечеркнув разом все ее надежды, Нейт не ушел, а Фазир, наверное, просто забыл позвонить.

Она мастерски, сказали года практики, параллельно припарковала свой Пежо к Астон Мартин (Нейт не изменил своему пристрастию к быстрым автомобилям), мысленно готовясь к тому, что ее ожидало впереди. Она стала вспоминать свои отговорки, решая, что лучше

сказать — экстренная поездка в торговый центр за феном, который сломался, которого на самом деле вообще не было, но женщина же не может ни дня прожить без фена.

Вытащив множество сумок из багажника и сгибаясь под тяжестью, она направилась к дому.

Она едва прошла половину, когда дверь с грохотом отворилась.

— Мамочка! — вылетела Наташа с присущей ей энергичностью, затем тут же выбежал Фазир, один взгляд на лицо, которого можно было назвать «штормовым». — Ты не пове... ишь! — Наташа захлеб кричала.

Нейт следовал за Фазиром, и Лили боролась со своей реакцией при виде его ненароком вышедшего из ее дома. Она не могла сосчитать, сколько раз представляла его вот так выходящем из ее дома, похоже сейчас видения стали реальностью.

Ее это безмерно раздражало, особенно то, что он стал *более* харизматичным, более привлекательным, *более* красивым, чем восемь лет назад. На нем были одеты джинсы и рубашка с длинными рукавами, которые он засучил до локтей и при этом выглядел *невероятно мужественным*.

— Поверить во что? — спросила Лили, пытаясь улыбнуться своей счастливой дочери в то же время пытаясь полностью игнорировать Нейта, хотя это было и трудно.

Она решила, что это тоже раздражает ее.

Фазир прошел мимо, сверкнув взглядом, едва сдерживая гнев.

Он пробормотал:

— Таш *конфисковала* у моего мобильного какую-то штучку и *не позволила* мне позвонить тебе.

Сказав это странное объяснение, он потопал к открытому багажнику, чтобы взять остальные сумки.

— Папа был занят сегодня. Занят, занят, занят, — с восторгом говорила Наташа. — Фазир хотел позвонить тебе, но я не разрешила ему, потому что это был сюрприз!

Нейт направился напрямик к ней.

— Лили, — поздоровался он.

Она бегло взглянула на него и перевела глаза на Таш, чтобы поинтересоваться какой «сюрприз», когда Нейт наклонился. Она остановилась, выпрямилась и попыталась отстраниться от Нейта.

Он просто взял все ее сумки, все пять, и *посмотрел ей* в глаза, вот опять, это раздражающее знание. Затем спокойно, словно он делал это каждый день в течение восьми лет, понес продукты к ней домой.

Она пристально смотрела ему в спину и опять решила, что это ее тоже раздражает.

— Пойдем посмотрим, давай, пойдем, давай! — взволнованно призывала Наташа.

Таш схватила ее за руку и потянула за собой. Лили через плечо бросила взгляд на Фазира, который заносил в дом последние три сумки. Он сжал губы отчего они стали тонкими, лицо ничего не выражало.

Лили понимала, что Фазир воспринял дезертирство Нейта, как личный промах. Ведь именно он привел Нэйта в ее жизнь, исполнив желание Лили. Хотя Лили и пыталась вразумить его, но Фазир чувствовал личную ответственность за все, что случилось с Лили. Она понимала, что это очень сильно давило на него, и он был полон решимости наказать себя и зашел так далеко, что дал обет досрочного выхода на пенсию — заточить дух джина, учитывая грандиозность своего промаха.

— Мама, пошли! — потребовала Таш, и Лили позволила себя потянуть в дом, вверх по лестнице к ее спальне.

Затем она увидела «сюрприз».

Намертво застыв в дверях своей комнаты, с широко открытыми глазами, полу открыв рот и молча глядя перед собой.

— Ты не можешь войти, потому что полы сохнут. Они вернутся завтра и поставят новую мебель. Разве это не здорово? Это как примерочная, которую еще не закончили, — Таш едва сдерживала свое волнение чуть ли не пританцовывая вокруг нее.

В спальне Лили произошли перемены. Вся мебель исчезла, следов не осталось даже в коридоре. Стены стали выровненными и окрашены в бледно-голубой цвет. Все деревянные части теперь мерцали новым слоем белого глянца. На середине потолка был прикреплен прекрасный элегантный замысловатый светильник. Карнизы также были заменены на красивые классические новые. Полы были отшлифованы и заново покрыты лаком.

Лили посмотрела на часы. Она ушла утром в восемь, сейчас было шесть тридцать.

Она не могла поверить, что все это можно было сделать за такое короткое время. Ей потребовалось шесть месяцев, чтобы просто покрасить коридор.

— Здесь работало семь мужчин. Я не могла поверить, что они все смогут тут уместиться в твоей комнате, но у них получилось. Они даже пропылесосили и помыли все, когда уходили, чтобы ты вернулась и было все чисто, — объяснила Таш, а затем вдохнула с восторгом, — разве это не роскошно?

— Прекрасно, — пробормотала Лили, чувствуя себе еще более раздраженной, настолько раздраженной, что это не было совсем прекрасно.

Теперь она была точно готова к битве.

— Сделай мне одолжение, детка, помоги Фазиру с продуктами, — Таш была настолько взволнована от того, что сделал ее отец, что совершенно не заметила сверкающих голубых глаз своей матери. — И попроси *своего отца* прийти сюда. Я хочу поговорить с ним.

— Ладно, — охотно согласилась Таш, не замечая закипающей в Лили слепой ярости, и сломя голову понеслась вниз по лестнице. Ее естественный энтузиазм увеличился на двенадцать уровней от неизмеримого счастья, которое случилось с ними, как только появился отец.

Пока она ждала Лили направилась к лестнице и каждый раз, когда она оглядывалась назад и мельком видела свою комнату, ее гнев становился все больше, выходя из-под контроля.

Увидев темную голову Нейта медленно поднимающегося по лестнице, не говоря ни слова, она еще больше разозлилась и пошла вверх по лестнице на другой этаж. Она не собиралась противостоять Нейту в коридоре, ей нужно уединение для того, что она хочет ему сказать.

Она сердито зашагала в гостиную и придержала дверь, пока Нейт молча не последовал за ней. Как только он вошел, она громко со стуком захлопнула дверь и набросилась на него:

— Как ты *посмел*! — закричала она, позволяя своему гневу вырваться наружу.

— Лили, — только и сказал он, скрестив руки на груди и внимательно наблюдая за ней. Она знала, что он не упустит ни одной эмоции у нее на лице. Он никогда ничего не пропускал.

Но она и не пыталась сейчас скрыть свою ярость.

Она отметила про себя, что он прекрасно контролирует эмоции на своем красивом

лице, а ее же гнев уже достиг размеров стратосферы. Она решила, что его способность контролировать, раздражала ее больше всего.

— Где моя мебель? — рявкнула она.

— Ее нет, — ответил он.

— Верни обратно, — потребовала она.

— Ее нет, — непримиримо сказал он, словно он имел полное право выбрасывать ее вещи, не сказав ей ни слова.

Он подошел к ней, она, к сожалению, стояла спиной к двери, которую же сама и закрыла. У нее не было пути для отступления, и она тут же поняла свою ошибку.

Вместо того, чтобы отступить назад и упереться в дверь спиной, к которой он в конце концов ее припрет, она осталась стоять на месте, хотя он подошел к ней близко.

Даже *очень* близко. Так близко, что она чувствовала запах его терпкого одеколona. Так близко, что чувствовала тепло его тела. От его близости, живот у нее сделал сальто, но она решительно проигнорировала свою реакцию. Не разрешая себе даже задумываться об этом, даже не позволяя. Она, конечно же, тосковала по нему все эти годы.

Но позволить себе снова вступить с ним в отношения, было бы для нее катастрофической ошибкой.

— Я хочу ее вернуть, — резко воскликнула она, с трудом контролируя проносящиеся в голове мысли и эмоции.

— Ее не будет. Ее уже нет. Новая мебель придет завтра.

— *В воскресенье?* — прошипела она в недоумении. Вряд ли кто-то способен что-то сделать в воскресенье в Англии, кроме как съесть воскресное жаркое и, возможно, поставить сенсорную поливалку у себя в саду.

Нейт пожал плечами.

Конечно же, всемогущий Нейт МакАллистер с его миллионами может заставить кого угодно делать все, что ему нужно причем в любое время.

Она окончательно потеряла контроль над собой, но ее это уже совершенно не волновало.

— Я хочу, чтобы ты убрался из моего дома, — приказала она, ее глаза сверкали, а тело напряглось от гнева.

— Мы идем ужинать, — заявил Нейт, как само собой разумеющееся, словно она просто остановилась, выдохнула и сказала ему: «Ох, конечно, как пожелаешь».

И от этих его слов она потеряла рассудок.

— Мы *не* идем ужинать. *Ты* можешь взять Ташу на ужин, но мы не пойдем *все вместе*, — крикнула она.

— Я уже сказал Наташе, что мы все собираемся на ужин. Она с нетерпением ждет этого.

Если она не ошиблась то, он придвинулся к ней на дюйм, она все равно осталась стоять на прежнем месте.

— Ну, тогда полагаю, тебе придется выучить болезненный урок, сказав своей дочери, что она не может получать всего чего отчаянно хочет, потому что я не собираюсь ужинать с тобой.

Его глаза сверкнули от ее слов, он понял все правильно — Лили на протяжении многих лет была вынуждена выучивать болезненные уроки с тех пор как появилась их дочь.

Его рука потянулась вверх, и она уставилась в шок на нее, он пробежался по ее волосам у виска, потом заправил прядь ей за ухо.

Он смотрел на свою руку, потом перевел взгляд на нее и нежно сказал, реагируя на то, что она имела в виду, но, очевидно, он не до конца понял ее слова.

— Да, ты пойдешь.

— Нет.

Он наклонился к ней снова, опустив руку на ее плечо, на этот раз он явно ничего не упустил.

— Да, Лили, ты тоже пойдешь.

Именно тогда она приподнялась на цыпочки, чтобы оказаться с ним лицом к лицу, очень близко едва лишь в дюйме друг от друга.

— Если ты думаешь, что вот так запросто можешь войти в нашу жизнь и перевернуть ее вверх тормашками своими деньгами и властью и... всем, что угодно, и... и... — она не могла подобрать подходящего слова. Она была слишком зла.

— И чем?

— Я не знаю! — прокричала она ему в лицо.

— Я не позволю тебе спать в той комнате, которая у тебя была, — заявил он.

Она застыла с открытым ртом от его спокойствия и высокомерия.

— Это *не твой* выбор! — бушевала она.

Его рука обхватила ее за подбородок.

— Я никогда не видел тебя такой злой, — его голос звучал мягко, успокаивающе. Он смотрел на нее с теплотой, и его темные глаза почти, но не совсем правда, заставляли задерживать ее дыхание.

— Мы едва знали друг друга, — отрезала она. — Ты не видел много вещей во мне.

Затем он тихо заметил:

— Ты невероятно прекрасная, когда злишься.

Она опять вытаращила на него глаза, настолько ошеломленная от его неожиданного комплимента, что даже не была в состоянии реагировать, он шагнул вперед, вынуждая ее сделать шаг назад и прижаться спиной к двери. Его тело придвинулось к ней, он по-прежнему удерживал ее за подбородок, уперев другую руку в дверь рядом с ее головой.

— Ты невероятно красивая всегда, но когда злишься просто великолепна, — пробормотал он тихо, и его взгляд опустился на ее губы. Она попыталась тут же взять себя в руки, потому что была определенно не готова к этому.

— Отойди от меня, — выдохнула она, немного испугавшись на свою реакцию и злясь одновременно на то, что он делал.

— Поужинай со мной, — попросил он глубоким голосом, как бархат.

— Нет, — упрямо повторила она, отказываясь поддаваться его голосу и пытаясь освободиться от его руки, но в ее нынешнем положении это было невозможно.

— Поужинай со мной, — повторил он, словно вообще не слышал ее ответа.

— Я... сказала... нет! — она не стала дожидаться его ответных слов и кинулась в бой. — Тебе следует уйти прямо сейчас. Ты можешь взять Наташу на ужин и привезти ее домой. Твои адвокаты должны договориться с Алистером о твоем графике посещений Таши. Я не хочу встречаться с тобой снова. Я не хочу видеть тебя в своем доме. Я не хочу...

— Мы поженимся, — категорически заявил он, его голос снова стал гладким и шелковистым, и ее сальто, происходившие у нее в животе, уже перешли в кульбиты.

Она прижала руки к животу и со всей силой попыталась оттолкнуть его от себя.

Он остался стоять на месте, словно она и не предпринимала никаких попыток, только

обхватил ее за талию, словно сжал тисками, прижав к себе. Другую руку он опустил ей на спину и ее грудь прижалась к нему. Он нагнул голову и заглянул ей прямо в глаза.

И тогда он заговорил, и его голос уже был не гладким и шелковистым, не нежным, не уговаривающим, он стал жестким, низким, со стальными нотками, которые проходили через нее с каждым его словом.

— Я потерял восемь лет без тебя. Восемь лет. Я не знаю, что ты пережила за эти годы, но у тебя будет время до конца нашей жизни рассказывать мне об этом, и я сделаю все, чтобы ты забыла то время, — заявил он затем твердо продолжил. — Я обещаю тебе, Лили, я сделаю это.

Она напрягла всю свою силу воли, до последней капли, чтобы его слова не проникли через ее броню. Она вцепилась в ткань его рубашки на талии, пытаясь опять оттолкнуть его назад.

— Ты уже давал мне обещания, Нейт, — напомнила она ему с жаром.

— Я знаю, — приглушенно ответил он, его глаза все еще просматривали ее насквозь.

— Ты нарушил эти обещания.

Он не смутился и не стал отрицать.

— Я знаю.

Она пристально посмотрела на него, ожидая, что он начнет что-то объяснять, что-то скажет, чтобы прояснить ситуацию.

Он этого не сделал.

— Все кончено! — в истерике закричала она, она уже не могла этого выносить.

— Мы даже еще не начали, — пообещал он.

— Я не собираюсь проходить через это снова! — воскликнула она, вспомнив всю боль и все страхи. Ее гнев вспыхнул и как обычно быстро исчез, и теперь она желала только одного — сбежать.

Ее жизнь, возможно, не была райской, такой она была только с Нейтом тогда давно, но у нее была хорошая жизнь, радостная жизнь, и она хотела ее вернуть.

— Ты не обязана, — рявкнул Нейт, шокируя ее, потеряв свое хладнокровие. Он уже не выглядел таким спокойным, как всегда, видно он тоже вел борьбу со своими бушующими эмоциями. Она должно быть разбудила в нем силу, которая наполнила всю комнату и давила на нее, как огромная мраморная плита. Но она не испугалась этого, она не имела права пугаться, у нее было слишком много, что можно было потерять.

— Я не верю тебе, — обвиняюще сказала она.

— Прекрасно. Не верь мне. Но наша дочь имеет двоих родителей, и всю оставшуюся жизнь она будет наслаждаться ими обоими. Вместе. Она будет наслаждаться безопасным красивым домом, и родителями, которые будут жить вместе и заботиться о ней. Не мотаться взад-вперед и приспособливаться жить на два дома. Ты видела, как она обрадовалась, когда увидела нас вместе. Ты же знаешь, что она очень хочет этого.

— Нельзя получить все, что хочется, поверь мне, Нейт, я знаю, — его глаза угрожающе сузились от ее слов, но она не обратила на это внимание и с жаром продолжила: — Это трудный урок, но она может пройти его намного раньше, вместо того чтобы вырасти безнадежной мечтательницей, как ее мать, и понять все потом.

Она могла поклясться, что его лицо едва заметно дрогнуло, он сказал:

— Ты не можешь запретить мне воплотить все, что она больше всего хочет, и тебе не нужно будет делать все возможное и не возможное, чтобы сделать это, — он немного

успокоился.

— Она приспособиться, — выпалила Лили, хотя он был, к сожалению, прав.

Лили была *не в состоянии* сделать все возможное и невозможное, чтобы дать Таш то, что она хотела, но просто тогда она не могла предоставить ей и малые крохи.

— Она будет очень огорчена, — правильно предсказал Нейт.

— Ты не знаешь ее достаточно хорошо, чтобы делать такие выводы, — произнесла Лили и попала в яблочко. Она поняла это по его гневно сверкнувшим глазам, он явно еле себя сдерживал.

— Я поменял свое мнение, — выдохнул он. — Ты не великолепная, когда злишься. Ты невероятно раздраженная и невероятно упрямая, когда злишься.

— Я не упрямая! — упорно возразила она.

Он приблизил к ней свое лицо, и от того, что он так быстро сменил свою тактику у нее закружилась голова.

— Ты хочешь меня, Лили, и ты это знаешь.

— Я не хочу! — даже она поняла, что это звучит, как ложь.

— Ты хочешь меня, — заявил он без обиняков, — мне нужно это доказать?

Полное безумие, она знала это, потому что уже завелась, с угрозой воскликнула:

— Если ты поцелуешь меня снова, я не буду нести ответственность за то, что сделаю.

— Я *точно* знаю, что ты сделать.

И не дав ей возможность возразить, его губы набросились на нее.

На этот раз она не замирала и не стояла неподвижно. На этот раз она боролась, пихалась, толкалась и пыталась сдвинуть его с места. Она царапалась, даже разорвала ткань на его рубашке.

Его язык коснулся ее губ, и одинокая гимнастка в животе выполнила идеальное сальто, и все ее тело отозвалось овациями.

Он сразу же почувствовал ее капитуляцию. Он отстранился, но не настолько, чтобы позволить ей сбежать, он нес и одновременно тащил ее к дивану и, прежде чем она смогла что-либо предпринять, он толкнул ее на спину и накрыл ее сверху своим сильным горячим телом.

— Постой, Нейт, — потребовала она, пытаясь выбраться из-под него.

— Нет, — отрицательно ответил он, и прежде чем она смогла произнести хоть слово, его рот опустился на ее губы снова.

Его губы были не нежными, а твердыми, настойчивыми, требовательными, такими знакомыми. Это было именно то, что она хотела, желала и о чем мечтала все восемь лет.

Ни один другой мужчина не касался ее. У нее было всего лишь парочка свиданий с поцелуем «спокойной ночи» (ну, возможно, поцелуй в щеку). Лили была слишком завернутой по поводу своей жизни, проблем и ответственности, на мужчин у нее просто не оставалось времени.

И ей некого было сравнивать с Нейтом, это была простая констатация факта.

Его губы стали прокладывать дорожку из поцелуев вниз по ее щеке к подбородку.

— Пожалуйста, прекрати, — прошептала она с мольбой. Ее гнев испарился, сменившись страстным желанием за все восемь ужасных, одиноких лет тоски.

— Нет.

— Пожалуйста, Нейт, — попросила она.

В ответ его рука заскользила по ее ноге к бедру, потянув юбку вверх, ее кожа заколола

от его интимных прикосновений.

Его тяжелое тело прижалось к ней, такое знакомое, такое горячее, словно в лихорадке. Она не собиралась отрицать, что ее тело гораздо больше жаждет того внимания, которое он ей уделял.

— Мы не можем, — взмолилась она.

— Можем, — проворчал он выдыхая у ее горла, его голос отозвался гулом, прошедшим по всему ее телу, отчего она задрожала.

Он почувствовал это, и не собирался останавливаться, его рот вернулся к ее губам, и он поцеловал ее снова.

На этот раз она не боролась, ее губ коснулась улыбка, они раскрылись, и он проскользнул внутрь языком.

Вот и все. Она проиграла свой бой и согласилась с гимнастикой в животе, которая опять делала сальто, так разогрелась и так радовалась, предвкушая удовольствия.

Восемь лет горя и тоски выливались из нее, и она целовала его так, ведя боевые действия своим языком с его, ее руки блуждали по его телу, по спине, вниз к бедрам. Она почти забыла, насколько сильное у него тело, накаченное, мускулистое. Она вытащила его рубашку из джинсов, желая почувствовать его кожу, чтобы ей ничего не мешало. Ее руки скользнули под рубашкой, проходясь по талии и вверх по спине.

Его кожа была очень горячей на ощупь.

Ее ощущений было слишком много и все происходило слишком быстро. Она почувствовала жжение в горле, ее тело все горело от его прикосновений.

Его губы не покидали ее, доставляя ей пьянящий поцелуй, его руки поднялись к ее груди, он стал ласкать сосок подушечкой большого пальца. Она выдохнула ему в рот, мощные волны удовольствия прошли прямо через нее.

От ее выдоха, он углубил поцелуй, который становился все более диким и требующим. Годы ее тоски превратились в облегчение, что он жив, дышит, опять с ней, снова дотрагивается до нее, целует.

Но на этот раз ее руки и губы стали более настойчивыми, требовательными, а пальцы стремительно пробегали у него по коже, двигаясь к его животу, вниз под джинсы, пока она не почувствовала его твердый член в своей ладони.

Слезы показались у нее из глаз, и тихо скатывались по вискам, он оторвался от нее со стоном от ее прикосновений, и скользнул к ее уху.

— Ты все еще хочешь остановиться? — его голос стал низким и грубым от возбуждения, но он ждал ответа, словно он готов был отстраниться, если она этого захочет.

Она не ответила, не могла.

Его руки сжали ее грудь, его большой палец кружил по соску, вызывая в ней бурю эмоций.

— Останови меня сейчас, Лили, это будет твой *единственный* шанс.

Все еще не в силах говорить, она отрицательно покачала головой, Нейт даже не смутился. Его рот накинута на нее в обжигающем поцелуе, обе его руки опустились к ее бедрам, прижимая к себе, ее рука, по-прежнему была между ними, тесно прижатая к его возбужденной эрекции.

Так же быстро, как и все произошло, он отпустил ее бедра, его губы и язык проходились вниз по ее горлу, к уху, по ключице, к краю ее бюстгалтера. Он приподнял голову, одной рукой задирая ее юбку вверх к бедрам и не останавливаясь его рука скользнула между ее ног,

его губы накрыли ее сверхчувствительный сосок через ткань, его пальцы, прижимались к шелковой ткани ее трусиков, соблазнительно потирая, ее тело, затаилось в ожидании и начало вибрировать, ожидая что он прикоснется там к ней.

— Нейт, — выдохнула она с удивлением.

Она забыла, насколько хорошо это было. Ей казалось, что она помнила, но она забыла.

Он приподнялся, поцеловав ее снова, его рука двинулась кверху ее трусиков и нырнула внутрь.

— Я ждал целых восемь лет, чтобы услышать, как ты произносишь мое имя снова.

У Лили перехватило дыхание от его слов, в его голосе слышались хрипловатые нотки желания, его палец нашел ее бугорок и закружил. Она схватилась за него, по ней прошла словно спираль из тока, его губы все еще касались ее, но он не поцеловал, а внимательно смотрел ей в глаза.

— Повтори, — потребовал он.

Ее глаза были закрыты, она хотела сосредоточиться на ощущениях своего тела, но от его слов они распахнулись встретившись с его черными глазами, сверлившим ее своим взглядом.

— Скажи это еще раз, Лили, — скомандовал он.

Она прикусила губу, и его рука сдвинулась ниже, палец медленно, не торопясь скользнул внутрь, и от ощущения наполненности, даже всего лишь его пальцем, она не могла сопротивляться.

— Нейт.

Он стал целовать ее страстно и жестко, пока его рука двигалась у нее между ног, она выгибалась и прижималась к ней, целуя так же страстно его в ответ с отчаянным желанием.

Затем без предупреждения его голова дернулась вверх, большой палец опустился на клитор, а другой вошел глубоко внутри нее.

— Черт, — выругался он, его рука задвигалась быстрее, но нежно, затем он вышел, чем заставил ее застонать от удовольствия, перемешанного с разочарованием.

Он быстро двигался, толкая ее вместе с собой. Она ошалела от страсти, ее ноги так дрожали, что ей пришлось обхватить его за талию.

— Нейт, — прошептала она неуверенно, пока одна его рука находилась внутри нее, а другой рукой он отдернул платье, возвращая его на место.

При звуке своего имени он посмотрел ей в глаза и довольная ухмылка, появилась в уголках его губ. Его глаза горели ответной страстью, и она громко втянула в себя воздух.

Он быстро прижался губами к ней и прошептал:

— *Кто-то идет.*

И прежде чем эта пугающая мысль дошла до ее затуманенного от желания мозга, прежде чем она успела убрать свои ноги, обхватывающие его талию, прежде чем она смогла выбраться из-под Нейта, дверь распахнулась и на пороге появился Фазир.

Ее добрый друг застыл, сделав два шага вперед, увидел Лили, впившуюся в Нейта, и Нейта цепляющегося за Лили.

Фазир уставился на них с ужасом в глазах.

Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, Наташа ворвалась в комнату за ним.

— В чем дело? — невинно спросила она, счастливо улыбаясь на своих родителей, которые теперь были вместе, и казалось любовно обнимали друг друга.

Лили все еще не отошла до конца от произошедшего. Оба не отошли к счастью или к сожалению, в зависимости от того, как на это посмотреть, но Нейт быстрее взял себя в руки

и без колебаний объяснил, хотя голос у него был еще немного хриплым от страсти:

— Твоя мать просто поблагодарила меня за комнату.

При этом Нейт крепко обнял ее за талию, прежде чем она решит сбежать. Лили увидела, как лицо Фазира стало просто пурпурного цвета, таким же, как стены в его спальне.

Наташа совершенно спокойно восприняла это объяснение. Для нее было, действительно, вполне закономерно, что Лили захотела поблагодарить Нейта за такой широкий жест.

— Мы идем на ужин или как? — спросила Наташа, наклоняя голову в сторону. — Я проголодалась, — продолжала она, прежде чем ее мать смогла сделать ей замечание за такую грубость.

Нейт повернул голову к Лили.

— Мы идем? — мягко поинтересовался он и уголки его губ приподнялись, потому что ему было достаточно одного взгляда на любящий взгляд Лили, каким она смотрела на свою дочь, чтобы понять ответ.

Лили

Лили прошла через тяжелые двери, войдя в богатый элегантный офис компании Нейта.

Последние четыре дня были какими-то суматошными и занимаясь различными делами, Лили не переставала думать только об одном.

«Если даже стараться изо всех сил, и сделать возможное и невозможное, будет ли от этого Таша счастливой?»

В субботу вечером они все отправились на ужин. Наташа и Нэйт и это было видно невооруженным взглядом быстро привязались друг к другу. Лили была несколько удивлена, как легко Нейт нашел контакт со своей дочерью. Его отношение к ней не было чрезмерным или неискренним, оно не было отчаянным, и он пытался произвести на нее хорошее впечатление или проявить любезность. Оно было настоящим и красивым, и Таш моментально ответила ему тем же.

Это заметно раздражало Фазира, но Джин очень сильно любил Таш, поэтому не слишком это показывал (не слишком часто).

Недавно они едва ли сводили концы с концами, и вся семья Наташи состояла из вечно занятой матери, фигуры джинна-псевдо-отца, который был скорее давним приятелем семьи, однако, Фазир за эти годы *научился* пользоваться прачечной, в глажке он был просто знатоком и мог приготовить запеканку из тунца для диковинной Максин.

И буквально на следующий день Таш прибрела великолепного, красивого, богатого, очевидно, заботливого отца, а также заботливую бабушку и дедушку.

Стоило ей попросить и у нее появились уроки верховой езды, а также семь миллионов фунтов в целевом фонде, которые поджидали ее, когда ей исполнится двадцать один год. И даже комнаты в доме изменились за выходные, как по мановению волшебной палочки.

Но это была магия Нейта, а не Фазира и, пожалуй, это была одна из причин, почему Фазир так сильно не влюбил Нейта, потому что Нейт тоже может исполнять желания, даже если их не произносят вслух.

Мир Таш стал еще большим, открывая перед ней необыкновенные красоты. Попросту говоря, это было чудо. Желать, надеяться, стремиться, но никогда не ожидать чуда.

Наташа была от всего в восторге, и Лили конечно была рада за нее.

И было понятно, что Наташа хотела семью. Она столько слышала рассказов за столько лет, не только о выдающемся и великолепном Нейте, но Фазир ей тоже рассказывал о Саре, Ребекке, Уилле, как они все лето плавали на большой автомобильной шине по пруду, о больших праздниках феериях и миллионе других вещей, больших и маленьких, которые имеет каждая семья, что и делает ее такой замечательной семьей.

Таш, совершенно справедливо хотела, такого же для себя.

Наташа понятия не имела, что происходит на самом деле с ее родителями, и она бы очень удивилась, растерялась и очень сильно бы расстроилась (Нейт правильно предвидел), если ее мать, которая рассказывала ей такие яркие и запоминающиеся истории о своем любимом Нейте, не примет его радостно назад и не сделает их одной семьей, которую Таш страстно желала.

И Лили, имея драгоценный опыт свой собственной семьи, не могла вернуть ее ей, но

она хотела дать ей другую.

После ужина Таш, Лили и Нейт шли к машине, Таш буксиром висела по середине на руках Лили и Нейта.

Остановившись у машины Нейт взял Таш на руки, будто она весила не больше пушинки, а не семь или почти восемь фунтов и была высокой, если брать во внимание ее родителей, она весила *намного больше*, чем другие дети.

Она поцеловала его прямо в губы и обняла за шею одним из своих очень крепких объятий.

— Когда ты вернешься? — спросила она, частично уменьшив свой захват, но по-прежнему положив руки на его широкие плечи.

— Очень скоро, — ответил он с убийственно красивой улыбкой, на которую Таш, как и ее мать, тут же отреагировали.

— Завтра? — она старалась, надеясь, что Решимость-Всеми-Силами-Избегать-Нейта у Лили поблекнет.

Взгляд Нейта скользнул по Лили, которая старательно контролировала свое выражение лица.

— Возможно, не завтра, — возразил он, — но скоро.

И Таша потерлась носом о нос Нейта. Лили зачарованно смотрела, как Нейт закрыл глаза и что-то промелькнуло у него на лице, что-то очень сильное, Лили почувствовала это своим собственным телом, ее словно ударило током.

— Обещаешь? — потребовала Таш шепотом, ее лицо все еще было близко к нему.

— Я обещаю, — глубоким голосом ответил Нейт, почти рыча, и Лили судорожно сглотнула от тех чувств, которые ощутила в себе.

Этот интенсивный рык Нейта заставил сердце Лили трепетать, ее грудь сдавило, и наконец, это вызвало у нее очень, очень большое любопытство.

Она стояла с ними на тротуаре со стороны водительского места у машины Нейта. Он поставил Наташу на землю, и прежде чем она поняла его намерение, его рука метнулась к ней и обхватила ее за талию, притянув к себе.

Она издала тихий крик удивления, который стал еще больше приглушенным, когда его рот опустился к ее губам в жестком, кратком и, к сожалению, эффектном поцелуе.

— Я хочу, чтобы ты была здесь, когда я вернусь, — сказал он, перестав целовать, все еще притягивая ее к своему жесткому телу, и она поняла, что он знал о ее Плане Избегания Нейта.

Она заколебалась, стараясь не смотреть на Наташу, которая радостно наблюдала за ними, пробормотав:

— Посмотрим.

Видимо, его это вполне устроило, он отпустил ее, сел в свою дорогую машину и уехал.

— Он бомба, — сказала Наташа, используя выражение Максина, которая довольно-таки часто его употребляла, наблюдая за отъездом своего отца.

Лили стояла, глядя на свою дочь, которая смотрела, как из виду исчезает машина отца, и у нее перед глазами стали мелькать другие картины. Летом Нейт подвозит Наташу домой, а потом исчезают из ее жизни на несколько дней или недель, только чтобы вернуться опять в ее жизнь на краткие мгновения. И ее дочь будет вынуждена наблюдать снова и снова, как он вот так уезжает. И Лили спросила себя, может ли она такое сделать с Ташей?

Лили присела на корточки перед своей любимой дочерью, притянула ее к себе,

положила подбородок на Ташино плечо и спросила:

— Счастлива, детка?

Наташа была так счастлива, что даже не могла говорить, поэтому просто кивнула. Такое было впервые с Таш, что она не смогла ничего сказать, находясь в оцепенении.

Лили почувствовала, как в горле запершило, она уже знала где-то глубоко внутри себя, что ей нужно сделать, но еще была не в состоянии позволить себе такое.

В воскресенье ей не только доставили и собрали новую мебель, но подняли на верхний этаж, назад разложили все ее вещи (те, что Нейт *не выбросил*), убрали комнату, поэтому Лили не пришлось ничего делать самой.

Кровать была такой огромной, она никогда не видела такой огромной кровати, со спинкой из твердого отполированного дуба. Платяной шкаф был в два раза больше ее старого с витиеватой инкрустацией в виде завитков, таких же как на кровати, вплотную прислонен к стене, с небольшими шестью ящиками для женского белья, но так же появился еще и широкий комод и две красивые прикроватные тумбочки. Такие же великолепные изысканные настольные лампы, соответствующие люстре на потолке, стояли на этих тумбочках. Прозрачные шторы бледнее, чем стены, закрывали окна, по бокам с более темными и плотными драпировками, которые спускались с кованного карниза. На полу лежал ковер с глубоким ворсом и затейливым рисунком, с бахромой по бокам, и Лили почему-то подумала, что он обшит шелковым кантом и, скорее всего, импортирован из Турции (потом она окончательно в этом уверилась, потому что так сказал ей Фазир, а Фазир знал кое-какие вещи о коврах Турции). Две фотографии висели на стене, под матовым стеклом в черных рамках, с причудливо нарисованными карандашом туфлями, и на первый взгляд даже Лили пришлось признать, что они ей понравились, потому что выглядели как-то по девчачьи и великолепно, она ничего с этим не могла поделать. Кровать была покрыта пушистым, цвета слоновой кости покрывалом, отделанным синим, таким же как стены и шторы, и два комплекта из трех мягких подушек, прислоненных друг к другу у изголовья кровати такие же синие и цвета слоновой кости, стояли перед гигантским европейским квадратом, на котором отображался весь водоворот оттенков синего и слоновой кости, но в виде узора.

— Это пре... крассс... но, — выдохнула Наташа, стоя рядом с матерью в дверях и рассматривая комнату.

Комната была намного больше, чем прекрасная, она стала спальней, где сбываются мечты.

Но спальня, однако, была всего лишь началом.

В понедельник она вернулась домой из магазина с Максин, которая в каждый понедельник приходила к ним на ужин. Максин знала, что Фазир был джинном, и Максин была в восторге от его запеканки из тунца, а также невероятной способности сделать необычные сосиски на гриле и воздушное картофельное пюре, которого вообще не было в истории кулинарии. Максин также получила возбужденный телефонный звонок от Таш и ей не терпелось увидеть новую спальню Лили.

Наташа, не изменила свою дурную привычку, стремглав вырвалась из дома, как только они подъехали, с развивающимися черными волосами у нее за спиной, с светящимся лицом от радости.

Фазир, тоже имел дурную привычку, выбежал из дома, но его черные волосы были в таком беспорядке, как будто он лохматил их своими руками весь день и на его лице читалась

ярость.

Таш остановилась в двух шагах от матери, всплеснула руками и указала на ей за спину.

— Посмотри, мамочка.

Максин и Лили повернулись с любопытством, чтобы посмотреть куда она показывала. Лили увидела свое Пежо, стоящее совершенно с несчастным видом, как будто умоляло закончить его страдания и отправить в металлолом.

— Разве она не великолепна? — спросила Таш.

Лили смутилась и уставилась на Пежо, даже если бы у Лили было достаточно денег, чтобы привести его в нормальное состояние, она никогда бы не смогла назвать его «великолепным».

— Вы что не видите? Посмотри! Позади мамочкинового автомобиля. Папа доставил его сегодня, это подарок для мамы. Ключи лежат в доме.

Лили перевела взгляд за свой автомобиль и увидела красивый, блестящий, спортивный, голубой Мерседес кабриолет.

— Дорогуша моя, — выдохнула Максин необычно мягко.

Лили почувствовала себя так, словно сначала ее заставили разогнаться, а потом она вдруг врезалась в стену, весь воздух совершенно неожиданно был выбит из нее.

— Дорогуша моя, Дорогуша моя, Дорогуша моя, — пропела Таш, пританцовывая и направляясь к машине, фактически обняв ее. Потом так же быстро она развернулась и спросила: — Папочка же *самый лучший*?

Лили была спасена от ответа, услышав телефонный звонок.

— Я должен ответить, — проворчал Фазир у них за спиной.

Лили все еще не пришла в нормальное состояние от машины, последовав за Таш в дом.

— Что ты собираешься делать? — спросила Максин, ее голос звучал обеспокоенно, со страхом.

— Я не знаю, — ответила Лили, она на самом деле не знала. Она не могла вернуть автомобиль, ей явно нужно было воспользоваться им. Наташа обняла эту проклятую машину, ради Бога.

— Это тебя, — Фазир шел к ней по коридору, держа трубку двумя пальцами, словно она превратилась в какой-то гнилой кусок мяса. Он протянул ее Лили, которая все еще была ошеломлена от появившейся машины.

— Алло, — произнесла она.

— Лили, — раздался бархатный голос Нейта, и от того, как он произнес ее имя она содрогнулась.

Сейчас ей это было не нужно, потому что Лили с трудом могла связать пару мыслей воедино, конечно, она была не в состоянии тягаться с Нейтом.

— Нейт, — ответила она.

Противоречивые чувства разрывали ее. Она не понимала, стоило ли его отругать, и не настроит ли это ее дочь против нее, если она так сделает. Стоит ли ей поблагодарить его, потому что спальня была на самом деле фантастической, кровать твердая, удобная и намного лучше той, старой, и только Господь знал, что ей нужна новая машина, хотя Мерседес, который он подарил выглядел слишком эксклюзивным. Или *ей* наконец стоит сказать ему, чтобы он позвонил Алистеру, если он хочет поговорить с ней, а затем бросить трубку, о чем не раз ей говорил Алистер, скорее дюжину раз, чтобы она общалась с Нейтом только через него.

Она подумала, что он позвонил, чтобы спросить, понравилась ли ей мебель и машина, и скорее всего, просто немного поболтать.

Но она ошиблась.

Он звонил ей, потому что разозлился. Он просто рычал в телефонную трубку, и она практически это ощущала.

— Твой адвокат сказал моим, что ты положила семь миллионов на трастовый фонд Наташи.

Она колебалась, потому что не могла понять, почему это злило его.

— Конечно, — пробормотала она.

— Я позабочусь о Наташе. Я уже создал трастовый фонд для нее.

Лили стояла в своем коридоре, и ее прекрасные гирлянды мерцали, поднимаясь вверх по лестнице.

Но она даже не замечала их. Она застыла на одном месте, неподвижно, наполненная эмоциями, которые, как ураган, проносились через нее. У ее дочери чуть больше недели назад была кое-какая одежда в гардеробе, приличное количество игрушек, широкий выбор эксклюзивных медведей Максин, и любовь трех людей.

Теперь же у нее два целевых фонда.

Лили не могла произнести и слова, даже если бы она смогла придумать для Нейт какое-то оправдание.

— Эти деньги предназначены для тебя, — добавил он.

— Я..., — начала она, не зная, что и сказать, потому что не могла поверить, что эти деньги для нее. Она понятия не имела, что ей делать с семью миллионами фунтов.

— Забери деньги из этого фонда, — командовал он.

Она была настолько удивлена всем, что даже не задумываясь ответила честно:

— Я не могу. Нельзя прикасаться к фонду, пока Таш не станет совершеннолетий, и сама не решит, что с ними делать.

Он не колебался ни минуты.

— Тогда завтра я переведу еще больше.

— Нет! — моментально воскликнула она в ужасе.

Он проигнорировал ее крик.

— Если ты передаешь *ей такую* сумму, то я перечислю тебе *такую же*.

— Нейт...

— Я понятно выражаюсь? — спросил он.

— Мне не нужны твои деньги, — она наконец-то вышла из своего оцепенения.

На самом деле, что будет дальше? Она что прилетит домой на своем личном реактивном самолете, припарковавшись на взлетно-посадочной полосе Бристольского канала, находящегося за ее домом?

— Очевидно, я не ясно выражаюсь, но ты меня поймешь, — заявил Нейт, и Лили поняла, что он ей не угрожал, это было обещание.

Даже не попрощавшись, он повесил трубку.

Как он и обещал семь миллионов фунтов (она назвала свой банк Максин и та проверила) были перечислены на ее банковский счет на следующий день.

— Что ты собираешься делать? — снова спросила Максин, когда они закрывали магазин «Flash and Dazzle».

— Я не знаю, — снова прошептала Лили, и она действительно не знала, что ей

предпринять.

— Прелестно..., — осторожно сказала Максин.

— Мне кажется, от всего этого у меня начнется головная боль.

Это было правдой. Хотя боль еще не напоминала одну из ее мигреней, но голова действительно как будто начинала болеть от всех этих дум. Она почувствовала себя плохо от своей уловки, но решила, что Максин очень хотела, чтобы она была счастлива и не была такой одинокой. И ей помогало то, что Лили была *безумно красивая*, словно ожившая героиня любовного романа.

И в этот момент, она не могла больше с ней ничего обсуждать.

От одной мысли, что у Лили началась головная боль, Максин тут же отступила:

— Езжай домой, прими хорошую ванну и не думать об этом.

Максин поцеловала ее в щеку, села в свой крошечный старый Мини розового цвета, с которым она отказалась расстаться, хотя этот драндулет был намного хуже, чем ее Пежо, и уехала.

Лили тоже пошла домой, стараясь не думать об «этом», но это было невозможно.

Как Максин и сказала она приняла ванну, где позволила своим мыслям и заботам накинуться на ее мозг.

И она приняла решение. Это заняло меньше времени, чем она ожидала, но опять же, там и принимать было нечего.

Выходить или не выходить замуж за Нейта.

Было всего лишь два варианта и только один, который бы ее устроил.

Фазир, который пребывал в тумане счастья от действий, которые произвел Нейт (он не знал о деньгах, и Лили не собиралась говорить ему об этом), сделал рыбные котлеты и гороховое пюре на ужин, любимое Таш, хотя Лили ненавидела его, если честно.

После ужина Лили поднялась вверх в неприглядную комнату, где находился ее компьютер. У нее была мечта, когда она покупала этот дом, сделать эту комнату своим кабинетом, где она могла бы писать свои романы. Комната находилась в задней части дома и выходила на великолепный канал, причал, холм и остров и, конечно, побережье Уэльса.

Однако, комната до сих пор оставалась неприглядной со старым запятнанным ковром на полу и трещинах на стенах. Она не была похожа на место, которое могло бы вдохновить на гениальный роман, рассказывающий историю о вдовах, потерявших своих мужей на войне, и джиннах, о прекрасных известных фотографах женщинах и их отношениях, верных любимых.

Она включила компьютер, вышла в Интернет, нашла расписание электричек до Лондона и спланировала свою завтрашнюю поездку. Какое-то время у нее заняло оплата счетов и различная бумажная волокита, просто, чтобы занять свои мысли и не думать о том, что она собиралась сделать.

Когда она фактически все переделала и разобрала, ей уже не было причин отодвигать звонок Алистеру, она набрала его домашний номер (он еще тогда сказал ей, что она может ему звонить).

— Ты в своем уме? — завопил он, когда она сообщила ему о своем решении.

— Алистер, я думаю о Таш.

— Выходи за меня, — сразу вставил он.

Второй раз за два дня ей предлагали замуж, она резко выдохнула, у нее вышел весь воздух, хотя ее и не ударили.

Словно то, что предложил Алистер не было настоящим безумием (она едва ли его знала!).

— Если ты хочешь стабильности для Наташи, тогда выходи за меня замуж. У меня нет такого количества денег, сколько у МакАллистера, но я хочу детей, и вы обе будете хорошо обеспечены. И хрен знает, но не будет никакого адского способа, я никогда не отпущу тебя.

Она молчала. Она не знала, что сказать, тогда недавно он сам пригласил ее на свидание, но сейчас это было все просто смешным.

— Алистер, Нейт ее отец, — напомнила ему Лили.

— Два посещения, и ты уже готова вернуться к нему, — резко вставил Алистер.

От его слов она резко вздохнула.

— Я, оплачиваю твои счета, но ты не имеешь права говорить со мной в таком тоне, — тихо сказала она.

— Лили, я сидел и слушал твою историю, и слышал то, что он совершил, что он сдался и через что тебе пришлось пройти, через... — он умолк, не в силах продолжать. Затем он сказал: — Подумай об этом, Лили, просто подумай. Я говорю совершенно серьезно.

Его тон действительно был очень *серьезным* и это не вызывало сомнений.

Затем он повесил трубку.

Решительно завершив *этот* разговор и пытаясь его слишком глубоко не анализировать, она позвонила Максину и рассказала ей *свой* план, немного волнуясь по поводу ее мнения.

Алистер был адвокатом и у него однозначно была голова на плечах, и несмотря на это он выпалил предложение руки и сердца. У Максина был характер, и она могла приложить так, что мало не покажется.

Но то, что сказала Максина, ее все-таки *удивило*.

— Я думаю, что это мудрое решение, — мягко ответила она без намека на драму.

Лили вздохнула с облегчением потом призналась:

— Мне кажется, я схожу с ума.

— Что бы ни случилось в жизни, Лили, у тебя всегда будет Таш, у тебя всегда будет Фази́р и у тебя всегда буду я, — ответила Максина.

Лили кивнула, ее сердце застряло прямо в горле, поэтому она ничего не могла ответить, несмотря на то, что что-то должна была сказать.

Максин, конечно же не увидела ее кивка, но поняла, что она так сделала.

— Я заменю тебя в магазине завтра.

— Спасибо, Максина, — прошептала она.

— Все будет хорошо, красавица, — ответила Максина. — На этот раз, я думаю, что все будет хорошо.

Головная боль, которая прошла в ванной, теперь вернулась с удвоенной силой, поэтому Лили рано пошла спать. Она сделала это еще и потому, что ей не хотелось рассказывать Фази́ру свой план. Он начнет парить в воздухе, говорить высокопарные фразы, кидать ей в лицо серьезные заявления или, возможно, даже угрожать, но ей было не до этого.

На следующее утро она делала все, как обычно. Уже подходило время к концу школьных занятий, у Таш должны были скоро начаться летние каникулы. Фази́р повел ее в школу, так он всегда делал, когда Лили нужно было идти в магазин рано утром, именно это она им и сообщила сегодня, поэтому смотрела им вслед.

Затем она кинулась обратно в дом, у нее не было времени переодеться и менять платье, которое она надела специально, чтобы Фази́р и Таш решили, что она собирается на

работу. Она бы предпочла надеть что-то более деловое и официальное, типа костюма, но у нее был только один костюм, который она уже одевала тогда в первый раз, когда встречалась с адвокатами и Нейтом, поэтому пришлось остановиться на платье.

Это платье она обычно надевала на работу, темно-малинового цвета с закрытым лифом, завышенной талией, оно плотно облегало ее тело и доходило до колен. Она носила его с обалденными босоножками на высоком каблуке с перекрещивающимися матовыми золотыми ремешками, которые ей подарила Максин год назад на день рождения. Они были удобные, но фактически она часами сидела в них за прилавком в магазине, но не пробовала ездить в них в Лондон или в любое другое место. Однако, если она сейчас не поспешит, то может опоздать на поезд.

А если она не уйдет сию же минуту, она вот-вот передумает. А если она передумает, что за мать она тогда будет?

Она решила поехать на Мерседесе, в первый раз она села в него и главным образом потому, что у нее фактически не было времени, ее Пежо просто мог не завестись. Ей необходимо было съездить в Лондон, поговорить с Нейтом и вернуться, прежде чем *кто-то* будет настолько проницательным и поймет ее план.

Ей необходимо было время и уединение, чтобы сообщить эту новость Фазиру и при этом дать понять Нейту, что Фазира останется в их семье или она не согласится.

Она даже не подумала о том насколько Мерседес отличается от ее Пежо. У нее еще будет достаточно времени, чтобы подумать о роскоши, о том, как изменилась ее жизнь и как она измениться в дальнейшем и о многом другом.

На данный момент, ей необходимо разобраться с существующей ситуацией. Ей нужно принять меры, чтобы защитить свою дочь и различные меры, чтобы защитить себя. И ей следовало это сделать как можно скорее, прежде чем она потеряет все нервные клетки.

Пока она ехала два часа на поезде, Лили задумалась о причинах, чтобы *не выходить* замуж за Нейта.

Она едва знала его.

Она скорее всего не знает его, потому что он редко что-либо рассказывал.

Он обещал ей важные вещи и отрекся от этих обещаний меньше чем через несколько недель.

Он — результат исполненного ее желания Фафиром, которое она ждала, затаив дыхание, десять лет, и которое потом превратилось в ночной кошмар и боль Фазира, а Лили никогда не хотела причинить боль Фазиру. Никогда.

У него есть сестра и брат, которые явно являются сестрой и братом самого Сатаны.

Он дал ей надежду на светлое будущее, а потом ничего не предпринял, когда все было поставлено под угрозу, и надежда просто разрушена.

Она была все еще несколько испуганна его отцовским характером.

И, наконец, было ясно, что он ожидал, что женитьба — это супружество, которое не предполагает графика посещения и тому подобное.

Тогда она решила подумать о причинах, чтобы *выйти замуж* за Нейта.

Он был отцом Наташи, и даже после всего лишь двух посещений, он обожал ее.

Каждому ребенку нужен отец.

Лили так любила своего отца, Уилла, она даже не могла выразить словами и так по нему скучала почти каждый день. Если бы у нее был шанс вернуть Уилла живым, и он мог бы дышать, ходить, говорить, она бы не задумываясь это сделала, она бы даже пожертвовала

немного собой (даже много), чтобы вернуть его.

И она сделает не меньше для Таш.

Далее, Нейт ожидал, что замужество — *это брак*, который означает на некоторое время, что Лили будет иметь вторую половинку, партнера, с кем разделит свое бремя.

И кстати были еще и другие более приятные моменты, находиться замужем... замужем за Нейтом. Этого она не могла отрицать, особенно после последних двух раз, когда они оказывались наедине, чего она очень сильно хотела.

Итак, она приняла свое решение.

И она понимала, что это ее калькуляция. Стресс и напряжение подкрадывались к ней, и она это чувствовала.

Когда поезд подъехал к Паддингтону, она почувствовала головную боль.

К счастью, головная боль была не такой сильной. Но раз она появилась, она понимала, что это значит. Но она решила не быть жертвой страха от того, что та может вернуться позднее и доведет ее до тошноты, а выпила две таблетки обезволивающих и стала молиться, чтобы ее опасения не оправдались.

Она воспользовалась драгоценными деньгами, день назад она бы не за что их не взяла, но сейчас она была на высоких каблуках и пыталась бороться с надвигающейся мигренью, поэтому поймала такси вместо того чтобы ехать в офис Нейта на метро.

Он оставил визитку Таш и попросил ее звонить, когда та захочет. Лили не знала воспользовалась ли Таш его приглашением, но она обрадовалась, что ее дочь приняла визитку. Скорее всего это был бы идеальный разговор, учитывая то, что Таш редко держала свой рот на замке, а Нейт редко вообще что-либо говорил.

Она дала водителю адрес и сосредоточилась на своей головной боли, которую пока не могла понять.

Однако, войдя через двери богатого офиса, она почувствовала поднимающуюся тошноту и попыталась побороть ее.

Она пыталась спланировать свою стратегию борьбы с мигренью, в частности ее интересовал вопрос сколько по времени займет встреча с Нейтом. Десять минут? Пятнадцать? Час? Она наделась, что не час. И она попыталась по времени оценить возможность усиливающейся мигрени, когда голова просто будет раскалываться настолько, что она не будет даже в состоянии нормально мыслить, успеет ли она добраться домой на поезде.

Боль стала усиливаться, и она решила, что может не успеть добраться на поезде. Тогда ей необходимо будет снять номер в гостинице на пару часов, чтобы просто отдохнуть, и пусть мигрень идет своим чередом. После окончания приступа она конечно же будет вялой и сама не своя, но она решила, что скорее всего ей удастся добраться до дома вовремя.

Лили не сообщила Нейту, что она собирается приехать. Она хотела, чтобы присутствовал элемент неожиданности. Она сдавала свои позиции, но ему тоже пришлось бы сдаться. Она не была дурой и не собиралась совершать одну и ту же ошибку дважды. Она не собирается переезжать из Кливдона. Если он хотел получить Таш, то ему придется переехать к ним.

Она подошла к стойке ресепшн, которая казалось находилась на очень большом расстоянии от входной двери. Стены были отделаны деревянными глянцевыми панелями, Лили подумала, что они слишком яркие сейчас для ее чувствительных глаз. Стойка была огромным полукругом из такого же дерева, за которой могло запросто уместиться пять, а то

и больше человек. Но за ней сидела одна единственная очень красивая девушка.

— Здравствуйте, — поздоровалась Лили, пытаясь игнорировать поднимающееся мерзкое чувство в желудке, — я — Лили Джейкобс мне нужно встретиться с мистером МакАллистером.

Глаза девушки просканировали с ног до головы Лили, но Лили едва ли это заметила. Она положила руку на стойку, чтобы как-то себя поддержать, потому что перед глазами стали появляться черные круги.

«Нет, нет, нет, — подумала она, — не так быстро».

Боль усиливалась, гораздо быстрее, чем обычно, скорее всего сказалось напряжение последних нескольких недель, потрясения и эмоции.

— Он ждет вас? — голос девушки ворвался в ее мысли.

— Нет, но это важно. Если он свободен, я хотела бы поговорить с ним.

Девушка задержала на Лили глаза на минуту больше и спросила:

— Вы в порядке?

С усилием Лили сосредоточила на ней свой взгляд.

— Голова болит.

Она еще раз тщательно оценивающе посмотрела на Лили и ответила:

— Я позвоню в его офис, минуточку, — у нее был добрый голос, через мгновение она продолжала: — Привет Дженнифер, здесь миссис Лили Джейкобс хочет встретиться с мистером МакАлистером. Она говорит, что ей не назначено, но это важно.

Лили больше оперлась на свою руку, почти всем своим весом, потому что поняла, что вскоре у нее не хватит сил держать себя в вертикальном положении.

Девушка ждала ответа, закрыла трубку рукой и предложила Лили:

— Почему бы вам не присесть? Дженнифер звонит ему сейчас, я... — она перестала говорить и Лили попыталась сфокусироваться на ее лице. Если она откажет, то она просто не сможет вот так уйти. Вспышки света у нее перед глазами искажали изображение, и боль в голове стала тревожно усиливаться.

У девушки округлились глаза, ее губы раздвинулись от того, какой ответ она услышала.

Лили было наплевать. Она уже ничего не собиралась делать. Ей необходимо было срочно найти какое-нибудь место, где можно лечь. Тихое, прохладное и очень, очень темное.

— Мистер МакАллистер впускается сам, — выдохнула администратор, как будто сам Господь Всемогуший спустился, чтобы пригласить ее на пикник. Она посмотрела на Лили с интересом, но ей совершенно не понравилось то, что она увидела.

— Вы *не в порядке*, — объявила она мягко и задумчиво, подскочила со стула и обошла стойку, направляясь к ней.

Лили положила обе руки на стойку регистрации и наклонила лицо, пытаясь удержать себя в таком положении, потом она опустила голову и стала глубоко дышать. Она почувствовала женскую руку на своей спине и постаралась не вздрогнуть от прикосновения, намного лучше было бы, если бы ее никто не трогал.

— Чем я могу помочь? — спросила она. — Может принести стакан воды? Давайте-ка вы сядете.

Лили кивнула, потому что сесть это было гораздо лучшей идеей. Стоять было плохо, очень, *очень плохо*.

Она не могла ничего говорить, не могла ничего ощущать вокруг, боль стреляла в левом

виске, необъяснимая, неопиcуемая, ужасная боль.

— Лили, — она услышала глубокий рокот Нейта, позвавший ее, но она не обернулась.

— Мистер МакАлистер, думаю, с ней что-то не так, — пробормотала администратор.

В ту же секунду Нейт оказался рядом с ней. Она почувствовала его, но не увидела, поскольку она сильно зажмурила глаза от боли.

— Господи, Лили, — пробормотал он, его тяжелая теплая рука опустилась ей на спину, а другой рукой он обхватил ее за талию и нежно аккуратно повернул к себе лицом.

Как только она убрала руки со стойки, то обмякла у него в руках, он напрягся от такой ее реакции, и она схватилась за пиджак у него на талии, пытаясь удержаться изо всех сил.

Он притянул ее к себе, как бы забирая на себя весь вес ее тела, другая его рука приподняла ее за подбородок.

Ничего не видя и совершенно расфокусировавшимся зрением, она смотрела в какую-то точку у него на лице.

— Нейт, мне нужно прилечь, — прошептала она.

Он передвинулся вместе с ней, и она вскрикнула. Резкие движения были очень плохо, любое движение было плохо, потому что вызывало дикую боль.

Вдруг ее руки сами собой оторвались от его костюма, он поднял ее на руки. Она положила одну — ему на грудь, другую — на плечо и склонила голову к его шее.

Это было гораздо лучше, это было намного лучшее место, чем стоять.

— Позвони Дженнифер, — рявкнул он, направляясь к выходу. В этот момент это было не так хорошо, как хотелось, поскольку он двигался, у нее вырвался тихий возглас протеста. При этом звуке, его шаги стали длиннее. — Скажи ей, чтобы ко мне в апартаменты прибыл мой врач немедленно. И я хочу, чтобы она позвонила миссис Робертс, моей матери, и сказала, что Лили здесь, и она больна.

Он куда-то шел, она не знала куда, но надеялась, что они доберутся туда в ближайшие минуты, иначе она заблудит весь прекрасный костюм Нейта.

— Лили, ты знаешь, что случилось? — спросил он.

— Головная боль, — только лишь она и смогла выговорить, причем очень-очень тихо, надеясь, что он поймет и не будет говорить так громко, или еще лучше, вообще ничего не будет говорить.

— Это не просто чертовая головная боль, — коротко ответил он, его голос был низким и звучал с беспокойством.

Она не стала отвечать, потому что он был прав, и она боялась открыть рот.

Они пришли куда-то, он поставил ее на ноги, но она не могла держаться на ногах, он опять поднял ее руки и куда-то переложил и она, наконец, блаженно села.

В машину...

В ужасе она подскочила и чуть ли не кубарем вывалилась из машины, он успел ее подхватить.

— Нет! — крикнула она и жуткая боль выстрелила ей прямо в голову, как пуля. Она содрогнулась, ее бледное лицо стало пепельно-серым.

— Лили, ради Бога, что случилось? — она подняла на него глаза, пытаясь сфокусироваться сквозь мучительную боль, Нейт не спускал с нее глаз. — Господи!

Слово отдалось взрывом у нее в голове, она опять содрогнулась от его голоса.

— Мигрень, Нейт, я не могу ездить в машине. Движение приносит мне адскую боль. Я этого не вынесу. Не могу выдержать ни одно движение. Мне нужно прилечь, сейчас, — еле

слышно сказала она, и это видно совсем истощило ее.

— Ты должна сесть в машину, дорогая, мы на парковке. Мы скоро будем дома, — заверил он ее, его голос теперь стал тихим и нежным.

— Парковка — это хорошо, — и в этот момент, только чтобы утихла боль, она бы пролежала в любом месте, причем долго, чтобы там было тихо и ей не пришлось бы больше двигаться. — Я просто полежу в машине.

Он не слушал ее, просто посадил назад в машину, осторожно, но решительно, и прежде чем она смогла что-то возразить, пристегнул ремнем. Он быстро сел на водительское сидение и рванул с места.

Нейт, как и раньше, гнали изо всех сил, быстро, но на этот раз это была необходимость. Лили наклонилась вперед, оперлась локтями на колени и обхватила голову руками, чтобы держать ее неподвижно.

И в конце, Лили уже не могла контролировать свою боль, она причитала, мычала, стонала и издавала какие-то животные звуки, как в предсмертной агонии.

Нейт

Нейт нес Лили на руках к своему пентхаусу, все это время она прижимала с такой силой голову к его шее, что он даже чувствовал, как бьется ее пульс.

И она не переставала издавать эти ужасные звуки.

Двери лифта открылись на верхнем этаже, его этаже, он владел им полностью.

Словно услышав звук подъезжающего лифта в небольшом, но роскошном холле, как только открылись двери, его поджидала Лаура. Как только она увидела их, или вернее услышала Лили, у нее отлила вся кровь от лица.

— Боже мой, — выдохнула Лаура.

Недолго думая, Нейт прошел вперед через холл, гостиную, по коридору, прямо к себе в спальню. У кровати он поставил Лили на ноги, но прижал ее к себе, что она всем весом чуть ли не легла на него.

— Что случилось? — спросила Лаура, но Нейт не ответил, он смотрел на Лили, она жмурилась.

— Не нужно света, — с трудом прошептала она.

Нейт сразу же приказал матери:

— Закрой шторы.

— Прости? — спросила Лаура.

— Шторы! — рявкнул он, нетерпеливо и резко.

Лаура побежала к окнам, Нейт стал расстегивать молнию сзади у Лили на платье, приподнимая его аккуратно.

— Что мы можем сделать? — мягко спросил он Лили.

— Не нужно света, — повторила она, он осторожно приподнял низ платья к бедрам. Она поняла, что он пытается сделать и подняла руки, но он заметил, что движение потребовало от нее огромных усилий. — Никакого шума. От шума начинается боль. Прохладная, влажная фланель, — закончила она.

В комнате потемнело, Лаура закрыла шторы на окнах от пола до потолка, которые занимали одну стену комнаты. Затем она бросилась к ним назад, пока Нейт снимал с Лили платье, все время поддерживая ее вес своим телом.

— Я принесу что-нибудь, чтобы она смогла надеть, — предложила Лаура, забрав у него платье и бросив его в конец кровати.

— Не нужно одежды. Не смогу в ней! — пробормотала Лили, и руки Нейта переместились к застежке ее лифчика, ловко расстегнули, Лаура решила отказаться от своего предложения и наклонилась вперед, откинув одеяло на кровати.

Нейт стянул лямки бюстгальтера у нее с плеч.

— Принеси прохладную мокрую фланель, — приказал он своей матери, и Лаура побежала в ванную.

Он положил Лили на кровать и начал снимать ее туфли, которые с досадой подумал он, несмотря на то, что были очень сексуальными, могли запросто использоваться банками, сохраняя деньги в безопасности, развязать эти ремешки было фактически невозможно. Когда он все-таки с ними справился и опустил их на пол, накрыв Лили одеялом.

— У тебя есть какие-нибудь лекарства? — спросил он.

Она покачала головой и поежилась, затем вжалась в подушку также, как прижималась к его шее, пока он нес ее к пентхаусу.

— Ничего не помогает, — ответила она.

— Доктор сейчас приедет, — сказал Нейт, он сел на край кровати и аккуратно убрал ей волосы с лица.

— Он не поможет, — пробормотала она.

Он почувствовал ярость от своего бессилия, нахлынувшую на него. Он смутно понимал сейчас, что это могло быть, а не когда она беспомощно склонилась у стойки регистрации.

Он с трудом пытался контролировать свое раздражение.

— Лили, скажи мне, что я могу сделать, — убеждал он.

— Ты уже сделал, — прошептала она, вжимая поглубже голову в подушки.

Лаура вернулась в комнату и протянула фланель Нейту, он сложил ее пополам и прижал ко лбу Лили, она громко выдохнула, но на этот раз не от боли.

— Да, — произнесла она с облегчением, словно он протянул ей эликсир жизни. Она подняла руку и надавила на фланель с такой силой, что ее пальцы аж побелели.

В дверь позвонили, и Лаура прошептала:

— Я открою.

Как только Лаура ушла, Лили прошептала:

— Позвони Фазиру, пожалуйста.

— Конечно, — спокойно заверил ее Нейт.

— Скажи ему, чтобы он не приезжал.

Нейт не ответил.

— Он захочет приехать, но ты скажи, что позаботишься обо мне, — она открыла глаза и посмотрела на него, но не повернула головы. — Скажи ему, что *Я* так сказала.

Нейт должен был как-то отреагировать на важность ее слов, но в тот момент он не мог. В комнату вошел его личный врач, доктор Симс вместе с Лаурой.

Лили закрыла глаза, Нейт поднялся с кровати, чтобы врач мог подойти к ней поближе.

— Что случилось? — спросил доктор Симс.

— Она говорит, что это мигрень, — резко ответил Нейт.

— Она у нее часто? — спросил врач.

Нейт не мог ответить, потому что не знал. И это только увеличило его ярость, которая поднялась на ступеньку выше. Если бы те восемь лет они жили бы вместе, он бы знал.

— Да, — ответила Лили.

— Как часто? — мягко спросил ее доктор Симс, слушая ее пульс.

— Не очень.

— Знаете ли вы свои триггеры? — спросил он, тихим и мягким голосом. (*Триггер — причина, автоматическим запускающая весь процесс. — прим. пер.*)

— Стресс, — ответила она, и к ярости Нейта сразу же примешалось чувство вины, но при этом раздражение поднялось еще на одну ступеньку выше, — иногда мой цикл.

— Что сейчас с циклом? — спросил доктор Симс.

— Идет, но боль появляется перед ним, — ответила она.

— Позвольте я вас осмотрю, — доктор взглянул на Нейта, а потом на Лауру, давая понять, что они должны покинуть комнату.

— Я не уйду, — твердо заявил Нейт.

Доктор Симс отошел и жестом пригласил Нейта следовать за собой, он остановился, не доходя до двери спальни.

— Страдающим мигренью нужна полная тишина, темнота и покой. Я дам ей таблетку, чтобы она смогла уснуть. Мы поговорим не здесь, сейчас она нуждается в том, чтобы ее оставили в покое и ей необходимо поспать. Это лучше всего, иногда только это и помогает.

Нейт посмотрел на Лили все еще сильно прижимающую фланель ко лбу, а затем бросил взгляд на врача.

Только лишь, чтобы помочь ей, он молча кивнул и вышел из комнаты.

В гостиной Лаура собирала свои вещи, когда вошел Нейт.

— Я пройду по магазинам, куплю ей ночную сорочку и белье на смену... — Лаура чувствовала, что ей нужно что-то делать, а поскольку дел здесь у нее особенно не было, она решила занять себя другими делами.

Нейт остановил ее.

— Мне необходимо, чтобы ты позвонила Фазиру. Скажи ему, что она находится здесь и ей не очень хорошо. Скажи ему, что я позабочусь о ней. Пожалуйста, скажи ему, что так сказала Лили.

При словах «мне необходимо, чтобы ты...», голова Лауры резко дернулась в его сторону. При слове «пожалуйста» ее лицо растаяло и на глазах стали появляться слезы.

Нейт никогда не позволял себе говорить с ней таким тоном, никогда. И «пожалуйста» он редко говорит кому-либо.

Она тут же уронила свою сумку и бросилась на кухню, сказав:

— Я сделаю это прямо сейчас, — затем остановилась и повернулась к нему. — А какой номер?

Он улыбнулся своей матери с чувством огромной благодарности, что она оказалась здесь, когда он так нуждался в ней, воюя со своей яростью из-за того, что происходило с Лили. Нейт продиктовал ей номер, по которому он звонил всего лишь один раз, но, как обычно, запомнил.

Она пробормотала что-то в ответ и побежала на кухню.

Нейт направился к бару, но остановил себя, хотя выпить ему было просто необходимо, потому что он не мог выкинуть из головы бесконечно повторяющиеся жуткие звуки, которые издавала Лили, но он не мог потерять контроль над своей яростью из-за своего чувства бессилия. Он не привык испытывать такое чувство, и оно ему очень сильно не нравилось.

Но он не мог пить. Еще не было и полудня, кроме того, он может понадобится Лили.

Лаура вернулась в комнату.

— Фазир сказал, что он хочет, чтобы Лили сама ему позвонила, когда ей станет лучше. Он просил передать, что позаботится о Наташе. И он хотел узнать, зачем она приехала сюда, — сообщила она.

Нейт прошелся рукой по волосам, спустившись на шею, чуть-чуть сжав, чтобы снять напряжение.

— Я понятия не имею, зачем она приехала. Она зашла в мой офис, а когда я спустился к стойке регистрации, то она с трудом могла стоять на ногах.

Как только его секретарша сообщила ему, что Лили Джейкобс ожидает его у стойки регистрации, он тут же подумал, что это хороший знак. Она была непреклонна последнее время и утверждала, что им следует общаться через своих адвокатов. Ее адвокат был просто питбулем, выдвигая постоянные требования и даже угрозы, и Нейту было сказано в

недвусмысленных выражениях (через его собственные адвокатов, конечно) держаться подальше от Лили.

Нейт это просто проигнорировал.

И то, что Лили прибыла в Лондон, для него было неожиданным сюрпризом.

Он знал, что пробьет ее оборону с первого дня, как увидел ее. Она ответила ему на поцелуй, и более того, Таш была слишком захватывающей в своих разговорах.

Он также знал от Таш, которая многое рассказала, о чем говорила ее мать, говоря ей о нем, тоскую по «мертвому» Нейту в течение многих лет.

И наконец, Нейт точно знал, что она растворилась в нем полностью, когда последний раз они были вместе. Несмотря на то, что она была так зла и пыталась не чувствовать *ничего*, но...

Нейт знал немало о гневе. Здесь присутствовал либо характер, либо эмоции. В Лили не было ничего, что могло бы воспроизводить ее гнев. Ее гнев был явно эмоциональным, что-то глубоко внутри подстегивало его. И именно это что-то заставило ее отреагировать на его поцелуй, его прикосновения, в ее знакомой несдержанной манере.

Чтобы это не было, в тот момент Нейту было все равно.

Нейт мог преодолеть все.

Кроме того, достаточной ей было просто взглянуть в счастливое, святящееся надеждой лицо их дочери, и она согласилась пойти на семейный ужин. Он знал еще восемь лет назад, что Лили никогда не разрушит и не разобьет семью, и он делал ставку именно на это, потому что это в ней осталось неизменным.

Когда его секретарь сказала, что Лили находится внизу, он, не теряя времени, направился к ней. Но на данный момент причина ее визита так и осталась все еще тайной.

Это может быть «да», а может быть и «нет». Он рассчитывал на «да».

Он опустил руку и стряхнул с себя мысли. Нейт понимал, что достаточно скоро он все узнает, а Нейт был терпеливым человеком, он умел выжидать.

Он наблюдал, как Лаура взглянула на коридор, который вел в его спальню, потом снова посмотрела на Нейта.

— Думаешь, Наташа видела ее такой? — тихо спросила она.

Нейт подумал про тот слой тефлона, который Лили кропотливо создала вокруг Наташи, чтобы отогнать все, что могло бы повлиять на приподнятое настроение ее дочери. У них были крохи, но Наташа ни в чем не нуждалась и никак не ущемлялась ее личность, она и понятия не имела как борется ее мать и чем жертвует.

Он серьезно сомневался, что Лили могла подвергнуть этому Наташу, которая вдруг стала бы свидетелем ее приступов.

Он отрицательно покачал головой, отвечая своей матери.

Доктор вошел в комнату и направился к ним.

— Как она? — с беспокойством спросила Лаура.

— Я дал ей успокоительное. К сожалению, не так много я могу сделать, кроме как ждать, когда это пройдет само. Она говорит, что у нее все проходит после сна. Сон убирает боль.

— Я проверю ее, — Лаура двинулись к коридору, но доктор ее остановил.

— Нет, не стоит. Ей нужен покой и больше всего нужна тишина. Она должна бороться с этим сама. Она сказала, ей просто нужно поспать.

— Чем это вызвано? — спросила Лаура.

— Различными вещами, — он укладывал свою сумку, поскольку был вызван от огромной очереди из пациентов, которые ждали его в офисе. Тем не менее, когда Нейт МакАллистер вызывал кого-то, то все мгновенно старались выполнить его приказы, даже врачи-терапевты.

Лаура озабоченно поинтересовалась:

— Это... это может быть чем-то серьезным? Что-то...

— Миссис Робертс, вполне вероятно, ничего серьезного, — заверил доктор Симс. — Она сказала, что страдает этим с детства. Если вы беспокоитесь, отведите ее к невропатологу и сделайте МРТ.

Нейт заговорил впервые с тех пор, как доктор вошел в комнату.

— Распорядитесь об этом.

Доктор Симс перевел удивленный взгляд на Нейта.

— Простите?

— Запишите ее к невропатологу, — приказал он.

— Она, наверное, уже посещала. Иногда боль упряма, и врачи не могут многое сказать вам об этом. Она, очевидно, знает свои триггеры и как с ними справляться.

— Сделайте это, — отрезал Нейт.

Взглянув на жесткое лицо Нейта, доктор Симс молча кивнул.

— Завтра, — потребовал Нейт.

— Конечно, — врач закончил паковать сумку, — девушка будет в порядке через несколько часов. Если что-нибудь случится, позвоните мне.

Потом он ушел.

Лаура взяла свою сумочку, забирая также свои вещи.

— Я сделаю кое-какие покупки. Она должна остаться с тобой на сегодня, — решительно сказала Лаура. — Я прослежу, чтобы ей было комфортно.

Мать подошла к Нейту и поцеловала его в щеку, а затем тоже ушла.

После ухода всех, Нейт понял, что у него есть время подумать.

Однако Нейт не хотел думать. Он не хотел думать о спящей Лили, которая до этого сражалась с болью в его постели. Он не хотел думать о страданиях Лили, которые испытывала снова и снова с тех самых пор, как была еще ребенком. Он не хотел думать, как мало он знает о ней, хотя он помнил даже самые малейшие детали, которыми она делилась с ним.

Поэтому, он не стал думать об этом.

Он позвонил в свой офис и попросил доставить курьером к нему необходимые документы, но при этом сказал, чтобы ни в коем случае не звонили в дверь. Он снял пиджак и галстук, расстегнул верхние пуговицы на рубашке. Он дважды проверил спокойную Лили, к счастью, она тихо спала. Потом вернулась его мать через несколько часов с существенным количеством глянцевого пакетов, словно Лили собиралась остаться на месяц, а не на одну ночь.

Нейт работал и ждал, храня абсолютное молчание, при этом осознанно контролируя свою ярость.

Несколько часов спустя, он отошел от обеденного стола, где устроил свой временный офис, а не в своем кабинете, который находился в противоположной стороне пентхауса и был слишком далеко от Лили. Он вошел в спальню, чтобы взять сменную одежду, надеясь, что своим шумом не потревожит сон Лили.

В дверях он остановился, кровать была пуста. Лили исчезла.

Он замер и странное чувство тревоги возникло у него где-то глубоко внутри, хотя он был уверен, что она не могла уйти на самом деле.

Затем он услышал шорох и повернулся.

Она была одета в халат и стояла в дверях ванной комнаты. Она стояла, держась за дверной косяк, поставив одну ступню на другую.

Он вспомнил эту картину, она стояла ровно так же, как и восемь лет назад. Нейт вспомнил ту их первую ночь, проведенную вместе, и эти воспоминания возвращались к нему снова и снова на протяжении всех этих лет.

И боль от этой картины резанула по нему. Если Лили прибыла в Лондон, чтобы сказать ему «нет», то он оставит ее именно такой в памяти, чтобы добавить еще один образ к тем ужасным мучительным воспоминаниям.

Решительно, он отбросил эту мысль как можно дальше.

— Ты чувствуешь себя лучше? — спросил он тихо.

Она кивнула, оттолкнулась от дверного проема и подошла к кровати.

Он направился к ней, спрашивая:

— Боль ушла?

— Да. Я просто всегда немного странно чувствую себя после этого. Обессиленно, но могу двигаться. Не знаю, у меня такое состояние, как будто я побывала в какой-то битве.

Она остановилась у кровати и схватилась за свое платье. Он остановил ее, мягко забирая из ее рук платье.

— Ты и должна, — заявил он как само собой разумеющееся.

Она наблюдала за своим платьем, которое он вытаскивал у нее, и подняла на него глаза.

— Я не должна. Нет ничего страшного, это просто головная боль, — она пыталась сделать вид, как будто ничего не случилось.

Нейт никогда ничего не забывал, но даже если бы у него появилась такая роскошь и он смог бы забыть, то все равно, он никогда не забудет те ужасные звуки, которые она издавала.

— Поверь мне, ты должна. Я видел, что ты делала.

Явно не желая спорить, она сменила тему и тихо спросила:

— Можно мне взять мое платье, пожалуйста?

Он отбросил его на кровать, намеренно подальше от нее. Она наблюдала, как оно приземлилось, и промолчала. Именно тогда Нейт отметил про себя, что выглядит она немного растерянной.

— Лаура купила тебе ночную сорочку, но все сумки находятся в другой комнате, и я не знаю, как из двадцати сумок определить ту, где она лежит, — сказал он ей.

Призрак ее необычной улыбки заиграл на губах, и Нейт отметил это, его тело мгновенно отреагировало на эту сладкую и знакомую улыбку.

— Лаура любит ходить по магазинам, не так ли? — прошептала Лили как бы сама себе с любовью.

Она не ждала ответа на свой вопрос, и Нейт больше не в состоянии контролировать себя, осторожно притянул ее к себе и обнял.

Она запрокинула голову назад, не сопротивлялась его объятиям, наоборот, опустила руки на его плечи.

— С тобой все в порядке? — спросила она, пристально вглядываясь в него в темной комнате.

— Нет, я не в порядке, — он даже сам удивился своей честности.

Она резко вздохнула и спросила:

— А что случилось? Таш? Фазир?

Он прервал ее.

— Это ты.

— Я? — ее глаза расширились.

От его ответа, он издал низкий смех, который заставил ее придвинуться к нему поближе, она с беспокойством стала смотреть на него.

— Нейт?

— Почему ты здесь? — спросил он вдруг.

Она не успевала за ним, и совершенно запуталась.

— Здесь?

— В Лондоне, зачем ты приехала ко мне?

Снова у нее на лице отобразились другие эмоции, скорее всего печаль.

— Нейт, мне кажется, ты меняешь тему, — ее голос был настолько тихим, что, если бы она не была в его объятиях, он не услышал бы ее.

Он ничего не ответил.

— Ты сказал, что не в порядке, — напомнила она ему. — Почему не в порядке?

Он по-прежнему молчал, что-то его останавливало. Он не знал, что именно, но как бы там ни было всегда останавливало и мешало ему говорить, мешало позволить кому-то подобраться к нему слишком близко, мешало доверить свои мысли и чувства, которые показали бы его.

Даже Лили.

Она ждала, ее терпение стало сходить на нет, пока она наблюдала за ним в молчании.

Затем она взорвалась:

— Черт возьми, Нейт, поговори со мной! В чем дело?

Ее окрик внезапно такой громкий после того, как он с трепетом относился к тишине, потому что любой звук мог усилить ее боль, не говоря уже о том, что он чувствовал в самом начале, пока вез ее в машине и потом, когда нес на руках домой, ему казалось, что она может разбиться на миллион маленьких осколков и он потеряет ее, и на этот раз навсегда, он быстро произнес:

— Ты напугала меня до чертиков.

Ее лицо снова изменилось, она поняла, что он имел ввиду, и не отстранилась от него, хотя он решил, что от его признания, она обязательно отстранится, наоборот, ее пальцы успокаивающе поглаживали его руку.

— Ох, Нейт, это всего лишь головная боль, — прошептала Лили.

— Прекрати так говорить, Лили, это не просто головная боль. Я никогда не видел ничего подобного в своей жизни.

Она, к полному его удивлению, пыталась поддразнить его.

— Возможно ты вел очень уединенный образ жизни.

— Нет, Лили, я не вел уединенный образ жизни, — мгновенно ответил Нейт, резко с нажимом произнося каждое слово, она сразу же поняла свою ошибку, но он не позволил ей вставить хотя бы слово в попытке ему возразить, просто сообщил ей:

— Завтра ты записана на прием к невропатологу.

— Я записана? — на этот раз у нее на лице отразилось удивление.

И до него вдруг дошла мысль, хотя и запоздалая, что ее лицо стало снова выразительным. Она опустила свою оборону, находясь в его объятиях, слегка прижимаясь к его телу и не предпринимала попыток отстраниться.

Она разговаривала с ним и при этом ни разу не упомянула Алистера.

Он крепче прижал ее к себе, притянув еще ближе к своему телу.

— Да, и ты пойдешь, — мягко сказал он, предчувствуя причину, по которой она приехала сюда.

— Зачем? Они ничем не смогут помочь. Я была у врачей, — ответила она ему.

— Не спорь со мной, — возразил он.

— Нет...

— Сделай это ради Таши, — пробормотал он, поднимая руку и убирая тяжелую прядь волос ей за ухо.

— Мне не надо это, Нет. У меня головные боли с тех пор, как я была еще маленькой девочкой. Они стали появляться чаще, как только у меня начались месячные. Каждый месяц до моего цикла и каждый раз, когда я сильно нервничаю.

— Лили?

— Да?

— Разговор окончен, — категорически заявил он.

Она посмотрела на него и на ее прекрасном лице отразился бунтарский дух, и он понял насколько сильно скучал по ней.

Он знал, что скучал, поскольку понял это за последнюю пару недель, сколько времени он прожил, скучая и тоскую без нее.

Но теперь, когда она вернулась, и была той настоящей Лили с ее смешной улыбкой, с лицом, на котором отображалось все, что она думала еще до того, как собиралась это озвучить, он почувствовал ее потерю, как удар в поддых.

И ее возвращение было настоящим благословением.

Он наклонил голову, опуская свои губы на ее, она только слегка замерла в его объятиях.

Прогресс.

— Давай поговорим о том, зачем ты приехала в Лондон, — предложил он тоном, которым больше походил на что угодно, но только не предложение к сотрудничеству.

— Можно я оденусь?

— Нет.

Она ахнула.

Затем спустя мгновение вздохнула.

— Можем мы перейти в другую комнату? — спросила она, насупившись.

— Нет.

— Нет...

— Теперь *ты* увиливаешь от ответа.

Она поджала губы и посмотрела в другую сторону.

Его остаточная ярость от его неспособности помочь, столкнувшись лицом к лицу с ее болью, покидала его, он чувствовал победу.

— Прежде чем я скажу то, что я собираюсь сказать, — ее глаза вернулись к нему, а руки стали беспокойно елозить по его груди, — мне нужно предупредить тебя, что у меня есть определенные условия.

Он осторожно взял ее за запястья и понял руки ей за спину, полностью прижавшись к ее

мягкому телу.

— Нейт! — воскликнула она.

— Просто скажи, что ты хотела сказать, Лили.

— Отпусти мои руки.

Она явно избегала предстоящую тему.

— Ты бесконечно елозила ими, — сообщил он.

— И что?

— Это отвлекает.

— Поверь мне, тебе все равно придется выслушать, что я скажу.

— Это не меня отвлекает, а тебя.

Ее голова резко дернулась в сторону, она посмотрела на него мгновение, а затем своеобразная улыбка заиграла у нее на губах, но она так и не превратилась в полную коронную улыбку Лили.

— Ты слишком уж проницателен, — проворчала она, но в голосе послышались нотки восхищения, в любой другой момент Нейт бы позволил себе почувствовать удовлетворение.

Но только не в данный момент, потому что данный момент был слишком драгоценным для него, и он не мог позволить своему разуму блуждать где-то там, вдали от Лили.

— Лили, — его голос прозвучал предупреждающе.

— Что? — спросила она.

— Ты хотела что-то сказать? — подсказал он.

— Ладно, хорошо, — пробормотала она и замолчала.

Он ждал. Она молча стояла.

Он ждал. Она прикусила нижнюю губу и отвела глаза в сторону.

Он ждал. Она скользнула глазами по нему, открыла рот и снова закрыла.

— Лили, — повторил Нейт, но ничего не мог с собой поделать, его тело начало сотрясаться от смеха.

— Ты смеешься? — проворчала она, тут же перескакивая на другую тему, чтобы улизнуть от той, которую она так тщательно избегала.

Он отпустил ее запястья и обнял ее за талию, прижимая ближе к себе, наклонил голову и зарылся лицом в ее душистые волосы.

— Просто скажи мне, ты выйдешь за меня замуж? — спросил он, уткнувшись ей в шею, его голос был полон веселья, и его тело тряслось от хохота вместе с ней, и какое-то близкое ощущение появилось у него в груди, такое же, когда его дочь впервые обняла его.

— Я выйду за тебя замуж, — прошептала она и крепко обняла его руками, он ответил ей железными объятиями.

И что-то сильное, природное вздымалось у него внутри, громадное, глубокое и невероятно приятное. Намного лучше, чем самый сильный оргазм, который у него был (оргазм с Лили, который он отчетливо запомнил на пятый раз, когда они занимались любовью).

— Но у меня есть условия, — сказала она ему.

Он поднял голову и пристально посмотрел ей в глаза, решив для себя, что готов пойти на что угодно. Почти.

— Мы не будем переезжать в Лондон, — заявила она, — тебе придется переехать в наш дом в Клеведоне.

Недолго думая, Нейт ответил:

— Согласен.

Лили была удивлена тем, что он так быстро согласился, она растерялась от этого, но потом тут же быстро взяла себя в руки.

— И ты должен признать Фазира и относиться к нему хорошо, несмотря ни на что.

На этот раз он замешкался, и она уже было открыла рот, собираясь что-то сказать, но он опередил ее:

— Хорошо.

— И он будет жить с нами.

Нейт кивнул. Он готов принять ее давнего друга семьи Фазира. Он готов был принять даже всю британскую армию и даже, если бы она сказала, что они тоже будут жить в этом доме в гостиной, он готов был принять кого угодно, лишь бы это означало, что она будет в его постели и его дочь будет находиться в этом же доме.

— Договорились? — спросила она.

— Согласен, — ответил он.

— И, если что-нибудь со мной случится, Фафир останется с Таш так долго, как Таш того пожелает.

Нейт пристально посмотрел на нее. Он находил такое замечание несколько странным, как будто Фафир обладал чем-то, но внимательно посмотрев на эмоции, отразившиеся у нее на лице, Нейт понял, что для нее это важно, и он кивнул.

Она расслабилась у него в руках, он это тут же почувствовал.

— И это все? — поинтересовался он, скрывая свое облегчение. Она могла бы попросить у него намного больше, гораздо больше — бриллианты и жемчуга, поездки на курорты для ограниченной части сливок общества, горное шале в Альпах.

Но она даже об этом не заикнулась, просто молча кивнула.

— Сейчас мы обсудим мое условие, — сказал он.

Лили тут же напряглась снова.

— Какие условия?

— Не условия, а условие, — поправил ее Нейт, — у меня только одно условие.

Она посмотрела на него сузив глаза, но в них было любопытство.

Нейт продолжил:

— Больше никаких детей. Если ты хочешь еще одного ребенка, мы усыновим его.

Ее глаза мгновенно снова широко распахнулись.

— Нейт, это была просто неблагополучная беременность. Нет никаких противопоказаний, я могу...

Он остановил ее тут же.

— Просто неудачная беременность, как твоя мигрень или просто головная боль?

Она замолчала и поджала губы.

Затем он вдруг спросил:

— Ты принимаешь противозачаточные?

— Нет.

Это заявление его потрясло.

— Ты пользуешься чем-то другим, чтобы не забеременеть?

Она начала поеживаться в его руках и смотреть более чем сконфуженно.

Но его меньше всего сейчас волновал ее дискомфорт.

— Ответь мне, Лили, — потребовал Нейт, чуть-чуть ее встряхнув.

— Нет.

— Почему нет, черт возьми? — рявкнул он.

Она пристально посмотрела на него, но не произнесла ни слова.

— Ответь мне, — Нейт уже начинал злиться.

Она окончила Оксфорд, ради всего святого, она же была не глупой. Она чуть не умерла во время беременности, черт возьми, она даже умерла, испытав клиническую смерть. Она должна научиться сама о себе заботиться и защищать себя в этом вопросе.

Он ненавидел саму идею, что какой-то другой мужчина мог дотрагиваться до нее, особенно, если учесть, что она была девственницей и принадлежала тогда только ему. Но несмотря на то насколько он ненавидел эту идею, он принял решение теперь вообще не думать об этом, поскольку она вернулась, и Наташа была его дочкой, и ему теперь нужно сосредоточиться на их будущем.

— Они предохранялись? — спросил он, не испытывая большого восторга говорить о ее любовниках, но он должен был знать.

Естественно он восемь лет назад вообще не рассматривал контрацептивы за то краткое время, которое они провели вместе, потому что у него была определенная цель, но за эти годы он вполне мог точно предположить, что она многому научилась.

— Кто? — поинтересовалась она в недоумении взглянув на него.

— Мужчины, с которыми ты была.

Даже в темной комнате, он увидел, как она побледнела.

Она молчала пару секунд, а затем сказала:

— Нейт, я на самом деле не думаю, что это твое...

Он еще раз встряхнул ее и это было уже не совсем мягкое встряхивание.

— Нейт!

— Лили, ты станешь моей женой. Учитывая мое условие и нашу предстоящую свадьбу, эта тема в конце концов да всплывет.

— Я не соглашалась на твое условие, — сказала она ему.

— Ты не забеременеешь снова, — парировал он.

— На самом деле, я...

Он прервал ее.

— Мы завтра съездим к семейному врачу и что-нибудь придумаем.

Он решил таким образом закончить этот разговор. Она определенно стала более упрямой, чем была раньше, и он совершенно по-другому хотел бы провести эти минуты, гораздо более приятными способами, а не *рассуждать* о контрацепции и не *думать* о других ее любовниках.

Но видно до конца он не мог остановить себя и пробормотал:

— Это просто потрясающе, как такая образованная, как ты, может так чрезмерно глупо относиться к контрацептивам.

Она застыла в его объятиях.

— Я не глупая.

— Учитывая тот факт, что ты чуть не умерла при родах, я могу сказать, что ты явно сглупила, — Нейт быстро выстрелил в ответ, потому что тема для него была очень важной, учитывая, как родилась Наташа, и его безмерно раздражала непринужденность и легкость Лили в этом вопросе, поэтому он мгновенно решил, что ему понравилась идея спора по поводу контроля над рождаемостью.

— Мне навряд ли было необходимо пичкать таблетками себя или устанавливать... некий аппарат, если никто не спал со мной в моей постели! — ее глаза полыхали и румянец на щеках стал настолько ярким, что он смог увидеть его даже в темноте.

Его тело напряглась, а руки усилили свой захват вокруг Лили.

— Что ты сказала?

— Ты слышал меня.

— Хорошо, я задам другой вопрос. Что ты имела в виду?

Кажется, она на мгновение растерялась, явно ее возбуждение и восстановление от мигрени замедляли ее реакцию на происходящее.

— Ты придаешь этому слишком большое значение, ты знаешь это? — спросила она раздраженно.

— Не меняй тему и ответить на вопрос.

Она посмотрела вверх и впервые уперлась руками ему в грудь, чтобы отодвинуться.

— Это унижительно, — сказала она, глядя в потолок.

И он все понял.

Он не мог в это поверить, но он понял. Это было почти также же невероятно, как и то, что она была девственницей, когда они встретились в первый раз. В это просто было невозможно поверить.

— Не было никого другого, — заявил он, и ее глаза обратились к нему. — Да? — мягко спросил он.

Она колебалась мгновение, а потом сказала:

— Я знаю, ты считаешь меня..., ну, что я..., — она шумно и расстроено вздохнула, потом ее, как прорвало: — Да просто не было времени!

Он вдруг понял, что она попытается оправдаться, потому что считает это плохой новостью, а не даром богов, как считал он, что она вернулась, что у него есть Наташа, и самое главное, что она только что согласилась выйти за него замуж.

— Лили, — произнес он низким голосом, но она уже пустилась в объяснения.

— Всегда было что-то. Сначала Таш была слишком маленькой, я лечилась после родов и долго была просто вымотанной. Потом была работа, стирка, Таш, Фазир, проклятый *автомобиль*, который все время ломался. Я имею в виду, у меня не было *времени*.

Нейт попытался ее прервать, поэтому терпеливо повторил:

— Лили.

Она продолжала говорить.

— Нет, конечно находился кто-то. Я имею в виду, Нейт, было очень много неудачных попыток. Много. Ты даже просто не сможешь поверить.

Она подчеркивала каждое слово, он вспомнил, что она начинала так делать, когда была взволнована. Он видел перед собой Лили, не кроткую, мягкую, уставшую, а *его* Лили — энергичную и веселую.

Нейт начал беззвучно смеяться и его тело начало трястись от смеха и облегчения, от чувств, которые он испытывал, от того, что теперь он знает все и это был триумф, перемешанный с великой радостью.

— Лили, — со смехом произнес он.

Она проигнорировала его и закатила глаза к потолку.

— И некоторые вещи, которые они *говорили* были просто странными. Один парень даже сказал, что у меня прекрасное дыхание! Он подкатил ко мне, сделав комплимент по поводу

того, как я дышу. Пожалуйста, обещай мне, что ты никогда не будешь такого мне говорить, — ее взгляд вернулся к нему, поскольку она задала вопрос и хотела услышать ответ, но наконец она почувствовала, что его тело трясется от смеха и ее глаза тут же сузились. — Что смешного?

Он решил, что хватит читать ее мысли в затемненной комнате и с усилием потянул ее к окну, взяв за руку. Он раздвинул шторы, сразу же заключив ее обратно в свои объятия.

— Я спросила, что смешного? — потребовала она.

Он улыбнулся, глядя сверху-вниз на нее, ее лицо изменилось, как только она увидела его улыбку. Он заметил, что у нее на лице еще остался отпечаток той «другой» Лили, но, когда она смотрела на него у нее отображалась радость, которой становилось все больше.

— Дорогая, я ненавижу саму мысль, что ты одна с Наташей была все эти восемь лет, мне невыносима сама мысль, что с тобой рядом никого не было. Так что, надеюсь, ты простишь меня, если я скажу, что безумно рад, что ты не разделяла свое красивое тело ни с кем, кроме меня.

— Ну! — фыркнула Лили, явно в растерянности от его слов, отвернувшись, чтобы он не видел выражения ее глаз.

Он взял ее за подбородок и заметил смятение у нее во взгляде, растерянность и облегчение.

— Теперь, когда *это* вышло наружу, ты согласна на мое условие?

Она снова задумалась в замешательстве, вспоминая, о чем он говорил первоначально, поскольку пребывала еще несколько в заторможенном состоянии после последствий мигрени.

Потом выражение ее лица прояснилось.

Она глубоко вздохнула.

— Согласна, — сдалась она.

Он крепче прижал ее к себе, наклоняясь к ней.

— Если мы сможем усыновить ребенка, — остановила она его.

— Мы сможем, — сказал он напротив ее губ.

— Хорошо, — прошептала она, ее тело таяло у него в руках, и наконец, с благодарностью он поцеловал ее.

Лили

Лили проснулась в одиночестве в колоссальной кровати Нейта. Такой огромной кровати она никогда не видела за всю свою жизнь. Эта кровать была намного больше, чем та, которую он *ей купил*, а она тогда подумала, что та была самая большая кровать, которую ей доводилось видеть.

Она прислушалась к тишине огромной комнаты, задаваясь вопросом, где может быть Нейт. Она мечтательно перекатилась на свою сторону, надеясь отыскать будильник на тумбочке и увидела, что было почти девять тридцать.

Она зажмурилась и еще раз взглянула на него. За последние год она никогда столько не спала. Лили даже не предполагала, что способна столько спать, а не вскакивать, как обычно в семь часов утра.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок, лежа на мягких простынях Нейта, которые были невозможно мягкие, словно не от мира сего.

Она подумала, что если Нейту и следует где-то быть, то скорее всего на работе, как это было и раньше.

Она отбросила одеяло и направилась в ванную, думая более чем удовлетворенно о предшествующем вечере и, особенно, еще более удовлетворенно об этом утре.

Удивительно, что Нейт не занялся с ней любовью после того, как они договорились пожениться. Он наконец поцеловал ее (после того унижительного спора о контрацепции, о котором она даже не хотела вспоминать, причем никогда).

Но на этом все и закончилось.

Ну, не совсем закончилось, поскольку он целовал ее много раз на протяжении всего вечера, стоя позади, прижимая к себе и уткнувшись носом ей в шею, пока она разговаривала с Фазиром (к счастью, Фазир прекрасно знал, что она обычно немного дезориентирована после мигрени, и, наверное, поэтому не стал допытываться, почему она неожиданно оказалась у Нейта в Лондоне), а потом они вместе ели заказанную Нейтом еду, соединив вместе пальцы.

Позднее они наконец-то отправились спать, Лили надела одну из ночных сорочек, купленных Лаурой. Лаура приобрела не двадцать ночнушек, а всего три, четыре комплекта нижнего белья, два наряда, три пары обуви и две огромные сумки, полные до краев туалетно-косметическими принадлежностями, а также косметику на любой вкус. Лаура могла спокойно участвовать в Олимпийских играх по покупкам от Англии и выиграть золотую медаль, однозначно.

Оказавшись в постели, Нэйт притянул ее к себе, прижавшись к спине, обернув руку вокруг ее талии. Потом он уткнулся лицом ей в волосы, как обычно делал, и в этот момент Лили поддалась сиюминутной роскоши просто позволив себе растаять за все восемь лет.

Она замерла в кровати в ожидании. Ничего.

— Хм... Нейт? — прошептала она в темноту.

— Мм? — промурлыкал он за ее спиной еще сильнее сжимая руку вокруг ее талии.

Она не знала, что сказать, поэтому произнесла:

— Ничего.

Она поймала себя на мысли, что слегка разочарована его поведением. Затем проанализировав, она поняла, что разочарована гораздо больше. Она не то что готова была накинуться на него, просто он как бы стал частью ее семьи снова. И они только что *согласовали* свои обещания для брака. Конечно, и отпраздновать эти усилия было бы в порядке вещей.

— Ты сейчас сама не своя, — тихо сказал Нейт.

— Что? — переспросила Лили.

— Я займусь с тобой любовью, когда ты поправишься. Прямо сейчас, ты сама не своя.

— Ох, — прошептала она.

В его словах было что-то такое, что заставило ее сердце биться сильнее. Она до конца не понимала, что именно, но почувствовала, что это что-то очень важное.

— Спи, дорогая, — пробормотал он ей в волосы.

И она решила, что ей понравилось, что он называл ее дорогой. Она понимала, что ей не следует так таять от него, но это не меняло того факта, что ей понравилось.

Измученная дневными событиями, и событиями последних двух недель, очутившись в его удобной кровати, прижимаясь к его теплему телу, она провалилась в глубокий сон, которого не имела в течение многих лет.

Она проснулась, словно проспала целый год, отдохнувшая, расслабленная, довольная... и сонно позвала:

— Нейт?

По-видимому, Нейт решил, что она пришла уже в себя, он убрал свою руку с подола ее ночнушки, как только услышал ее голос, и очень лениво стал ласкать ее сосок. Он перевернул ее на спину и в одно мгновение стал для нее всем миром. Его руки, рот, язык были везде и остатки от смутного ощущения расслабленности улетучились за считанные секунды, наполнив ее загорающим горячим желанием.

Она упивалась этим, ожидая этого момента столько времени и теперь наконец-то это произошло.

В течение минуты он скинул с ее тела нечемную ночнушку, и жар пронзил ее, как ожог. Она простонала его имя, запустив руки ему в волосы, пока его губы сначала ласкали одну грудь, затем вторую, затем стали опускаться все ниже, ниже...

Потом он остановился, его голова дернулась вверх, убирая ее руки. Внезапно он скатился на бок, безмерный жар его тела оставил ее, заставив почувствовать вдруг холод.

Дезориентированная, она посмотрела на него, чтобы понять почему он остановился, и замерла, когда увидела, куда направлен его взгляд.

Нейт лежал на боку, упираясь на локоть, и его глаза были прикованы к ее животу.

Прошло восемь лет с тех пор, как кто-то видел ее обнаженной, подавшейся импульсивному желанию, нервно дрожащей от ощущений, она и забыла про все. На самом деле, она не была самой большой фанаткой своего тела, в основном просто игнорировала его, оно просто выполняло определенные функции большую часть времени и это все, что от него требовалось.

Сейчас же она почувствовала себя уязвимой и смущенной, особенно, когда он так пристально смотрел на ее живот, который не относился к ее излюбленному месту на теле, ну, не в том смысле, что у нее были какие-то излюбленные части тела.

Лицо Лили начало гореть, опустив вниз глаза, она увидела, что привлекло его внимание — шрам от кесаревого сечения Таш.

Он не казался отвратительным, но он все равно был *шрамом*, а как известно шрамы не очень привлекательны. Она увидела, как он потянулся к нему, и она схватила его в смущение за руку, прежде чем он смог прикоснуться к ней. Она хотела чем-нибудь прикрыться, но он встретился с ней взглядом.

И в этот момент его глаза просто загипнотизировали ее. Они светились какими-то эмоциями, которые она не смогла понять, но как бы там ни было, заставили ее целиком забыть все свое смущение.

— Таш? — спросил он с хрипотцой.

Она кивнула, гадая про себя, о чем он думает.

К ее удивлению он наклонил голову, и коснулся конца шрама губами, затем медленно прошелся по всей длине.

— Нейт, — прошептала она, наблюдая за его трепетным обращением, у нее вдруг выступили слезы, и сжалось горло, отчего голос стал с хриплым.

А потом она уже не могла даже думать о том, чтобы заплакать от его нежности, потому что он спускался все ниже и ниже, и его рот уже находился между ее ног, и единственное, о чем, она была в состоянии думать — что он творил с ней, заставляя ее чувствовать абсолютную красоту всего этого.

Он заставил ее кончить себе в рот и, пока она изнывала от волн удовольствия, скользящих по ее телу, он поднялся и заполнил ее. Она прокричала его имя, как только он совершенно не нежно вошел, его толчки были уверенными и сильными, контролируемые. Он словно заявлял на нее права на обладание и его рука, опустившаяся между ними, прямоком в самый высокий центр чувственности, направляла ее все выше и выше, несмотря на то, что она еще не отошла от своего первого оргазма, за которым мгновенно последовал второй.

Она задыхалась, царапая ему спину, бездумно шепча его имя между вдохами, обернув ноги вокруг его бедер, такие потрясающие ощущения снова проходили через нее, обладая им. Ей нравилось, как он врезался в нее именно так, как она и мечтала столько дней и ночей, и даже в светлое время суток.

И наконец, когда она решила, что полностью ушла в вечность, в стремительную вибрацию оргазма, он приподнял ее бедра обеими руками, и отправил ее в последний экстаз, простонав ей прямо в рот.

Лили лежала под весом тела Нейта, уткнувшегося лицом ей в шею, она с любовью обернулась руками и ногами вокруг него и разрешила себе немного порадоваться тому, что после стольких лет вернулась к ним красота такого прекрасного захватывающего чувства.

Он приподнял голову, и опустил на ее рот.

— Слаще, чем я помнил, — пробормотал он ей в губы, она почувствовала себя такой упоительно наполненной, что ей ничего не оставалось, как кивнуть.

Лили не запомнила, что он сказал ей, что он *помнил все*, поэтому понятия не имела, что означали его слова.

Это все не имело никакого значения, потому что у нее был многократный оргазм с любовником, не просто любовником, а с мужчиной ее мечты, которого она считала умершим вот уже больше восьми лет.

Она не стала анализировать важность его тихого высказывания после такого мощного оргазма.

Просто сразу же начала постепенно засыпать. Ее глаза закрылись, Нейт продолжал гладить ее волосы, убирая их с виска, у нее промелькнула мысль, что ей это так приятно.

— Лили? — услышала она его мягкий, низкий по-прежнему грубый от желания голос.

— Только на минуточку прикрою глаза, — пробормотала она слова, которые раньше всегда говорила ее бабушка Сара, перед тем как подремать. Она крепче вцепилась в него руками и ногами, он все еще лежал на ней сверху, находясь по-прежнему внутри нее, она уткнулась носом ему в шею.

Пока она засыпала, чувствовала, как тело Нейта начинает сотрясаться от внутреннего клокочущего смеха, и в любой другой раз, она нашла бы это раздражающим, но в данный момент в ней не было раздражения ни капли.

«Здесь, — подумала Лили, принимая душ в его душевой кабине, в которой запросто могло уместиться трое (или даже больше) человек, — *маленький кусочек рая*». Она мылась гелем с запахом пиона, которой ей купила Лаура, мягкой губкой, опять же которую тоже купила Лаура, она взглянула на самую современную обстановку ванной комнаты Нейта (ей потребовалось пять минут, чтобы выяснить, как включить краны в душе) и рассеянно подумала, что его ванна намного круче, чем в Наташиной спальне.

Эта окружающая обстановка высшего класса, заставила ее подумать о другом.

«*Брак с Нейтом возможно будет и не так уж плох*», — подумала Лили. Во-первых, у Наташи будет отец. Во-вторых, Наташа научиться ездить на лошади, поскольку Нейт собирался оплатить ее уроки, она скорее всего сможет накопить только на один урок к концу недели. В-третьих, возможно, просто если хотя бы представить, что это может быть возможным, он будет заботиться о них.

Конечно же он бросил все дела вчера, чтобы позаботиться о Лили. Она видела кучу бумаг, разбросанных по его большому, рассчитанному на двенадцать персон обеденному столу вчера вечером. Она могла только представить сколько стоит этот пентхаус, если он вот так запросто может отдать около четырнадцати миллионов фунтов за неделю, купив ей Мерседес и учредив трастовый фонд для Таши.

Восемь лет назад он работал по двенадцати часов в день и даже иногда совершал деловые звонки в разные временные зоны поздно вечером. Скорее всего для Нейта МакАллистера было не так легко бросить свою работу, и заняться своенравной матерью его дочери, которая неожиданно нагрянула с визитом, а затем потратит свое время ухаживая за ней, находившемся в полу-критическое положение.

Она вышла из душа и вытерлась, обернув пушистым полотенцем голову и стала просматривать различные бутылочки, которые купила ей Лаура, как минимум ей хватило бы на два года всего этого количества, даже если бы она смогла бы позволить себе такие бренды, но она явно не могла.

Пока Лили смазывала лосьоном тело и лицо, она также подумала о том, *как* Нейт вчера решительно переживал о ней. Она не думала, что его нежные слова или эмоции говорят о его сильном чувстве. Она пыталась не вспоминать о том, как он быстро нес ее к машине или клал фланель ей на лоб, или уговаривал сказать, чем он может помочь. И наконец, она старалась не думать о его признании, будучи напуганной до чертиков, и что это может значить для нее.

Они будут мужем и женой, чтобы стать матерью и отцом для Таши, целой семьей, которая у нее была в прошлом, пока Лили росла. И Лили готова была принять это с радостью, общение (если оно продлится), занятия любовью (которые всегда были очень хорошими, просто потрясающими), безопасностью (очевидно, Нейт смог бы заботиться о них в материальном плане, им скорее всего никогда не придется беспокоиться о

сломавшемся холодильнике и ломать голову, как это может отразиться на их бюджете и покупке продуктов).

Она хотела разрешить ему без сомнения присутствовать у себя в доме, в жизни, в семье и в своей кровати.

Но она пыталась при этом охранять свое сердце.

Нейт не собирался впускать ее в свое сердце, это было понятно. Она практически умоляла его признаться, что испугала его своей мигренью.

Поэтому она не хотела, *не могла* впускать его в свое сердце. Не снова.

Они оба были, подумала она, надевая один из нарядов, купленных Лаурой, незнакомцами, которые тем или иным образом в какой-то момент стали ближе, имея общую историю за плечами, только потому, что в тот момент были настолько возбужденные, настолько соединенные на какой-то всего лишь короткий промежуток времени.

Но они были по-прежнему незнакомцами друг для друга, и Лили решила помнить об этом.

Она расчесала мокрые волосы напоследок, у Нейт не было фена (увы), поправила смущенно руками, посмотрела на себя в новом наряде в зеркало.

Легкая струящаяся, многоуровневая белая юбка была настолько длинной, что почти доходила до щиколоток, с симпатичной мятно-зеленой легкой блузкой, почти прозрачной, через которую все просвечивалось. Широкий вырез на шеи опадал на ее плеч, демонстрируя нежно-зеленый топик и бюстгальтер, которые она носила под ним. Верх на талии опоясывался широкой тканью, такого же цвета, как блузка.

Лаура имела изысканный вкус. Лили старалась не заморачиваться на счет одежды, она узнала имена дизайнеров на лейблах и содрогнулась от того, сколько это может стоить. Она решила каким-то образом оплатить Лауре ее покупки и как можно быстрее. Она на самом деле не хотела быть в долгу перед Робертсами.

Лили надела золотые сандалии, которые она надевала накануне, и вышла из спальни и направилась по коридору, надеясь перекусить, чтобы подавить урчание в животе. Она задавалась вопросом доставляют ли Нейту до сих пор продукты, но и так полагала, что скорее всего да, потому что сама мысль о том, что Нейт может блуждать по рядам продуктового магазина казалась ей настолько нелепой, что заставила даже улыбнуться.

Погруженная в свои мысли по-прежнему с улыбкой на губах, она вошла в гигантскую гостиную Нейта и остановилась как вкопанная, когда увидела Нейта и Виктора, склонившего над тем гигантским столом, заваленного рабочими бумагами.

Нейт вскинул голову, как только она вошла в комнату. В руках у него был открытый файл с документами, его лицо ничего не выражало. Как только он увидел ее, его губы изогнулись в одной из самых головокружительных улыбок, которая тут же оживила одинокую гимнастку у нее в животе, потому что улыбка ей очень понравилась, и она выполнила идеальное сальто назад.

Лили проигнорировала гимнастку и ее неуместную выходку, так как во все глаза пялилась на Виктора. Он улыбался ей, гораздо больше, и его улыбка была не схематичной. Она не знала, как ей отреагировать, поэтому просто молча кивнула.

Нейт направился к ней, его длинные шаги стремительно сокращали расстояние между ними, и она отклонила назад голову, как только через несколько секунд он встал перед ней.

— Доброе утро, — сказала она, смотря на него снизу-вверх.

— Доброе, — пророкотал он низко, и наклонился, чтобы оставить короткий, но

жесткий поцелуй. Его сильная рука собственнически обосновалась у нее на талии, а она попыталась упереться ему в плечо, пытаясь отодвинуться, не желая участвовать в демонстрации чувств прямо на глазах у его отца.

Он склонил голову и полностью проигнорировал ее попытку, сильнее сжимая свою руку.

— Как ты себя чувствуешь сегодня утром? — спросил он.

— Лучше, — она посмотрела в его поблескивающие черные глаза и мгновенно поняла смысл его слов. — Хорошо, — прошептала она очень тихо и почувствовала, как румянец покрывает ее щеки, словно ей было всего лишь двадцать два года, и она была старой девой, а не матерью семилетней девочки.

— Хорошо? — переспросил он слегка поддразнивая, одинокой гимнастке это тоже понравилось, даже очень, и уголки его губ приподнялись вверх в ленивой ухмылке.

Она заговорщицки наклонилась к нему, переведя взгляд поверх его плеча на Виктора, а затем опять к нему.

— Твой отец, — сказала она вполголоса, напоминая, что они не одни.

По какой-то причине ее слова заставили его схватить ее в объятия, и зарыться лицом ей в волосы, улыбаясь в шею.

И как только она услышала его смешок, у Лили сразу же возникло чувство, будто она взобралась на вершину Эвереста, что ей даже стало трудно дышать, так как была на такой высоте.

Он отпустил ее явно с какой-то неохотой, как только телефон на столе начал названивать. Нейт сделал несколько шагов к столу, она смотрела ему в спину, и поймала себя на мысли, насколько он выглядит сильным, и настолько красивая у него походка, словно у специально обученного спортсмена.

Затем ее взгляд упал на Виктора.

Она почувствовала непривычное недомогание рядом с Виктором. Он причинил ей боль своими руками, оставив синяки, применив насилие. Он полностью разрушил ее доверие к нему своими действиями.

Тогда, когда она только-только познакомилась с ним, то воспринимала его как своего рода отца во время отсутствия Уилла. Теперь же, когда Уилла не было с ней, и она осталась с Таш, Лили даже и не знала, что ей думать по поводу Виктора.

Он сделал это из-за своей любви и лояльности к Нэйту, но это все равно не меняло того факта, что он потерял контроль над собой и дошел до применения силы.

— Лили, — тихо поздоровался Виктор, пока она шла к нему с явной опаской. Она кинула взгляд на Нейта, который по-прежнему разговаривал по телефону, но при этом все равно наблюдал *за ними двумя*, не упуская ни одной детали. Он смотрел на них не так, словно изучал букашку под микроскопом, темные глаза Нейта казались заинтересованными и отзывчивыми.

— Хочешь кофе? — Виктор указал на серебряный сервиз, и Лили кивнула.

— Я бы убила за кофе, — ответила она, и Виктор взял чашку. — Две ложки сахара и молоко, — попросила она.

— Не удивлен, что тебе нравится сладкий, — пробубнил Виктор себе под нос, наливая ей кофе. — Лаура сделала его очень вкусным, тебе не о чем беспокоиться. Ты разминулась с ней. Она буквально ушла пять минут назад.

Он протянул ей чашку, и Лили взяла ее.

— Пожалуйста, поблагодарите ее от меня за купленную одежду вчера, — она отвела руку, чтобы показать ему свой наряд. — Если она передаст мне чеки, я оплачу...

— Бред собачий, — рявкнул он, и Лили тут же напряглась, ее глаза метнулись к Нейту, который все продолжал разговаривать по телефону, но при этом пристально смотрел на нее, и она предполагала, что скорее всего он не слышал ни единого слова, что говорил ему человек в трубку.

Она опять перевела напряженный взгляд на Виктора, и остановила себя отступить на шаг назад из-за его эмоционального взгляда.

— Мы должны тебе больше, чем какая-то красивая юбка, — сказал он.

— Что простите?

— Джефф, Даниэль... я. Мы обязаны тебе большим, чем каким-то кусочком ткани, — Лили задержала дыхание от его слов, когда Виктор поднял вверх руку в останавливающем жесте, выражающем полное разочарование, и заговорил с удивительной прямоотой. — Каким способом можно оплатить девушке восемь лет жизни, да еще и оставленные синяки на ней? — Он был все еще напряжен, и казался потерянным и даже немного растерянным.

Она была настолько шокирована его честностью, потрясена до глубины души и тронута.

— Виктор..., — она сделала к нему шаг, в порыве на его растерянность, и даже не сделав глоток кофе, поставила чашку на стол.

Она находилась всего в шаге от него, когда Виктор объявил:

— Я отрекся от них.

При этих словах, Лили застыла, выдохнув:

— Что?

— Джефф и Даниэлла лишились наследства. Завещание уже изменено, Нейт, ты и Наташа унаследуют все.

Лили моргнула.

— Но они же ваши дети, — возмутилась она, на данный момент забыв, как на самом деле отвратительно они поступили с ней, не сообщив Нейту о смерти ее родителей, и наврав Лили, что Нейт умер. Такие поступки не могли сделать добрые и хорошие люди.

Но отречься от них?

Сара часто угрожала отречься от Лили или от Бекки, все зависело, кто разозлил ее в тот момент, но они прекрасно знали, что это была всего лишь пустая угроза, она не была на это способна, как бы не сердилась, Сара не сделала бы такого на самом деле, как Робертсы.

Но зайти так далеко?

— Да, — твердо ответил Виктор, — они мои дети и именно по этой причине имеют все, что осталось в их целевых фондах, кроме того я дал им прекрасное образование, и настало время им что-то сделать самостоятельно, наконец-то.

Лили сделала еще один шаг вперед.

— Я надеюсь, вы оставили дверь открытой, хотя бы щелочку, в случае если они захотят извиниться и вернуться, — сказала она тихо и неуверенно положила свои пальцы на его согнутую в локте руку.

Он посмотрел на ее руку, а затем поднял на нее глаза. Напряжение ушло из его глаз, и она поняла, что Виктор поменял своих детей на нее.

— У тебя доброе сердце, Лили, — сказал он ей тихо. — Я приму их назад, только если они вымолят у тебя и Натаниэля прощение. Не раньше, а если ты не простишь их, значит этого не будет никогда.

Она сжала его руку и на несколько дюймов наклонилась к нему.

— А Лаура?

Виктор взял ее руки в свои.

— Она согласна.

Лили закрыла глаза, почувствовав боль другой матери, которая отразилась в ней.

Она открыла глаза и сказала:

— Это дорогая цена для нее.

Затем он сказал нечто странное, что вызвало у Лили чрезвычайное любопытство, и у ее острый ум даже испугался, но самое главное эти слова потрясли ее до основания. Виктор произнес низким, тихим голосом, только для ее ушей.

— Натаниэль достаточно настрадался за свою жизнь. Он не должен был страдать эти восемь лет. Лаура и я понимаем это. Он наш сын, они причинили ему боль, что мы должны были сделать?

На долю секунды она задумалась над его заявлением, подразумевающим вопрос, но потом поняла, что он ожидал от нее ответа. Сказать ему, что она считает правильным их действия, или указать, что может существовать и другой путь для разрешения проблемы.

Она покачала головой и, поскольку не могла подобрать достойного ответа, развернулась к нему и обняла его за плечи, окутав крепкими объятиями.

Она крепко зажмурила глаза и прошептала ему на ухо:

— Я не знаю, что сказать.

Он обнял ее с такой силой, как бы привязывая к себе, что она даже не могла вздохнуть.

В нем было столько привязанности и сильной эмоциональности, как у ее отца.

— Просто будь счастлива, — пробормотал он ей на ухо дрожащим от эмоций голосом, от звука, которого и чувствуя его крепкие объятия, она залилась слезами. Она очень бы хотела, но не могла, и это было слишком сильно для нее, она просто не могла ничего с собой поделать.

Полностью потерявшись в своих эмоциях, она с трудом поняла, что Виктор отстранился, уступив место Нейту, и она плачет, упираясь в его твердую, как стена, грудь. Она плакала за свою наивную доверчивость, плакала за Джеффа и Даниэлла, что они сотворили и за то, что все потеряли, в том числе своих родителей, Лауру и Виктора, плакала за Лауру и Виктора, потому что понимала, чего им это стоило и плакала за все что было, за все.

Наконец, когда у нее кончились все слезы, она отстранилась назад от Нейта, и увидела, как Виктор протянул ему платок, который Нейт передал ей. Она вытерла глаза, но он все равно стер слезы у нее с щек.

— Теперь все в порядке? — спросил он тихим голосом, и она кивнула.

Потом она отрицательно покачала головой, и его темные глаза замерцали волнением.

— Я хочу есть, — призналась она с дрожащей улыбкой.

Он усмехнулся, беспокойство ушло из его глаз, наклонившись к ней, он накрыл ее своими красивыми, улыбающимися губами.

— Я отведу тебя поесть, а потом мы отправимся к невропатологу, — сказал он и отстранился.

— Мне нужно поправить макияж, — начала она, но остановилась, замывшись, наклонилась, чтобы поцеловать Виктора в щеку. У него на лице отобразилась испуганная улыбка взрослого мужчины, ни в коей мере не напускная.

Лили могла объяснить, но просто почувствовала, важную часть своей жизни, которую она потеряла, и которая оставила зияющую пустоту, вдруг заполнилась, и стало так уютно и умиротворительно, как будто все встало на свое место.

Она поспешила выйти из комнаты, и напоследок услышала, как Нейт спросил:

— Ты в порядке?

Виктор ответил:

— Да.

— Ты знаешь, что делать?

Лили была уже вне пределов слышимости, но она и так бы не слушала его ответ.

Слова о том, что *Натаниэль уже достаточно настрадался*, по-прежнему звучали у нее в ушах.

* * *

— У тебя остался байк? — спросила Лили.

— Да, — ответил Нейт.

— Тогда у меня есть еще одно условие.

Лили посмотрела на Нейта с улыбкой.

Они ехали на его Aston Martin, направляясь обратно в Сомерсет. После их вкусного и великолепного бранча в шикарной кондитерской в Кенсингтоне, невролог назначил лекарства (в комплексе с ненужной и дорогостоящей МРТ) и сказал записаться на прием к семейному врачу-терапевту (сейчас она получила противозачаточные таблетки, но требовался месяц, чтобы они начали действовать, и ей также необходимо было составлять график). После всего этого ужасного обследования, она очень надеялась, что ей не придется встречаться с врачами как минимум еще двадцать лет.

Хотя она должна была признать, что ее стаж посещения медицинских учреждений не был большим.

Когда она вышла от кабинета врача-терапевта, то увидела Нейта, сидящего в кресле и ожидающего ее в коридоре. Он положил одну ногу на другую, склонив свою темную, красивую голову и изучая кипы бумаг, лежащих на коленях. Он был совершенно поглощен работой, не обращая никакого внимания на всех остальных женщин в помещении, которые бросали на него тоскливые взгляды украдкой.

Будто почувствовав, что она вышла, он поднял голову и наблюдал, как она идет к нему, его глаза лениво прошлись от кончиков ее волос до пальцев на ногах. На его лице отобразился триумф и удовлетворение, превращаясь в самодовольную улыбку обладания, она могла поклясться, что богатый, сильный, высокий, поджарый, вежливый, великолепный Натаниэль МакАллистер был горд находиться рядом с ней, с простой, наивной, девушкой из Индианы — Лили Джейкобс. Сама мысль об этом заставила ее почти проехаться на модных босоножках на шпильки и чуть ли не упасть плашмя вниз на него.

К счастью, она не упала, и он поднялся ей навстречу. Снова, словно это вошло в обычай, его рука обвилась вокруг ее талии, и пальцы крепко сжались, будто желали поставить метку.

— Готова? — пробормотал он, смотря на нее с теплотой.

Она кивнула, и ничего не могла с собой поделать, потому что сделала это с радостью.

Она могла поклясться, что пока они шли, выводя ее из приемной, и рука Нейта покоилась у нее на поясице, она заметила, как одна мать больного, сопливого ребенка

сказала другой, сидящей рядом с ней, усиленно кивнув головой в их сторону: «Фигуристы».

Они направились к машине и поехали сразу же в Клеведон.

Лили немного удивилась, потому что хотела вернуться в пентхаус за вещами, но Нейт заверил ее, что «не стоит беспокоиться».

— Итак, каково твое условие? — спросил Нейт, вытягивая ее из состояния задумчивости и вызывая улыбку.

— Если ты решишь покатать Ташу на байке, ты не можешь управлять им так же, как ездил со мной, когда мы были вместе. Ты должен ехать более осторожно, — сказала она ему.

— Согласен, — мгновенно ответил он и добавил: — Как насчет того, чтобы ты проехала со мной на байке?

— Ох, я слишком стара для мотоцикла, — весело ответила Лили, хотя все ее тело возбудилось от одной мысли, что она сможет снова оказаться на мотоцикле вместе с Нейтом. Но возникший трепет она смогла твердо побороть.

Он издал резкий лающий смех, наполнивший пространство машины, она улыбнулась про себя от его звука.

— Ты уже и так нарушил свое собственное условие так или иначе, — она позволила себе с ним немного поболтать, причем легко. Она давно так не чувствовала себя беззаботно и хорошо, наверное, с того раза, когда была последний раз с Нейтом.

— Прости?

— Сегодня утром, когда мы, когда ты..., — она замолчала и подумала, как бы деликатно выразиться. — Мы не предохранялись, — заключила она.

— Да, не предохранялись.

В этот момент она разглядывала пейзаж, но тон его слов заставил повернуть к нему голову.

— Мы?

— Я нет, — поправил он.

— Ты кончил? — спросила она в изумлении.

— Очевидно, я все сделал правильно, — пробормотал он себе под нос.

— Как...? — тихо спросила она, затем продолжила: — Забудь, я не хочу знать.

Он взял ее руку с коленей и поднес к губам, целуя каждый пальчик, хотя его глаза все время смотрели на дорогу.

Одиноким гимнасткам у нее в животе очень понравилось, когда он так делал.

Потом Нейт мастерски припарковался напротив входа в дом Лили, помог ей выйти из машины, Наташа распахнула входную дверь и ринулась напрямик к ним.

— Мамоооооооочка, — закричала она, как только Лили опустила ногу на тротуар, Таш с разбегу всем телом просто врезалась в нее и ее тонкие руки сомкнулись вокруг талии Лили.

— Привет, куколка, — Лили наклонилась, чтобы поцеловать ее блестящие черные волосы, сверкающие синевой на ярком солнце.

— Папа! — она высвободилась из объятий Лили и бросилась к Нейту, чтобы осуществить одно из своих сказочных объятий.

Он наклонился, чтобы поднять ее на руки, подбросил в воздух, она сомкнула свои ноги вокруг его талии и закрепила в замок лодыжки у него за спиной, опустив ему руки на плечи.

— Наташа, — пробормотал Нейт.

— Ваши вещи уже прибыли, — весело сообщила ему Таша, и на лице Лили довольное

выражение сменилось испуганным, переместив взгляд от дочери к Нейту.

— Хорошо, — он улыбнулся Таш.

— Какие вещи? — спросила Лили, смутно улавливая, что из дома вышел Фазир, наполненный полностью своей джинн-яростью, пока стоял на крыльце.

Нейт не ответил, но перевел взгляд на Лили.

— Какие вещи? — повторила она вопрос.

Она спрашивала Нейта, но вместо него ответила Таш:

— Около миллиона чемоданов и несколько коробок. Для тебя всего лишь несколько пакетов, но все остальное папино.

От слов дочери, Лили скрестила руки на груди и стала переминаться с ноги на ногу, пристально посмотрев на Нейта.

Он опустил Наташу на землю, и Лили перевела взгляд на свою дочь:

— Зайди внутрь на секундочку, Таш, мне нужно поговорить с твоим отцом.

Таш приняла расстроенный вид.

— Тебе всегда нужно поговорить с *моим* отцом.

Лили вопросительно приподняла бровь, и Таш быстро поняла смысл, что обозначают приподнятые брови матери, у нее было много лет практики чтения смысла приподнятых бровей матери, к сожалению, Лили совсем недавно узнала про эту тактику, которая беспрекословно действовала на Ташу, пока не стало совсем поздно. Таш вбежала внутрь вместе с Фазиром, с треском захлопнув за собой дверь.

Лили резко обернулась к Нейту.

— Не хочешь рассказать мне, что происходит? — выпалила она.

— Мы собираемся обсуждать это на улице? — вежливо поинтересовался он, задавая этот вопрос, он, похоже, сохранял спокойствие.

Ее раздражение росло, но она ничего не могла поделать, чтобы как-то пробить его броню.

— Да, собираемся.

— Ты сказала мне переехать в Сомерсет, — напомнил он ей.

— Я не имела в виду сегодня!

— А что ты имела в виду?

Она закрыла рот и сердито посмотрела на него, поскольку она все время полагала, что это ее самое безопасное место, и у нее не было ответа на его вопрос.

Его глаза изменились, они стали жесткими и поблескивали, и она почувствовала страх перед ним.

— Я потерял восемь лет. Восемь лет из которых семь принадлежат моей дочери. Если в моей власти не потерять еще один день, я не собираюсь упускать его, — с силой сказал он своим глубоким голосом, ощущалось даже физически, — а это в моей власти.

Ей ничего не оставалось, как признать, что он прав, хотя она не собиралась признаваться в открытую.

— Такое впечатление, что все в твоей власти, — проворчала она, хотя вышло немного неубедительно.

Нейт не ответил.

— Словно, в один прекрасный день ты все еще живешь в Лондоне, а на следующий уже живешь в Сомерсете. Вот так просто? — спросила Лили.

— Ты поставила мне условие, — заявил он, как само собой разумеющееся.

— У меня нет пентхауса и руководства компании в мульти-квадриллион фунтов! — парировала она.

Он направился к ней, и встал в дюйме от нее, приподняв ее подбородок, она откинула голову назад, чтобы взглянуть на него. Его глаза утратили стальной блеск, в них было что-то совершенно иное.

— Ты беспокоишься обо мне? — мягко поинтересовался он.

— Ну, что ты будешь делать? — разозлилась она. — Ты не можешь ездить два с половиной часа в одну сторону, и находиться в пути по пять часов в день, потому что ты будешь приезжать домой к тому времени, когда Таша уже будет спать, и ты всего лишь сможешь поцеловать ее в лоб.

— Я разберусь с этим.

Его рука снова оказалась на ее талии, пальцы ощупывали ее.

Она повернула голову на свой дом. Скорее всего, она еще не решила.

Он был прав. Они могли бы с таким же успехом продолжать жить своей семьей, бесспорно не задерживая выплаты, если исключить Нейта, который мог бы выплатить всю ссуду. У нее была Таш, Фазир и Максин, которые всегда готовы были ей помочь, и она не была бы одинокой.

Но получается, что ему не повезло так, как ей. У него бы был Джефф и Даниэлла (Виктор и Лаура, но не в этом дело).

Она не могла выбросить слова Виктора из головы, они весь день преследовали ее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Натаниэль уже достаточно настрадался».

В чем он настрадался?

— Может, нам стоит переехать в Лондон, — пробормотала Лили задумчиво, уставившись в его грудь.

— Наташа прижилась здесь, — мгновенно ответил Нейт, — в конце концов некоторых сотрудников я переведу в Бристольский офис. Все получится, Лили.

Она не была убеждена в этом.

— Нам стоит поговорить об этом.

Она подняла на него глаза, его рука скользнула вокруг ее талии.

— Ты не должна жертвовать чем-то ради меня и, однозначно, не Наташа, — заявил он, пообещав, — все получится.

Лили вздохнула и предупредила:

— Я не уверена, как Фазир справится с тем, что ты будешь здесь жить.

Губы Нейта искривились.

— Привыкнет.

Она снова вздохнула.

— Полагаю, что так.

Он прижал ее к себе и посмотрел на нее таким интенсивным взглядом, что ее гимнастка проснулась и начала опять вытворять свои кульбиты.

— Все сработает, — поклялся Нейт, и его слова отозвались у нее в крови.

Лили подняла руки, упираясь ему в грудь, и смягчившись ответила:

— Ладно.

Потому что на самом деле больше ей нечего было сказать.

Лили

Лили пришлось признать, что Нейт был прав, как всегда, это *срабатывало*.

Если не считать Фазира и множество других вещей.

Ладно, возможно, очень большое множество других вещей.

Хорошо, возможно, это казалось только срабатывало для Нейта и Таш. А Таш была самым важным действующим лицом во всем этом, поэтому Лили старалась не переживать по этому поводу.

Хотя она беспокоилась, но не слишком, ну, то есть не беспокоилась об этом все двадцать четыре часа в сутки, а всего лишь беспокоилась, пока не спала, поэтому ей и казалось это как раз «не слишком».

После того, как Фазир услышал новость, что Лили и Нейт собираются пожениться, и Нейт *переехал* к ним, произошел взрыв джина, что соответствовало по Шкале Рихтера для Джинов примерно двумстам одиннадцати.

— Ты забыла про все восемь лет, малышка Лили? — начал штурмовать ее Фазир целых пятнадцать минут, после взрыва своего гнева и крика. Он парил так близко к потолку, что вынужден был наклонить голову в сторону, чтобы не врезаться. Все это делалось в то время, пока Нейт исполнял Дюжину Желаний Таш, а Лили могла потратить это время на плохие новости сообщив их в частном порядке.

— Почему все продолжают вспоминать эти восемь лет? Я не была одна, у меня был ты и Максин. Мы не голодали и не жили в картонной коробке, ради бога! — воскликнула она.

— *Это легко тебе сейчас говорить. Ты* не наблюдала за тем, как медленно угасаешь *день за днем*, год за годом, — ввернул Фазир и его темные глаза гневно сузились.

— Что это значит? Я заботилась о Таш, и тебе тоже не было плохо! — собственный гнев Лили уже был готов вырваться наружу.

Фазир не ответил, просто переместился в сторону своей бутылки.

— Просто запомни мои слова, если такое случится с тобой опять, Фазира не будет рядом, чтобы собрать тебя по кускам.

Шокировано и зло Лили выдохнула:

— Фазир, я не могу поверить, что ты только что сказал.

Лили была ошеломлена, и ей по-настоящему не нравилось, когда он начинал именовать себя в третьем лице. Это совсем не означало, что он мог покинуть ее и пойти куда угодно, поскольку он еще не исполнил ее последнее желание, но тот факт, что он угрожал ей отправиться куда-то, шокировал ее очень сильно, и это было мягко сказано.

Он отвернулся от нее в своем великолепии надувшегося джинна, и его тело стало испаряться, но слова повисли в воздухе.

— Мне нужно войти в челеннг. Другие джинны просто не поверят в *это*!

Обида Фазира на следующей неделе стало более явной, хотя фактически Нейта не было рядом. Нейт вставал в жуткую рань каждое утро, будил Лили (только частично) поцелуем и отправлялся в Лондон. Домой он возвращался поздно вечером, целовал спящую Таш (которую невозможно было ничем уже разбудить) и накрывал спящую Лили своими объятиями.

Лили не знала, как ему удавалось продолжать работать в таком измотанном состоянии. Но он продолжал работать день за днем.

Хотя Нейта и не было все время рядом, но все вокруг однозначно было связано с Нейтом.

Строители прибыли ровно через день, как только он переехал, с указанием достроить дом, в котором теперь жил Нейт и Лили, с соответствующим дизайном. Прибыл не один или два рабочих, а добрый десяток, которые толпились вокруг дома, чем поспособствовали поставить еще одно черное пятно напротив имени Нейта в книге *нелюбви* Фазира, так как Фазир редко покидал дом и не любил больших компаний.

А потом прибыли дизайнеры интерьера, целых три штуки, показывая варианты краски, образцы тканей, вручая Лили головокружительные массивные каталоги ванных комнат, мебели, настенных покрытий и тому подобное. Среди всего этого она должна была выбрать, согласовать с ними и сказать, чтобы хотела увидеть в конечном итоге.

Нейт также распорядился, чтобы каждый предмет в доме, который имеет «непотребный вид» или прослужил более одного года, собственно, а именно такие предметы и находились в доме, был заменен дизайнерскими причем высшего класса. Он также дал указания, что любая изношенность и потертость в доме (а скорее всего так и было, все было изношено и потерто) был также заменен.

Дизайнеры дрейфовали по дому, указывая на диван.

— *Этот* не годится.

А потом на книжную полку.

— Она очень *старая*.

И на стул.

— *Это* следует заменить в первую очередь.

Отчасти это было весело, но отчасти унижительно и раздражающе, в основном скорее последнее, раздражающе.

Лили позвонила Нейту в Лондонский офис.

— Слишком много и слишком быстро, — сказала она, наблюдая, как ее мебель из гостиной выносят за дверь.

— Это слишком мало и слишком поздно, — твердо парировал Нейт.

Совершенно четко сейчас возникла патовая ситуация. И самое очевидное было то, что они не собирались обсуждать эту ситуацию, хотя бы потому, что у них не было на это времени, вернее не было времени обсуждать вообще что-либо, и, вероятнее всего, они не собирались обсуждать ничего, даже если бы было время.

Лили возложила свое финансовое бремя на его сильные плечи главным образом из-за того, что он потребовал, чтобы она это сделала. Семь миллионов фунтов в банке или ничего, и все счета были немедленно переключены на дебеторскую задолженность и оплачены с его счетов.

По какой-то странной причине, он сделал это самым первым утром, когда проснулся рядом с Лили в ее новой кровати. Так как был ранний час, и она была в полусне, то совершенно не боролась, а просто сообщила ему спросонья, где хранит все свои счета.

— Я не поступаю подобным образом, — сказал Фазир, стоя за дверью на верхнем этаже. Раньше это была комната-склад, типа чердака, где держали все ненужное барахло. Сейчас три человека старательно превращали ее в ванную комнату класса люкс для Лили и Нейта, которые должны были занять большую часть верхнего этажа.

Лили пыталась его уговаривать.

— Когда появится эта ванная, ты будешь делить ванную только с Таш.

Фазир окинул ее холодным взглядом, ее слова не произвели на него должного впечатления.

Лили попыталась снова.

— Ты сможешь занять мою спальню, когда я съеду, сейчас она стала прекрасной.

Глаза Фазира превратились в камень при упоминании о помпезности Нейта.

— Фазир, я делаю это для Таш, — наконец, прошептала она.

Его глаза блеснули на мгновение, а затем он произнес ей в ответ:

— Я знаю тебя, малышка Лили. Ты опять разобьешь свое сердце.

— Нет не разобью, я обещаю Фазир. Я точно знаю, что это такое, и мне есть, что терять, и я не собираюсь проходить через это снова, — с жаром ответила она, с таким жаром, что сама на половину поверила в свои слова, но другая ее половина не была так уверена в этом.

Днями напролет Нейт демонстрировал во всех отношениях свою решимость полностью заботиться о них, выматывая себя и (вероятно) также ускоренными темпами приближаясь к банкротству, осуществляя все свои планы.

Фазир пару минут внимательно смотрел на нее, кивнул, хотя было ясно видно, что он остался при своем мнении, видно увидев ее другую половину, и поплыл вниз по лестнице, хотя Лили просила его не проявлять никаких выходов джина перед работниками. Фазиру на самом деле не нравились лестницы, ему не нравилось поднимать вверх или спускаться вниз. К счастью, рабочие были слишком заняты, чтобы замечать что-либо вокруг себя.

На следующей неделе, временный офис Нейта в Бристоле был готов, и жизнь в доме у моря, изменилась.

Нейт был движущей силой в доме, хотя его там почти и *не было*. Он наполнял его своей молчаливой активностью, на самом деле редко проводя в нем время.

Обида джина Фазира из дутья перешла к открытой враждебности. Если бы ему разрешили творить магию, черт побери, он бы заставил Нейта заплатить за все. Вместо этого целую неделю он сжигал утренний тост Нейта, хотя тосты Таш и Лили была самым совершенством, два раза куда-то случайно пропадали ключи от машины Нейта и мобильник Нейта тоже почему-то прятался в самых потаенных уголках дома.

Это последнее имело неприятные последствия, когда Нейту пришлось звонить на свой телефон с мобильного Лили, а Таш бегала по дому, пытаясь найти его, словно это была захватывающая игра. Фазир наблюдал за происходящим с выражением, четко говорившим: «Замысел не удался».

С другой стороны, Таш окунулась прямиком от призрачной процветающей и наполненной любовью и заботой полноценной семьи, непосредственно в реальную процветающую семью.

Нейт по-прежнему работал, вставая в жуткую рань, и всегда завтракал вместе с Таш, будя ее в школу, что позволило Лили спать, но также получить беспрецедентный бонус, потому что обычно по утрам недовольная Таш, теперь просто слетала с постели, полная энергии и хорошего настроения. И он всегда возвращался домой перед тем, как Таш засыпала.

Он ложился с ней, вытягивая свое большое тело на ее девичьей кровати, с одной стороны лежали ее книги, она клала голову ему на грудь и читала. В такой позе он слушал ее чтение.

Он мог и делал все, чтобы Таш получала удовольствие, она была превосходным чтецом для своего возраста и любила показывать свое мастерство, делая это в течение нескольких часов. Иногда они даже оттягивали время сна, и тогда Лили говорила себе, что им обоим стоит наверстать упущенное.

Лили тайком наблюдала за ними, с этим она ничего не могла поделать. Ее дочь была наполнена счастьем и радостью, и ей было приятно это видеть.

И опять же тайком Лили нравилось наблюдать за Нейтом с Таш. Она мечтала об этом годами, понимая, что такого никогда не случится. На самом деле, происходящая реальность для Таш была намного лучше, чем любая мечта Лили, которую она могла себе представить.

Что касается самой Лили, то время, когда Нейт был дома, чаще всего означало, что он пытался также нагнать упущенное, но, естественно, совершенно другим способом.

Так же, как и восемь лет назад, они не делились друг с другом своими сокровенными секретами, надеждами, желаниями и мечтами за романтическим ужином или во время интимных разговоров. Так же, как и восемь лет назад, они едва ли разговаривали друг с другом. И, как и восемь лет назад, они занимались любовью, причем много. Казалось Нейт не мог насытиться ею. Лили поняла это, поскольку в такой же степени хотела получать его больше и больше, каждый раз, когда они были вместе.

Однако на этот раз все было иначе. В этот раз она держала оборону или по крайней мере пыталась, хотя было *сложно*. Поскольку это был *Нейт*, мужчина ее желания, ее романтический герой оживший (опять). В этот раз она наслаждалась красотой любовных игр, участвовала в них, позволила научить ему новым вещам и вести ее на новые высоты, но она никогда не позволяла себе увлекаться или не так глубоко увлекаться, ну, возможно, иногда ей удавалось подумать о том, чтобы *постараться* не разрешать себе увлекаться, пока она не увлеклась им окончательно.

А иногда, случалось, что-то более глубокое и неординарное. Происходило что-то такое, что Лили не понимала, как такое случилось, но отчаянно хотела понять, хотя снова и снова повторяла себе, что она не будет увлекаться.

Некоторые двери сокровенных уголков души Нейта, которые он держал под усиленной охраной, открывались, позволяя ей заглянуть внутрь, но они тут же быстро захлопывались еще до того, как она могла все там разглядеть. Это происходило также, когда он прокладывал дорожку из поцелуев по шраму у нее на животе.

Однажды, в сексуальном жару, с рукой между ее ног, переполняющую ее желанием, он начал целовать, заставив перестать ее дышать и навис над ней, плавным, быстрым движением вошел внутрь, а она так любила, когда он находился внутри нее.

Она взяла его лицо в ладони, потерявшись в момент соединения с ним, она смотрела ему в глаза и сказала то, что чувствовала всем сердцем.

— Ты такой красивый.

Его тело остановилось, замерло, как статуя, и он уставился на нее, а потом сказал нечто странное и душераздирающее:

— Только ты видишь это, Лили.

Теперь наступила очередь Лили замереть, словно статуя, но Нейт не долго позволил оставаться ей в таком состоянии. Его рот накрыл ее свирепым поцелуем, его руки заставили опять извиваться под ним.

После, когда он прижался к ее спине животом и зарылся лицом в ее волосы, она думала о том, что он сказал.

Лили не могла поверить, что Нейт такой уверенный, такой сильный, и только она может разглядеть его красоту. Это же было настолько отчетливо и видно всем, поскольку многие смотрели на него, в основном женщины.

По крайней мере он должен был точно знать об этом, Виктор и Лаура видели же в нем это. А теперь и Таш.

Она хотела поговорить с ним на эту тему и пыталась подобрать правильные слова, но три причины остановили ее.

Первая, *сам Нейт*. Даже если бы она подобрала нужные слова, он все равно бы не ответил. Он не хотел оголять перед ней душу, он не делал этого раньше и не сделал бы и сейчас. Не то, чтобы Лили пыталась, но сама мысль, что он захлопнет перед ее носом дверь в потаенные уголки своей души, ее не радовала.

Она понятия не имела, почему он так легко позволил ей уйти тогда восемь лет назад. Даже, если он думал, что она ушла от него, почему он не пришел за ней, пытаясь найти ответы, у них же была настоящая связь, никто, по ее понятиям, так просто не уходит без причины. Это объяснение для нее было неубедительным.

Лили считала такое объяснение совершенно нелепым, вернее нелепым то, что она так и не получила никакого объяснения. Но он думал, что она ушла от него, и у Лили было сильное предчувствие по поводу существующей причины, объясняющей, почему он был настолько закрытым, замкнутым, заблокированным.

Во-вторых, она не была настолько уверена, хотела ли на самом деле узнать, что у него на душе. После страшных слов Виктора, Лили опасалась что-это-были не только слова, хотя она отчаянно хотела знать все, но она также отчаянно не хотела ничего знать.

Это подвело ее к третьей причине, как она отнесется к тому, если узнает, что находилось за той дверью, которой он охранял свое сердце. Эти переживания означали, что она заботилась о нем, и заставить его открыть свои тайны, возможно также заставят ее открыть ему свои. И она не была уверена, что сможет снова открыться ему, хотя, если быть честной самой с собой, она прекрасно понимала, что это уже происходит, потому что, попросту говоря, он был *Нейтом*.

Все это заставило ее чуть ли не закричать, умоляя поговорить с ней, начать доверять ей, чтобы не скрывалось за его закрытой дверью, охраняющей душу.

Если бы он просто ответил, сделав первый шаг, она бы поняла, что он доверяет ей. Для нее это будет подарком, почти как дар, который она получила в виде Таш.

Его молчание разжигало в ней сильное желание пнуть его по ноге.

Лили не стала кричать и пинать, хотя очень хотела.

Вместо этого, она сделала другую лучшую вещь.

Она решила поговорить с его матерью, и это случайно произошло, но выглядело не очень хорошо с ее стороны.

Робертсы решили приехать на выходные. Они просто решили приехать, и не стали лишней раз беспокоить Нейта и Лили, сообщая о своем решении. Лили поняла, что они сделали это исключительно, чтобы получше узнать и увидеть Таш. Но также повидаться с Нейтом, несмотря на то, что они его усыновили, он постоянно раньше жил с ними и являлся членом их семьи. Отказавшись от своих двух других детей, они были одиноки.

Это пришлось на вторые выходные, которые Нейт проживал в Сомерсете и казался каким-то странно напряженным. Он всегда казался подготовленным ко всему до конца, подстраиваясь к окружающему. Однако, в эти выходные все казалось несколько удвоенным,

он полностью был сосредоточен на Лили.

Нейт пребывал в своей недавно появившейся привычке, все время удерживать ее рукой, обнимая за талию, и его пальцы так вжимались ей в кожу, словно он хотел слиться с ней. Но в эти выходные, она все время находилась от него на расстоянии вытянутой руки, и как только выпадала возможность его рука тут же обнимала ее, сжимая. Кроме того, создавалось впечатление, словно он не собирался упускать ее из вида ни на секунду, следуя за ней постоянно своим темным пристальным взглядом, словно хотел заморозить ее на одном месте, боясь, что она просто может испариться в любую минуту.

— Я скажу тебе, Виктор приводит меня в бешенство, — жаловалась Лаура Лили, заставляя своими словами выйти ее из состояния задумчивости, пока они шли по набережной, чтобы выпить кофе и купить выпечку в «Дюжине».

Нейт и Таш двигались впереди всей процессии рука об руку. Смотря на них Лили испытывала чувство удовольствия, которое она внушала себе, было исключительно из-за Таш.

Виктор и Фафир шествовали за Нейтом и Таш.

Возникла серьезная неприязнь между Виктором и Фафиром, даже намного больше, чем Фафир испытывал к Нейту, поскольку Фафир за последнее время стал терять свой боевой дух к Нейту. Сложно быть по-прежнему враждебно настроенным против того, кто никак не реагирует на тебя.

Однако сегодня днем, Фафир смог достичь разрядки по крайней мере с Виктором. Разрядка заключалась в том, чтобы выпустить весь свой гнев, поскольку Виктор пытался убедить Фафира из заядлых болельщиков бейсбола перейти к фанатам футбола.

Лаура, Максин и Лили медленно плелись позади этой процессии, причем намного позади, Лили не сводила глаз с Фафира, потому что она точно могла сказать, что он опять надулся.

Лауре и Лили не требовалось много слов, чтобы вернуть свои отношения в прежнее русло. В субботу, когда Робертсы вдруг нагрянули в гости, Лили молча обняла Лауру, и та тут же залилась горькими слезами. Лили присоединилась к ней в слезах, и они бы долго плакали в объятиях друг друга, пока не оторвались друг от друга и не посмотрели в глаза, а потом рассмеялись.

Вот так все и произошло.

Лаура продолжала разглагольствовать:

— Он находился, как бы в полу-отставке, но ходил в офис каждый день. Теперь, когда Нейт переместил свой офис, он не ходит в офис. Вместо этого он сидит дома и задает вопросы, типа: «Лаура, а где это?» или «Лаура, а где то-то?» А потом говорит: «На кой черт ты это держишь здесь?» Несмотря на то, что эта вещь простояла на этом месте целых двадцать пять лет, раньше он никогда не сомневался, что она должна там находиться.

Максин тихо посмеивалась, а Лили внимательно следила за Виктором, который сравнивал Джорджия Беста с Райн Сандбергом, отчего лицо Фафира уже стало отдавать фиолетовым.

— Затем он передвигает эту вещь туда, где он предполагает ей лучшее место, а я не могу ее потом найти и спросить его самого. Я не шучу, потому что вчера вечером, я обмозговывала убийство, во время еды полного пакета «Malteasers». Это будет идеальное убийство, и я почти уверена, что оно сойдет мне с рук.

Максин остановилась и разразилась взрывом своего хриплого смеха, Лили улыбнулась,

поймала руку Лауры и ободряюще сжала.

Нейт и Таш оба оглянулись на смех Максина, и Лили с улыбкой посмотрела на свою дочь, а затем переместила взгляд на Нейта и вздрогнула.

Он не ответил ей улыбкой. Он вообще, казалось, совершенно не наслаждался прогулкой в этот солнечный летний день. И он не казался счастливым, что вся семья собралась вместе. Он выглядел настороженным, готовым к обороне, более сдержанным, чем обычно, и даже готовым предпринять действия.

Какие действия, Лили не смогла понять.

— Мне кажется, что с Нейтом что-то происходит, — выпалила Лили, Максина и Лаура обернулись, выпучив на нее глаза от беспокойства, звучащего в ее голосе, потому что со стороны день выдался просто прекрасным.

Она наблюдала за Нейтом, который отвернулся и повел Таш в кофейню, когда Фазир воскликнул:

— Сандберг был Звездой, Золотой перчаткой, имел звание MVP. Он мог бы сделать гораздо больше, *чем тинать мяч ногами!*

На слова Фазира Виктор с угрожающе красным лицом стал поворачиваться к нему.

— Что ты имеешь в виду Лили? — спросила Лаура, резко переводя внимание Лили от Фазира, распалившегося не на шутку и Виктора, которого просто несказанно удивил его ответ.

Лили остановилась, как вкопанная, провожая глазами Нейта и Таш, которые исчезли в «Дюжине». Лаура и Максина тоже остановились и повернулись к Лили, не понимая, что друг на друга.

— Я не знаю, я не могу это описать. Он не самый открытый человек в мире. Он наоборот всегда стоит на страже. Но в последнее время, кажется каким-то..., — она замолчала, пытаясь подобрать слова и не найдя их, произнесла: — *словно на грани.* — Закончила она, запинаясь.

Лаура и Максим перевели взор на дверь кафе, в которую входили Виктор и Фазир, оба бешено жестикулируя. Потом женщины взглянули друг на друга, а затем на Лили.

— Лили, — сказала Лаура, — мой сын...ээ, — она, казалось, была в недоумении, пытаясь подобрать правильное слово, но потом продолжила: — *эмоциональный мужчина.*

— Ты можешь сказать это снова, — пробормотала Максина.

— *Я знаю это,* — Лили подняла руку, чтобы убрать волосы назад с лица и поправила заодно хвост на затылке. — Я не могу объяснить, поэтому просто приведу пример.

Обе женщины ободряюще синхронно кивнули.

Лили продолжила.

— Всякий раз, когда он стоит близко ко мне и может прикоснуться, он тут же кладет руку мне на талию и...

Лили опустила руку себе на бедро, показывая, как делал Нейт, и вжала свои пальцы в тело.

Как только Лили убрала руки, Максина сказала:

— Мне кажется, это прекрасно, Нейт несколько, э-э, — ее взгляд скользнул к Лауре, а потом обратно переместился к Лили, — проявляет таким образом инстинкты собственника.

— *Это* я тоже знаю, даже слишком хорошо! — воскликнула Лили, а потом продолжила:

— Но дело не в *этом*. Я клянусь, что дело в том, будто он хочет *раствориться* во мне. Я не могу это объяснить, но дело не только в этом. Он стал смотреть на меня таким взглядом,

словно думает, будто я... исчезну, улечусь. Пуф! — Воскликнула она, поднимая обе руки в воздух.

На лице Лауры медленно начало проскальзывать понимание ситуации, поэтому Лили тут же набросилась на нее:

— Что?

Лаура кинула взгляд в сторону кофейни, потом перевела на Лили. Теперь на ее лице появился оттенок грусти и тревоги, сердце Лили забилося еще быстрее в надежде узнать что-то и страхе, *что* она может узнать.

— Ваша годовщина, — прошептала Лаура.

— Моя что? — переспросила Лили, на самом деле не совсем желая слышать, что именно.

Однако не только одна Лили до конца не понимала слова Лауры, потому что Максин спросила:

— Моя дорогая, что ты имеешь ввиду, — выдохнула Максин и тоже задумчиво посмотрела в сторону «Дюжины».

— Что? — опять воскликнула Лили.

Лаура взяла Лили за руку.

— Моя дорогая, в тот раз... прежде чем... — она осеклась и покачала головой, пытаясь привести мысли в порядок. Затем прикрыла глаза, явно борясь с собой, потом устремила светлый и прямой взгляд на Лили. — Ты исчезла после двух недель.

Лили непонимающе уставилась на нее.

— И?

Лаура сильнее сжала руку Лили.

— И прошло уже две недели, — заключила Лаура, как будто это все объясняло.

Лили непонимающе покачала головой, все еще до конца, не постигнув слов Лауры, которая ближе придвинулась к ней.

— В прошлый раз, когда вы были вместе, ты исчезла, словно растворившись в воздухе, по истечении ровно двух недель. Натаниэль утром ушел из дома, и ты были там. А когда он вернулся вечером, тебя и след простыл, словно ты испарилась, как дым, — она сделала паузу, глаза Лили стали огромными. — Теперь вы вместе ровно две недели, и Натаниэль, ну, Натаниэль очень ясно помнит тот случай. Он все помнит.

— Но Лаура, я не исчезла. Мы..., — Лили остановила сама себя, прикусив губу, затем быстро продолжила: — Мы не должны вдаваться в подробности. Но Нейт знает, что я никуда не ушла тогда, и никуда не уйду сейчас.

Максин вмешалась:

— Разум иногда играет с нами в игры, красавица. Мы все можем понимать своими мозгами, но при этом все равно не верить в это. Поверь мне, самому иррационально мыслящему человеку, или самому рациональному иррационалу? — спросила она Лауру, и та подарила ей слабую улыбку.

— Это смешно, Нейт не может так думать..., — она не закончила, потому что это не укладывалось у нее в голове. Он сейчас здесь, и она здесь вместе с Таш, Робертсы, даже Фазир казалось вел себя уже вполне хорошо, или по крайней мере, насколько хорошо, настолько мог вести себя Фазир. Потом она снова продолжила: — Я не собираюсь никуда уезжать.

Лаура резко произнесла:

— Существуют вещи, которые ты не знаешь о Нейте.

Именно эти слова, приносившие ей разочарование, потому что Лили многое не знала о Нейте, и не понимала, почему он все время ставит щиты и непробиваемую броню, прикрывая свое сердце, ворвались в нее, как ракета.

— Да, вы правы. Я много не знаю о Нейте, — резко произнесла она низким, сердитым голосом. — Многого он не говорит, многим не собирается делиться. Он не подпускал меня к себе восемь лет назад и не собирается делать этого сейчас. И он не подпускает меня к себе, как и раньше, именно поэтому он так легко отпустил меня. Знаете, что это значит в данный момент? Как я чувствую себя из-за этого? Особенно сейчас, когда у меня есть Таш? Я живу с совершенно незнакомым человеком!

— Лили, — попыталась прервать ее Лаура, но она продолжила, находясь на пике своего гнева, и ее было сложно уже остановить.

— Он не доверяет мне, также, как и тогда, и не доверяет мне и теперь, вот, что я вам скажу, я устала от всего этого. Я не могу спрашивать его, потому что он все равно мне ничего не расскажет. Я не могу...

— Лили, — теперь это была Максин, но Лили остановить было невозможно.

— Он словно... словно заморожен во льду в костюме из стали. Я не могу достучаться до него. Даже если и попытаюсь взять зубило и начать долбить по этому льду или паяльной лампой пытаться сломать этот стальной костюм, он просто... просто... *отдалился от меня*.

Лаура придвинулась ближе, схватила Лили в объятия и легонько ее встряхнула.

— Лили, успокойся! — прошептала она. — Не устраивай сцен, они могут увидеть.

— Мне плевать! — Лили понравилась мысль, устроить сцену. Возможно, если она устроит сцену, то сможет как-то пробить его оборону.

Лаура покачала головой и с паникой посмотрела на нее.

Затем Лили вцепилась в Лауру.

— Вы должны рассказать мне все, Лаура. Если вы знаете, что-то, что он прячет за этой дверью, которую Нейт так плотно закрыл, чуть ли не замуровал, вы должны рассказать мне.

Лаура отрицательно покачала головой, и было видно, что ее паника перешла в страх.

— Пожалуйста, вы должны, — умоляла Лили.

— Я не могу. Это не мой секрет. Он никогда меня не простит за это. Он скрывает и вкладывает столько сил, чтобы скрыть, поскольку это было неправильным и грязным. Иногда мне начинает казаться, что он... *гордится* этим. Но он никогда не простит меня, если я расскажу, никогда. И, Лили, я не могу потерять его, он единственный ребенок, который у меня остался.

Опять были эти слова, которые сказала Лаура «неправильно» и «грязно». Виктор сказал: «Натаниэль пострадал». Все эти зловещие слова, которые относились к нему, кружили в голове у Лили, и касались мужчины, за которого она собиралась выйти замуж и с которым собиралась провести остаток своей жизни, будучи матерью его ребенка, и она не имела права узнать, что это все означает.

Она уже была настолько сыта по горло секретами, подсказками, броней и молчанием, что ей стало до тошноты противно. Как бы там ни было по этой же причине, она потеряла его восемь лет назад, и сейчас эта же причина решительно отстраняла его от нее. Или, точнее, оставляло ее на определенной дистанции.

Нейт, мгновенно решила она, был не единственным, кто мог держать оборону и что-то скрывать. В эту игру могут играть двое.

Лили резко отпустила Лауру и сделала шаг назад.

— Я собираюсь вернуться домой.

— Нет! — одновременно воскликнули Лаура и Максин. — Ты не можешь вернуться. Ты должна пойти к нему, если ты вернешься он будет волноваться, — продолжила Лаура.

— Пусть волнуется, — вспыхнула Лили. — По крайней мере, это будет означать, что он *что-то* чувствует.

Лицо Лауры изменилось, на нем отразилась материнская боль.

— Лили, ты же знаешь, что это не справедливо. Ты же знаешь, что Натаниэль *все* чувствует, особенно, что касается тебя.

— Нет, Лаура, я не знаю. Если бы на самом деле было так, он бы доверил мне свой ужасный секрет, — Лаура закрыла глаза от отчаяния, и Лили не стала дожидаться, пока она снова их откроет. — Просто скажите ему, что у меня разболелась голова, и я вернулась домой.

Не дожидаясь ее ответа, она развернулась и почти бегом рванула к дому (насколько могла бежать в шлепках).

Как только Лили вошла в дом, то остановилась в прихожей и огляделась по сторонам.

Она не знала, что ей делать, потому что делать ей было нечего. У нее не было никакой обычной рутины домашней работы, никаких дел, ничего. И ее застарелый гнев стал угасать.

Мастер спальни, как саркастически называл Фазир Нейта, который приказал, чтобы спальня была закончена к следующей недели.

Ее кабинет, только другая комната на верхнем этаже, сейчас превратилась, благодаря мастеру в огромный люкс, а гостиная была перенесена на уровень сада, и Нейт сказал ей, украсить ее на свое усмотрение, но она еще не была закончена.

Нейт нанял домработницу, которая приходила раз в неделю убираться, загружать белье в стиральную машину и гладить, это естественно не сделало Фазира слишком счастливым.

— Что следующее? — требовал он ответа. — Шеф-повар, и я не смогу себе ничего приготовить сам?

Нейт оплатил все счета. Нейт заказывал все продукты. Его секретарша создала аккаунт в Интернете, и Лили теперь только оставалось войти в него и выбрать все, что нужно и вуаля! Доставка была на следующий день.

Простому говоря, она была ошеломлена им, потому что он был везде, взяв под свой контроль все, обо всем *заботясь и о каждом, в частности*.

Если учесть, что он не находился дома все время.

— Лили?

Голос Нейта заставил ее неожиданно обернуться и пристально посмотреть в его сторону, непроизвольно чувствуя решимость продвинуться дальше в их отношениях и пробить его защиту, получить хоть какую-то реакцию от него, это было лучше, чем не иметь ничего.

Он стоял в дверном проеме в затемненной части коридора, солнечный свет струился позади него, и она не могла увидеть его лица.

— Ты! — не задумываясь закричала она.

Он начал шагать к ней, его движения, наполненные мощной мужской грацией, и Лили с восхищением наблюдала за ним, хотя ее нервы были на пределе, но он просто проигнорировал ее странную вспышку.

— Лаура сказала, что у тебя болит голова. Мигрень? — его голос звучал так мягко, и она

подумала, что от беспокойства в его голосе, он звучит еще слаще.

Но сейчас ей было не до этого.

— Нет, это не чертова мигрень! — крикнула она, топнув ногой с досадой.

Нейт остановился перед ней, и она услышала его дыхание, его рука тут же обняла ее за талию, и пальцы крепко вжались в нее. Лили увидела его неприкрытое беспокойство, отражающееся в глазах. Но ее это не остановило.

— Тогда что? — спросил он низким голосом, сдерживаясь.

Ей следовало присмотреться к нему и понять его настрой, но она так была заиклена на своих словах, у нее не было настроения разбираться в нем.

Она схватила его руки со своей талии и отвела их в стороны.

— Именно это! — воскликнула она. — Домработница, рабочие, декораторы! Все! — и она закончила: — *Ты!*

При этом она резко отпустила его руку и увидела, как его глаза сразу же стали не читаемы, скрытыми, он опять отстранился от нее.

— Именно это, Нейт, опять скрывшийся. Я другого и не ожидала, — голос Лили стал горьким и сожалеющим.

Он придвинулся к ней ближе, но Лили осталась стоять на своем месте.

— Что? — его голос стал еще ниже, такой низкий и опасный, словно лезвия проходились по коже.

— Вот ты и скажи мне, что! — закричала она, отклонив голову назад и пытаясь безуспешно выглядеть грозной перед ним.

Он ничего не ответил. Она ждала. Он по-прежнему молчал.

Затем она перестала стоять застывшей в ожидании, вырвалась из его взгляда и побежала вверх по лестнице в их спальню, распахнула шкафы и истерично начала кидать свою одежду на кровать. На самом деле не стоило ей делать этого, но ей показалось, что такой маневр будет удачной попыткой чего-то грандиозного.

Если он боялся, что она может уйти, она захотела, чтобы он действительно решил, что она собирается это сделать, как и восемь лет назад, потому что сейчас собиралась со всей своей силой, на какую была способна, противостоять ему.

Лили решила, что этот широкий жест с ее стороны был единственным, способным вызвать у него хоть какой-то отклик. Она очень сильно нуждалась в реакции Нейта, она нуждалась в нем просто отчаянно.

Она думала, что сможет жить вместе с ним и удерживать свое сердце на расстоянии. Но, видимо, не смогла, для нее это было просто не свойственно.

Потому что — *это был Нейт*. И как только она впервые взглянула на него, она уже тогда знала, что он был ее.

И он действительно *был ее*, и в то же время не был.

Как только второй раз она направилась к гардеробу, рука Нейта схватила ее за запястья и резко развернула к себе лицом, одежда полетела на пол.

— Поговори со мной, черт побери, — прорычал он, его темные глаза угрожающе блестели и в них было что-то еще, но что она не смогла понять.

— Ты наконец-то соизволил *сказать мне*, чтобы я поговорила с *тобой*. Если бы ты был супергероем, то тебя бы явно назвали бы Молчуном, — крикнула Лили.

Он вплотную притянул ее за запястья к себе, возвышаясь над ней, его лицо едва ли не в дюйме находилось от нее.

— Ты говорила с Лаурой, что она тебе сказала? — быстро спросил он, и Лили поняла, что он очень зол.

Нет, скорее всего просто пребывал *в ярости*.

И ему с трудом удавалось сдерживаться, и это пугало ее.

Он больше не выглядел утонченным и изысканным, он превратился в *опасного хищника*.

Но Лили не стала поддаваться внутреннему предостережению, смотря в его черные глаза.

— Ничего! — крикнула она ему прямо в лицо. — Ни одной проклятой вещи. Я спросила ее о тебе, но она не проронила ни слова!

Она заметила вспышку облегчения, пробежавшую у него по лицу, прежде чем он опять смог совладать собой, и тогда она закричала в полный голос:

— Что? — воскликнула она, судорожно хватаясь за его рубашку на груди, со сжатыми его руками у себя на запястьях. — Какой проклятый секрет, ты скрываешь?

Руки Нейта быстро переместились ей на талию, и он притянул ее ближе к себе, несмотря на то, что она усиленно сопротивлялась. Но он как всегда выиграл это маленькое сражение, и это не удивительно.

— Никакой, — сказал он, прошелестев, спокойно.

— Это не никакой! — воскликнула она, дергая его за рубашку.

— Не о чем рассказывать! — рявкнул Нейт, все спокойствие улетучилось в одно мгновение.

Лили дернулась от ярости, сквозившей в его голосе, но все равно не остановилась, притянувшись к нему еще ближе, теперь она чувствовала его дыхание у себя на лице.

— Хорошо, Нейт, это многое значит для меня. Именно это «ничего» удерживало тебя вдали от меня в течение восьми лет. Именно это «ничего» заставило тебя думать, что я ушла от тебя. И именно это «ничего», позволило тебе разрешить мне уйти. И именно это «ничего» удерживает тебя от меня на расстоянии и *теперь!*

Когда она закончила свою драматическую тираду, Нейт резко отскочил от нее, развернувшись на каблуках. Лили открыла было рот, чтобы окликнуть и сказать, что они еще не закончили, но он направился к двери и хлопнул ею с такой силой, что фотографии в рамках, висевшие на стенах, задвигались.

Она опять вздрогнула и просто стояла, наблюдая за его действиями, разинув рот.

Похожий на хищника и очень *опасный*.

Он прошагал напрямик к постели, наклонился и скинул всю одежду на пол.

От этого ее глаза тревожно распахнулись.

Затем решительно шагнул к ней, Лили продолжала, как вкопанная, стоять на том же месте. Он подхватил ее за ягодицы и приподнял вверх.

Она от неожиданности вскрикнула, обернув непроизвольно ноги вокруг его талии и схватившись за плечи, чтобы сохранить равновесие, он развернулся к кровати и отпустил руки, отчего она упала спиной на покрывало, по-прежнему цепляясь за него и потянув за собой, Нейт возвышался над ней.

— Ты думаешь, я утаиваю что-то? — проворчал он, его глаза опять опасно сверкали, он находился в дюйме от ее лица.

Несмотря на все его действия, свидетелем которых она стала, Лили решила отбросить предостережение. Она первая затеяла все это и завершила красивым жестом — метанием одежды, поэтому ей было необходимо собрать все свое мужество и довести

начатое до конца, закончить эту сцену или все будет в пустую.

Поэтому не задумываясь, она бросила ему в ответ:

— Да!

И почувствовала, как его рука стала поднимать подол ее платья вверх.

— Нейт! — воскликнула она, понимая его намерения, он же зарылся лицом ей в шею, скрывая лицо, с отражавшимися чувствами.

— Ты имеешь меня больше всего, я никому не предоставлял такую возможность, — прорычал он в чувствительную кожу у ее уха, а затем она почувствовала, как он лизнул ее. Она попыталась его оттолкнуть, и пыталась проигнорировать гимнастку в животе, которую, по-видимому совершенно не интересовали драматические события, она просто опять стала творить свои сальто.

От выходки гимнастки, Лили перестала отталкивать его и скользнула рукой ему в волосы, а другой рукой схватила его за руку, осторожно стараясь развернуть его голову к себе, чтобы увидеть его лицо.

— Я не это имею в виду. Я не имею в виду то, что происходит в спальне, — прошептала она.

Словно она ничего не сказала, его рука пробежалась, открывая свои великолепные намерения, по ее животу, направляясь к ее груди, большой палец умело нашел сосок, и сквозь ткань стал потирать его. Лили пыталась сохранить контроль, но почувствовала, как внутри у нее все начинает таять от его прикосновений.

— Я отдаю тебе гораздо больше, чем мне давала моя приемная семья, — пробормотал он своим ставшим шелковистым голосом ей на ухо и глубокий тембр вызвал дрожь у нее по всему телу.

— Нейт, не делай этого. Мы всегда были хороши в сексе. *Поговори* со мной, — умоляюще произнесла Лили.

Он проигнорировал ее просьбу, и его губы слегка дотрагиваясь, двигались от ее скулы к подбородку, рука опустилась между ними, дразня край ее кружевных трусиков.

Дотрагиваясь губами до нее, он выдохнул:

— Я даю тебе больше, чем давала мне моя мать.

Она вздрогнула, поняв, что он не имел в виду Лауру. Впервые, после стольких лет, он что-то сказал о своей родной матери, вернее, если не учитывать тот единственный раз, когда он вообще заговорил о ней на первом свидании в парке.

Ее вздох был захвачен его губами, которые жестоко и требовательно накрыли ее поцелуем, этот поцелуй должен был ей что-то сообщить, этот поцелуй точно вторил его пальцам, переставшим дразнить, отодвинув кружевную ткань белья, и произведя вторжение двумя пальцами.

Она сразу же застонала прямо ему в рот, мгновенно отвечая на его прикосновения. Ее руки стали метаться по нему, вытягивая рубашку из джинсов, чтобы почувствовать пальцами твердые мышцы у него на спине, почувствовать тепло его кожи.

— Такая влажная, — пробормотал он ей в губы, — *только для меня.*

И своими прикосновениями, он увел ее от напряженного разговора, а его голос звучал почти благоговейно, не веря самому себе, от этого сердце Лили окончательно растаяло.

Как только его пальцы задвигались, она была не в состоянии думать ни о чем, ни о каких доводах, секретах, только о том, что его рука вытворяла с ней.

— Только ты, Нейт, — нежно проворковала она.

От ее слов, он прижался к ней лбом и закрыл глаза, которые сейчас отображали его естество и горели таким настоящим природным голодом, что потрясли Лили до основания.

Он опустился на ее губы, его рука творила свою магию, но он не целовал. Он открыл глаза, посылая своими пальцами вспышки электричества, распространяющиеся ударными взрывными волнами наслаждения по всему ее телу.

Наконец, он произнес, выдыхая ей в рот, пока его палец описывал круги, и она резко закричала, поскольку он все ближе и ближе подводил ее к кульминации.

— Ты не уйдешь от меня, Лили.

Она плохо соображая, отрицательно покачала головой.

— Пообещай мне, — прорычал он.

Она вжималась в его руку, как можно ближе, потому что была уже почти на грани.

— Пожалуйста, Нейт.

— Скажи мне! — потребовал он.

— Нейт, — выдохнула она ему в рот, приподняв руку и зарываясь в его волосы, удерживая его открытое лицо напротив своего.

— Лили, — его голос напоминал низкий, мягкий гул.

Она приоткрыла глаза и увидела прямо перед собой его черные зрачки.

— Я не уйду от тебя, Нейт. Я никогда не оставлю тебя, — заявила Лили дрожащим голосом, из-за того, что вытворяли его пальцы. У нее было такое чувство, что сейчас все осуществилось, все, что желало ее сердце. А сердце ее желало, еще тогда, когда ей было четырнадцать лет, и да, ее желание сбылось, еще тогда, когда Нейт спас ее от вора, пытавшегося украсть у нее сумочку.

И губы Нейта обрушились на нее под ее взглядом, позволяя ей парить, его рука отправила ее в потрясающее место, к такой высоте, он всегда мог это сделать. Нейт проглотил ее крик наслаждения, она вцепилась в него руками, прижавшись к его пальцам.

Ее тело извивалось, выгибалось и дрожало, он осторожно потянул ее за собой, перекатываясь на спину, опуская подол ее платья. Он обнял ее и стал укачивать в своих объятиях, медленно и бережно, поглаживая по спине.

Она уткнулась лицом ему в горло, чувствуя себя уязвимой и беззащитной. Он как всегда отправлял ее в прекрасное место, но на этот раз не присоединился к ней.

До сих отстраненный. Всегда отстраненный тем или иным способом.

— Нейт? — пробормотала она напротив его горла.

— Мм? — Он опять находился в собственных мыслях, далеко-далеко от нее. Она научилась уже распознавать, когда он был с ней, а когда находился далеко.

Спокойным голосом, еле слышным, что она сама удивилась, что он смог ее расслышать, она прошептала слова, который имели под собой глубокий смысл:

— Ты нужен мне здесь, со мной.

Его рука перестала медленно поглаживать, сжалась.

— Я у тебя есть.

Она отрицательно покачала головой, лежа у него на шеи, безмолвно отрицая его слова.

— Ты получишь меня, Лили. Я обещаю.

Она знала, что это не так.

Но Лили сделала колоссальное заключение — жизнь меняется один раз.

Даже судьбоносный шанс может быть только один.

Вместо того, чтобы всеми существующими силами пытаться сохранить свое сердце от

него на расстоянии (это явно не работало, поскольку это был *Нейт*), она решила попробовать заставить его открыть свое сердце ей. Она собиралась воспользоваться всем, что имелось у нее в наличии, всем, на что хватало у нее сил, возможно, даже зайти так далеко и воспользоваться своим последним желанием, чтобы заставить его открыть свое сердце.

Она понятия не имела будет ли ее затея успешной, но, в этот момент Лили поняла, что была чертовски положительно настроена, чтобы рискнуть.

Нейт

Нейт пораньше ушел из офиса, желая поскорее попасть домой.

Домой.

Место, где была Лили и Наташа.

И конечно же Фазир.

Таша позвонила и сообщила, что его ожидает сюрприз.

Он не мог представить какой сюрприз может его ожидать. В течение месяца, с того дня, когда Лили закатила драматическую истерику, выбрасывая одежду из гардероба, его жизнь стала полна сюрпризов.

Приятных сюрпризов, можно даже сказать, экстраординарных сюрпризов.

Своего рода сюрпризам и возможности исполнения желаний, он бы очень хотел поверить, но благодаря многолетнему опыту разочарований, не мог.

* * *

Это случилось на следующее утро после сцены Лили.

Она проснулась рано, очень рано, тихонько сползла с кровати, прилагая все усилия, чтобы не разбудить Нейта. Это усилия были совершенно напрасны, поскольку она два раза стукнулась о кровать, выругалась себе под нос и чуть не рухнула на пол, пока одевалась. Понимая, что она старается ради него, Нейт делал вид, что спит, хотя единственное, что ему ужасно хотелось, это вернуть ее теплое тело обратно к себе в кровать.

Прошло какое-то время, но она даже не думала возвращаться в спальню, Нейт встал, натянул джинсы и отправился на ее поиски.

Он обнаружил ее на кухне, одетую в очень короткие, тонкие хлопковые на подтяжках шорты в нежно-розовую с фиолетовым полоску, которые совершенно не скрывали ее длинные, стройные ноги. С ними она одела розовый лифчик и старый серый джемпер, который явно знал лучшие времена, и Нейт сразу же решил его заменить на что-нибудь другое, новое из кашемира.

Она стояла посредине кухни, уперев руки в бедра, уставившись на столешницу и по-видимому находясь в замешательстве.

Удивляясь ее настроению после их выяснений накануне, Нейт бесшумно ступая босыми ногами, подошел к ней сзади и осторожно обнял за талию.

Вчера она пообещала не оставлять его, сказав, что никогда не оставит, но Нейт не верил в это. Он рано научился не доверять никому и пока ничего такого не произошло в его жизни, чтобы он смог изменить свое мнение.

Он знал, что она хотела от него большего, она хотела его всего, но он не мог этого дать. Он помнил, как провел те восемь лет, словно доживал последние деньки, если она узнает когда-нибудь, кем он был на самом деле, то оставит его навсегда и не разрешит даже видеться с Таш.

А Нейт ни за что не позволит этому случиться. А чтобы такое не случилось, он сделает все, что собственно он делал и раньше, чтобы их обоих оградить от своего прошлого.

Не то, чтобы Лили отдавала ему всю себя. Открытость Лили, которая позволяла ей все время восхищаться жизнью, лопнула, как мыльный пузырь, и ее смущение по малейшему поводу тоже ушло куда-то. Смеющаяся Лили, которая рассказывала истории о любимой семье, тоже увяла. И совершенно неважно, что он собирался сделать, чтобы исправить свои прошлые ошибки, чтобы стереть последние восемь лет из ее жизни, переделывая и перекраивая, потому что она стала теперь совсем другой.

Настороженной, бдительной и закрытой.

Она вздрогнула, когда он коснулся ее и резко обернулась, едва не двинув ему подбородку головой, но все же хлестнув своими мягкими, душистыми волосами, его по лицу.

— Нейт! — воскликнула она, с выражением разочарования, увидев которое, он почувствовал неприятное побаливающее ощущение в животе. Она оглянулась через плечо на столешницу, потом обратно перевела на него взгляд и сообщила, преувеличенно надув губы:

— Ты испортил мой сюрприз.

Затем она ошеломила его тем, что обхватила за талию, наклонила голову в сторону, разочарование улетучилось у нее из глаз, словно его и не было, и улыбнулась одной из своих необычных улыбок. От вида которой, у него практически перехватило дыхание, и каждый мускул напрягся в теле.

Ее улыбка была в точности такой же, как он запомнил. Не настороженной, не бдительной, не закрытой. Открытая, счастливая и одна из самых великолепных сокровищ, которые ему удалось увидеть в своей жизни.

Она слегка наклонилась к его груди, задев подбородком его обнаженную грудь, а потом отклонила голову назад, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Я хотела приготовить тебе завтрак в постель, — радостно сказала она.

Он взглянул через ее плечо, и действительно, он прервал ее на самой середине.

Теперь понимая ее намерения, и что ее разочарование было вызвано не им, Нейт не знал, что ему делать. Нейт был не тем мужчиной, который не знает, что ему делать и это возникшее ощущение ему не понравилось.

Ни одна женщина не готовила ему завтрак в постель, ни одна женщина даже не делала ему завтрак. Ни одна из его любовниц ничего не делала для него, иногда они дарили ему презенты в виде бутылки вина или готовили ужин. Они были рады, чтобы он оплачивал их ужин, дарил подарки, возил отдыхать, но женщины в его жизни пользовались его заботой, они хотели, чтобы их баловали. Нейт играл в эту игру в основном потому, что ему это было удобно, иначе они становились ноющими и требовалось на них тратить больше сил. Он понял, что его подарки и презенты делало его жизнь с ними более мирной и кроме того, он мог себе это позволить.

Но это был совершенно новый другой опыт.

Лили словно не замечала его удивления.

— Я начала, хотя толком не знала, что мне приготовить. Ты никогда не говорил о еде, если подумать. Ты просто... ел, — ее улыбка не дрогнула, а голос звучал почти дразняще. Она мягко отстранилась и показала рукой в сторону столешницы. — Я решила, что бекон, яйца и тосты будет моим лучшим выбором. Все любят бекон, яйца и тосты. Но потом я поняла, что даже не знаю, какие яйца ты любишь!

Она тихонько засмеялась, находя это забавным и вернулась к нему, небрежно обхватив его за талию и снова прижавшись всем телом.

— Знаешь, мне кажется, будто я знаю тебя много лет, но на самом деле, знакома с тобой

всего несколько недель. Разве это не смешно? — она поникла, опустив плечи и отклонила назад голову, вглядываясь в него своими необыкновенными глазами, синими и такими яркими, такими глубокими, такими чистыми, что Нейт потерялся в них.

Потерялся в ее глазах, потерялся в ее настроении, потерялся в самой Лили, так потерялся, что не мог вымолвить ни слова.

— Итак, — прошептала она, — какие яйца тебе нравятся?

Ее вопрос вывел его из молчаливого созерцания. Он прозвучал так, словно его ответ значил для нее в этом мире все.

Он с опаской посмотрел сверху-вниз на нее, его тело по-прежнему было напряжено, не понимая, то ли следует с облегчением выдохнуть от ее нового настроения или же стоит начать волноваться, что она что-то скрывает за всем этим.

— Мне понравятся любые, какие ты сготовишь, — уклончиво ответил он.

Что-то промелькнуло у нее в глазах, но он не успел понять, поскольку это «что-то» выглядело немного странно, словно решимость и ее руки крепче сжали его за талию.

— Омлет? — спросила она.

— Будет замечательно, — ответил Нейт.

Ее улыбка вернулась.

— Как насчет жареных, нравится ли тебе, может лучше яичница?

— Мне нравится и то и то, — ответил он.

— Пашот?

— Хорошо.

При этом ее глаза сверкнули, она покачала головой и рассмеялась, все ее тело завибрировало от смеха. На секунду она опустила лоб ему на грудь, давая себе насладиться удивительным минутным смехом, затем снова взмахнула головой, чуть ли не двинув ему по подбородку. Она взяла в ладони его лицо, притянула к себе, и полностью его ошеломила, быстро поцеловав, со смехом, который еще остался у нее на губах. Она никогда сама не касалась его, особенно за пределами спальни, где они вместе воссоединялись.

— Что мне с тобой делать? — пробормотала она, явно не предполагая, что он может ответить, и продолжила очень мягким тоном: — Какие яйца тебе нравятся больше всего, Нейт? Пожалуйста, скажи мне.

Эта совершенно незначительная информация *была* чем-то важным для нее, и вздохнув он ответил:

— Пашот.

Тут обе ее руки взлетели в воздух, как будто она орала «гол» в американском футбольном матче. Она выгнулась, прижавшись ближе к его телу.

— Победа! — громко и радостно воскликнула она, ее лицо засветилось торжеством, и Нейт почувствовал, как остатки напряжения от взгляда на нее покидают. Затем спустя мгновение ее лицо резко изменилась, и она воскликнула:

— О нет!

— Что? — спросил он.

— Я не знаю, как варить яйца.

Именно тогда Нейт начал хохотать, вся напряженность ушла, и он еще сильнее прижал ее к себе, она уперлась руками ему в плечи, наклонилась и поцеловала снова.

— Никогда не стоит бояться, — заявила она, отстраняясь и поворачиваясь к столешнице, — я видела как-то, как это делали в кулинарной программе. Думаю, нам

потребуется вода, которую нужно залить в какую-то центробежную штуковину-машину-Бобби и там будут яйца разбиваться. Я разберусь с этим. — Она открыла пакет с хлебом.

Нейт позволил себе минутку просто понаблюдать за ней. Он позволил себе это, потому что Лили стояла спиной к нему и не могла его видеть. Она казалась такой счастливой, как та давняя Лили, ему нужно время, чтобы вернуть ее. Он протянул руку и притянул ее обратно в свои объятия, зарывшись носом в ее волосы, спадающие на шею.

Не часто Нейт ощущал такую появившуюся надежду, потому что знал, что это была ценная вещь.

А в этот момент, он именно почувствовал *надежду*.

Не ту вечную добрую надежду. Не ту показную надежду, которая, он прекрасно на своей шкуре знал это, не существовало, а надежду реальную.

— Нейт? — она попыталась отодвинуть голову, чтобы взглянуть ему в глаза, но не стала выпутываться из его рук. — Что-то случилось?

Он поднял голову и поцеловал ее в нос.

— Ничего.

Снова что-то промелькнуло у нее в глазах, но вместо этого ее лицо не закрылось, как она обычно делала, когда он не отвечал ей того, что она хотела услышать, она прислонилась к нему спиной. И ее яркая-синяя радужная оболочка глаза постепенно стала темно-синей.

— Теперь, когда мы выяснили с завтраком, может быть, ты подаришь мне хороший утренний поцелуй? — негромко робко сказала она, но в глазах читалось приглашение.

Это не была та прежняя Лили. Это даже не была Новая Лили.

Это была *Совершенно Неизвестная* ему Лили.

Раньше она бы никогда не попросила поцеловать себя, но Нейта не нужно было просить дважды.

Именно в этот момент, оба Фазир и Виктор вошли в кухню, прерывая их утренний поцелуй, который становился приятно жарким.

— Простите, простите... мы придем по позже, — Виктор попятился назад, Нейт нехотя оторвался от Лили, переводя взгляд на двух мужчин.

— Я не приду по позже! — проворчал Фазир, грубо игнорируя сцену и топая напрямик на кухню. — Мне нужно кофе сейчас же.

Лили отстранилась от Нейта и подошла к нему.

— Фазир! — она взяла лицо Фазира в ладони и потянула его голову к себе, наклоняя ее вниз, чтобы поцеловать в щеку. — Нейт любит яйца *пашот*, — она сообщила это с таким выражением на лице и с такой интонацией, как будто только что открыла код взлома первой шифровальной машины «Энигма».

Она перестала удерживать его лицо, Фазир перевел взгляд от Лили на Нейта, потом обратно на Лили. Он пожал плечами, выражая свою незаинтересованность и направился к кофейнику.

Нейт оперся бедром о столешницу и кивнул отцу, который был в пижаме и халате.

— Кто это сделал? — потребовал ответа Фазир, держа кофейник перед глазами и тут же уставившись на Нейта. Нейт гневно смотрел на него, что его заподозрили в *преступлении*, искривив в отвращении губы.

— Я сделала, — ответила Лили, деловито переворачивая бекон на сковороде.

Но ответ Лили, не удержал Фазира от гнева.

— Это похоже на воду, — обвиняя сказал Фазир, переводя сердитый взгляд на нее.

— Нет, *не похоже* на воду. Всего лишь потому, что ты не желаешь это пить, Фазир, совершенно не значит, что это похоже на воду, — она вскинула голову и через плечо взглянула на Виктора, который уселся за кухонный стол, желая посмотреть шоу. — Фазир просто любит крепкий кофе.

— Я понял это, — прокомментировал Виктор.

Лили поразительно ярко улыбнулась Виктору и вернулась к работе. Несмотря на то, что она повернулась к нему спиной, Виктор уставился на нее застыв, как на чудо, затем перевел взгляд на Нейта.

Нейт и отец улыбнулись друг другу, и Виктор подмигнул своему сыну.

* * *

Вечером после того, как уехали Виктор и Лаура, Фазир исчез в своей комнате, Нейт слушал чтение Таш, прежде чем уложил ее спать, а потом отправился искать Лили.

Она сидела в солнечной гостиной, в новом плетеном кресле с пухлыми подушками в спокойных бежевых тонах и ярко-синими декоративными подушками-валиками, подогнув под себя ноги, склонив голову и читая книгу. Миссис Гундерсон спала, свернувшись калачиком, рядом с ней.

С деньгами Нейта и выбором Лили, все в гостиной стало гораздо лучшего качества и значительно лучшего стиля. Мебель стала плетеная, с закругленными углами. Рамы заменили на деревянные с двойными стеклами, сверкающими чистотой. Стены перекрасили в чисто белый и большие пальмы в горшках привлекательно были расставлены по всей комнате. День за окном был серым, но гостиная была наполнена мягким светом от лампы, стоящей на бежевой основе, в виде толстой луковицы, отбрасывающая свет на сидящих в плетеных креслах, между которыми стоял столик. Плетеный квадратный столик в центре композиции, накрытый сверху стеклом, удерживал огромный хрустальный глобус с вазой, наполненной высокими ирисами.

Нейт испытал чувство удовлетворения, увидев Лили, тихо сидящую и читающую со своей кошкой под боком. Это была комната, которая и должна была быть у Лили — дорогая и элегантная, и именно этим Лили и должна заниматься — читать и отдыхать, а не бегать постоянно, заботясь о каждом.

Он несколько секунд молча смотрел на нее, она видно почувствовала его присутствие, подняв голову, выражение лица по-прежнему было сосредоточенное на книге, потом расслабилось, и небольшая улыбка расплылась у нее на губах.

— Таш спит? — спросила она.

Нейт почувствовал, как что-то внутри него разжалось от ее простого вопроса. Другим, это показалось бы обычным, потому что это не был какой-то слишком уж важный вопрос, обычный, так жена спрашивает своего мужа, спит ли их ребенок.

Но для Нейта, это был самый интимный вопрос, который ему кто-либо кто-нибудь задавал.

— Да, — ответил он.

Лили положила закладку в книгу и отложила ее в сторону, но не стала подниматься.

— Она любит тебе читать, мне кажется, для нее это самый важный момент за весь день.

Нейт как всегда ничего не ответил, но, что-то опять разжалось у него в груди от ее замечания.

Наконец он произнес:

— Я не хочу прерывать твое чтение, — она отрицательно качнула головой, показывая, что не возражает, он продолжил: — Я давно хотел тебе сказать, что завтра утром у нас встреча по поводу нашего процесса бракосочетания...

Он не успел договорить, Лили вдруг подскочила с кресла и бегом, преодолев короткое расстояние, бросилась к нему, чуть ли не сбив с ног. Миссис Гундерсон отлетела от ее прыжка, превратившись в разъяренную кошку, скрывшись за дверью с недовольным мяуканьем.

Лили обняла его за плечи и подпрыгнула вверх, обвив ноги вокруг его талии, и он автоматически поддержал руками ее под попу, чтобы сохранить равновесие.

Она прижалась к его щеке и крепко сжала свои объятия.

— Что? — прошептал он ей в ухо.

Ее голова дернулась назад, и она посмотрела на него, ее глаза мерцали появляющимися слезами.

— Ты сказал Алистеру в конференц-зале, что собираешься на мне жениться, но потом ты больше об этом не упоминал. Ты сказал через два месяца. Но уже прошел целый месяц! — Он даже не успел ответить на ее монолог, поскольку она взволнованно продолжила: — Мы сможет завтра огласить дату, да? — спросила она, и он кивнул, почувствовав, что чрезвычайно рад ее положительному настрою.

Она оперлась на него руками, и снова прислонилась к его щеке.

— Мне столько всего нужно сделать! Мне необходимо найти платье себе и Таш. И нам необходимо сделать приглашения, — она запрокинула голову назад и опять посмотрела ему в глаза, слез уже не было, ее глаза горели и в них вспыхивала радость. — Маленькая свадьба?

Он снова молча кивнул, она разжала ноги, и он аккуратно поставил ее на пол. Наблюдая за ней, как она взволнованно продолжала говорить, расхаживая по комнате и выключая лампы.

— Фазиру тоже нужно будет что-то одеть, и еще цветы. Мне кажется, что пионы подойдут, мама очень любила пионы. Они являются цветком штата Индиана, знаешь ли? — пока она задавала этот вопрос, даже не смотрела на него, собственно и не ожидала ответа.

— И еще нам необходим фотограф. Я не хочу иметь одного из тех нацистов фотографов, которые заставляют по семнадцать часов позировать для фото. В этот день должно быть всем радостно. Мы должны пить и есть и не тратить свое время на фотографии. Что ты думаешь об этом?

Он даже не успел ответить, она остановилась и стала выключать второй светильник, продолжая:

— Точно! Фазир может сделать фотографии! — она захлеб тараторила и радостно хлопнула в ладоши прямо перед Нейтом, и он вспомнил, что именно так она делала, когда он согласился прокатить ее на мотоцикле в их первое и единственное свидание. Глядя на нее, его грудь выпятилась вперед, он никогда так раньше себя не чувствовал, но что-то тепло и приятное, распространилось у него в груди, он понятия не имел, что это такое. Он даже не понимал, как смог совместить ее удовольствие и заботу, две вещи, которые раньше совместно он никогда не чувствовал, никогда в жизни.

Он даже был не в состоянии войти в комнату и по-прежнему стоял в дверях, просто прислонившись к косяку и продолжал смотреть на нее.

Но ему не пришлось долго оставаться в таком положении. Лили подошла к нему,

схватила за руку и повела вверх по лестнице в их спальню. Все это время она продолжала говорить, рассказывая свои планы.

Она спросила его хочет ли он станцевать с ней, но не стала дожидаться ответа, и ответила сама, что танцы должны быть обязательно.

Она спросила оденет ли он с утра свой костюм, но не стала дожидаться его ответа и сказала, что, наверное, ему будет слишком душно в во дворце бракосочетаний.

Она спросила, хочет ли он произнести речь, но потом решила, что никаких речей.

В спальне он закрыл за собой дверь, и она повернулась к нему в его объятиях.

— Просто предоставь все мне. Я обо всем позабочусь. Я позвоню Лауре и Максину, и мы разберемся со всем этим в кратчайшие сроки, — она направила указательный палец ему в грудь. — На тебе остается медовый месяц. Ты сможешь с этим справиться?

Он крепче прижал ее к себе и улыбнулся, глядя на ее сияющее лицо.

— Думаю, я справлюсь.

Она склонилась к нему и улыбнулась.

* * *

Три дня спустя Нейт находился в своем новом офисе в Бристоле, проводя совещание, двое сотрудников сидели напротив него в креслах, в ожидании инструкций, когда зазвонил телефон.

Когда он проводил совещание, телефон у *него* никогда не звонил.

Ни разу.

Нейт не относился к жестоким боссам, но он был не из легких. Он ждал от своих сотрудников, что они будут усердно работать, проявлять свой профессионализм и амбициозность, при этом не будут алчными, не будут предавать, будут приносить хорошие идеи и конструктивную критику. Он готов был вознаграждать их за эти качества, причем чем больше они демонстрировали этих качеств, тем больше было вознаграждение.

Если они не могли их продемонстрировать по каким-то причинам, то им приходилось уйти.

Он не поддерживал дружеские отношения со своим персоналом, не приглашал их пропустить стаканчик после работы, а также не водил на ланч. Он не дарил им подарки на Рождество, но при этом действительно давал щедрые рождественские бонусы. Он не делился своей личной жизнью ни с единым человеком в офисе или вне его. Он не поощрял такое поведение и среди руководителей, и сотрудников. Он ожидал, что рабочие отношения останутся рабочими, и тогда многих будет ждать успех, поскольку он ожидал с их стороны абсолютный профессионализм, и сам показывал им пример.

Он не выступал в роли любящего отца большой корпоративной семьи.

Его уважали, считали лидером, который на самом деле мог руководить корпоративной армией, изо дня в день направляя их на достижение замечательных результатов.

Его вердикт заключался в том, что его никто не смел беспокоить во время совещаний, если не происходило что-то сверх экстраординарное. Вердикт был таким же распоряжением, как и все остальные, которые всегда строго соблюдались.

Поэтому, когда зазвонил его телефон, сотрудники, сидевшие напротив него, подпрыгнули от неожиданности.

Нейт принял вызов.

— Да?

— Мисс Джейкобс на линии, — произнесла его секретарь, Дженнифер по селектору, точно придерживаясь его распоряжения, что в любое время, когда бы не позвонила Лили, ей следует тотчас с ним соединить, чтобы он не делал.

Нейт даже не удостоил своих двух сотрудников взглядом (если он обратил на них внимание, то увидел бы, как расширяются их глаза от удивления), он просто снял трубку.

Лили звонила ему всего лишь однажды, жалуясь, что ее мебель из гостиной вывезли, словно хлам.

Таш, однако, звонила ему каждый день, когда она возвращалась домой из школы, чтобы рассказать маленькие новости, которые она считала «самыми наиважнейшими» в своей жизни, что практически происходило каждые два дня. Нейт глянул на номер, не дочь ли звонит. Наташа любила поговорить, но она была очень умной, невероятно смышленной. У нее в лексиконе было достаточное количество слов, которыми она умело пользовалась и довольно-таки часто, и пользовалась ими гораздо лучше, чем некоторые люди в три раза старше нее. Понятно, что Таш обгоняла в своем развитии многих детей, и Нейт уже занялся изучением специальных школ, которые бы ей подошли. Он смутно подумал, что в ближайшее время ему стоит это обсудить с Лили.

Нейт тотчас же вспомнил, что все звонки Таш шли по расписанию, Дженнифер специально на это время не вставляла в его график никаких встреч и совещаний.

Но Лили звонила ему только один раз. И сейчас не было уже мебели, которую вывозили из дома, и большая часть ремонта была завершена на этой неделе. Он понятия не имел, почему она решила ему позвонить, и начал беспокоиться по поводу плохих новостей.

— Лили, — приветствовал он ее.

— Привет! Ты занят? — жизнерадостно воскликнула она, ее жизнерадостность застала его врасплох.

Нейт был занят, он всегда был занят.

— Нет, — коротко ответил он.

Возникла пауза, потом она спросила:

— Что ты делаешь? — спросила она таким тоном, как будто позвонила, чтобы просто поболтать, и как будто делала это каждый день.

Он откинулся на спинку кресла, опешив от такого нового ее поведения, которое соответствовало Новой Лили и удивился, потому что ему было любопытно узнать — цель ее звонка.

Его взгляд скользнул мимо двух сотрудников, которые усердно притворялись (но плохо), что не прислушиваются к беспрецедентному разговору с неизвестной «мисс Джейкобс» их жесткого и не добросердечного босса, с женщиной, ради которой он прервал совещание, даже не задумываясь.

Он полностью проигнорировал их.

— Работаю, — ответил Нейт.

Она глубоко беззаботно рассмеялась, а затем произнесла:

— Конечно.

— Лили, что-то...

Она перебила его:

— У Таш скоро будут школьные каникулы, и мне кажется, что нам стоит спланировать семейное путешествие.

Нейт замер от неожиданности.

У него были семейные праздники с Виктором и Лаурой, но поскольку Виктор постоянно работал, праздники можно было пересчитать по пальцам. Во время этих праздников Джефф использовал любую возможность, чтобы помучить Нейта своим своеобразным способом, а Даниэлла применяла тоже свои собственные методы помучить Нейта, но совершенно другим путем.

У Нейта не было никаких трепетных и теплых воспоминаний о семейных праздниках.

Если копнуть глубже, то у Нейта вообще было мало теплых воспоминаний и большинство из них касались непосредственно двух недель восемь лет назад и этих трех недель.

Лили этого ничего не знала, поэтому радостно продолжила:

— Я думаю насчет парижского Диснейленда. Таш хотела все время попасть туда, и я тоже никогда не ... — она резко остановилась, затем быстро проговорила, пытаясь прикрыться тем, что она и Наташа все эти годы никуда не выезжали на каникулы, она понимала, что Нейт будет взвинчен от ее слов. — В любом случае, мы все могли бы поехать туда на несколько дней, а потом Фазир мог бы походить с Таш по аттракционам, а ты и я могли бы съездить в Париж на день или два, только мы вдвоем. Я никогда не была в Париже.

Нейт молчал, выслушав ее план семейного отдыха, с учетом пары интимных дней. Лили тоже замолчала.

Лили молчала и ждала, Нейт же был просто ошеломлен.

Но приятно ошеломлен.

Наконец, она первой не выдержала:

— Ну, что ты думаешь?

— Я попрошу Дженнифер устроить все, — ответил Нейт.

— Ура! — во все горло закричала она, ему пришлось отодвинуть трубку от уха, и он не смог скрыть небольшую улыбку, появившуюся на губах, когда услышал ее нескрываемое ликование.

Кроме Нейта также его двое сотрудников слышали ее ликование, они бросили друг на друга многозначительные взгляды, и *наверняка* заметили его доселе невидимую никем улыбку.

— Мне пора, — сказал Нейт, его улыбка тут же исчезла, и он посмотрел холодным взглядом на своих подчиненных, которые сразу же стерли со своих лиц многозначительное выражение.

— Ох, хорошо, — у нее в голосе послышалось разочарование, и Нейт почувствовал, хотя это было странно, как что-то отпустило у него в груди снова. — Когда ты будешь дома?

— Как обычно.

— Хорошо, — повторила она, затем замялась и глубоко вздохнула, и, если он не ошибся, очень даже многозначительно, а потом попрощалась.

— Увидимся позже.

Он подождал, пока она повесит трубку, она не отключалась.

— Лили?

— Нейт.

— Положи трубку, — скомандовал он.

— Ты клади первый, — парировала она.

Он поднял глаза на коллег, одна из них опустила голову и смотрела на колени, другой

смотрел в сторону и его губы подергивались.

— Лили, в моем офисе со мной сидят двое подчиненных.

— Ах! — воскликнула она. — Если ты занят, зачем ответил на мой звонок?

— В прошлом я пропустил достаточно твоих звонков, я не пропущу теперь ни одного, — сказал он и сталь прозвучала в его голосе, этот звук был более знаком для его сотрудников, лица которых сразу же приняли деловое выражение, никаких эмоций.

Тон Лили был теплый и мягкий.

— Нет.

Его имя произнесенное Лили подобным образом, словно электричество прошло по его телу.

— Мне нужно идти, — повторил он, на этот раз с неохотой, и он позволил это услышать присутствующим.

— Пока, — сказала она, еще одно слово сладкое и какое-то такое интимное, и Нет ощутил его, как ее физическое прикосновение, и что-то опять разжалось у него в груди еще на один дюйм.

* * *

Две недели спустя, середина субботы стала самым наполненным днем в месяце по сюрпризам.

Нет и Виктор уже закончили осматривать сад, который он решил преобразовать, и направились на поиски всех остальных, обнаружив их у Лили в кабинете на верхнем этаже.

Дом был полностью отремонтирован, рабочие и декораторы ушли, мебель и бытовая техника заменены, и это место сейчас было именно таким, как и представлял его Нет, подходящим для Лили и Наташи, домом соответствующем его семье. Этот дом он создал для них, именно такой дом они заслуживали, ради такого дома он готов трудиться и дальше, пока не умрет, исполненный уверенностью, что у них всегда будет такой дом.

Этот дом теперь находился в собственности Лили, потому что Нет выплатил ипотеку.

Мебель и обстановка в доме соответствовали высшему классу, и даже если что-то произойдет, то им не придется ждать десятилетия, чтобы заменить мебель.

Лили поразила его своим необычным стилем, который был одновременно изысканным и оригинальным с присутствием приглушенных тонов в сочетании с более насыщенными. Классической, элегантной мебелью, соответствующей коттеджу со стилем антиквариата, стены в большинстве случаев были украшены фотографиями самой семьи и дома в Индиане, сделанными Фазиром или же матерью Лили.

Кабинет Лили был оформлен в бледно-желтых тонах с белой мебелью, с сочно-зелеными и сиреневыми всполохами и ярко-желтыми разбросанными декорированными подушками, создающими определенный уют.

Обычно чистый и убранный кабинет в данный момент был завален раскрытыми журналами и каталогами, и вырванные страницы были разбросаны повсюду. Здесь везде, на полу и на поверхностях, лежали образцы тканей. Фазир как всегда возлежал в своем обычном любимом из парчи кресле, которое он скорее всего любил из-за цвета баклажан в широкую полоску. Максин в тюрбане, почти такого же оттенка, как любимое кресло Фазира, но без полосок, который являлся частью ее собственного причудливого ансамбля сидела за белым столом на тонких ножках, просматривая фото на ноутбуке Лили. Лаура полулежала в

удобном кресле и огромный каталог раскрытый покоился у нее на коленях с вариантами приглашений.

— Никакого пурпурного, — заключила Лили, когда Виктор открыл дверь, а Нейт остановился в дверях, осматривая всех взглядом.

— Необходимо взять пурпурный! — воскликнула Максин, причем таким тоном, будто весь ее вид говорил, что даже не стоит черт побери-обсуждать-что-либо-кроме-фиолетового.

— Я согласен, — высокопарно объявил Фазир.

— Нет только не фиолетовый, — опять повторила Лили.

— Розовый! — встряла в разговор Таш.

Лили сидела на полу, подогнув ноги и упираясь попой на пятки. Четырех открытых журнала лежали перед ней вместе с разбросанными образцами ткани всех цветов радуги.

Таш встала позади Лили, прижавшись к спине матери и обняв ее за шею. Лили слегка удерживала Таш за локти, обнимая дочь.

— Не розовый, куколка, — тихо сказала Лили и склонилась, чтобы поцеловать чуть выше запястье Наташи, и от этой сцены Нейт почувствовал, как внутри стало вдруг тепло от живота и вверх.

— Серый. Приятный, мягкий, серый с голубоватым или розовым отливом, — предложила Лаура, — никто никогда не использовал этот цвет.

— О чем ты говоришь? — Виктор сел рядом с Лаурой в сочно-зеленое кресло.

— Мы выбираем цвет свадьбы, — ответила Максин. — Фазир и я согласны с фиолетовым. Это единственный цвет, за который мы проголосовали вдвоем.

— Фиолетовый не хочет Лили, Максин, — продолжила Лаура.

— Серый с голубым или розовым отливом тоже *определенно* не подходит Лили, — заявил твердо Фазир.

Нейт прислонился к косяку и скрестил руки на груди, испытывая смутное чувство удовлетворения, наблюдая за происходящим.

Лили подняла глаза и окинула его взглядом с ног до головы, а потом посмотрела прямо ему в глаза. И он был пойман ее взглядом, как только увидел таинственную, интимную улыбку, заигравшую в уголках ее губ, прежде чем она отвела взгляд.

— Это свадьба *Лили*, и она должна выбрать цвет, — логически заключил Виктор.

— Лили, могу я поговорить с тобой наедине? — прервал дискуссию Нейт, решив успокоить свое любопытство по поводу ее улыбки, он очень сильно хотел услышать от нее ответ, а стоять тут в ожидании, пока они определяют цвет свадьбы, на который ему, если быть честным, было совершенно наплевать, на цвет, имеется в виду.

Все головы повернулись к нему, но не раздумывая Лили поцеловала Наташу, мягко высвободилась из объятий дочери, и вышла с ним из комнаты, направляясь по коридору в их новую отремонтированную спальню.

Их спальня была выполнена в насыщенных тонах индиго, пронизанная темно-красным и глубоким фиолетовым, Лили как-то умудрилась сделать это не только комфортным для мужчины, но и уютным по-женски местом в доме, совместив два в одном.

Как только он закрыл за собой дверь, она прислонилась к нему и обняла за талию, прижавшись всем телом к его торсу, привычка, которая у нее сформировалась за последние несколько недель. И теперь она делала это довольно-таки часто, на самом деле, каждый раз, когда находилась с ним рядом.

— А какой *твой* любимый цвет? — спросила она, откинув голову назад, а странная,

загадочная улыбка до сих пор витала у нее на лице.

Он обхватил ее одной рукой, другой погладил подбородок и большим пальцем прошелся вдоль щеки.

Он понял, что сейчас перед ним была решительная Новая Лили. Она представляла из себя смесь его милой Лили, которую он спас от вора, но зрелой, не потерянной или сломленной жизнью, а нечто совершенно другое. Она была веселая, игривая, дразнящая, любящая и спокойная. И в ней еще присутствовало что-то — что-то манящее и загадочное, словно у нее имелся секрет, но не ужасный секрет, а великолепный, вкусный.

Она стала проводить вечера в своем кабинете что-то сочиняя, пользуясь ноутбуком, который он купил ей или же что-то записывала в тетради. Наташа сидела с ней и смотрела новый телевизор с плоским экраном в наушниках, или же Таш сидела с Нейтом, когда он был дома, делая уроки, посматривая на плоский экран телевизора и одев наушники. Фазир тоже часто присоединялся к ним, когда они все собирались в кабинете Лили, Фазир садился в кресло сочно-зеленого цвета, водрузив ноги на пуфик, и читал свою любимую книгу (однако, Фазир не принимал участия в подготовки уроков Таш с Нейтом).

Лили также получила привычку регулярно звонить в офис Нейту, не каждый день, но несколько раз в неделю. Ей особенно нечего было сказать, и не было вопрос, которые она хотела бы узнать. Она спрашивала, что он хочет на ужин (он никогда ничего особенного не хотел, еда есть еда). Когда он вернется домой (а приходил он в одно и тоже время каждый вечер, но почти в одно и тоже, на пять минут раньше). Она спрашивала — что он делает сейчас (всегда работал). Хочет ли он, чтобы она заказала китайскую еду на вечер, (опять, еда, как еда). Как он относился к говядине Веллингтон, если она будет на свадьбе в меню (он заботился исключительно о Лили и о том, чтобы она была юридически связана с ним, и его абсолютно не волновало, что они будут есть, после этого официального события).

Было очевидно, что на самом деле ее не очень беспокоили его ответы, по крайней мере, она не требовала их настойчиво, поскольку он часто просто ничего не отвечал. Создавалось такое впечатление, что она просто хотела с ним поговорить, как разговаривают родные люди, и эта связь не имела под собой обременительных условий. Ничего не могло омрачить их разговор, потому что любой его ответ принимался, эти звонки были просто своеобразным способом установления родства ее с ним, связи.

Каждый раз, когда она звонила, он резко кивал головой и все, кто находился в кабинете, должны были покинуть его, он разворачивал кресло, лицом к окну, садился поудобнее и клал поперек одну ногу на другую. Он слушал ее также, как слушал дочь, когда она звонила ему после школы.

Когда звонила Лили весь офис знал, что его разговор прерывать нельзя.

Без исключения, никем и никогда.

А за последние две недели еще произошли сюрпризы, когда Таш уже лежала в постели, Лили попросила Нейта сводить ее в паб и так три раза.

Они медленно шли вместе по берегу моря в местный паб. Сидели на свежем воздухе, Нейт пил водку со льдом, Лили — бокал белого вина. В конце она прислонялась к нему, положив голову на плечо, он обнимал ее, и вместе они смотрели на море. Она не задавала никаких наводящих вопросов и не интересовалась подробностями его прошлого. Лили часто вздыхала о чем-то думая, но он тоже не спрашивал ее об этом, и ей не нужно было ничего ему объяснять. Раньше, она бы нарушила молчание и стала бы рассказывать ему о своей семье — отце, матери, бабушке и ее старом белом доме из известняка. Эти истории были

прекрасными, забавными, но всегда были с оттенком ее печали.

Выпив еще несколько бокалов, они медленно шли домой, проводя совместно время и взявшись за руки, и он укладывал Лили на кровать и медленно, совсем медленно, смакуя, занимался с ней любовью.

И после трех таких вечеров и ночей, Нейт заметил, что спал ночью самым спокойным сном, так он никогда еще не спал, а он мог вспомнить каждую ночь за всю свою жизнь.

Однажды, ему пришлось работать дома, делая необходимые записи перед совещанием следующего дня, он сидел в кабинете, попросив Лили, впервые за то время, пока жил с ней в Сомерсете, чтобы Таш на ночь почитала ей, поскольку ему необходимо было подготовиться.

В поздний час Лили спустилась вниз и постучала в дверь. Когда он разрешил ей войти, она впорхнула, присела на край стола и устроила странный допрос по поводу его работы, чем он занимается и как это все работает.

Он спокойно, но не очень подробно объяснил. Ему предстояло еще многое сделать, но было уже поздно, он хотел побыстрее закончить и присоединиться к ней в кровати, так как рано утром завтра она собиралась в магазин. Он пытался игнорировать ее шелковистую кожу на ногах, которые находились на уровне его рук. Пытался игнорировать ее прекрасную грудь, когда она наклонилась вперед, стараясь разглядеть точку на диаграмме, напечатанную в документе, которой заинтересовалась, и ее декольте полностью предстало его взору. Он пытался игнорировать, пока она спокойно слушала его, и ее глаза светились теплотой, а ее мысли были в этот момент явно где-то еще, потому что она загадочно улыбалась, не сводя взгляда с его губ, пока он кратко отвечал на ее вопросы.

В конце концов, она хихикнула, взмахнула руками и уставилась в потолок, запрокинув голову назад, потом спрыгнула со стола, подняла его руки, освобождая себе пространство и скользнула к нему на колени.

Затем она стремительно выпалила множество вопросов, которые вероятно должны были закончить допрос сегодняшнего дня.

— Что девушка должна сделать, чтобы соблазнить своего жениха? Я имею в виду, очевидно мне следует что-то сделать? Следует показать стриптиз? Или голый вертеться на столе?

Она не закончила, не смогла, проглотив дальнейшие слова.

И она в конечном итоге оказалась на его столе голый, но ей не пришлось вертеться.

Сейчас стоя в их спальне, с двумя семьями, находящимися по соседству, рука Нейта прошла по линии ее подбородка и заправила ее волосы за ухо.

— Мой любимый цвет? — переспросил он.

— Да, ты выберешь цвет нашей свадьбы, — потребовала она, поддразнивая.

— Лили, мой любимый цвет красный, — сказал он, ее глаза расширились, и она расхохоталась, прижимаясь ближе к его телу.

— Свадьба Дракулы! — воскликнула она, и Нейт очень надеялся, что Лаура не подслушивает их, иначе получит сердечный приступ. — Мне нравится! Я надена черно—крово-красные юбки и у нас будут красные розы, а ты сможешь надеть смокинг с красным крестом на шее. Мы станем притчей во языцех, однозначно.

Нейт улыбнулся от ее возмутительного предположения, она прижалась еще ближе.

— Я бы не хотел такого, — сухо ответил он.

— Я тоже, — ее сексуальная, понимающая улыбка исчезла, и вернулась ее странная улыбка. — О чем ты хотел со мной поговорить?

— Ни о чем, — ответил он. По какой-то причине, то, что у нее пропала улыбка, заставило его любопытство отступить.

Она сильнее сжала руки вокруг его талии, и поцеловала его в подбородок.

Затем сказала:

— Ну, давай, Нейт. Ты хотел поговорить?

— Это не важно, — он опустил руку ей на талию, и к его удивлению, она недовольно с фырканьем выдохнула, отстранилась и резко толкнула его в грудь обеими руками к кровати.

Он не сдвинулся.

— Что ты делаешь? — спросил он, потому что она отставила одну ногу назад и начала с усердием толкать его в грудь руками, пытаясь сдвинуть с места.

Он не шелохнулся.

Она полностью проигнорировала его вопрос и пробормотала себе под нос:

— Забудь, тебя не сдвинешь с места, — и она перестала его толкать, и стала вдруг расстегивать его рубашку.

От ее странного и непонятного для него поведения, он моментально схватил ее за запястья и резко спросил:

— Лили, какого черта ты делаешь?

Ее голова дернулась, но совершенно не обращая внимания на его тон и позволяя удерживать себя за запястья, она возбуждающе прижалась к его груди.

— Я заставляю тебя заговорить, — объяснила она с ухмылкой.

— Прости что?

Без слов она склонилась к его груди, которая выглядывала из расстегнутой рубашки, и он ощутил, как ее язык мягко прошел по коже, вызвав огонь во всем его теле.

Он рывком дернул ее за руки.

— Лили, Наташа в соседней комнате.

Ее улыбка превратилась в искушающе дьявольскую.

— Тогда тебе лучше начать говорить побыстрее, пока я окончательно не изнасиловала тебя, — она снова наклонилась и пробежалась губами по его подбородку, и он почувствовал моментальную реакцию в теле, несмотря на то, что у него стала появляться ответная улыбка.

— Изнасиловать *меня*? — спросил он, веселье слышалось в его голосе.

Он убрал руки с ее запястий, и она тут же нашла им отличное применение, вытягивая его рубашку из джинсов.

— Ты думаешь, я не смогу этого сделать? — она вскинула в вызове голову, и ее яркие голубые глаза стали темнеть.

Он скользнул рукой по ее волосам и нежно, сзади намотал на кулак, чтобы удержать ее голову перед собой. Мягко опускаясь к ее губам, он сказал:

— О да, дорогая, думаю, сможешь.

Он скорее ощутил, чем увидел ее улыбку, которая неожиданно прокралась через него.

— Скажи, о чем ты хотел со мной поговорить? — нежно прошептала Лили, слегка потирая его спину.

Он не мог противостоять ее игривому настрою, поэтому сдался:

— Ответить мне, почему ты улыбалась.

Его глаза были меньше, чем в дюйме от нее, и он заметил, как в них возникло замешательство, брови нахмурились.

— Я улыбалась, потому что ты только что согласился, что я могла бы тебя

изнасиловать... — начала она.

Он отрицательно качнул головой и слегка поцеловал, заскользив губами вниз по ее щеке к уху:

— До этого, тогда, в твоём кабинете, когда увидела меня в дверях.

Она отступила и посмотрела на него, и он увидел знакомое выражение ее глаз, улыбку, подергивающиеся губы.

— Тогда? — спросила она.

Он кивнул.

— Да.

Улыбка стала шире и, если бы было возможно, ее глаза могли дополнительно выдавать тепло.

Она объяснила:

— Помнишь, как мы впервые встретились, и Виктор привез меня к вам домой, я спускалась по лестнице, чтобы встретиться с полицией?

Конечно он помнил. Он помнил все, словно это произошло час тому назад.

— Да.

— Ты тогда стоял, прислонившись к стене, как герой любовных романов, также, как и в моем кабинете. И я вспомнила, как ты стоял тогда и сколько... как ты..., — она почему-то замолчала, а потом начала по новой, — я так сильно хотела, чтобы ты обратил на меня внимание, как только увидела тебя, прислонившегося к стене, словно романтического героя. Ну, и потом ты э-э... заметил меня.

Ее слова так потрясли его, что он замер и все его игривое настроение улетучилось.

— Прости что? — спросил он.

Она улыбнулась, глаза ее манили и счастливо сверкали.

— Ты так похож на героя любовных сексуальных романов. Я знаю, поскольку прочитала *их сотни*, также, как и Максин, ты даже можешь спросить у нее. *Обещаю* тебе, она согласится с моим мнением.

И прежде, чем он успел произнести хоть слово, она отстранилась, положив руки ему на грудь и начала перечислять его качества, от которых у него сжался живот, в груди что-то заболело, а в горле образовался комок.

Одновременно с реакцией тела, ему захотелось расхохотаться.

— Во-первых, невероятно, *невероятно* красивый, — начала она, — и ты очень поджарый.

— Я *очень* поджарый? — спросил он недоверчиво.

Она энергично закивала.

— Очень, — заверила она, как будто поджарость относилась к черте характера, таким же, как честность, порядочность, дипломатичность и великодушие, причем все в одном флаконе. — Ты высокий, темноволосый и с узкими бедрами...

— Узкими что? — прервал ее Нейт, но Лили проигнорировала его вопрос.

— Ты очень умный, сверх умный, ты гений. И ты трудолюбивый. Мужественный и беспощадный...

— Лили...

— И сильный...

Он ничего не мог с собой поделать, просто начал смеяться.

Сильный?

— Лили..., — попытался он прервать ее снова, но она перестала перечислять по списку его характеристики, взяла его лицо в ладони, и то, что она произнесла, заставило его смех замереть.

— Ты имеешь все, что я когда-либо хотела видеть в мужчине. Ты именно тот, кого я хотела, когда мне было четырнадцать лет. Точно-точно. Ты можешь спросить об этом у Фазира, я сказала ему, кого бы я хотела видеть и вот, спустя годы ты появился. И ты был совершенным. И я поняла это в ту же минуту, как только на тебя взглянула. Я знала, кем ты являлся, и поняла, что хотела именно тебя, поэтому я знала, что ты *мой*.

Нейт напрягся, его тело просто заморозилось, он отрицательно покачал головой, отстраняясь от нее, увеличив расстояние между ними, понимая, что поднял все свои щиты. Он ничего не делал для этого, они поднялись сами автоматически.

Мягко, предупреждая, он сказал:

— Ты понятия не имеешь, кто я есть на самом деле.

Она не позволила ему отстраняться, сделала шаг вперед к нему, сокращая расстояние между ними и крепко обняла за талию.

— Я точно знаю, кто *ты*.

Он снова качнул головой, конечно, отрицательно, но она продолжила говорить, и в этот раз голос ее звучал решительно, проскальзывали даже железные нотки в ее словах.

— Ты Натаниэль МакАллистер, ты мой любимый, ты отец моего ребенка, ты заботишься о своей семье, ты никогда непустишь нас опять, и ты никогда не подведешь меня, — она полностью вжалась в него и потянулась к его губам. — Нейт, *ты мой*, ты принадлежишь *мне*, а я принадлежу *тебе*.

Он почувствовал, как ее слова неистово бушевали у него внутри.

Если бы она знала о нем, то не говорила бы таких пламенных слов и не была бы столь решительной. Он взял ее лицо в ладони.

— Ты права, Лили, я никогда не отпущу тебя, но ты не знаешь, кем я являюсь.

Она молча поцеловала его, а потом мягко сказала:

— Ты можешь иметь свои секреты, мне все равно. Ты можешь рассказать их мне, или можешь держать их при себе. Но, Нейт, я *точно знаю*, кто ты. Возможно, я многого не знаю и только что узнала твой любимый цвет, но я точно знаю, что ты никогда не причинишь мне боль. И ты бы не позволил ничему этому случиться и раньше, если бы тебе это было под силу. — Ее глаза стали такими яркими, и она добавила: — Кстати, Джефф не поджарый, и он сутулится.

От ее быстрой смены тона и самой темы разговора, с игривого к какому-то задумчивому, заключительному, Нейту стало так странно, что он потерял саму суть.

— Не расслышал, что ты сказала!

Со злой усмешкой она произнесла:

— Джеф, твой брат, не худой и не поджарый, и совсем не похож на сексуального романтического героя, такого, *как ты*. Он *сутулится*, как сопливый подросток.

От этих слов Нейт наконец позволил себе захохотать во все горло, отпуская полостью эту ситуацию, пусть все идет своим чередом, он же свои секреты похоронит как можно глубже, и после того в чем она ему призналась, единственное, что он хотел, прижать ее к себе и наслаждаться ею.

Притянув к себе, он откинул голову назад и расхохотался во весь голос, прижимая ее еще ближе.

Нейт, ни Лили, догадывался, что в соседней комнате наступила полная тишина, как только они услышали его смех. Двое из присутствующих там явно улыбались, еще двое — вероятно, одна хихикала, а второй явно хмурился.

Стоя в их спальне, Лили уткнулась Нейту в шею, он перестал смеяться, и она тихо произнесла, тихо-тихо, словно просто выдохнула:

— И кое-что еще тебе следует знать, я никогда не позволю тебе уйти.

И Нейт почувствовал, что ее слова были вовсе не слова, а своего рода клятва, и он непроизвольно сильнее прижал ее к себе.

* * *

Сейчас двигаясь по пути домой к новому сюрпризу, который его ожидал сегодня вечером, каждый день доставлял ему удовольствие и приближал его на еще один, к тому дню, который, он был почти уверен обязательно наступит, и удача отвернется от него.

Лили, Фази́р и Нейт

— Пааааааапааа! – закричала Таш, несясь через весь дом к входной двери.

Лили была на кухне, помогая готовить ужин Фазиру. От крика своей дочери, она поняла, что Нейт подъехал к дому. Она теперь всегда узнала по буйному крику Таш, превратившемуся в ежевечерний ритуал, о возвращении Нейта домой, однако сегодня ее крик был громче и потому, как она неслась к двери, присутствовало больше волнения.

Лили взглянула на Виктора, который сидел за кухонным столом, перебирая бумаги.

Был четверг, Виктор и Лаура не должны были появиться раньше субботы, но Лили заручилась поддержкой Виктора для осуществления своей новой стратегии, добиться доверия Нейта по поводу нее, их семье и их совместного счастья.

Она не лгала, когда сказала ему, что не хочет знать его секреты. Она на самом деле не хотела знать, потому что ее не волновало, что он скрывал. В конце концов, какими бы они не были, это не имело ни малейшего значения для нее.

Она просто хотела вернуть его доверие, чтобы он верил в нее, в семью и в себя. Внутри она понимала, что он не верит. И она находилась в полном шоке от осознания этого, хотя ему то было решительно все равно. Его тайны удерживали его на расстоянии от нее, заставляя отдаляться еще больше, и она хотела все исправить, нет, теперь это превратилось для нее в потребность, потому что она была необходима ему. Она *необходима* ему ради Таш, и кроме того, она нуждалась в нем сама.

Она топталась на одном месте, хотя и старалась сдвинуть все с мертвой точки (а она очень старалась), поэтому решила прибегнуть к «тяжелой артиллерии» и заручиться поддержкой Лауры и Виктора. Это была отчаянная мера, но ей было на это совершенно наплевать. Она была не такой уж гордой, чтобы не признаться по крайней мере самой себе, что в данный момент пребывала в полном отчаянии. Дело касалось ее семьи, и она очень переживала, а ради семьи Лили готова была пойти на все.

Поймав ее взгляд, Виктор улыбнулся ей в ответ.

Лили схватила кухонное полотенце, быстро вытерла руки, ответив Виктору нервной улыбкой, потом такой же — Фазиру.

Фази́р внимательно наблюдал за ней. Фази́р, Лили обратила внимание, за последние недели все внимательнее присматривался к ней, *даже слишком*, нежели обычно, особенно к Нейту.

Сейчас у Лили не было времени беспокоиться еще и по поводу Фазира. Она выбежала из кухни в холл, заметно нервничая. Из-за чего, она так и не поняла. Она хотела, чтобы все стало идеальным, особенно то, что она считала важным, и пробить хоть одну брешь в броне, которой Нейт сковал свое сердце, увидеть хотя бы одну каплю таящегося льда, которым он сковал свое сердце.

Лаура бросилась в холл из гостиной, широко распахнув глаза, тоже такая же взволнованная. Столкнувшись с Лили, она тихо хихикнула. Одновременно они протянули друг к другу руки, крепко ухватившись, как бы поддерживая себя и вышли на улицу.

Таш танцевала вокруг Нейта и новой модели ярко-красного мотоцикла Ducati, который стоял на дорожке перед домом, украшенный ярко-алым огромным бантом.

Виктор выбирал мотоцикл, поскольку Лили ничего не понимала в моделях Ducati. У Нейта был один в Лондоне, но в Сомерсете не было ни одного. Виктор заверил ее, что этот мотоцикл был самым лучшим среди самых дорогих, находился в верхней линейке моделей, и он, конечно, именно так и выглядел (и его стоимость была соответствующей). Виктор договорился, чтобы его доставили домой, Лили заплатила со счета, на котором лежало семь миллионов фунтов. Впервые она прикоснулась к этим деньгам. Виктор также решил, что ему с Лаурой стоит присутствовать при вручении подарка, поскольку он был уверен, что это будет что-то с чем-то.

И это на самом деле стало что-то с чем-то.

Нейт уставился на мотоцикл.

Таш тараторила рядом.

— Мама купила его тебе! Разве он не красивый? Она сказала, что ты возьмешь меня покататься. Она также купила всем шлемы! Один тебе, один себе, один Фазиру и даже маленький для *меня*!

Глаза Нейта передвинулись от мотоцикла на Лили, стоявшей с Лаурой на крыльце у входной двери. Лили поняла, что Виктор и Фазир вышли тоже и стоят у нее за спиной.

Она улыбнулась Нейту.

Он нахмурившись смотрел на нее.

— Он тебе нравится? Он нравится тебе? Он тебе нравится? — пела Таш, пританцовывая вокруг сюрприза.

Нейт по-прежнему смотрел на Лили, словно ошеломлен. Лили растерялась, и ее улыбка дрогнула.

— Я хочу поговорить с тобой *наедине*, — заявил Нейт официальным, полностью безэмоциональным голосом, наконец, выйдя из ступора, и направляясь напрямик к ней.

— Нейт..., — начала Лили, но он уже был рядом, схватив ее за руку и потянув за собой в дом, мимо Виктора и Фазира, ему даже пришлось оттолкнуть отца в сторону.

— Ему он понравился! Папа всегда разговаривает с мамой *наедине*, когда счастлив, — восторженно закричала Таш.

Лили почувствовала облегчение, потому что Наташа действительно была права. Нейт всяческими силами пытался оградить Таш от любых своих постоянных любовных ласк по отношению к Лили. Он был ласков с ней перед всеми, брал за руку, касался ее, целовал мимолетно. Но если он хотел чего-то более глубокого и значительного, он предпочитал делать это наедине за закрытыми дверями.

Нейт тащил Лили вверх по лестнице в спальню. Он втянул ее внутрь и захлопнул дверь с такой силой, что похоже весь дом содрогнулся.

Лили стояла почти рядом с ним в нескольких шагах, приподняв голову улыбнулась, совершенно неправильно истолковав его импульсивные действия.

— Я так понимаю тебе понравился байк, — сказала она, по-прежнему улыбаясь.

Нейт в упор смотрел на нее и его глаза не выглядели счастливыми. На самом деле, он казался рассерженным, скорее даже очень рассерженным.

Ее улыбка стала меньше.

— Кто купил этот мотоцикл? — спросил Нейт опасно спокойным вкрадчивым голосом.

Она моргнула, снова начиная смущаться, и ее улыбка растаяла.

— Я. Это подарок от меня, — ответила она.

— У меня уже есть байк.

Лили почувствовала, как ее сердце ухнуло.

— Я знаю, но его здесь нет, и я подумала...

Он прервал ее.

— На какие деньги ты купила этот байк?

Она вздрогнула, и вдруг поняла, но уже слишком поздно, где совершила ошибку. Внезапно купленный подарок сейчас показался ей настолько глупым, потому что на самом деле, с ее стороны это было глупо, ведь получается, что он сам заплатил за свой собственный подарок.

— Я воспользовалась деньгами, которые ты мне дал, — ответила она тихо и почувствовала, как слезы начинают собираться в уголках глаз.

Это было не очень хорошо.

— Лили, я говорил тебе, что эти деньги для тебя, — он говорил спокойным, ровным, низким голосом, но в нем слышалась какая-то угроза, и она теперь точно поняла, что он очень сильно разозлился.

— Да, я знаю, — ответила она. — Мои, поэтому я и купила на них... подарок.. э-э... для тебя.

Он продолжал сохранять приличное расстояние между ними, но ей казалось, что он делал это с трудом, прикладывая усилия, судя по всему, ему хотелось подойти встряхнуть и образумить ее, и она ощутила страх.

— Ты не должна, черт побери, использовать эти деньги для меня. Мне не нужен никакой чертовый байк. Мне казалось, что я доходчиво объяснил это тогда, но сейчас я объясняю это снова, — продолжал он терпеливо, и со стороны показалось, что он сдерживается *из последних сил*. — Это твои деньги. Ты должна их тратить только на себя.

— Нейт..., — прервала она его снова, и поняла, что его терпение уже закончилось.

— У меня все есть, что мне необходимо прямо здесь и сейчас, в этом черт побери, *чертовом* доме!

Хотя даже слова у Нейта были красивыми (в некотором смысле), Лили вздрогнула по двум причинам.

Во-первых, он потерял самообладание и повысил голос, на самом деле, он просто кричал, и она никогда не видела его в такой ярости. Он действительно пребывал в ярости.

Во-вторых, он стал ругаться. Он не часто выражался, вернее очень редко. И конечно никогда не говорил на повышенных тонах, переходя на крик, потому что их могла услышать дочь, он конечно же предпринимал огромные усилия, пытаясь их всем обеспечить, и возражал против того, что совершенно в данной ситуации считал неуместным.

Удивительно, если учесть, что Нэйт всегда был не многословным, но сейчас он разошелся и не собирался останавливаться, говоря все громче и громче.

— И ты не будешь использовать их на Наташу, потому что я позабочусь о нашей дочери.

— Нейт..., — она попробовала еще раз вставить слово, совершенно спокойно, надеясь, что это как-то повлияет на него, но он снова ее прервал еще громче.

— И ты не будешь использовать их на Фазира. Понятно же, что ты заботишься о Фазире, но впредь ты не будешь о нем заботиться, потому я позабочусь о нем. Это понятно?

У Лили прошел страх, потому что она начала злиться. И поэтому стала отвечать ему, все же пытаясь контролировать свой собственный голос.

Он сделал в ее сторону гигантский шаг, остановившись всего лишь в дюйме от нее, и наклонился, пытаясь заглянуть ей в глаза, но она упрямо и сердито смотрела в пол.

— Это, мать вашу, понятно? — зарычал Нейт, для нее это уже был перебор.

Она всего лишь попыталась сделать ему приятное. Она просто пыталась растопить его сердце. Она пыталась *сделать его счастливым*.

— Не ори на меня! — крикнула Лили.

— Скажи мне, что ты поняла! — заорал он в ответ.

— Я не могу потратить семь миллионов фунтов на себя! — ответила Лили в такой же тональности, как и он, запрокинув голова, глядя ему в лицо и сжав в кулаки руки. — Ты все мне покупаешь! Продукты! Новый автомобиль! Ты купил мне новый кашемировый кардиган, который мне даже *не нужен*, буквально неделю назад! Ты даже выплатил всю ипотеку! Что мне делать с семью миллионами фунтов?

— Пройдись по магазинам. Сходи в спа. Слетай в этот чертовый Париж, купи коллекционные часы, одежду известных дизайнеров, купи себе одежду от Шанель. Хоть делай маникюр каждый день. Это не важно, просто используй их... на себя! — закричал Нейт.

Она прищурилась, глядя на него.

— Сходить... слетать... ты хочешь, чтобы я *прошла по магазинам*, купив одежды на семь миллионов фунтов? — ответила она прокричав (еще громче повышая голос). — Сколько маникюра я должна сделать на семь миллионов фунтов? — кричала на возмущенно.

Он сделал шаг назад, его глаза по-прежнему поблескивали от гнева, но она видела, что он пытался взять себя в руки.

— Мне насрать, только не тратить их ни на кого, кроме себя, — сказал он (громко, даже *слишком* громко), и начал поворачиваться в сторону двери, словно разговор был окончен, вернее их ораение друг на друга, а самого разговора *так и не получилось*. У двери он повернулся.

— Я переведу деньги за байк на твой счет.

— Не смей! — закричала она ему в спину, но он уже исчез за дверью.

Она уставилась в дверь, за которой он скрылся, почувствовав, что с трудом дышит, сердце бешено колотилось, она никогда не была так зла, это впервые за всю жизнь.

Лили сделала глубокий вдох, затем еще один, потом услышала, как сотрясая весь дом, опять хлопнула дверь.

В кабинете Нейта.

От этого грохота, она еще раз вдохнула, пытаясь успокоиться и выбежала из комнаты, спускаясь вниз по лестнице с верхнего этажа, заворачивая на следующий лестничный пролет, она увидела внизу Виктора, Лауру, Фазира и Таш, и даже миссис Гундерсон, тихо сидевшую у ног Таш, подергивая хвостом. Они все поджидали ее в холле, провожая глазами, она ни сказав ни слова, прошла мимо них и стала впускаться вниз на первый этаж.

Прямоком направляясь в кабинет Нейта, дверь которого была закрыта, без стука она распахнула дверь, вошла внутрь и *с грохотом* захлопнула ее за собой.

Он стоял у стола с бумагами в руке, и почему-то яркая разноцветная пластмассовая коробочка, в которой хранились счета связанными с тратами семьи, была открыта и лежала сверху на столе.

Она проигнорировала открытую коробочку и также проигнорировала его испепеляющий взгляд, нацеленный на нее.

— Мы еще не закончили, — объявила она.

— Уже закончили, — парировал Нейт.

— Еще нет! — крикнула Лили.

Спокойно он снова опустил взгляд на бумаги, всем своим видом давая понять, что не собирается вступать с ней в дискуссию.

Лили запрокинула голову назад и громко завизжала. Когда она закончила, взглянула на него. Он вынужден был оторваться от своих бумаг, естественно, и прищурившись, сдвинув брови уставился на нее.

— Хорошо! — отрезала она. — Наконец-то ты обратил на меня свое внимание.

Она направилась напрямик к нему, обойдя стол. Он повернулся к ней лицом, и она остановилась в шаге от него, указав на него пальцем.

— Это мои семь миллионов фунтов. Ты подарил их *мне*! — крикнула она, подчеркивая каждое слово и тыкая пальцем ему в грудь. — Если я захочу купить тебе мотоцикл на них, я куплю тебе *убийственно хороший* мотоцикл. Если я захочу купить тебе *спаниеля призера с великолепной родословной короля Чарльза*, который будет стоить таких баснословных денег, я куплю его тебе. Если я захочу, купить тебе сорочки у *слепых монахинь*, живущих в монастыре в *глубине* Пиренейских гор, сделанные из нитей уже *почти вымершего шелкопряда*, я сделаю это! Сейчас, все понятно?

Лили закончила и увидела промелькнувшие эмоции у него на лице, но она не могла четко понять каждую из них, слишком сильные и перемешанные с гневом и чем-то еще, она наверняка не могла сказать что это такое.

— Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты ни о чем не беспокоилась. Я не хочу, чтобы ты тратила деньги на меня, — ответил он гораздо мягче, но его темные глаза смотрели напряженно.

— Ничего с тобой не случится, — отрезала она, не чувствуя никакого напряжения, и ее голос ни на йоту не стал мягче.

Наконец, он потянулся к ней, отбросив бумаги на стол, взял ее лицо в ладони, большим пальцем поглаживая щеку.

И нежно заговорил:

— Если наступает момент у тебя в жизни, когда меня не будет рядом, я хочу быть уверен, что ты *ни в чем* не будешь нуждаться.

— Этого *не* произойдет! — закричала она, ее и так бушующие чувства еще больше усилились, понимая, что она не смогла даже шелку сделать в его доспехах, скорее даже не поцарапала.

Кроме того, она испугалась.

Почему вдруг может наступить такой момент, когда его не будет со мной рядом?

— Нет, я не позволю тебе уйти, — твердо объявила Лили, насупившись, чтобы как-то скрыть свой страх. — Что бы ни происходило у тебя в голове, забудь. Я не позволю тебе уйти. А ты не позволишь уйти мне. Несмотря ни на что.

— Лили...

— Нет! Несмотря ни на что! — отрезала она. — *Сейчас* мы закончили разговор.

Она отстранилась от его рук и направилась обратно к двери, чувствуя себя довольной, что наконец-то высказалась.

— Лили, — окликнул он, и она замерла, опустив руку на дверную ручку, повернувшись к нему, не желая делать шаг назад. Несмотря на то, что она даже не поцарапала его броню, он должен был бы быть полным идиотом, чтобы не понять того, что она только что высказала ему, а Нет не был идиотом.

— Что? — резко поинтересовалась она.

Он секунду внимательно смотрел на нее, и она поняла, что у него спало все напряжение. Она поняла это потому, как подергивались его губы, собираясь расплыться в улыбке.

— После... этого, — начал он, в его голосе уже не слышалась злость, но и не было никакой нежности, скорее всего слова прозвучали с улыбкой, — не хотелось бы опять касаться вопроса денег, но у тебя есть отдельный банковский счет и на нем лежит не малая сумма. — Он указал на бумаги, лежащие на столе, которые изучал до того, как она вломилась к нему в кабинет.

Она направилась обратно к его столу, встав рядом, взяла выписку из банка и посмотрела на нее. Это были деньги, которые она копила на школу для Таш.

— Очевидно же, что ты могла бы воспользоваться этими деньгами, и я задаюсь вопросом, почему ... — начал он.

— Я никогда не трогаю их. Эти деньги на школу для Таш, — ответила Лили, даже не дожидаясь пока он закончит свой вопрос, опустив бумагу на стол.

Он уставился на нее ничего не выражающими глазами.

— Прости что?

Она развернулась к нему, уперев руку в бедро.

— Деньги для школы Таш. Таш — одаренный ребенок. Это не только мое мнение заботливой мамы, но так говорят все ее педагоги. Они рекомендуют мне отдать ее в специальную школу. А такие школы стоят больших денег, очень больших. Я сэкономила...

Что-то поменялось в комнате и это что-то было связано с Нейтом и то, о чем сообщала Лили, она сказала себе остановиться. Она до конца не понимала, что происходит, но Нейт уже не улыбался и не смотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Его глаза прожигали ее так сильно, что она почувствовала, словно его взгляд обжигает ей кожу.

— Ты не тратила их, собирая деньги, чтобы Наташа могла пойти в школу для одаренных детей? — спросил он.

Лили почувствовала от его интонации дрожь по всему телу. И опять же, она не могла объяснить его истинных чувств, которые он видно испытывал, но догадалась, что по-видимому для него это означало что-то очень многое, что-то очень глубокое.

— Конечно, — тихо ответила Лили, зная по опыту своей семьи, да и вообще большинства человечества, что любая мать поступила бы точно так же, хотя похоже, но она не знала наверняка, ее опыт кардинально отличался от его. Она произнесла с такой уверенностью, так обычно говорили о вещах, которые не подвергались никакому сомнению, например, что небо голубое, а земля круглая. — Можно я переведу на этот счет семь миллионов? — отважилась осторожно спросить она.

Тогда Таш сможет пойти в самую лучшую школу в мире за семь миллионов фунтов.

Нейт не ответил. Вдруг он смел ее в охапку и прижал так крепко к своей груди, что она не могла вдохнуть, зарывшись лицом в ее волосы, спускающиеся на шею, он несколько минут ничего не говорил, все крепче сжимая ее в объятиях.

— Нейт, — прошептала Лили, — я сейчас задохнусь.

Он ослабил немного хватку, но продолжал держать ее

Наконец, когда прошло еще несколько минут, он поднял голову и посмотрел ей в глаза, и когда она увидела его взгляд, у нее опять перехватило дыхание. В них была настоящая боль, причем такой силы, что она лавиной нахлынула на саму Лили.

— Нет, — мягко произнес он, — я заплачу за школу Таш.

Она тут же кивнула, не желая вступать в полемику и усиливать его боль.

— Я уже заметил, что она в своем развитии опережает свой возраст, — продолжил он.

— Значительно опережает, — подтвердила Лили.

Он улыбнулся и ужасное выражение с его лица исчезло, к счастью, и это согрело ей душу, он наклонил голову, легко поцеловав.

— Значительно опережает, — согласился он, выдохнув ей в губы.

— Так же, как и ее отец, — продолжила Лили, глядя ему в глаза.

— Как и ее мать, — парировал Нейт.

Она покачала головой и дотронулась до его щеки.

— Что мне с тобой делать? — прошептала она.

— Помоги мне выбрать школу для дочери, — ответил он без колебаний. — Я уже составил небольшой список.

Она широко распахнула глаза, услышав его заявление, улыбнулась и прижалась к нему, положив голову на грудь и обвив руками его за талию.

— Хорошо, — тихо ответила Лили.

Лили прижалась щекой к его груди, и почувствовала, как он уперся подбородком ей в макушку.

И Лили вдруг поняла, и радость начала расцветать у нее в сердце, то, что давным-давно она собиралась накопить на школу Таш, именно это, а ни объятия, ни дневные телефонные звонки к нему в офис, ни дорогой мотоцикл, не смогли этого сделать.

Именно то, что она делала для своей дочери, его дочери, постепенно собирая деньги ей на школу, именно это пробило огромную дыру у него в броне.

Она зажмурилась и ощутила надежду.

— Лили? — окликнул он ей прямо в волосы.

— Да? — прошептала она, открыв глаза.

— Пожалуйста, не покупай мне спаниеля с элитной королевской родословной принца Чарльза. Я не люблю маленьких собак.

Она снова зажмурилась, но на этот раз от смеха.

* * *

Мотоцикл ревел перед домом, Натаниэль высокий, поджарый сидел впереди, а маленькая, тощая Таш сзади, крепко держась за него.

Фазир *не любил* мотоциклы. Он не любил байк Уилла, и естественно ему не понравился мотоцикл и Натаниэля. Где была голова у Лили, когда она покупала этот мотоцикл, Фазир точно *не мог* сказать. Фазир называл все мотоциклы «верной смертью на двух колесах».

Отец остановил мотоцикл, выключил, и опустил вниз подножку, Таша спрыгнула, стащила шлем, словно она делала это каждый день, как только родилась.

Фазир, Лаура, Виктор и Лили стояли перед домом, наблюдая за отцом и дочерью. Лили пошла вперед, Таш просто летела к ней.

— Тебе понравилось, куколка? — поинтересовалась Лили, как только дочь добежала до нее.

— Мне очень понравилось. Очень понравилось, очень понравилось ехать, очень понравилось! — кричала в захлеб Таш, обвив руками Лили и прыгая вверх-вниз, даже

раскачивая Лили от своего возбуждения. Потом она перестала прыгать, посмотрела на мать, по-прежнему обнимая ее за талию.

— Я пыталась уговорить папу ехать быстрее, но он не стал, хотя я так просила и умоляла, — резко закончила она.

— Слава богу, — пробормотала Лаура, выдохнув.

Фазир перевел взгляд на Лауру, и взглядами они разделили свое полное согласие в этом вопросе.

— Твоя очередь, — Фазир услышал глубокий голос Натаниэля и перевел взгляд обратно на высокого мужчину, который смотрел на Лили.

— Ну нет, — сказала Лили, отступая на шаг назад, потом делая второй, — я слишком стара для мотоциклов.

— Ой, мамочка, ты должна поехать! Ты должна! — воскликнула Таш, обойдя мать, упершись руками ей в спину и подталкивая Лили вперед, Лили по-прежнему отступала в сторону дома, пока Натаниэль двигался напрямик к ней.

— Нейт..., — предостерегающе сказала Лили, и Фазир понял почему. Лицо Натаниэля выражало непоколебимую решимость, и он улыбался во весь рот.

Фазир вздохнул.

Лили будет следующей, кто поедет на этом мотоцикле.

Фазир услышал визг, затем быстро последовал еще один, Натаниэль схватил Лили и поднял на руки и быстрыми, широкими шагами понес в сторону байка. Лили завизжала, второй визг был Таш, которая опять прыгала вверх-вниз, хлопая в ладоши.

— Давай, папа, давай! — подбадривала она.

— Не забудьте про шлем! — крикнула Лаура, скрываясь в доме.

— На их первое свидание, он тоже повез ее кататься на своем байке, — сказал Виктор рядом с Фазиром, который перевел на него взгляд. Но было такое впечатление, как будто Виктор разговаривал сам с собой, и Фазир понял, что это так и есть, он смотрел на Лили и Нейта, как бы вспоминая. — Он не привез ее назад, я знал, что он не привезет. Он позвонил вечером и сказал, что она не вернется к нам домой. Тогда я никогда бы не подумал, что это могло так быстро закончиться, — внезапно Виктор замолчал.

То ли из-за того, что он вспомнил про боль, которую им пришлось пережить, то ли что-то другое, Фазир не мог точно определить, но у Виктора явно что-то промелькнуло в лице, пока он наблюдал за этой парой, и Фазир опять перевел взгляд на Нейта и Лили.

— Боже мой..., — выдохнула Лаура, появившись позади них с шлемом в руках для Лили.

Натаниэль снял свою кожаную куртку и надевал ее на Лили, и Фазир увидел понятные слезы на глазах у Лили. Затем Натаниэль застегнул молнию, Лили обняла его за шею и поцеловала. Не мягко и скромно, а поцелуем, которого маленькая Таш еще не видела. Удивительно, Фазир прекрасно знал, что Натаниэль всегда был очень осторожен с проявлением нежности, и тем более совсем уж интимных чувств перед Таш, но сейчас Натаниэль обхватил Лили за талию, притянув ее к себе ближе, опустил голову и стал целовать, совсем не поверхностно, такого Таш однозначно не видела.

— Черт подери, — пробормотал Виктор, таких слов Таш тоже не слышала, но сегодня она слышала достаточно, даже от отца.

Фазир быстро схватил Таш к себе и прикрыл ей глаза рукой.

— Фазир! — недовольно закричала Таш, пытаясь освободиться от его руки и хоть что-

нибудь увидеть, Лили и Натаниэль вдруг очнулись, поняв, что не одни, оторвались друг от друга и повернулись к присутствующим.

Фазир заметил, что Лили даже покраснела.

— Среди присутствующих есть дети, — воскликнул Фазир, убрав руку от глаз Таш.

Взгляд Натаниэля готов был разрезать Фазира на куски, но Фазир сделал вид, что не замечает его.

— Фазир! — снова закричала Таш, упершись руками в бедра и надувшись. Он прямо устоялся на нее. Они стали играть в гляделки, в которые Фазир бы однозначно выиграл, поскольку у него было достаточно практики уже с Бекки, Лили и семилетней Таш, не говоря уже о том, что он был бессмертным, поэтому ему было подвластно все время в мире.

Лаура пошла к паре, Таш тут же проиграла, повернувшись к родителям, скрестив руки на груди.

— Можешь посидеть с Таш сегодня вечером, чтобы она тебе почитала? Мы отлучимся ненадолго, — попросил Натаниэль свою мать.

— Конечно, — ответила Лаура, явно довольная предложением побольше времени провести с внучкой.

Натаниэль повернулся к Наташе и ему даже не пришлось ничего говорить. Она тут помчалась к нему, сказать спокойной ночи, обнять и поцеловать. Сначала она обняла Лили за талию и получила поцелуй от матери, которая наклонилась к ней. Натаниэль поднял Таш на руки, она обхватила его руками и ногами и поцеловала крепко в губы, прежде чем прижаться щекой к его плечу, через несколько секунд он прижал к себе Лили, на лице которой отражалась улыбка, Натаниэль только потом опустил ее на землю.

Таш отступила назад, взяв Лауру за руку. Натаниэль сел на байк, Лили позади него, крепко обняла его за торс, положив подбородок ему на плечо, и они двинулись с обочины гораздо быстрее, *намного*, намного быстрее и опаснее, чем он ездил с Таш.

— Он бомба! — прошептала Таш, глядя им вслед.

Этого для Фазира было достаточно. Он повернулся к Виктору.

— Мы должны поговорить, — объявил он.

Не дожидаясь ответа Виктора, Фазир вошел в дом и направился напрямик в новую семейную гостиную.

Она была такой же, как и старая, но стала более мягкой, более привлекательной с угловым диваном и большим пуфиком перед ним, на котором могло уместиться для сна троих маленьких, но активных детей. Фазиру понравился *этот* диван, старый, конечно, был удобным, но на этом диване он мог сидеть один, чувствуя себя очень комфортно. Этот диван был намного удобнее, чем сотни подушек, которые создавали его бутылочный дом. И был также огромный плоский телевизор, висевший на стене. Фазиру тоже очень понравился *этот* телевизор. Его вестерны оживали на экране. Клинт Иствуд выглядел таким реальным, словно находился в этой же комнате. Все стало лучше, прочнее, появились даже более привлекательные книжные полки, и еще такие же дополнительные, чтобы он мог размещать гораздо больше книг, фотоальбомов и ставить фотографии в рамках.

На самом деле, Фазиру нравился весь дом. Ему нравился миксер KitchenAid и блендер. Ему понравился новый холодильник, такой же, как был в Америке, достаточно большой и в него можно было поместить много еды на много дней. Ему понравился кабинет Лили и то, что она имела время сочинять.

Ему многое теперь нравилось связанное с Лили. Хотя бы то, что Лили снова улыбалась.

Тот факт, что Лили снова смеялась. Теперь лицо Лили редко было напряженным и ей не приходилось заботиться о деньгах, о Таш или о чем-нибудь еще.

Теперь ей не о чем было волноваться и переживать, за исключением, когда она смотрела на Натаниэля.

Фазир было решил, что он хорошо выполнил свою работу, которая долго воплощалась в реальность, также, как и период вынашивания ребенка. Лили *имела* в своем желании, желание пройти со своим любимым через испытания и невзгоды. К сожалению, Фазир был всего лишь чуточку, слишком *уж хороши* в исполнении ее желания (он всегда был хорош, — подумал он с мимолетным смирением), связывая жизнь Лили с Натаниэлем, исполняя ее желание, он выбрал правильного мужчину, и она получала все, чего хотела.

Впрочем, в четырнадцать лет, она, наверное, даже не понимала, что все эти ужасные перипетии главных героинь в ее любовных романах в реальной жизни отзываются огромной болью. Да в них конечно же описывались все переживания и эмоции, но это были всего лишь слова на бумаге, а в реальной жизни боль очень ощущалась и была очень сильной. Испытания и невзгоды, чтобы доказать свою любовь, подразумевали именно настоящие, реальные *испытания и невзгоды*.

И Лили не прошла еще все до конца в своих отношениях. Не с Натаниэлем. Пока еще нет.

Виктор последовал за Фазиром в комнату и закрыл за собой дверь.

— Что? — спросил Виктор, настороженно глядя на Фазира.

Фазир хотел поплыть. Он очень, очень хотел *парить в воздухе*, но он сидел, поставив ноги на пол.

— Расскажи мне, — скомандовал он своим лучшим голосом джинна.

— Рассказать, что? — спросил Виктор, к сожалению, для Фазира, Виктор относился к тому типу людей, которые не любили, чтобы ими командовали.

— Расскажи мне про твоего парня.

Виктор напрягся, все его тело сковалось, и он не ответил.

— Я могу починить его, — объявил Фазир.

— Что ты сказал? — спросил Виктор.

— Я могу починить его. Ты мне расскажешь про него, что мешает ему полностью отдать себя Лили, я расскажу об этом Лили, она произнесет свое желание, и я смогу его исправить, — объяснил Фазир.

На самом деле Фазир не хотел этого делать, даже за все блага. Он не хотел возвращаться обратно в бутылку и переходить к следующему жадного, хваткому, мстительному человеку. Он хотел увидеть, как растет Таш. Он хотел увидеть дочерей Таш, как они будут вырастать. И их дочерей и...

— Ты сумасшедший, — отрезал Виктор, выводя Фазира из мрачных мыслей.

— Я не сержусь на тебя за слова. Я здесь не просто так. Я знаю, вы, люди, думаете, что я странный, но меня это мало волнует. Я думаю, наоборот, что *вы*, люди странные, потому что вы — странные люди. Однако, у меня есть определенная цель в жизни Лили, и я вполне готов...

— Мы *люди*? — переспросил Виктор, внимательно наблюдая за Фазиром.

Фазир кивнул, скрестив руки на груди выше своего живота и запрокинув голову назад, стал свысока смотреть, *задрав нос*, на Виктора.

— Да, вы люди.

— А ты кто? — поинтересовался Виктор.

— Я джинн, — объявил Фазир.

Брови Виктора сомкнулись, а потом его лицо приобрело страшное выражение, даже для Фазира, который ничего не боялся.

— Ты *думаешь*, что ты джинн, — Виктор говорил медленно и недоверчиво.

— Я джинн.

— Ты думаешь, что ты джинн и живешь с моей внучкой, Лили и моим сыном...

— Я джинн, — повторил Фазир.

Виктор уставился на него несколько минут, затем скрестил руки на груди и тихо сказал:

— Может, нам стоит подыскать тебе дом, где-нибудь в более комфортном...

— У меня *есть* дом. Это мой дом и *есть* моя бутылка и...

— Бог ты мой, — выдохнул Виктор, его брови еще больше сошлись на переносице, и он выглядел уже не пугающе, а очень сильно обеспокоенным.

Фазир вздохнул. Ничего подобного раньше не случалось.

Поэтому он *поплыл*. Он скрестил ноги, щелкнул пальцами, и его человеческая одежда превратилась в одежду джинна, включая золотые браслеты и серьги.

Выражение лица Виктора изменилось, обеспокоенный взгляд пропал, запрокинув голову назад, он наблюдал за дрейфующим Фазиром в пяти футов от пола, открыв рот.

— Сара, бабушка Лили, была моей первой госпожой. Она отдала три желания своей дочери Бекки, матери Лили, — объяснял Фазир, с высоты глядя на ошарашенного и потерявшего дар речи Виктора. — Бекки не могла иметь детей, поэтому она загадала желание, и я создал Лили. Я сделал ее совершенной и превосходной, такой, какая она сейчас. Но я хотел, чтобы она научилась смирению...

Объяснял Фазир, и волшебным образом появился альбом с фотографиями, передвигаясь по воздуху, пугая Виктора еще больше и заставив отступить на два шага назад, подлетев к нему с уже открытой нужной страницей. Виктор увидел пухлого, ничем не примечательного тинейджера Лили, но выражение лица Виктора, говорило, что он не мог поверить своим глазам в то, что происходило сейчас. Затем Фазир рассказал Виктору о желании Лили, как появился Натаниэль, а потом все запуталось.

— Это было самое сложное желание за все времена, — сказал Фазир Виктору. — Теперь он находится рядом с ней, и кажется, что ее желание сбылось. У меня был челлинг и мне сообщили, что я номинирован на «Награду Лучшее Желание Века». За весь этот век я — единственная кандидатура. Мне кажется, я могу выиграть, потому что ни у кого и никогда не возникало подобного желаний, похожего *на это*.

Виктор молчал, не проронив ни звука, пока Фазир говорил.

Фазир подплыл ближе и достаточно низко опустил к полу.

— Сейчас, — мягко сказал он вместо своего повелительного тона, потому что это касалось Лили, а все, что было связано с Лили, для него было очень важным. И несмотря на то, что Лили могла использовать свое последнее желание, и ему придется уйти от нее, он хотел ей предоставить все, что она желала, а хотела она наладить отношения с Натаниэлем, и за последние недели, наблюдая за высоким, гордым, умным мужчиной, и тем, какими глазами он смотрел на Лили и дочь, он захотел помочь ей наладить отношения с Натаниэлем. — Расскажи мне про своего мальчика, чтобы я смог исправить его.

Виктор медленно закрыл глаза.

Потом открыл, откидываясь на диване и обхватил голову руками.

Фазир щелкнул пальцами, и на нем появилась человеческая одежда. Он стал опускаться по воздуху, пока его ноги не коснулись пола. Встав на твердую поверхность, он сел напротив, ожидая, когда Виктор придет в себя.

Виктор поднял голову и посмотрел на Фазира, даже показалось, что он вздрогнул, увидев, что одежда Фазира изменилась, но он быстро взял себя в руки.

— Я не могу поверить, что ты джинн, — прошептал Виктор.

— Если ты кому-нибудь проболтаешься, я убью тебя, — соврал Фазир. Это было полнейшей чушью, поскольку он не имел права, но ему всегда хотелось сказать такие слова.

Виктор качнул головой.

— Таш знает, что ты джинн? — спросил Виктор.

Фазир утвердительно кивнул.

— Натаниэль знает, что ты джинн? — продолжил выпрашивать Виктор.

Фазир отрицательно качнул головой.

— Черт, — выдохнул Виктор.

— На самом деле тебе не стоит использовать такие слова, особенно, когда в доме присутствуют малолетние, — произнес Фазир.

Виктор пристально вперился в него взглядом.

— Расскажи мне о Натаниэле, — напомнил Фазир.

Наконец Виктор смягчился.

— Я расскажу тебе о Натаниэле, но ты должен дать ему время... и Лили. Если они сами не справятся...

— Я дам им время, — прервал его Фазир.

— Ты не должен ничего рассказывать Лили, — пояснил Виктор.

— Я не скажу ей, — наконец раздраженно огрызнулся Фазир. — Я джинн! Я знаю, что делаю.

На самом деле, что может быть такого плохого с Натаниэлем? Совершенно очевидно, что он хороший человек. Фазир не собирался его любить, но он не смог продержаться больше нескольких недель, а Фазир на самом деле мог держаться очень долго. Однажды он продержал обиду на одного джина триста лет. Фазир славился своей выдержкой.

Виктор прервал его мысли и начал говорить, и слушая страшные истории, Фазир перестал думать о чем-либо.

Когда Виктор замолчал, Фазир сразу же сказал:

— Я должен все рассказать Лили.

— Ты не скажешь ей ни слова, иначе мне придется убить тебя, — пригрозил Виктор, и хотя Фазир был бессмертным, он все равно почувствовал страх.

— Почему он...? — начал Фазир выпрашивать.

— Я понятия не имею, — оборвал его Виктор.

— Но этого же не стоит стыдиться, — закончил Фазир.

— Я знаю, — снова перебил его Виктор.

— Я не могу это исправить, — признался Фазир, и это было правдой. Он действительно не мог. Никто не мог этого исправить.

За исключением одного человека.

— Лили, — в унисон сказали Фазир и Виктор.

Нейт лежал в постели, документы покрывали его торс, он держал листки в руках, но не видел ничего, потому что вспоминал, как возил свою дочь и Лили на мотоцикле.

Он уставился на документы, но не понимал ни слова, вспоминая, как его дочь Таш, взволновано лепетала ему на ухо, упрашивая ехать быстрее, как Лили прижималась к нему своим телом.

Он также вспоминал о том единственном настоящем подарке, который впервые получил, не учитывая его приемную семью, от кого-либо со стороны. Подарке Лили. Она не купила ему галстук или часы, она предпочла купить ему мотоцикл. Если Лили что-то делала, то делала она это до конца, и с этим он был как раз знаком.

В конце своих умственных заключений, он задался вопросом, действительно ли были такие слепые монахини в Пиренеях, который делали шелковые сорочки из редкого вида шелкопряда, и ему оставалось только понадеяться, что у Лили нет их номера телефона.

Лили вышла из ванной комнаты, надев другую пижаму с короткими шортами в светло-голубой и зеленый горошек и зеленой рубашкой. Она втирала в руки лосьон, и в комнате распространился запах миндаля. Он заметил и его это порадовало, что она прибавила в весе за последние несколько недель, ее слишком уж худое тело приобрело формы, изгибы, которые он предпочитал гораздо больше и помнил, они ему нравились.

Он наблюдал, как она движется в сторону кровати, грациозно и полная жизненной энергией, даже не представляя, что в обычной пижаме, выглядит настолько элегантно даже больше, чем любая другая женщина, которую он когда-либо встречал.

Она прыгнула и приземлилась на колени на краю кровати, усевшись на ноги. Ее глаза встретились с ним, и она улыбнулась, но Нейт тут же заметил, что ее улыбка была теплой, но при этом сдержанной.

Он отбросил документы на тумбочку.

— Что у тебя на уме? — спросил он, правильно прочитав ее взгляд.

Ее глаза засверкали от волнения, и она совершенно не удивилась, он просто увидел, что ее что-то беспокоит и спросил об этом. Учитывая умозаключения Нейта, время для него было слишком ценно, поэтому он предпочел спросить прямо в лоб, особенно, когда дело казалось Лили.

Она наклонила набок голову и прикусила губу.

Затем сказала:

— Обещай, что не рассердишься?

Нейт хотел рассмеяться, но сдержался. Лили устроилась на краешке кровати, улыбаясь ему, но сдержанно, Таш спала внизу, умаявшись от насыщенного на события дня, Лили была рядом с ним, его родители находились в старой спальне Лили, теперь ставшей гостевой, это было все, что он практически хотел, как он *мог* на нее злиться.

Конечно, после того как он так отреагировал на ее подарок, выдвинув столь нерациональный ответ, сейчас он прекрасно понимал, что его ответ прозвучал настолько нелогично, поэтому понимал ее беспокойство.

— Я не буду злиться, — мягко заверил он ее, решив, что она слишком далеко от него, скомандовал еще более мягким голосом: — Иди ко мне.

Она отрицательно покачала головой, ее улыбка исчезла, и он почувствовал, как что-то сдавило его грудь, как только исчезла ее улыбка.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, и я думаю, лучше это сделать отсюда.

Он молчал и чувствовал, как его защита подняла голову, настороженно наблюдая за ней. Она сделала глубокий вдох.

— Это все моя вина, — заявила она.

Он молчал, ожидая продолжения на ее странное заявление.

Она колебалась, а затем заговорила.

— Все, что случилось с нами это моя вина.

Он продолжал сохранять молчание, на этот раз быстро прокручивая в голове все варианты, и задаваясь вопросом, с чего вдруг Лили решила, что *все*, что произошло, было сделано по ее вине.

— Видишь ли, — продолжила она, — за эти восемь лет я хотела, на самом деле хотела, но что-то всегда мешало, но я всегда чувствовала, что должна пойти к Виктору и Лауре, но я так и не пошла.

Наконец, он понял ее беспокойство. Его щиты тут же спали, и он решил нарушить свое молчание.

— Лили, дорогая, иди сюда.

Она снова отрицательно качнула головой, ее золотые волосы, поблескивающие бронзой, легко касались плеч.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я хотела. Нет, у меня все время не было возможности. Я могла бы позвонить им, но что тут скажешь? Сначала я болела, но понимаю, что это не оправдание. Я имею в виду, мне же стало лучше потом, и в течение многих лет...

— Лили..., — прервал он ее, но она была на «своем коньке» и очень волновалась. Он понял это потому, как она спрыгнула с кровати и начала расхаживать по комнате.

— Я писала им письма, я написала десятки писем, пытаюсь все объяснить. Мне казалось, что в письменной форме у меня получится лучше. Я давным-давно пишу, причем хорошо, я даже получила кое-какие награды. Я никогда не говорила тебе об этом. — Она остановилась и посмотрела на него, стесняясь того, в чем только что призналась, потом соединила руки и начала то сжимать, то разжимать пальцы. — Если бы я приехала к ним, или позвонила бы, или всего лишь отослала бы письмо, я даже сама не могу понять, почему не послала...

Нет решил, что для него этого вполне достаточно. Он отбросил в сторону одеяло и направился напрямик к ней. Он не собирался позволять ей брать на себя вину за ложь Даниэллы и Джеффри, если учесть через что она прошла.

Она не отступила, он обнял ее, но она уперлась руками ему в грудь, сохраняя расстояние между ними. Она отклонила голову назад и посмотрела ему в глаза, он обратил внимание, что ее взгляд был растерянным и измученным, от этого он ощутил ярость, поднимающуюся в нем, но поскольку он обещал ей, что не будет сердиться, то сдерживал себя.

Она же спокойно продолжила:

— Я думала, что они знали, что мои родители погибли, и что им было совершено все равно, поэтому...

Он попытался крепче прижать ее к себе, но ее руки по-прежнему упирались ему в грудь, сохраняя расстояние между ними.

— Лили, я не хочу этого слышать..., — начал он.

Она снова отрицательно покачала головой.

— Ты должен знать, что тогда я подумала, хотя это звучит ужасно. Я подумала, что они такие же, как Джефф и Даниэлла, знаю, что это ужасно, но какая-то часть меня...

Он увидел слезы, выступившие у нее на глазах и решил про себя, что, наверное, очень повезло его сводной сестре и брату, что он их никогда не увидит, иначе он за себя не ручается.

— Мне нужно все им объяснить и извиниться, — продолжала Лили.

Он сильнее схватил ее за запястья, опуская ее руки, нежно прижав ее к своему телу. Когда он отпустил ее, она прижалась к нему и обняла его за талию, наклонившись, он взял ее лицо в ладони.

— Разреши этому быть, — мягком произнес он.

— Я не могу, — ответила она. — Они должно быть хотели бы узнать. Нейт, они хотели бы узнать, что все семь лет у них была внучка, и я еще не рассказала тебе про свое желание. И когда я скажу, ты поймешь, что это все моя вина...

От боли, отражающейся в ее глазах, Нейту захотелось что-нибудь кинуть через всю комнату или же кого-нибудь убить (и он *точно* знал, кого именно). Вместо этого, он продолжал усиленно контролировать свои эмоции, но все же оборвал Лили, прикоснувшись к ее губам.

Когда он оторвался на дюйм от нее и посмотрел в глубину ее глаз, повторил:

— Пусть все идет, как идет, Лили.

Он понял по ее взгляду, что она не готова отпустить все и пусть будет, как будет.

— Я могу показать им все своим письма. Я до сих пор храню их, все до единого. И я должна рассказать тебе о Фазире, о своем желании, как все произошло и как все это связано со мной.

Одна одинокая слеза скатилась по ее щеке. Нейт смахнул ее большим пальцем и решил, что на этом стоит закончить разговор. Он не собирался позволять Лили винить себя за их потерянные годы, и он точно не собирался стоять и молча наблюдать, как она плачет.

— Все прошло и движется дальше, — спокойно пояснил Нейт. — Нет никаких причин возвращаться в прошлое. Просто позволь этому быть.

Выражение ее глаз изменилось, и он мог поклясться, что увидел страх. Она еще сильнее оперлась на него и обхватила его руками.

— Ты позволишь? — спросила она.

— Я позволю что? — переспросил он.

— *Ты* позволишь этому быть? *Ты* перестанешь загонять себя до смерти, чтобы показать всем, что ты хочешь загладить вину за все эти годы, хотя твоей вины и нет? *Ты* перестанешь бесконечно заботиться обо всех и наконец поймешь, что мы все вместе? Нам всем следует заботиться друг о друге? Мы теперь семья — ты, я и Таш. И твои родители. И Фазир. *Ты* готов принять прошлое, которое следует оставить в прошлом, а нам же стоит двигаться дальше? *Ты* готов все это сделать?

Для Нейта было полной неожиданностью, что он не разглядел этих вопросов за ее первостепенными, что она продолжила вести с ним переговоры, которые он считал законченными. Он даже не заметил и того, что его защита пала от ее слов, которые она произнесла мягким, нежным голосом, но при этом полностью лишив его обычной брони.

— Лили..., — его голос звучал слишком грубо даже для его собственных ушей, и он почувствовал, как грудь начала подыматься и расширяться. У него никогда не было семьи, как таковой, в том смысле, в каком должна быть семья, с людьми, которые безмерно заботились друг о друге. Да, у него были Лаура и Виктор, и он задолжал им обоим за всю свою жизнь и тем, кем он стал. Джефф и Даниэлла никогда не были его семьей.

Но, конечно же, он не мог сказать Лили об этом.

— Пожалуйста, не переводите деньги за свой байк мне на счет, Нейт, — прошептала она, возвращаясь к своим мыслям. — Пожалуйста, позволь мне преподнести тебе подарок.

Он ничего не ответил, просто еще крепче сжал руками ее лицо, и она еще крепче обхватила его за талию.

Она привстала на цыпочки, ее губы были напротив его, голос настолько мягкий и тихий, что он с трудом мог ее расслышать, прошептала:

— По многим причинам. *Существует* множество причин, почему я люблю тебя, Нейт.

Он просто физически ощутил ее слова.

Его опалила радость, причем такая сильная, что у него вдруг возникла мысль, что скорее всего она должно быть прожгла его кишки насквозь, направившись прямоком в сердце.

Он готов был рухнуть перед ней на колени, но наклонился и поднял ее на руки, понес к кровати, накрывая ее горячие губы своим ртом, требовательным поцелуем.

Одновременно своевольно, его потрепанные щиты всколыхнулись и встали на место.

Она обвила его за шею, целуя его в ответ, он опустил ее на кровать, нависнув над ней.

Как только его губы проложили дорожку к ее подбородку, затем к уху, шеи, она опять повторила:

— Я люблю тебя, Нейт.

Ее слова прошли сквозь него, и он накрыл ее своими губами, сдергивая с нее одежду, бросая ее вниз, стягивая через голову.

Она прижалась обнаженным тело к нему, пробегая руками по его воспаленной коже, обернув ноги вокруг его бедер, скользя губами по его подбородку, прикусывая его плечо зубами.

— Я люблю тебя, — сказала она ему в шею.

— Тише, Лили, — прорычал он, накрыв ее рот еще один жестким поцелуем, пока ее руки хватались за него, а его зубы прикусывали, оставляя синяки, но заставляя ее замолчать. Она извивалась под ним, ее ногти впивались ему в кожу спины, другой рукой она обнимала его, и он подумал, что теперь он в безопасности, опять накрывая ее рот, он воспользовался своими губами, зубами и языком, чтобы отправить ее парить.

— Нейт, я люблю., — он накрыл ее губы на половине фразы, пытаясь остановить ее. Заставив замолчать, он раздвинул ее ноги, нависая над ней и врезался в ее влажную плоть. Она резко выдохнула ему в рот от его варварского вторжения, мгновенно начиная двигать всем телом, вторя ему. Она уперлась пятками в матрас, приподнимая бедра, приглашая и поглощая его сильные движения.

Он понимал, что постепенно подводит ее к оргазму, чувствовал, как в ней внутри начинает нарастать удовольствие, как она стала более напряженно притягивать его к себе, как ее дыхание стало более коротким, быстрым. Он почувствовал сильную радость, как только услышал, как она прокричала его имя, достигая кульминации. Только тогда он позволил себе отпустить свой собственный контроль, вбиваясь в ее сладкую плоть до тех пор, пока не нашел свое собственное освобождение.

Он разрешил опуститься своему телу на нее, хотя бы на несколько мгновений, оставаясь неразрывно связанным с ней, чувствуя ее под собой, обернувшейся вокруг него, прежде чем он откатился в сторону.

Нейт расслышал ее мягкий мяукающий протест, стоило ему только вытащить из нее

свой член, так она делала каждый раз, словно он отрывал от нее какую-то значимую часть ее тела. Он запомнил это мяу, присоединив его к многим воспоминаниям, аккуратно положив Лили рядом с собой на постели, натянув одеяло над ним обеих и прижав ее к своему боку.

Она молчала, поэтому сказал он.

— Я не буду перечислять деньги, — дал он свое согласие, согласившись, он как бы забрал у нее нечто другое.

Он ощутил ее улыбку у себя на плече, и она от его слов прижалась ближе к нему. Он понимал, что она думала, будто приближается к сладкой победе в войне, которую вела с ним в последний месяц.

— Спасибо, — прошептала она, и по ее тону, Нейт понял, что для нее это было очень важным.

Также он пришел к выводу, что совершил колоссальную ошибку.

Нейт понял, что он был эгоистом. Он хотел ее всю, даже когда знал, что он не должен ее иметь, вернее ему не следовало ее иметь, но он все равно взял ее всю. Он понял это в ту же минуту, как только увидел ее, спускающуюся по лестнице в доме Лауры, чтобы рассказать все полиции, когда на нее напал вор и попытался вырвать сумочку. Он знал, что она не любит его.

Он знал это тогда и понимал это сейчас.

Она просто думала, что восьмилетняя драма, разыгравшаяся между ними, полностью была ее виной, но при всем при этом, он прекрасно знал, что она была слишком доверчивой, невинной девственницей, девушкой из Индианы, у которой никогда не было парня до него.

Он — Нейт был первым, кто забрал все, что она готова была дать, и она *все* отдала ему. Он вынудил ее переспать с ним на первом же свидании, заставил ее переехать к себе всего лишь после одной ночи, целенаправленно приложил усилия, чтобы она забеременела, тем самым привязав ее к себе, затем бросил, чтобы потом столкнуться с результатами своих собственных же действий. Потом снова встретив ее, он вошел в ее жизнь, к ней в дом, в ее постель, стал частью ее семьи и забрал еще больше.

Теперь у него было все, но он был недостоин ее.

Он должен был претендовать всего лишь на посещения Наташи. Он должен был брать только то, что Лили готова была дать ему и позволить ей сохранить их отношения официальными. Ему однозначно следовало поработать и оградить ее сердце и сделать все, чтобы она не влюблялась в мужчину, которого даже не существует. Романтический герой, который существовал в ее мечтах, и с кем она олицетворяла Нейта, на самом деле, Нейт совершенно отчетливо понимал, что очень далек от романтического героя.

Теперь же она была уверена, что влюблена в него, но она не знала кем он являлся на самом деле, кем был и из какой семьи он родом. Когда же она узнает, а Нейт почему-то был уверен, что она когда-нибудь узнает, это будет слишком разрушительным для нее.

Поэтому ему еще больше в конечном счете нужно заботиться о ней, защитить ее и дочь, чтобы они никогда не узнали.

Он почувствовал, как Лили прижалась, навалившись на него всем телом, но Нейт все равно не спал этой ночью. Он лежал без сна, чувствуя ее мягкую, теплую кожу, прижимающуюся к его боку, слушая ее дыхание, поглаживая ее, дотрагиваясь до шелковистых волос и специально запоминая это драгоценное мгновение, пытаясь сохранить его в своей памяти навеки.

Лили

Лили была в ужасе.

Все происходило на кануне свадьбы на этой неделе, и между ней и Нейтом все шло неправильно, ужасно неправильно, совершенно неправильно, похоже на какой-то катаклизм, *душераздирающе* неправильно.

— Нейт проведет ночь сегодня в другом месте? Потому что — плохая примета видеть невесту перед свадьбой, — сказала Максин, одетая в другой облегающий аметистовый пиджак, спереди расшитый такими же бусинками. Она улыбнулась, но осторожно, даже не представляя какие неистовые мысли крутятся в голове у Лили, но по крайней мере, она догадываясь.

— Да, — спокойно ответила Лили, отводя глаза, но чувствуя пристальный взгляд Максина и Лауры на себе.

— Лили? — осторожно окликнула Лаура.

Лили подскочила с дивана в гостиной и начала ходить взад-вперед, стимулируя себя движением, но не имея ни малейшего представления, как ей разрешить эту ситуацию, страстно желая ее рассказать, но ей понадобилось бы, наверное, миллион слов, и ее состояние сейчас совершенно никак не связано с обычным мандражом невесты, потому что оно нечто более гораздо сильнее.

— Нейт договорился, — объявила Лили. — Я настояла, чтобы он взял с собой Таш. Они встретят нас завтра в мэрии.

— Таш останется с Нейтом? — медленно переспросила Максин.

— Да, думаю для них это будет неплохо побыть наедине вдвоем. Хотя Фазир тоже поедет с ними, — она противоречила сама себе, и вспомнила о Викторе, который сообщил, что раз Нейт будет ночевать в другом месте, то он тоже будет с ним. — И, вы знаете, Виктор тоже будет с ними, поэтому, на самом деле, Таш не будет наедине с Нейтом. — Сейчас она говорила совершенно не логично и ее слова имели мало смысла.

Максин и Лаура переглянулись.

— Фазир. Зачем? — спросила Лаура.

Лили ничего не ответила. Она не собиралась объяснять Лауре, что именно в данной ситуации она меньше всего хотела видеть Фазира. Она итак с трудом справлялась с нежной опекой Максина и Лауры. Фазир бы продолжил настаивать на разговоре. Он целую неделю ждал своего часа, чтобы поговорить с Лили, буквально подстерегая ее на каждом шагу. Лили знала, что его терпение не безгранично, вернее даже он совсем не отличался терпением.

Но Лили приняла для себя решение и хотела его осуществить, и совершенно не хотела, чтобы Фазир отговаривал ее.

* * *

Прошло уже больше недели с тех пор, как она подарила Нейту мотоцикл. Лили была так уверена, что ей неплохо удалось продвинуться вперед, судя по тому, как он отнесся к ее экономии денег для школы Таш, и как он потом бурно, неконтролируемо со всей страстью

занимался с ней любовью, и то, что она сказала, что любит его, и то, что он согласился на подарок и даже не стал отдавать назад деньги.

Она была так уверена, что его сердце оттаяло.

Она была так уверена, что проделала дыру в его доспехах.

Но... на следующее утро все изменилось.

Причем резко.

Он жил такой же нормальной жизнью, завтракал вместе с Таш, но при этом был отдален, при чем находился еще дальше, чем обычно, он полностью облачился в броню. Лили просто чувствовала ее, видела ее и это разрезало ее на куски.

Перед тем как отправиться на работу, он подхватил, как обычно Таш, и Таш оборачивала ноги-вокруг-Нейта-чмокала в губы на прощание, награждая дочь теплой улыбкой. Потом, что было на него совершенно не похоже, *чмокнул* Лили в щеку. У Лили возникало неприятное ощущение, что Таш он уделил больше внимания.

Нейт стал позже возвращаться домой, чем обычно (раньше Лили отмечала, что он старался приходить все раньше и раньше). Таш по-прежнему читала ему перед сном, но потом он тут же скрывался в своем кабинете, не сказав Лили ни слова.

Лили решила дать ему время, она намного продвинулась вперед и не хотела его торопить и подталкивать. Она пошла еще дальше, уходила спать, не говоря ему «спокойной ночи». Раньше Лили заходила к нему в кабинет поцеловать перед сном, если Нейт оставался работать допоздна, ей казалось, и она была в этом уверена, что им обоим нравился такой ритуал.

Нейт даже в спальню стал приходить намного позже, чем обычно, но она не спала, лежала в темноте, поджидая его. Он не поворачивался к ней, не занимался с ней любовью, не обхватывал ее руками, заключая в свои объятия и притягивая к себе, зарываясь лицом ей в волосы. Он отворачивался, повернувшись спиной, засыпал, вот так... просто...

В выходные Нейт работал опять у себя в кабинете целый день и большую половину ночи. Он даже избегал Виктора и Лауру, хотя был рад, когда к нему приходила Таш и смотрела у него в кабинете телевизор. Он так и не занимался с Лили любовью и не притягивал ее к себе, укладываясь рядом спать.

Виктор, Лаура и Фазир обменивались между собой странными, понимающими взглядами, но Лили даже не хотела спрашивать. Хотя ей пришлось признать, потому что казалось несколько необычным, что Фазир присоединился к ним, особенно к Виктору. Фазир стал немного лучше относиться к Нейту, но не к Виктору.

После обеда откровенно обеспокоенные Виктор и Лаура тихо уехали в воскресенье, Лили пошла за Нейтом, когда он оставил Таш в комнате засыпать, после обычного чтения, направляясь напрямиком к себе в кабинет.

Лили последовала за ним, постучав в закрытую дверь, вошла. Он едва ли взглянул на нее, и почувствовала, как кровь застыла в венах.

— Нейт?

— Что Лили? — спросил он, не поднимая глаз, и спрашивая таким тоном, словно его совсем не интересовал ее ответ, она почувствовала, как у нее кровь не просто застыла, а превратилась в лед.

— Что-то случилось? — робко и неуверенно поинтересовалась она, и он опять поднял голову. Она почувствовала проблеск надежды от его теплого, даже возможно нежного взгляда, но видно ей показалось, потому что оно на нее смотрели совершенно безэмоциональные

глаза.

— Я занят, Лили. Мы должны пожениться в следующую субботу и затем уедем на две недели в медовый месяц. У меня огромный объем работы.

Это на самом деле было похоже на правду, и Лили с облегчением слабо улыбнулась и пошла к его столу, остановившись, очень желая дотронуться до него, но впервые за долгое время, побоялась.

— Могу я чем-нибудь помочь тебе? — тихо спросила она.

Он почему-то рассмеялся, но в его смехе не было юмора, он скорее был хрипатым и резким, похожий на лай, который прошелся по ее уже и так натянутым нервам.

— Ты могла бы оставить меня и дать поработать, — ответил он, закончив свое выступление, подняв на нее глаза, которые были пустыми и полны решимости отчетливо дать ей понять, что ее присутствие здесь нежелательно.

Лили вспомнила этот взгляд. Она видела его ни раз. Именно таким взглядом он всегда смотрел на Даниэлла, причем неоднократно.

У нее замерло, а потом ухнуло сердце в груди, она кивнула и медленно отошла. Очень медленно, по-черепашьи медленно. Совершенно медленно передвигая ногами, надеясь все же, что он окликнет ее, поцелует, прикоснется или сделает что-нибудь еще, ну, хоть *что-нибудь*.

Он ничего не сделал.

Когда он наконец лег в кровать, он так и не дотронулся, и не обнял ее.

Он ушел еще до того, как она проснулась, не разбудил Таш, оставив короткую, ничего не значащую записку Лили (и длинную, очень ласковую, обратите внимание, для Таш), написав, что рано ушел в офис.

Тем же днем, сидя за кассой в «Flash and Dazzle», когда не было покупателей, она позвонила ему в офис.

Тогда он сказал ей, что больше никогда не пропустит ни один из ее звонков, и он действительно не пропускал. Она знала, что звонит, когда он занят, но он всегда брал трубку, также, когда звонила Таш, когда возвращалась домой из школы.

— Офис мистера МакАллистера, — ответила секретарь Нейта, Дженнифер.

— Привет, Дженнифер, это Лили. Могу я поговорить с Нейтом?

Дженнифер на секунду замолчала, и Лили почувствовала, как уже знакомо замерло у нее сердце. В последние недели Лили по-дружески болтала с Дженнифер, и, хотя они никогда не встречались, но они уже подружились.

Однако в этот раз, Дженнифер не стала болтать, а тихо сказала:

— Простите, Лили, но мистер МакАллистер просил его не беспокоить ни при каких обстоятельствах.

Лили сглотнула и кивнула, будто Дженнифер могла ее увидеть.

— Ничего страшного, — ответила Лили, более-менее спокойно и жизнерадостно, но опасалась, что ей это не удалось. — Не могла бы ты передать ему, что я звонила?

— Конечно, — заверила ее Дженнифер.

Вернувшись домой Лили обнаружила, что распоряжение Нэйти «не беспокоить при любых обстоятельствах» не касалось Таш, которая как всегда болтала с ним по телефону, сообщая новости за день. Хотя для Нейта это была не новость, Лили подозревала, что он даже не мог вставить и слова, наверное, даже и не пробовал. Таш пересказывала новости Лили и вдруг сказала:

— Я рассказала папе..., — она рассказа все, что сообщила отцу, — когда я все четко расписала, папа засмеялся.

От того, что Нейт спокойно «болтал» (болтал, конечно, в кавычках) с Таш и смеялся, заставляло Лили чувствовать себя удовлетворенной, но с другой стороны, в ней появился страх и тревога, превращающиеся в ярость, которую она всячески пыталась скрыть, не показывая вида под пристальным взглядом Фазира в течение всего вечера.

Нейт не вернулся домой к чтению Таш, он позвонил и сообщил, что задерживается.

Лили очень пристально наблюдала за дочерью, пытаясь разглядеть, не заметила ли та, изменившихся отношений между своими родителями. Но видно Нейт полностью отгородил Таш от возникших проблем, относясь к ней точно так же как и раньше, когда его поведение с Лили было несколько иным.

Лили заперла дом на ночь, но Нейт все еще не появлялся, Фазир подошел к ней в гостиной.

— Малышка Лили..., — начал он нежно, смотря на нее добрыми глазами.

— Нет, Фазир — она подняла руку, словно пытаясь защититься от него, — не сейчас.

И прежде чем Фазир смог ее остановить, как имел обыкновение делать, она побежала наверх по лестнице. Она приготовилась к снью, но не стала ложиться поскольку ужасно нервничала, и явно все равно не заснет. Она стала ждать. Она обдумывала всевозможные варианты, и множество мыслей крутилось у нее в голове, но все они были далеко не радостными.

Было уже очень поздно, когда она услышала, что Нейт вернулся домой, проходили минуты, а он так и не поднимался в спальню, Лили отправилась на его поиски.

Она обнаружила его в саду, который стал просто роскошным, наполненным зеленью, цветами, кашпо, горшками, за всей этой красотой ухаживал садовник, приходящий раз в неделю. Она была ошеломлена, увидев его стоящим у балюстрады, у края обрыва, смотрящего в сторону Викторианского пирса, курящего сигарету. Той ночью, когда она была в доме у Лауры и Виктора, она видела его закутившим сигарету и чувствовала запах дыма.

Она стояла за новыми французскими дверями, ведущими в сад, и окликнула его:

— Нейт?

Его тело дернулось, и он резко повернул в ее сторону голову, вглядываясь в темноту. Она ошалело стояла, удивляясь, что смогла испугать его. Он был всегда начеку, но не когда дело касалось ее. Иногда ей казалось, что он заранее знал, что она сейчас появится, хотя она еще даже не открывала дверь.

Она не могла понять в каких своих мыслях он так потерялся, что даже не услышал ее, но она хотела узнать, ей необходимо было узнать и черт побери, да, она *собиралась* это сделать.

Она прошла через сад и остановилась перед ним.

— Ты куришь, — ее голос звучал мягко с обвинением.

— Да, Лили, я курю. А ты пришла в сад в пижаме, — ответил он, словно его преступление такое же, как и ее.

— И когда ты начал курить? — она проигнорировала его замечание.

— Когда мне исполнилось девять, — тут же не задумываясь ответил он, словно каждый день делился с ней информацией о себе, и его слова хлестнули по ней.

«Господи Боже ж ты мой, кто же начинает курить в девять лет?» — промелькнуло у нее, но он не позволил ей ответить.

— Вернись в дом.

Она моргнула, на мгновение опешив от его жесткой команды, которая так быстро последовала за чем-то личным и доверительным, впервые выданное им самим и ей впервые не пришлось вымаливать у него ответа. Полная решимости добраться до сути его беспокойства, она решила проигнорировать его слова.

— Нам нужно поговорить. Кое-что...

— Лили, вернись в этот чертов дом. Ни одна женщина не должна находиться на улице в полураздетом состоянии, особенно ты. Ты мать моего ребенка, ради Бога. Мы стоим на открытой террасе, соседи могут увидеть.

Ей пришлось мотнуть головой, чтобы очистить свой разум от его слов, его тона и смысла сказанного.

— Нет, уже за полночь, никто...

— Вернись в этот *чертов* дом, — рыкнул он на нее, теряя терпение и, грозно нависнув над ней, она невольно отступила на шаг назад.

Она заколебалась, сердце замерло, бешено колотясь.

Она обхватила себя за плечи, твердо намереваясь разобраться, несмотря на то, что за полночь, и она стояла перед ним в пижаме. Да, на ней была пижама и да, она не такая уж и большая, но все равно Лили не могла себя назвать «полураздетой».

— Не говори со мной в подобном тоне, — отрезала она. — Нам нужно поговорить. С тобой что-то происходит, и я хочу понять, что.

Ничего не ответив, он отвернулся и продолжил всматриваться в пирс.

На его открытую демонстрацию, она тогда решила попробовать другую тактику.

Она опять встала прямо перед ним, дотронувшись до его руки.

— Нет, — произнесла она более ласково, — пожалуйста, поговори со мной.

Он смотрел на нее сверху-вниз таким же взглядом, как тогда в фойе, когда вышел на крик Виктора, который тряс ее за плечи, и таким же, когда встретился в конференц-зале в тот ужасный день, собираясь отсудить Наташу, таким же взглядом, словно она была для него какой-то ничего не значащей букашкой, которая ползла по тротуару у него на пути.

Собрав все свое мужество и поставив его перед собой, как щит, она проглотила свою гордость и наклонилась к нему, обняв, но он не шелохнулся в ответ.

— Поговори со мной, — попросила она, вложив в слова всю свою любовь к нему.

Он не дотронулся до нее. Он спокойно стряхнул пепел с сигарету над обрывом, словно Лили стояла от него за милю, а не обнимала его.

— Нет! — воскликнула она, начиная паниковать. — Поговори со мной.

Вот когда он к ней прикоснулся. Его пальцы пробежались с двух сторон по ее волосам, обхватив руками лицо, и рот с шумом опустился на ее губы в поцелуй, впервые за эти дни.

Поцелуй не выражал любовь, а был жестким, настойчивым, жадным, забирая и принимая все, но ничего не отдавая взамен.

Она была такой счастливой, что он дотронулся до нее и стал целовать, что даже не обратила внимание, просто приоткрыла свои губы и стала отдавать ему все, что могла, что всегда собственно и делала.

Лили услышала вырвавшийся у него стон, испытала настоящий восторг, но по непонятной причине он оторвался от нее. Он поднял ее на руки и внес в помещение на первом этаже в гостиную. По-прежнему продолжая ее целовать совершенно ужасным поглощающим образом, опускаясь ей на шею, плечи, за ухо, его зубы погрузились в ее тело, жестко, болезненно и эротически.

Он закрыл ногой дверь в гостиную и швырнул ее на диван, опускаясь вниз к ней. Он стащил с нее одежду, также сорвал с себя, его движения не были нежными, они были такими же как губы, рыскающие по ее обнаженному телу, и это наконец зафиксировалось у нее, он был уже совсем другим. Его действия не было похоже на сильную, бурную страсть, скорее напоминали что-то более потребляющее и пожирающее.

— Нейт, — прошептала она, пытаясь его как-то остановить и схватить за руки.

— Заткнись, Лили, — прорычал он ей в губы, он на самом деле очень изменился, можно судить хотя бы по этим ужасным словам.

Он не только забирал, но и давал, но не в своей обычной манере. Он как бы специально разжигал с силой в ней огонь, заставляя в ответ ее выгибаться и подчиниться его воле и, черт возьми, она слишком сильно его любила, чтобы отказать ему. Она отдавала все больше и больше.

И он забирал все, полностью.

Она выжидала, испытывая желание ощутить его внутри, ее сердцебиение ускорилося, дыхание стало трудным, тело горело огнем и все это было для него.

— Нейт, — снова прошептала она, испытывая необходимость, схватив руками его за бедра, пытаясь придвинуть его к себе поближе, но он отстранился.

Она распахнула глаза и уставилась на него, чувствуя, как ее сердце разрывается от его взгляда.

Его глаза были пустыми, хотя его рука находилась у нее между ног и ее бедра соблазнительно двигались сами по себе, прижимаясь к ним.

— Умоляй, — приказал он грубо и резко.

Лили моргнула, подумав, что скорее всего она ослышалась.

— Чт... что?

— Ты хочешь меня, Лили? — спросил он, опустив к ней голову и двинулся губами по щеке к ее уху.

Как только он дотронулся до ее кожи, она кивнула.

— Ты хочешь, тогда умоляй, — сказал он ей на ухо.

Она почувствовала, как чувства в груди переполнили ее, потому он продолжал действовать рукой у нее между ног, и ее тело однозначно предавало ее.

— Нейт...

— Я хочу услышать это от тебя. Скажи, «прошу тебя, Нейт, трахни меня».

От его шокирующего заявления, которое совершенно *не было* похоже на прежнего Нейта, оно скорее было пугающим, слезы образовали комок у нее в горле, но его губы продолжали свое движение от ее уха к груди, жестко посасывая, даже болезненно сосок, посылая волны удовольствия по всему ее телу. Затем он языком обвел ее набухшие соски, в то время пока его пальцы ласкали ее клитор, понимая, что ей безумно нравится это, он изучил реакцию ее тело на свои прикосновения за месяцы занятий любовью, Нейт такими манипуляциями мог заставить ее парить.

В этот раз она боролась.

— Пожалуйста, не делай этого, — взмолилась она, и он навис над ней.

— Ты хочешь узнать мои секреты? — спросил он, и ее голова дернулась. Она не могла угнаться за сменой его настроения, за сменой темы разговора и его ужасным поведением.

Его рука по-прежнему находилась у нее между ног, и она была близка к кульминации, чувствуя приближающиеся волны, зарождающиеся в ней. Она закрыла глаза, выгибаясь,

желая, чтобы все закончилось, и она испытала оргазм, надеясь, что все можно исправить и вернуть, они соединятся после этого как обычно, но его рука замерла.

Она тут же распахнула глаза, опустив голову и посмотрев на него.

— Ты хочешь узнать мои секреты? — повторил он.

— Нет! — громко воскликнула она, гораздо громче чем следовало говорить в доме, где спали люди, и тем более ее дочь.

Он накрыл ее рот своим, она вырывалась, но его рука опять продолжила свои действия у нее между ног, мучая ее тело, стремящееся получить разрядку, но она продолжала все же бороться с ним.

С невероятным усилием, Лили отодвинулась от него и прошептала:

— Перестань, Нейт.

Его пальцы продолжали кружить вокруг клитора, она ничего не могла поделать с собой, низко застонав, а он испытывал настоящее удовольствие, подчиняя ее своей власти.

— Ты не хочешь меня остановить, — жестоко насмехаясь над ее стонами, спросил он. — Как всегда, ты страстно желаешь потрахаться.

Она прикусила губу, понимая, что он прав, и одновременно ненавидя себя за это. Она была не способна остановить свои бедра, прижимающиеся к его руке, свои руки, обхватывающие его за спину и притягивающие к себе, в темноте она видела его глаза. Они горели огнем, но не любовным или страстным, в них пылала беспощадная решимость взять то, что он хотел в данную минуту.

— Это мои секреты, Лили. И вот такой я и есть.

Она яростно отрицательно покачала головой. Она не верила, *не могла в это поверить*.

— Я знаю, кто ты есть. Я загадала...

— Умоляй, — приказным тоном сказал Нейт.

Она снова отрицательно покачала головой.

В ответ он улыбнулся ужасной улыбкой, которая с одной стороны очаровывала, с другой — отталкивала. Он заставил ее умолять, используя грубую силу, постоянно подводя ее к краю и убирая руку, и когда она была уже не в состоянии больше говорить «нет», потому что почувствовала, что если не кончит, то ее тело разлетится на маленькие осколки.

Крепко обхватив его руками, обернув ноги вокруг его бедер, проходясь губами по его губам, она прошептала, испытывая полное унижение, которое сопротивлялось ее желанию:

— Прощу тебя, Нейт, пожалуйста, трахни меня.

И он сделал то, что она просила.

Жестко, быстро, грубо, это не было похоже на занятия любовью, он и она испытали мощный оргазм, она победоносно *была разбита*, вдребезги. И после этого она не ненавидела себя, но питала к себе отвращение за свою слабость и отчасти, что почувствовала какое-то предательство с его стороны, и она ненавидела *его за это*. Нейта. Ее желание. Мужчину ее мечты. Ее всем, чем он был для нее.

Как только он кончил, он нанес еще один удар ниже пояса, поднялся с нее, быстро оделся и, глядя сверху-вниз на ее разгоряченное сексуальное обнаженное тело, произнес:

— Я уезжаю в Лондон. Вернусь в пятницу.

И ушел.

А Лили лежала голая, уставившись в темноту в пространство, где он только что был, пытаясь привести в порядок свои мысли и сделать какие-то умозаключения, но не смогла ни того ни другого. Наконец, она обернулась в плед, свернулась калачиком и заплакала.

Потом она заснула, все стараясь не потерять надежду.

* * *

В среду она позвонила ему на мобильный. Она знала, что он по-прежнему разговаривал с Таш, огораживая дочь от черт-знает-что, что происходило между ними, сводя их отношения на нет. Но он не взял трубку. Она позвонила ему утром на мобильный, чтобы не проходить по новой очередной унижительный разговор с Дженнифер. Он не ответил. Тогда она позвонила в середине дня, потом после ланча.

Но он не отвечал, и тогда она почувствовала, как быстро умирала ее надежда, он не ответил на многие ее звонки, хотя обещал, что никогда не пропустит ни одного.

Она ушла из магазина специально пораньше, чтобы оказаться дома, когда Таш, вернувшись из школы, будет разговаривать с отцом, и тогда она попробует вклиниться в их разговор.

— Мама хочет поговорить с тобой, — хихикая произнесла Таш, наблюдая за Лили вышагивающей по кухне, Фазир не спускал с нее глаз, сидя на своем месте за столом.

Лили чуть не вырвала телефон из руки дочери, когда Таш протянула его ей.

Лили долго размышляла, пытаясь найти причину его резкого изменения поведения, ставшего таким враждебным, и смогла убедить себя, что скорее всего она была слишком уж настойчива, слишком уж близко подобралась к его тайнам, пытаясь дойти до сути и создав тем самым такой кавардак, поэтому решила, что готова пойти на попятный. Особенно принимая во внимание, что тот Нейт был гораздо лучше, чем теперешний.

— Нейт, я...

— Лили, у меня нет времени сейчас, — перебил он ее, прежде чем она смогла продолжить, — позвони мне позже.

Он повесил трубку, не сказав больше ни слова и не дождавшись ее ответа.

Она уставилась пустым взглядом на телефон, с трудом дыша, сердце замерло, ей показалось, что оно вообще остановилось. Она перевела взгляд на Таш, которая радостно улыбалась ей, но увидев лицо матери, ее улыбка поблекла, Лили нажала на кнопку на трубке.

— Папа не мог..., — начала Таш.

— Папа очень занят, куколка. Ему многое нужно сделать до нашего медового месяца, — спокойно объяснила Лили, не веря ни единому своему слову, но очень надеясь, что в это поверит Таш.

К счастью, дочь купилась на ее ложь, улыбка с удвоенной силой отразилась у нее на лице, и она выпорхнула из кухни.

— Малышка Лили, — сказал Фазир и поплыл по воздуху, и Лили тут же поняла, что это может означать, а она совершенно не хотела этого, по крайней мере не сейчас.

Лили отрицательно покачала головой, услышав мяуканье миссис Гундерсон, доносившееся из глубины дома, она произнесла единственное слово Фазиру, понимая, что конечно же тот поймет, что она имела в виду.

— Таш.

И после этого она сбежала, выбежав через парадную дверь, по улице, двигаясь в направлении пирса, по дорожке вдоль моря, прямо к пирсу и замерла. Она остановилась, потому что остановились ее ноги, сердце и мысли, постояла пару минут, а потом пошла, быстро, тяжело дыша, заставляя свое тело поработать, чтобы очистить свой разум. Она шла

до тех пор, пока не почувствовала, что сейчас упадет от усталости, тогда только развернулась и пошла обратно в сторону дома.

Поздно этой же ночью, когда Фазир и Таш уже спали, она снова позвонила Нейту.

Он ответил, и она услышала на заднем плане какие-то голоса, напоминавшие клуб или ресторан.

— Что, Лили? — тут же спросил он, даже не поздоровавшись, очевидно увидел ее имя на экране телефона.

— Я просто хотела сказать... — неуверенно начала она, на самом деле не зная, что она хотела сказать, но у нее была необходимость поговорить с ним.

Затем она услышала мурлыкающий женский голос, который произнес чуть ли не в телефон:

— Нейт, наш столик готов.

Нейт даже не попытался закрыть рукой телефон, ответив:

— Минутку, Джорджия.

У Лили подкосились ноги и не в силах стоять, она просто рухнула на кровать. Казалось, что у нее заняло очень много времени чуть ли не год, повернуть голову и посмотреть на часы на прикроватной тумбочке.

Было десять вечера, и Нейт был с Джорджией, своей бывшей подружкой, женщиной, на которой Джеффри говорил, он собирался жениться. Он уехал от Лили за неделю до их свадьбы, в Лондоне, чтобы встретиться с другой женщиной.

— Лили, — услышала она, как он окликнул ее, как будто издалека, но она отметила насколько нетерпеливым звучит голос Нейта.

— Это..., — она прочистила горло, ее тело онемело, разум стал пустым, но она не могла даже представить насколько надломленным и сокрушенным прозвучал ее голос: — Ничего, Нейт. Наслаждайся.

И она отключилась, не дожидаясь окончания разговора, хотя он опять окликнул ее.

По-прежнему зажатый в руке мобильный тут же зазвонил, но она сбросила звонок Нейта. Затем просто отключила телефон. Тогда зазвонил домашний телефон, она не сняла трубку, а стала жать со всей силы на кнопку «громкость звука», слушая, как трель телефона становится все тише и тише, пока не замолкла совсем, и в доме установилась тишина. Она перекатилась на бок на кровать, натянула подушку на голову, и огромным усилием воли удерживая свой разум, который готов был взорваться, зарыдала, как загнанный зверь, давая себе волю выплакаться, понимая, что только тогда она *сможет* заснуть.

На следующее утро в магазине Максин приперла ее к стенке, спросив:

— Что *черт возьми* происходит?

Ей потребовались большие усилия, но Лили подняла на Максин глаза.

— Ничего, — солгала она сквозь зубы. — А почему ты спрашиваешь?

— Почему я... почему...? — Максин прорвало. — Ты выходишь замуж за мужчину своей мечты через два дня, а выглядишь, как ад. Прости, что так говорю, но это на самом деле так. Бледная, глаза какие-то опухшие. Тебе следует знать, но Фазир звонил мне...

— Не слушай Фазира. Он не знает, что происходит, — прервала ее Лили.

— А ты знаешь, что происходит? — вставила Максин.

Лили автоматически ответила:

— Нейт важный человек, многие людей зависят от него. У него не было отпуска..., — Лили остановилась.

Она понятия не имела, когда у него был в прошлом отпуск. Если честно, то она не имела понятия о многих вещах, связанных с Нейтом.

Единственное, что она знала, он укрылся под непробиваемой броней. Еще она знала, что у него имелись секреты. Еще — восемь лет назад он потребовал, чтобы она переехала к нему, пообещав ей весь мир. Две недели спустя, когда она нуждалась в нем больше всего, он нарушил все свои обещания и вот так просто отпустил ее. Теперь, восемь лет спустя, происходит почти тоже самое. И два месяца...

Что?

Он предупреждал ее, она вспомнила. Он сохранял дистанцию с ней, держась на расстоянии. Он планировал это все, он же сам сказал, что *настанет* время, когда ее не будет в его жизни, но, она как восторженная дурочка, верящая джину, своим мечтам и исполнению своего желания, не слушала его.

Впервые за много лет, она почувствовала, что вся ее уверенность была просто разорвана в клочья. Она почувствовала, что она не достойна никаких обещаний Нейта, потому что он не видит в ней той единственной, даже когда вернул ее. Этот блестящий, богатый, умудренный опытом, *невероятно* красивый мужчина никогда не нуждался в ней.

Никогда.

— Пожалуйста, Максин. Давай не будем говорить об этом. У меня начинает болеть голова, — Лили опять солгала, что-то за эти дни она стала лгать с пугающей частотой.

Максин засуетилась и заглянула Лили в глаза.

— Не прикрывайся головной болью, я знаю что-то не так и...

Прежде чем она смогла закончить, зазвонил мобильный Лили, который лежал вверх экраном на прилавке, и обе Максин и Лили посмотрели на него.

На экране высветилось имя — Нейт.

Лили и Максин одновременно протянула к нему руку. К счастью, Лили смогла первой схватить его, ибо она знала, что Максин находится в таком настроении, что скорее всего, задаст кое-какие вопросы, которые сделают все гораздо, гораздо хуже.

Лили соскочила со стула, стремительно обогнула прилавок и ответила на звонок.

— Нейт? — произнесла она.

— Не смей, бл*дь, *никогда* бросать трубку и отключать телефоны.

Лили замерла, как вкопанная, пытаясь уйти от пристального взгляда Максин, но Нейт злыми словами, словно физически ударил ее с яростью, сотрясающей все его тело, которая как смертельный ток прошла по ней.

Именно он проводил время со своей бывшей подружкой. Именно *он* унизил ее на ее же собственном диване в гостиной, или если быть честной, им купленном диване, но все-таки *он* переехал в *ее* дом, и она спокойно могла не выбрасывать свой старый диван, который унесли, как мусор. *Именно он* тайком курил сигарету в саду в полночь. *Именно он* был единственным, кто не разговаривал с ней. И *именно он* разорвал ее сердце в клочья.

Лили больше не могла этого выносить, поэтому огрызнулась:

— Как ты смеешь! — прокричала она в трубку.

— Моя дочь находится с тобой в доме, а если что-то случится, а я не могу дозвониться. Ты итак скрывала ее от меня в течение семи лет, Лили. Ты никогда не будешь играть в эту чертову игру снова.

Лили почувствовала, как ее тело, превратилось в скалу, она нанесла ответный удар.

— Я даже не могу поверить, что *ты* говоришь *это мне*.

Он игнорировал ее.

— Я буду дома сегодня вечером.

— Не торопись, — возразила Лили с кислым выражением лица.

— Я буду дома сегодня вечером, — повторил он и отключился.

Лили так и продолжала стоять с телефоном, прижатым к уху, испытывая такой сильный гнев, унижение и боль, что она пришла в себя только через несколько минут, заметив перед собой Максина.

Когда Максин увидела выражение глаз Лили, то вся ее злость тут же испарилась, потому что она была полна решимости добраться до сути, и еще выглядела очень напуганной.

— Что только что произошло, дорогая? — спросила она мягко, нежно и ласково.

И от слов Максина, произнесенных таким ласковым голосом, Лили как прорвало, ее тело обмякло, и перед глазами от накативших слез, предметы стали казаться нечеткими. Максина обняла ее, крепко прижав к себе.

— Я не знаю, — прошептала Лили. — Я не знаю, — и она повторяла это снова и снова.

— Успокойся, дорогая. Успокойся, — бормотала Максина, глядя ее по волосам.

Потом Лили взяла себя в руки, Максина протянула ей сиреневый с кружевом по краям носовой платок, чтобы она могла вытереть глаза, но испуганный взгляд так и не сходил с ее лица.

Лили вернулась домой в ужасе, предполагая, что Нейт тоже уже прибыл, но ее ложь о головной боли стала быстро осуществляться. Хотя это была еще не мигрень, но почти близко.

Фазир, она сразу же обратила внимание, был буйный, готовый взорваться в любую минуту, но как только он взглянул на нее, как происходило бесчисленное количество раз раньше, молча повел ее в комнату. Он принес ей воды, таблетки, наполнил ванну, а затем направился охранять Наташу, чтобы она ненароком не зашла к Лили, пока та будет сражаться со своей головной болью.

Лили приняла обезболивающие, ванну, закрыла шторы и легла в постель с прохладным фланелевым полотенцем на лбу, сражаясь с головной болью, пока препараты наконец не стали оказывать эффект, и она провалилась в сон.

— Лили? — услышала она нежный голос Нейта, и ей показалось, что, наверное, это ей приснилось.

Затем она открыла глаза и увидела его мускулистое бедро на кровати. Конечно, Нейт тут же понял, что она уже не спала, даже если бы она тут же закрыла глаза.

— Фазир сказал, что у тебя болит голова, — голос Нейта был настолько мягким, он произносил слова очень осторожно, словно, предполагал, что его слова могут быть живыми и способны причинить ей вред.

— Я в порядке, — Лили не стала открывать глаза и ответила совершенно нейтрально.

— Это мигрень? — спросил Нейт, и она почувствовала прикосновение его пальцев к волосам, заправляя их за ухо.

Лили вся сжалась и крепко зажмурилась от его нежных, желанных, таких знакомых прикосновений, но боль тут же выстрелила в висок, поэтому она была вынуждена расслабиться.

Она не могла даже убрать его руку, у нее не было сил, начинать опять с ним бороться. Она подозревала, что даже если он и потерял к ней всяческий интерес, то все равно,

наверное, не хотел бы, чтобы у матери его ребенка взорвался мозг.

— Я в порядке, Нейт. Это не мигрень, — она потянулась к фланели, отшвырнув ее в сторону, и повернулась к нему спиной, даже не взглянув в его сторону. — Иди к Таш. Она скучает по тебе.

— Могу я что-нибудь для тебя сделать? — его совершенно не смутило, что она повернулась к нему спиной, он нежно поглаживал ей спину, отодвинув одеяло в сторону. Она хотела слиться с его рукой, хотела этого так сильно, что даже ощущала, как рот наполнился слюной, чувствуя это ощущение каждой клеточкой своей кожи. Вместо этого, она заставила себя быть сильной.

— Нет. Как я уже сказала, я в порядке.

— Лили.

— Уходи, Нейт, — она думала, что ее голос звучал раздраженно, но скорее всего он звучал совершенно по-другому, даже для ее собственных ушей, надломленно.

Он не ушел, но больше ничего не сказал, просто лег с ней рядом, продолжая гладить ее по спине. Ее тело напрягалось от его поглаживаний, и она почувствовала слезы, подступающие к горлу, которые тут же сглотнула. Она не заслуживала его внимания (потому что это *был Нейт*), медленно от его ласковых прикосновений ее тело расслабилось, и, наконец, она провалилась в сон.

Она проснулась глубокой ночью. Нейт прижимался к ее спине, крепко обернув вокруг нее руки, зарывшись лицом в ее волосы.

Лили полежала несколько минут, позволяя себе в последний раз почувствовать его объятия.

Потом отстранилась, поднялась с кровати и тихо вышла из комнаты. Она не успела поужинать и чувствовала себя очень голодной, поэтому направилась на кухню и сделала сэндвич. Затем отправилась в гостиную, включила телевизор и приступила к еде. Однако, она фактически даже не смотрела в телевизор, полностью сосредоточившись на своих мыслях. Сейчас она сидела в красивом доме, с красивой техникой и мебелью, у нее имелся красивый новый автомобиль, ее банковский счет был полон таким количеством денег, что она, наверное, не сможет потратиться за всю свою жизнь.

Нейт проделал отличную работу. Она сможет прожить и без него, и сможет предоставить своей дочери красивый дом, отвезти ее на дорогой машине в дорогую специальную школу, и при этом будет уверена, что сможет воплотить все ее маленькие сердечные желания.

Он разозлился на нее не на то, что она отключила телефоны, и он не мог дозвониться до *нее*, если бы что-то случилось.

Все это касалось непосредственно Таш, вот, что поняла Лили, и боль, перемешанная с горечью, словно обожгла ее.

Дело все в этом.

На самом деле, она даже не удивилась бы теперь, если бы он *сам* попросил Даниэлла сообщить ей, что умер, так как ему надоела наивная, цепляющаяся деревенская девушка, ограничивающая его свободу. Она, в его глазах, скорее всего была интересным развлечением, неопытной девственницей. Мужчинам это нравится. Но как только он смог получить, что хотел, это неопытное интересное существо, скорее всего, для него стало не таким уж интересным.

Но обнаружив, что у него появился ребенок, и что Лили не сдастся без боя, а

противостояние было бы слишком трудным для него, отнимало бы много времени и сил, чтобы выиграть сражение (принимая во внимание, что сейчас Лили полностью была уверена, что его поведение, полностью основано на лжи и обмане, он вел себя так же, как и его брат с сестрой), он решил добиться выигрыша другим способом.

И ему удалось насладиться плодами победы причем быстро.

Но как только она сказала ему о своей любви, оказалось это именно то, чего он не хотел, не испытывал необходимости в этом вообще и поэтому сразу же без зазрения совести отбросил ее в сторону.

Теперь, когда она поняла свое место, которое он отвел ей, теперь, когда он указал ей ее место вопиюще и совершенно ясно, полностью разгромив и уничтожив ее в этой самой комнате, на этом самом диване, получив то, что хотел, дав понять, какую роль она должна была исполнять при нем. Той ночью он показал ей, что будет брать от нее все, что захочет и когда захочет, а потом оставлять, как только свершится сам акт.

Она до сих оставалась для него ничем, такой же наивной, деревенской девушкой из Индианы, которая любит его, и кроме этого надоедливого факта, она была матерью его ребенка.

Проанализировав все это, теперь все выглядело гораздо проще, так она сама себе и сказала (но не очень поверила своим словам). Она поняла теперь свою место и отведенную ей роль. Она поняла, почему он не раскрывал свои секреты, не открывал перед ней свою душу, не делал ничего того, в чем она так нуждалась, не отдавая ей никакой частички себя.

Потому что он не собирался ей ничего отдавать, он не предназначался для нее.

Возможно, она так надеялась, что в один прекрасный день он отдаст частичку себя Таш.

С этой мыслью она уснула на диване, но буквально через минуту, так ей по крайней мере показалось, ее разбудили сильные руки, поднявшие вверх.

Автоматически она обхватили Нейта за плечи.

— Что...? — начала она, с просонья заметив, что он выключил телевизор и свет.

— Ты спишь со мной, — сурово произнес Нейт, его голос уже был не нежным, не тем, когда он разговаривал пока у нее болела голова.

— Не думаю, — начала она, но он уже вышел из гостиной и направился к лестнице. Она попыталась выскользнуть из его рук, но они крепко держали ее, словно стальные обручи.

— Ты спишь со мной, — хрипло повторил он таким тоном, при котором отказ явно не подразумевался.

— Поставь меня на пол, — потребовала Лили, он опустил ее на пол на первом этаже, но схватил за руку и потащил за собой по лестнице. Поскольку они близко находились к комнатам Фазира и Таш, Лили не проронила ни слова, молча позволяя себя тащить вверх.

Как только они оказались в спальне, он закрыл дверь и подвел ее сразу к постели.

— Я не понимаю, почему ты..., — Лили повернулась к нему, но он тут же ее перебил.

— Что Таш подумает, увидев тебя спящей на диване? — выстрелил в ответ Нейт.

У нее возникло такое чувство, словно в этот момент он ударил ее кулаком в живот, и ее сердце разбилось вдребезги.

— Конечно, — пробормотала она, — Таш.

Все это было исключительно связано с Таш. Вспоминая последние два месяца, она поняла, что все, что он делал это было для Таш. И счастливая семья с матерью и отцом, живущими вместе, предназначалась только Таш.

Она приняла решение, даже удивившись сама себе, но в этот раз ей не составило

особого труда.

Она вырвала руку и залезла на кровать, перебираясь с его половины на свою, повернувшись к нему спиной.

Он присоединился к ней в постели, накрыв их одеялом, обхватив ее за талию и притягивая к себе, прижавшись к ней всем телом.

Она попыталась вырваться, но он прошипел ей в ухо:

— Лежи смирно!

— Таш совершенно не заботит, *как* мы спим, Нейт, — огрызнулась горько Лили. Она собрала всю силу и вырвалась, передвинувшись на свою половину. Затем напряженно ждала, не притянет ли он ее обратно.

Он этого не сделал.

Она так и не заснула, но слышала (по крайней мере она подумала, но ошибалась), что он заснул. Прошло несколько часов, она встала, захватив с собой одежду, косметику и необходимые другие принадлежности и заперлась в ванной комнате, готовясь встретиться этим днем лицом к лицу с Нейтом.

Стоило ей открыть дверь из ванной комнаты, и она столкнулась с Нейтом, который заставил ее сердце усиленно забиться. На нем были одеты темно-синие пижамные брюки, как и прошлой ночью, когда он нес ее в постель, и он ерошил рукой свои волосы.

Как только дверь открылась, он развернулся и замер, его рука так и осталась в волосах на затылке, уставившись во все глаза на нее. И под его пристальным взглядом, она уже не чувствовала себя жучком, пустым, ничего не стоящим местом, но все равно не могла сказать какие чувства отражались у нее на лице, поскольку они ее больше не заботили. Она старалась не думать насколько он — красив, стоя перед ней с мускулистой грудью, подтянутым животом, темными волосами, темным напряженным взглядом всматриваясь в нее и мощным торсом, но она не могла не видеть и не думать о нем. *«Возможно, — рассеянно подумала она, — со временем у меня будет получаться не реагировать на него. Когда-нибудь».*

Его глаза быстро прошлись по всему ее телу сверху-вниз, затем вернулись к ее глазам, они уставились друг на друга, и показалось что прошло много часов, хотя должно быть всего несколько минут.

Наконец, он опустил руку.

— Мы должны поговорить, — произнес он.

Она отрицательно качнула головой и вошла в комнату, бросая косметичку на туалетный столик.

— Время разговоров закончилось, — ответила она, чувствуя при этом себя странно, поскольку всего лишь прошло несколько дней, когда она умоляла *его* поговорить с ней, умоляла *его* и умоляла... всего лишь поговорить, но было такое впечатление, что прошла уже вечность. Она подошла к двери, но он остановил, с силой схватив ее за руку, и резко развернув лицом к себе.

— Ты должна выслушать меня, — потребовал он.

Она отдернула руку, и как только он сделал движение, чтобы схватить ее опять, она вдруг произнесла ужасным голосом, голосом, которого сама никогда не слышала от себя.

— Не трогай *меня*.

От ее голоса, Нейт замер.

Лили же продолжила таким же тоном.

— Я выйду за тебя замуж завтра, как ты и хочешь, ради Таш. Я буду спать в одной кровати с тобой, и мы будем делать вид, что прекрасная семья. Ты можешь ездить в Лондон и делать все, что тебе необходимо делать с женщинами, с которыми ты сочтешь как-то проводить время, но не со... — она заколебалась, раздумывая стоит ли говорить, потом собралась с силами и сказала честно: — не со мной.

— Лили..., — он рванул к ней, но она продолжила.

— Я проходила это раньше, пройду и сейчас. Все будет хорошо. Все получится, и Таш никогда не узнает.

— Послушай меня...

— Она никогда не узнает! — с жаром произнесла Лили низким голосом, чтобы не услышали ни Таш, ни Фазир, если решили бы подслушать. — Никто никогда не узнает, — сказала она, пытаясь убедить саму себя.

Произнеся все это, она развернулась и схватилась за дверную ручку, собираясь скрыться, но ей помешали, он шагнул к ней, обхватив крепко руками за талию, прижимая к себе, зарывшись в волосы и прошептал ей на ухо:

— Лили, я хочу рассказать тебе о...

Ее тело напряглось, став жестким, как скала.

— Убери от меня *свои* руки, — сказала она.

Он убрал с ее талии руки, и она понадеялась, что он оставит ее в покое, но развернул к себе, взял ее лицо в ладони.

— Ты должна выслушать меня. Ты должна узнать, кто я есть, прежде чем выйдешь за меня замуж завтра. Тебе следует узнать, прежде чем принять правильное решение какое бы оно не было, я...

— Я знаю, кто ты есть, Нейт. Ты отчетливо показал мне это в понедельник ночью, помнишь?

Он закрыл глаза, но (она могла *поклониться*) что заметила знакомую ноющую жуткую боль, промелькнувшую в них. Он прижался к ней своим лбом, открыл глаза, и произнес совершенно глухим, низким голосом, но в нем не слышалось гнева, а только очень сильное волнение:

— Я всячески пытался оттолкнуть тебя. Думая, что это правильно, но, когда ты слышала Джорджию, твой голос, Господи, Лили, у тебя был такой голос. Он все время звучит у меня в голове, я не могу забыть его. Я был с родителями, они дружат с родителями Джорджии уже очень много лет. Она не должна была быть там вместе с нами.

Лили отрицательно покачала головой и попыталась освободиться из его рук. Его слова не помогли, она осталась прежней, не сдавшейся, и просто смотрела на него, и теперь он пытался пробить ее щитами и броню, которые стояли намертво, по крайней мере, так говорила она себе, и еще говорила, что позже зализет свои раны.

— Лили, моя мать была..., — начал он.

— Хватит! — крикнула она и с нечеловеческим усилием смогла освободиться от его рук, отступив на шаг назад. Сейчас ее даже не волновало, услышал ли кто-нибудь в доме ее крик. Единственное, что ее волновало — она должна была выбраться отсюда. Ей необходимо убраться отсюда и от Нейта, как можно дальше и как можно скорее. Она никогда не могла предположить, что у нее возникнет желание быть подальше от Нейта, но именно в этот момент, она нуждалась больше всего, желая убежать из этой комнаты, и в этом она нуждалась даже больше, чем дышать.

— Меня это больше не волнует, Нейт, — соврала она, на самом деле очень даже волновало и заставляло переживать, но последнее время она бесконечно лгала и у нее стало получаться все лучше и лучше.

Он прищурился. Конечно, он видел ее насквозь, и она поняла, что он не поверил ей, но он держался на расстоянии, хотя бы в паре дюймов, но и за это она была ему благодарна в данный момент.

— У тебя было время рассказать мне все восемь лет назад, — сообщила она ему. — Меня это больше не волнует. Я поняла Нейт. Все поняла. Я просто обычная, глупая, деревенская девушка, которая влюбилась, думая, что встретила своего романтического героя. — При этом Лили рассмеялась ядовитым громким смехом, который заставил даже Нейта поморщиться, и он придвинулся к ней снова, но она отступила, быстро выставив руку, пытаясь остановить его. Он опустил глаза на ее руку и замер на месте.

Он открыл рот, собираясь ответить, но Лили не дала.

— Я была настолько *глупой*, что даже подумала, что *ты* хочешь *меня*, — она указала пальцем сначала на себя, потом на него. — Глупо, бестолково, неразумно. Ты — привлекательный, великолепный, богатый, безумно красивый, невыносимо красивый мужчина, вдруг захотел такую глупую как я. Никто не захочет Лили Джейкобс. Жирную, тупую, уродливую Лили Джейкобс. — она не засмеялась в этот раз, но у нее на глазах появились слезы, она даже не подозревала, что ее глаза с поблескивающими слезами говорят намного больше, хотя она усиленно продолжала бороться с ними и совершенно не обратила внимания на ошарашенный недоверчивый вид Нейта, продолжила:

— Ты теперь — отец моей дочери. И это все. Конец. Тебе следует также не отходить от сценария и найти место куда пойти на ночь и взять с собой Таш и Фазира. Ты не должен видеть меня до свадьбы, плохая примета. — У нее вырвался смешок, но не радостный.

— Увидимся завтра, — произнесла она эти слова тоном, не допускающим никаких возражений и не дожидаясь ответа.

Она развернулась, открыла дверь и скрылась, причем так быстро, насколько могли быстро нести ее ноги (но на самом деле не очень быстро, поскольку для повышения своей уверенности, она обула фантастические, с ремешками ярко-розовые на шпильке босоножки с большим цветком на носке, которые прекрасно сочетались с обтягивающим сарафаном такого же ярко-розового цвета).

Нейт не пошел за ней.

Теперь настала ее очередь оставить записку Таш, сообщив, что ей нужно рано уехать на работу.

Она села в свой шикарный новый Мерседес и уехала. Она не собиралась сразу же ехать на работу, у нее еще было время, поэтому просто колесила по дорогам. Очищая свою голову от мыслей и устанавливая броню вокруг своего и так уже замороженного сердца.

* * *

Она была дома, ждала Нейта, когда он придет и заберет с собой Таш и Фазира. Уговаривая саму себя собраться с духом и быть сильной, и насладиться веселой вечеринкой с Лаурой и Максин, празднуя свою последнюю свободную ночь перед Великим Днем. Они запланировали пить шампанское и устроить оргию из еды, Максин привезла диски, под которые позже они смогут потанцевать, Лили и Максин часто так делали раньше, вместе с

Фазиром.

На самом деле Лили была совершенно не настроена на веселье с шампанским и танцами.

И на самом деле, она не вообще была не уверена сможет ли когда-нибудь снова рассмеяться.

Дверь распахнулась, и Фазир прервал их еще не начавшуюся вечеринку.

— Малышка Лили, я должен поговорить с тобой *сейчас же*, — величественно произнес он.

Взгляд Лили метнулся к окну, она увидела Нейта, обходящего Астон Мартин, и она сразу же поняла с чем связано властное и слегка паническое заявление Фазира.

Она почувствовала знакомое волнение при виде Нейта, пока наблюдала за ним, как он грациозно идет в сторону дома, но она затолкнуло поглубже в себя свои чувства и оглянулась на Фазира.

— Не сейчас, Фазир, у нас девичник в самом разгаре, — это была ложь.

Потому что Фазир перевел взгляд на Лауру, потом на Максина, затем взглянул на неоткрытое шампанское, лежащее в ведерке со льдом и пустые бокалы, стоящие рядом. Затем он посмотрел прямо Лили в глаза.

— Я не принимаю отказов. Ко мне в комнату. *Сию минуту*, — он выбежал, и она поняла, что он очень сильно хотел полететь и немного ощущала себя виноватой перед ним, что последнее время к нему так относиться.

Лили поднялась и направилась к двери, закрыв ее и снова повернулась к Максину с Лаурой.

Максин прекрасно знала, какие могут быть последствия непослушания Фазира, поэтому в ужасе, наблюдала с полуоткрытым ртом. Лаура, которая не знала этого, все равно выглядела немного напуганной.

— Дорогая, ты должна пойти к нему, — сказала Максина.

— Нет, — ответила Лили.

Максин и Лаура переглянулись между собой.

— Пааапаааааа, — слышали они радостный крик Таш в холле.

Лили напрямик направилась к шампанскому, собираясь открыть его, подумав, что идея напиться скорее всего самая лучшая в данный момент.

Максин и Лаура с ужасом наблюдали за Лили, которая сейчас полностью игнорировала прибытие своего такого любимого, выходящего за рамки разумного, мужа в красивейший дом, который он содержал и обустроил за два месяца, нежели Лили пыталась привести его в божеский вид в течение пяти лет, и сделал дом гораздо лучшим, чем Лили конечно же могла себе позволить.

— Ты эм.. — замаялась Лаура нерешительно, — не пойдешь встречать Натаниэля?

— Он знает, где меня найти, — произнесла Лили с глубокой и ложной беззаботностью, пробка с щелчком выскочила из бутылки и в этот момент дверь распахнулась.

— Ураааааа! — закричала Наташа, врываясь в комнату. — Можно мне шампанское, мамочка? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Нейт появился в комнате следом за дочерью, но Лили проигнорировала его.

Миссис Гундерсон появилась следом, вскочила на кресло к Максину и стала наблюдать за шоу.

— Спроси своего отца, куколка, может он приготовил для тебя что-то особенное

сегодня вечером, — Лили наконец подняла глаза на Нейта. — И он бы не хотел здесь *задерживаться*, — закончила она с плохо скрываемым выражением, которое говорило Нейту, что ты показался и можешь тут же уходить.

Максин и Лаура одновременно повернули головы в сторону Нейта, тоже самое сделала и миссис Гундерсон, выжидательно подергивая хвостом. Он стоял в дорогом, великолепном, сшитом на заказ темно-сером костюме, выглядя *невероятно, невыносимо* красивым.

Таш тут же бросилась к нему и обняв руками, запрокинув голову вверх, воскликнула: — Можно папа? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Лили наблюдала, как рука Нэйта ласково опустилась на макушку дочери, затем прошла по волосам, дотронулась до щеки, и все время он смотрел на нее с нежным выражением. Она заставила себя сохранять самообладание, наблюдая за его действиями и это отзывалось в ней теплотой.

Она не видела его с тех пор, как тогда утром все высказала ему и уехала из дома. От него также не последовало ни одного звонка, и ей было все равно. Хотя это тоже было ложью, теперь она врала сама себе, но она даже не возражала (что это было полным враньем).

Нейт поднял голову и его глаза встретились с Лили, вернее пригвоздили ее на месте.

— Конечно, ты можешь выпить немного шампанского, — сказал он Таш, и Лили заметила насколько напряженный у него взгляд, но его по-прежнему невозможно было прочесть. Единственное, что ей удалось отметить, он не смотрел на нее отстраненно, словно на пустое место, в его глазах сейчас пылал огонь.

Лаура и Максим (и миссис Гундерсон) перевели свой взор на Лили.

— Конечно! — воскликнула Лили слишком громко. — Мы *все* сейчас выпьем шампанского. Какая великолепная идея, Нейт. Уж кто-кто, но ты точно знаешь, что нам *многое* стоит отпраздновать, — закончила она язвительно, сама же и чувствуя себя некомфортно от своих же слов.

Лаура, Максин и миссис Гундерсон перевели свои взоры обратно к Нейту, но перед тем, как Нейт смог произнести хотя бы слово, Фазир ворвался в комнату, словно тайфун. Он, пронесся мимо кивнув Нейту и посмотрел на Лили.

— Мне казалось, я сказал тебе, что нам нужно поговорить у меня в комнате, — рявкнул он.

— Фазир, ты как раз вовремя, — воскликнула Лили, изображая восторг и хлопнув в ладони, — мы все выпьем шампанское перед тем, как ты с Нэйтом и Таш уедите в Бат. Это идея Нейта. Разве это не *бомба*?

Фазир прищурившись внимательно посмотрел на нее, Таш захихикала, поскольку ее дочь не услышала сарказма в словах матери, в отличие от всех остальных, находящихся в комнате. Фазир перевел взгляд на Нейта.

Лили проигнорировала всех и раскинула руки своей дочери.

— Иди сюда, Таш. Давай принесем тебе особенный фужер.

Маленькие руки Таш тут же сомкнулись вокруг Лили, и впервые за весь день Лили почувствовала капельку спокойствия и умиротворения.

Независимо от того, что ее ждало в дальнейшем в жизни, независимо от того, какие новые ужасы и проблемы могут обрушиться на нее, у нее всегда будет Таш, а у Таш будет все — семья, бабушка и дедушка, платежеспособный дом, комфортный и шикарный, целевые фонды и уроки верховой езды.

Все.

Да, и Лили решила, что должна жить, хотя бы ради этого.

И от этой мысли, лицо ее смягчилось, наградив дочь одной из своих подлинной, неповторимой улыбкой, но она была настолько поглощена своими горестными думами, что даже не обратила внимания, какой результат оказала ее улыбка на всех присутствующих в комнате, особенно на одного из них, невероятно красивого.

— Только маленький глоточек, моя девочка, — предупредила она, покидая с дочерью гостиную.

— Хорошо, — взволнованно произнесла Таш, впервые дотрагиваясь до чего-то не совсем разрешенного и была достаточно умна, чтобы не выпрашивать большего.

Они столкнулись с Виктором по пути на кухню, выходящем из кабинета. Он посмотрел на Лили добрыми и очень, *очень* обеспокоенными глазами.

— Мы все пьем шампанское в гостиной, перед тем, как вы все поедите в Бат, — беззаботно объявила ему Лили, проходя мимо.

— Лили, могу я тобой поговорить с глаза на глаз?

— Неа. Сейчас шампанское, а потом вы уезжаете. Не хочу тратить время на разговоры, — ответила Лили с ослепительной фальшивой улыбкой.

И почти бегом рванула на кухню, пытаясь притвориться, что не сталкивалась с Виктором в коридоре, ее улыбка исчезла моментально.

Они пили шампанское в гостиной, и Лили очень остро чувствовала, хотя к счастью Таш ничего не замечала, напряжение, повисшее в комнате. Каждый произносил тост за будущее Нейта и Лили. Все пытались быть веселыми. Шампанское было выпито, Нейт и Виктор направились к машинам, Таш — к Астон Мартин, а Фазир — к Ягуару Виктора.

Лили сзади шла за Таш и Нейтом. Она обняла и поцеловала дочь, перед тем, как посадить ее в машину. Хлопнув дверью, отправила ей еще раз воздушный поцелуй, развернулась и тут же столкнулась с Нейтом. Прежде чем она поняла, что он собирался сделать, он сжал ее руку и увлек за собой в сторону, отводя на несколько шагов от машины, но все продолжали внимательно наблюдать за ними. Он обнял ее, поставив перед собой, загородив своей спиной от всей аудитории, кроме Таш, которая с любопытством смотрела в их сторону.

Потом он поцеловал ее.

И это был настоящий поцелуй, не обманный, не поддельный, не требовательный и не поглощающий, настоящий поцелуй того Нейта, от которого у нее всегда перехватывало дыхание.

Когда он оторвался от нее, буравя ее своим напряженным взглядом и пытаясь заглянуть в самую глубину ее глаз.

— Ты будешь завтра там? — Это был вопрос.

— Конечно, — автоматически ответила она.

— Несмотря ни на что, ты будешь там завтра?

Она все еще пыталась оправиться от поцелуя, но ей вдруг показалось, что она услышала страх в его голосе. *«Должно быть это все шампанское»*, — сказала она себе, хотя выпила всего лишь бокал. Она понятия не имела к чему он клонит. Его перепады настроения заставляли ее трепетать и нервничать, хотя его поцелуй итак уже заставил ее трепетать.

— Да, Нейт, — ответила она с серьезной решимостью, восстанавливая своим щиты, она словно выплюнула ему ответ: — Я никогда не разочарую свою дочь.

Его глаза вспыхнули, но вместо того, чтобы разозлиться или что-то сказать, он поцеловал ее снова. И этот поцелуй тоже был настоящим, реальным поцелуем Нейта, поглощая ее языком и показывая, что она его, он никогда не целовал ее так перед Таш, ни разу, особенно когда их дочь находилась всего лишь в трех шагах и скорее всего с жадным любопытством наблюдала за ними.

Он отстранился, Лили опиралась на его тело для поддержки.

— Лили..., — начал он, но остановился.

Она моргнула, ее восстановление от этого поцелуя заняло больше времени.

— Что? — выдохнула она, потому что он молчал.

— Завтра мы начнем... — сказал он, и Лили уставилась на него, не понимая, о чем он говорит, — все сначала.

И с этими словами он отпустил ее, она пошатнулась, лишившись его опоры, но поспешно взяла себя в руки. Она развернулась, наблюдая, как он садится в машину, махнула рукой с волнением наблюдая, как он увозил ее дочь, и Виктору с насупившимся Фазиром, поехавшими вслед за ними.

Максин и Лаура встали рядом с ней.

— Лили, я думаю, что пришло время и я..., — произнесла Лаура.

— Вечеринка! Пришло время для вечеринки! — воскликнула Лили, и совершенно не заботясь, что о ней подумают побежала к дому.

Нейт

Они были в номере в «Royal Crescent Hotel» в Бате.

Нейт повел всех на ужин, а потом они шли пешком с бьющей через край, возбужденной дочерью, проходящей через роскошный георгианский город, с тихо идущими следом Фазиром и Виктором. Вернувшись в номер, Нейт уложил Таш в кровать, слушая ее чтение, прежде чем она заснула в одной из двух спален люкса. Это оказалось нелегкой задачей, учитывая ее возбужденное состояние от предвкушения предстоящего торжественного события на следующий день.

Несмотря на все это, он сохранял жесткий контроль над своими мыслями и мирился с Фазиром, который, он чувствовал, имел непомерное желание сделать какое-то грандиозное заявление, и отцом, который тоже имел желание поговорить по душам с ним.

На Нейта накатило, подпитываемый адреналином, увеличивающийся страх.

Он не чувствовал страха с тех пор, как был маленьким мальчиком. Но он помнил каково это, хотя страх от издевательств от одного обдолбанного любовника его матери был ничем, по сравнению со страхом, закручивающим живот в тугую узел, что он может потерять Лили.

Опять.

От его безумного, неоправданного, абсурдного решения, желая показать ей, кем он был на самом деле своим таким уникальным, непристойным образом, чтобы удерживать ее и сохранить ее любящее сердце, было самой ужасной ошибкой, которую он совершил в своей жизни.

А он помнил каждую, которую когда-либо сделал.

Отчетливо.

И он вспомнил о той, когда не поехал за Лили в Индиану, услышав сообщение ее соседки, что она уехала домой, это было достаточно плохо.

Но сейчас все было гораздо хуже. На этот раз он не сможет обвинить ни Даниэллу, ни Джеффри. В этот раз он сломал, разрушил ее сам лично.

Стакан с водкой лопнул у него в руке, он почувствовал, как осколки врезаются в кожу, перемешиваясь со спиртным и взглянул вниз, на кровь, капающую на ковер.

Он отстраненно смотрел на руку, раздался стук в дверь. Громкий удар, но потом последовали еще череда властных или, правильнее было бы назвать, властная череда ударов.

Его отец и Фазир.

Нейт достал носовой платок и обернул его вокруг руки. Игнорируя стакан, разлитую водку и кровь на полу, он пошел открывать дверь. Оба стояли в коридоре. Виктор смотрел на него очень серьезно. Фазир это, Нейт заметил мимолетно, был таким же как всегда, но держал в руках фотоальбом.

— Нам нужно поговорить, — заявил Виктор.

Недолго думая, Нейт кивнул и отступил в сторону. Фазир и Виктор обменялись удивленными взглядами, явно предполагая, что встретят сопротивление с его стороны.

Нейт готов был бы сопротивляться, но у него не осталось сил. Он оставил их у двери в номер и прошел в гостиную, опустившись на диван.

— Что у тебя с рукой? — с тревогой спросил Виктор, и Нейт заметил, что его отец едва

сдержался, чтобы не кинуться к нему.

— Треснул бокал, — Нейт спокойно просмотрел на стекло, лежащее на полу и не стал ничего больше объяснять. Он не испытывал в этом необходимости.

Оба, Фазир и Виктор, посмотрели на стекло и кровь на полу, потом уставились друг на друга снова. Виктор закрыл дверь, и они прошли вперед вместе и сели напротив него.

— Между тобой и Лили все в порядке? — спросил Виктор, и от его вопроса Нейт запрокинул голову и рассмеялся. Его смех был очень похож на смех Лили тем утром, но сильнее и совершенно невеселый, а скорее очень горький.

Он перестал смеяться и перевел свой темный взгляд на отца и увидел, как Виктор побледнел.

— Нет, — честно ответил Нейт.

— Я не думал, что все так..., — пробормотал Виктор, не зная, что сказать, и находясь под впечатлением от увиденного.

Фазир не был таким неуверенным. Причудливый друг Лили хлопнул альбом, положив на стол между ними.

— *Время пришло*, — объявил он.

— Фазир..., — попытался Виктор.

Надменный взгляд Фазира перешел на своего сотоварища.

— *Время пришло*, — настаивал Фазир.

Виктор откинулся на спинку дивана и посмотрел на Нейта.

— Сын, мужайся, — предупредил он тяжелым тоном.

Нейт подумал, что нет ничего хуже страха, который есть у него сейчас от того, что будет завтра, и это явно уж никак не связано с Фазиром.

Но Нейт был неправ.

Фазир заговорил, и Нейт перевел взгляд на диковинного мужчину.

— Много лет назад, мужчина купил мою бутылку...

— Твою бутылку? — прервал его Нейт.

Фазир поднял руку.

— Не перебивай меня, Натаниэль.

Нейт взглянул на Виктора и пожал плечами. Лучше покончить с этим сразу, чтобы он мог налить себе еще выпить, потом еще, а потом еще выпить, пока он не будет достаточно пьян, чтобы уснуть, и будет мучиться похмельем завтра, когда Лили придет в чувство, и он не будет думать о том, что она покинет его прямо перед пресловутым алтарем.

— Как я уже говорил, — продолжил Фазир, — мужчина купил мою бутылку и отправил ее своей женщине, его жене. Она жила в Индиане, и она стала моим другом. Ее звали Сара...

Фазир говорил в течение получаса. Он сказал Нейту, что он джинн. Он рассказал Нейту о родителях Лили, Бекки и Уилле. Он рассказал Нейту о бейсбольных матчах, и о том, как плавали на крышах в жаркие летние дни на пруду. Он рассказал Нейту, что это он на самом деле создал Лили. Затем он открыл фотоальбом и показал Нейту то, что Фазир называл своей «величайшей ошибкой».

Нейт был несколько встревожен, переводя взгляд по фотографиям Лили, на самом деле он бы никогда на первый взгляд, не распознал на этих фотографиях Лили, если бы не вглядывался достаточно пристально и не заметил ее замечательные голубые глаза, или, на некоторых фотографиях, ее причудливую, своеобразную улыбку.

Обалдело рассматривая фотографии пухлой, совершенно обычной (совсем

непривлекательной, но с теми же глазами и улыбкой) девчушки, которая и была его Лили, Нейт слушал, не прерывая рассказ Фазира, пока он не дошел до одержимости Лили любовными романами. Он слушал о детях, которые были жестоки к ней в школе (в это Нейту как раз не сложно было поверить, хотя все остальное, что говорил Фазир было бредом сумасшедшего), о мальчике, в которого она втрескалась по уши, а он оскорбил ее чувства и разбил четырнадцатилетнее сердце.

Затем Фазир рассказал Нейту о ее желании, ее желание, касающегося *его*, ее желание, касающееся романтического героя, который будет любить ее больше всех на земле и думать, что она прекрасна.

Когда он закончил говорить, Нейт посмотрел на него.

— Ты сумасшедший, — прошептал Нейт, задаваясь вопросом, существует ли у него возможность *сейчас же* вызвать сюда врача.

Фазир посмотрел на Виктора, и Виктор кивнул.

Затем Фазир щелкнул пальцами, и Нейт услышал звон стекла. Он опустил глаза на пол, к осколкам на полу, и увидел, как они начинают двигаться, а затем в мгновение ока, исчезают вместе с кровью и пятнами от водки.

Медленно Нейт поднялся.

— Какого черта? — пробормотал он.

— Я джинн, — объявил Фазир.

Взгляд Нейта вернулся прищурившись к Фазиру.

— Ты заботишься о моей дочери, — заявил Нейт спокойным голосом, но чувствовалось, что он сейчас взорвется.

— Я не могу причинить вред Таш. Я создал ее мать, ради всего святого, — возбужденно воскликнул Фазир, но Нейт ничего не хотел слушать.

Он был сыт по горло этим странным мужчиной, и он не собирался иметь какого-то причудливого мага, называющего себя джинном, живущем с Лили и Таш. Он помнил, что Лили упоминала несколько раз о своем «желании», но Фазир явно убедил ее, что он является джинном.

Нейт уставился на него.

— Уходи, — потребовал он, понимая, что, если Фазир не подчиниться, Нейт предпримет телесную силу и выкинет его из своей жизни и из своей семьи, — сейчас же.

Фазир опять щелкнул пальцами, и комната наполнилась голосом, который был мучительно знаком. Молодым голосом Лили, ее голосом, когда девочка превращается в женщину.

— Фазир, *я желаю однажды встретить мужчину такого же, как в моих книгах. Он должен быть точно таким же, как в одной из моих книг. И он должен любить меня, любить меня больше, чем что-либо в этом мире. И самое главное, он должен думать, что я красивая.*

Нейт замер от слов, которые будто парили в воздухе. Не было ни магнитофона, ни динамиков, слова просто повисали в воздухе, приходя из ниоткуда и кружа вокруг них.

— *Он должен быть высокий, очень высокий, с темными волосами, широкоплечий и с узкими бедрами.*

Пальцы Нейта сжались в кулаки, и он проигнорировал боль в пораненной руке, именно эти слова Лили сказала ему всего несколько недель назад, улыбаясь, поддразнивая его, говоря, что он ее романтический герой с узкими бедрами и такой «очень поджарый».

— *И он должен быть порядочным, невероятно благородным, невероятно красивым, с сильным квадратным подбородком и мощными скулами, загорелый, красивыми глазами с пышными, густыми ресницами. Он должен быть умным и очень богатым, но трудолюбивым. Он должен быть мужественным, сильным, неистовым и суровым.*

— Прекрати, — потребовал Нейт на слово «суровый» на сладкий голос Лили, говорящий ему те же самые слова неделю назад, но на самом деле она произносила их много лет назад, загадывая свое желание.

Голос неумолимо продолжал:

— *И он должен быть жестким и хладнокровным, может даже немного угрожающим, даже немного бандитом с разбитым сердцем, и я исцелю или растоплю лед вокруг его сердца. Растоплю или еще лучше... и то и другое!*

Нейт закрыл глаза, надеясь, что голос исчезнет и он не будет слышать ее желание, но он понял, что даже если закроет уши все равно будет слышать.

— *Мы должны будем пройти через какие-то испытания и невзгоды. Что-то вроде, чтобы проверить нашу любовь, которая станет только сильнее и ценнее. И... и... он должен быть смелым и мужественным. Сильным. Люди должны уважать его, может быть, даже побаиваться. Очень грациозным и гибким, как... как кошка! Или Лев. Или что-то в этом роде. И он должен быть хорошим любовником. Самым лучшим, настолько хорошим, что он почти в состоянии заняться любовью со мной только одними глазами.*

При этом, Нейт открыл глаза и засмеялся, на этот раз без горечи.

Он рухнул на диван, слушая юный голос Лили, описывающей свое самое глубокое затаенное желание.

Его.

— *Это все?* — услышал Нейт голос Фазира. — Ты уверена, что хочешь именно это желание? — Видно какой момент был раздумий, но быстро, потому что Фафир произнес. — *Очень хорошо.*

Потом голос Лили возник снова.

— *Не забудь, ту часть, что он любит меня больше, чем что-либо на земле.*

Ее слова и ее радостный и восторженный тон отдались в животе у Нейта.

— *А!* — услышал Нейт, как она вскрикнула в отчаяние, — *и ту часть, что он считает меня самой красивой.*

— *Лили, ты будешь прекрасной, у тебя это уже есть,* — услышал Нейт голос Фазира уверяющей ее, и он впервые посмотрел на него с уважением.

— *Просто не забывай эти части, потому что они самые важные,* — Лили напомнила джинну, но ее голос звучал так неуверенно и, Нейт подумал, что ему даже стало страшно, он звучал незабываемо грустно.

— *Я не забуду ничего,* — услышал Нейт голос Фазира, пообещавшего своей любимой четырнадцатилетней девочке, девушке, с которой он прошел все ее испытания и невзгоды, девушке, с которой он все время оставался рядом, ни смотря ни на что. — *Лили, моя милая, твое желание для меня закон.*

Затем установилась тишина.

Все сидели в изумленном молчании.

Виктор, до сих пор бледный, улыбался Нейту.

Нейт перевел взгляд на Фазира, который и в этот момент, он совершенно не удивился, парил в воздухе в нелепом наряде цвета бирюзы и винограда, с золотыми браслетами на

предплечьях, кольцом в ухе туфлях, с загнутыми носами.

Фазир свысока смотрел на Нейта, задрал нос.

— Натаниэль, я очень хорошо выполняю желания, и если ты не предпримешь что-нибудь в скором времени, я лишусь «Награды за Желание Века», — объявил он.

— Сейчас еще не конец века, Фазир, — заявил Виктор.

— Время летит быстрее, когда ты бессмертный, — выстрелил в ответ Фазир. — Конкуренция накаляется, буквально вчера...

Нейт не дал ему договорить. У него не было времени разбираться с тем фактом, что у Лили имеется свой собственный личный джинн. Он взглянул на мужчину, плавающего в воздухе, скрестив ноги (и единственное, что Нейт отметил про себя, что его отец, не кажется особо удивленным).

— Фазир, — резко произнес Нейт, привлекая внимание Фазира к себе, он просто сказал: — Таш.

Фазир кивнул.

— Конечно.

Нейт схватил ключи от машины и большими широкими шагами, не оглядываясь, направился к двери.

* * *

Нейт открыл входную дверь в дом Лили, его дом, их дом.

Было поздно, но не слишком поздно для окончания девичника, но он не услышал, стоя в холле у входа, ни голосов, ни звона бокалов, ни музыки и ни веселья.

Это его нисколько не удивило.

Неделю назад он поставил перед собой задачу заставить Лили разлюбить его, обнаружив, что он есть на самом деле, и думал, что она не будет разрушена и надломлена.

В тишине дома, и поведением Лили в последнее время, он волновался сможет ли он достичь своей цели также быстро и успешно, как всегда.

Он открыл витражные внутренние двери и остановился, как вкопанный.

Лаура, одетая в серо-голубой атласный халат, со смытым макияжем, с волосами, зачесанными назад, сидела на ступеньках лестницы и ждала его.

Мать и сын долго смотрели друг другу в глаза, потом Лаура встала и направилась ему навстречу.

Она взяла его лицо в руки и тихо сказала Нейту:

— Я знала, что ты придешь.

И от ее спокойной уверенности, от того, что она знала, что он поступит правильно, от того, что она верила в него, Нейт понял, что она всегда, всю жизнь верила в него, он обнял ее. Лаура положила голову ему на грудь.

Наконец она отклонила голову назад, взглянув ему в глаза.

— Лили наверху. Мы решили лечь спать пораньше.

Нейт кивнул, они разомкнули объятия. Он взял мать за локоть и проводил до двери ее гостевой спальни, поцеловал ее в щеку и дождался, пока она не скроется за своей дверью. Когда она закрыла за собой дверь, он повернулся и направился в спальню к Лили.

Дверь была закрыта, в комнате было темно, занавески опущены, и он увидел Лили спящую на кровати на своей половине. Он подошел ближе и увидел ее в тусклом свете,

свернувшейся калачиком и зарывшейся в свою подушку.

Тихо, стараясь не шуметь, он разделся, побросав одежду на пол, откинул одеяло, скользнул в постель, аккуратно отстранив ее подушку, положив голову рядом и устроившись у нее под боком. Но к сожалению, прежде чем он все это проделал, она проснулась.

— Нейт? — прошептала она хриплым от сна голосом.

Он быстро заключил ее в объятия, не позволяя ее рукам отстраниться от него, и включил свет.

Она подняла руки к груди, зажмурилась, потом взглянула на него, его вторая рука тут же сомкнулась вокруг нее, сохраняя ее тело над, она оказалась лежащей на нем сверху.

— Что? — спросила она, все еще моргая от яркого света, но уже окончательно просыпаясь. — Таш?

— С Таш все хорошо, — спокойно заверил ее Нейт.

Лили уставилась на него непонимающе, затем ее взгляд упал на часы на тумбочке, потом вернулся назад к нему, и он увидел, что она очень быстро поставила свою защиту. Она всматривалась на него настороженно, пытаясь освободиться из его захвата.

Но его захват оказался намного крепче.

— Что случилось? — спросила Лили.

— Ты знаешь, — непринужденно начал Нейт, отрепетированные слова еще в машине, он специально это делал, чтобы засунуть подальше злобные мысли и воспоминания, о том, что он совершил за прошедшую неделю, — пока Лаура и Виктор не усыновили меня, что я не знал своего дня рождения?

Лили успокоилась, перестав пытаться вырваться.

— Прости? — переспросила она, ее лицо изменяло выражение переходя от раздражения и настороженного к замешательству.

«Замешательство, — подумал Нейт, — было хорошим началом». Нейт мог работать с замешательством.

Поэтому он продолжил:

— Я не знал свой день рождения, пока Лаура и Виктор не усыновили меня и не сообщили мне его. Это четырнадцатое сентября.

Ее голова дернулась от этой новости, но она быстро взяла себя в руки, прикусив губу, затем отпустила ее.

— Как ты мог... — она отвела взгляд в сторону, и он понял, что она пытается решить, как ей отреагировать на данное заявление. Любопытство, он остался доволен и надеялся увидеть, что выбрал правильную тактику. Замешательство было хорошим признаком, но любопытство гораздо, гораздо лучшим. Она продолжила. — Не знать свой день рождения?

— Моя мать никогда не говорила мне, — ответил Нейт, как само собой разумеющееся.

Глаза у Лили стали огромными, наполненные ужасом, настороженность и защита испарились. Она смотрела на него с нескрываемым недоверием.

— С какой стати твоя мать не говорила тебе? — тело Лили по-прежнему в его руках было напряженным, и он понял, она не знала, как реагировать на его беспрецедентное замечание.

Он не удивился, потому что вел себя непонятно, то отталкивал ее от себя, то притягивал, то удерживал на расстоянии вытянутой руки, а потом опять притягивал, требуя ее полного внимания, мало того, он просто орал на нее, когда она подарила ему подарок, опять поднимая свои щиты и в результате, жестоко и жестко показал ей, кто он такой.

Или он думал, что он такой.

И он не только проделывал все это за последние два месяца, он проделывал это постоянно с того самого момента, как они встретились.

— Я никогда не спрашивал, — ответил Нейт, подавляя свои размышления и желая сосредоточиться на более важных вопросах в данный момент. — Да, она, наверное, и не помнила, учитывая, что большую часть времени была пьяна, а когда не была пьяна находилась под кайфом, чаще и то и другое одновременно.

Он увидел, как Лили медленно закрыла и открыла глаза, как будто это было вне ее понимания.

— Под кайфом? — прошептала она.

— Она была наркоманкой, Лили, — тихо произнес Нейт, и прежде чем она успела среагировать и поставить свою защиту на место, он продолжил:

— Ее звали Дейдра.

От такого количества новостей, касающейся его личной жизни, которые он вдруг стал сообщать ей, глаза у Лили наполнились нежностью и прежде чем она осознала, что делает, с благоговейным страхом произнесла, словно он только что показал ее фонтан молодости, наполненный кровью.

— Дейдра.

Нейт увидел ее реакцию и без промедления начал решительно двигаться в этом направлении.

— Пока я не пошел в школу, я не знал, что такое выстиранная одежда, — он услышал, как Лили со свистом выдохнула, и его обнадежил этот факт, она не скрывала своей реакции. Он продолжил говорить, она ахнула. — Преподаватели сообщили обо мне в социальную службу, которая пришла к моей матери. Она устроила для них целое шоу, и с тех пор заставляла меня стирать одежду, чтобы социальная служба ее больше не беспокоила. До того, как я переехал к Виктору и Лауре, я не знал, что такое чистые простыни.

Он чувствовал своими руками, как ее тело по-прежнему было каменным от ужаса.

Затем она тихо и неуверенно прошептала:

— Твоя мама заставляла *тебя* стирать одежду?

Он продолжал продвигаться вперед, понимая, что его положение критическое, но зная, что у Лили доброе сердце, и учитывая, что она загадала желание и выбрала именно его, он решил воспользоваться всем, чтобы получить преимущество для осуществления своих целей, поэтому просто проигнорировал ее вопрос.

— Я крал еду. Я должен был красть, иначе бы ничего не ел. Я крал молоко и каши на завтрак, обед и ужин. Я не знал ничего лучше, — сказал он улыбнувшись, — и много конфет. Конфеты легко было красть, потому что они умещались в карманах.

Лили не улыбалась ему в ответ, явно не видя ничего веселого в том, что рассказывал ей Нейт. Она сглотнула, не оттолкнула его и отстранилась, и он почувствовал, как расслабляется ее тело, но она ничего не говорила. Она просто смотрела на него широко раскрытыми глазами, губы были слегка приоткрыты с нежным выражением лица.

И именно в этот момент Нейт решил, что пора ей рассказать *все*.

— Когда мне было одиннадцать лет, я стал работать на одного из любовников Дейдры. Их было много, и я рано узнал какие могут быть в физическом смысле отношения между мужчиной и женщиной, поскольку она не скрывала их от меня, — Нейт увидел, как Лили снова прикусила губу, но не задумываясь продолжил:

— Я крал у ее любовников тоже. Иногда они ловили меня на этом и били, поэтому я быстро научился избегать их, становясь невидимым, убегая и достаточно быстро научился защищаться. Мне пришлось, иначе бы они избивали бы меня. Иногда, они били Дейдру, я пытался их останавливать, и тогда они переключались на меня. Но Дейдра никогда не останавливала их.

— Не останавливала..., — повторила Лили, но Нейт продолжал:

— Скотт был одним из любовников Дейдры, который заставил меня работать на него, я должен был доставлять посылку и забирать. Я не знал, что я доставлял, но мне было плевать на это. Он давал мне деньги, а у нас никогда не было денег. В итоге Скотт пропал, и меня взял к себе на работу его непосредственный начальник. Его босс не был хорошим человеком, он был очень опасный, но он платил мне больше денег, чем у меня когда-либо было. Я был хорош в этом...

— Хватит, — прошептала Лили измученно, ее глаза были такими же.

— Тебе следует знать, — спокойно ответил Нейт. Он не мог видеть выражение ее глаз, но у него была уверенность, что он делал все правильным, потому что она *должна* была знать все.

— Я не должна знать, — повторила она, противореча его уверенности, и ее голос стал сильнее.

— Я был преступником, — без обиняков признался Нейт. — Сколько себя помню, я крал, я...

Внезапно и довольно-таки решительно она высвободилась из его рук, но не рванула от него, а приподнялась и пристально посмотрела ему в глаза.

— Ты *не* преступник! — отрезала она.

Нейт тоже приподнялся на локте.

— Да, Лили. Я работал на криминала. И все, что было в этих пакетах...

— Тебе было всего лишь одиннадцать лет, от этого можно сойти с ума! — прикрикнула она, поскольку была очень взволнована. Он понял, потому что она повысила голос и стала говорить громче, хотя в доме была Лаура и Максин тоже осталась ночевать. Лили начала перекатываться на кровати явно намереваясь вскочить и начать расхаживать по комнате, она всегда так делала, когда очень волновалась, но он успел обхватить ее руками. Толкнул ее на спину и навис над ней.

Он решил продолжить, потому что ему следовало рассказать ей все, избавиться от всего, и тогда она могла бы принять решение.

— Это не меняет того факта, чем я занимался, кем я был, и что этот мужчина является отцом твоего ребенка, и завтра, если ты не передумаешь, он будет твоим мужем.

Лили бросила на него свирепый взгляд.

— Ты сейчас преступник?

Нейт отрицательно покачал головой, ответив:

— Лили, тебе нужно знать все.

— Ты справлял свой день рождения? — спросила она, внезапно сменив тему разговора, и Нейт от неожиданности уставился на нее, смутившись на мгновение, прежде чем ответить.

— Лили, мы говорим обо мне, что я...

— Ты праздновал когда-нибудь свой день рождения? — перебила она его, извиваясь под ним, чтобы высвободиться.

— Какое это имеет значение? — спросил он, прижимаясь к ней, чтобы удержать под

собой.

— Очень важное! — вскрикнула она, перестав извиваться, и косясь на него.

— Почему?

— Я..., — отрезала она, — не знаю почему, это просто важно. Ты праздновал свой день рождения?

— Я никогда не хотел, — ответил он.

— Хорошо, в этом году ты будешь праздновать, — рассерженно заявила она. — Не могу поверить, что у тебя никогда не было настоящего дня рождения. Какой у тебя самый любимый торт? — выстрелила она очередной вопрос, прищурившись.

— Лили, я должен рассказать тебе все до конца.

— Нет, меня не интересует остальное. Какой твой самый любимый торт?

Нейт замолчал и в упор уставился на свою невесту.

Он рассказывал ей вещи исключительной важности, вещи, который был уверен ей необходимо знать о нем перед тем, как она юридически станет его женой. Он рассказывал ей вещи, которые никогда никому не говорил, даже Лауре, хотя догадывался, что Виктор знал о них и многое рассказал о нем Лауре, вполне вероятно, что Виктор рассказал Лаура все.

Но Нейт рассказывал Лили свои секреты, спрятанные от всех, отвратительные секреты, а Лили спрашивала его о торте.

— У меня нет любимого торта, — ответил Нейт.

— У каждого есть любимый торт, Нейт, — сообщила ему Лили.

— Торт — это всего лишь торт, — выстрелил в ответ Нейт, которому не терпелось вернуться к своему рассказу.

— Торт — это *не всего лишь* торт. Есть светлый бисквит и торт Виктории из взбитых белков. Есть кофейный торт. Есть с крошкой. Есть чизкейк. Я даже не начинаю тебе рассказывать про шоколадный торт. Существуют сотни разных видов шоколадного торта, — Она замолчала, и Нейт подумал, что она закончила перечислять все эти странные виды торта, и открыл было рот, чтобы продолжить, но не успел. — Немецкий шоколадный торт, из темного шоколада, шоколадный пирог, кофейно-шоколадный торт мокко...

Наконец, он потерял терпение, и прервал ее тихо взорвавшись:

— Лили, ради Бога!

Она взяла его лицо в руки и внимательно смотрела ему в глаза. Он заметил, что в ее взгляде не было настороженности или же опасения, в ее взгляде не было защиты от него. Она не смотрела на него с ужасом и отвращением от того, что он спал на грязных простынях, и его мать была наркоманкой и пьяницей, и то что он крал, пока был подростком.

Вместо всего этого, она планировала его день рождения.

Она смотрела на него с трепетным благоговением, удивлением, словно он был покорителем народов, создателем миров.

Это поразило его, словно на него обрушился вес десятка наковален, и он почувствовал в этот момент от этой тяжести, как что-то раскрылось у него в груди, как разлилось тепло по всему телу и охрипшим голосом пробормотал:

— Лили.

— Я буду делать тебе торт, — тихо пообещала она, — каждую неделю до твоего дня рождения, так ты сможешь выбрать какой тебе понравится больше всего.

От ее заботливых слов, он почувствовал, как в груди что опять разжалось, теперь уже

полностью и окончательно, предоставляя ему свободу впервые в жизни *вдохнуть* полной грудью.

Он крепко сжал ее в своих объятиях, зарывшись лицом в волосы, спускающиеся к шее, перекатился на спину, увлекая ее за собой, она оказалась сверху.

— И мы устроим большую вечеринку, — продолжала она тихо говорить ему на ухо. — И отпразднуем Рождество. Но, до этого, мы отпразднуем Четвертое июля и День Благодарения...

— Я люблю тебя, Лили, — прошептал он ей в шею.

— И мы собираемся... что?

Он откинул голову на подушки и посмотрел в ее красивые голубые глаза.

— Я люблю тебя, Лили, больше, чем что-либо в этом мире.

На пару секунд она уставилась на него, удивленно распахнув глаза, и он, как замороженный, увидел наворачивающиеся у нее слезы.

— Правда? — выдохнула она.

Не отводя своего взгляда, Нейт приподнял голову и выдохнул ей в губы.

— Правда.

— Ты любишь... *меня*? — переспросила она, словно не могла в это поверить.

Из-за того, что ему рассказал Фазир, он теперь понимал ее недоверие, что он способен ее любить, даже несмотря на то, что сам был оглушен от произошедшего, и Нейт понимал, что должен *заставить* ее поверить. Он убрал ее тяжелые локоны за ухо.

— Да, я люблю тебя, — сказал он, хрипло и эмоционально.

— Но..., — начала она, и он продолжил, взяв ее за подбородок и проводя большим пальцем по щеке, вытирая дорожку из слез.

— Я полюбил тебя, как только увидел, элегантную, неприкасаемую, красивую и не для меня, — сказал он честно.

— Красивую? — прошептала она.

— Когда я впервые увидел тебя, ты была самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, а я помню всех, Лили, женщин, которые когда-либо привлекали меня. Ты была бесподобна, великолепна настолько, что я не мог даже пошевелиться, — Нейт видел, как у нее быстрее потекли слезы, он вытер их и прошептал:

— Ты до сих пор такая же, дорогая.

У нее на лицо набежала тень, и она попыталась отстраниться.

— Я должна сказать тебе... — неуверенно прошептала она с опаской, — это все из-за желания. На самом деле ты не видишь меня такой. Видишь ли, Фазир...

— Я знаю о Фазире, — перебил ее Нейт. — Я знаю, кто он есть на самом деле. Я знаю с твоим желанием, но это не важно. — Он заметил, как она с удивлением взглянула на него. — Если бы не было желания, и никакой магии, и никаких джиннов, я бы все равно решил бы также. Я вижу саму *тебя*, Лили, твою природную элегантность, твои прекрасные глаза, твою фантастическую улыбку, твое пышное тело...

— Перестань, — прервала она и смахнула катившиеся слезы, пытаясь оттолкнуть его руки, но он крепко держал ее.

— Ты *прекрасная*, но я люблю тебя не потому что ты красивая.

Она опять внимательно посмотрела на него.

— А почему ты меня любишь? — прошептала она, и он сразу же ответил.

— Потому что у тебя есть мужество погнаться за вором. Потому что у тебя есть

неестественное отвращение к беспорядку. Потому что ты любишь гонять на мотоцикле, и это похоже, словно тебе вручили ключи от царства грез. Потому что ты обладаешь такой способностью, что все окружающие влюбляются в тебя, несмотря на то, что едва ли знают. Потому что ты верная. Потому что ты сделала нашу дочь счастливой, даже когда твои возможности были так малы. Потому что ты создала комфортный, любящий дом для нее, несмотря на то, что у тебя не было денег.

— Нейт, не надо, — перебила она, крепко зажмурившись, как будто он пытался стереть все это своими словами, но он не слушал.

— Потому что ты такая сладкая на вкус, а ощущаешься еще лучше. Потому что ты смотришь на меня так, как никто и никогда на меня не смотрел.

— Хватит, — решительно перебила она, моментально открыв глаза, — теперь я хочу сказать тебе, почему я люблю тебя.

Он почувствовал, как напряглось у него тело.

— Ты? — тихо переспросил он.

— Что я? — ответила она.

— Ты все еще любишь меня?

Он увидел, как она начала хмуриться.

— А почему я не должна?

Он улыбнулся, и понял, что улыбка вышла полная сожаления.

— Я не знаю, дорогая, — нежно ответил он, — возможно потому, что я тебя легко отпустил тогда, нарушил все свои обещания, не заботился о тебе, заставил умолять...

Она стала махать рукой в воздухе, пытаясь его остановить, сказав:

— Ой, это. Я забыла уже об *этом*.

От ее беззаботного заявления, учитывая его постоянные действия по злоупотреблению ее доверием, сейчас были сродни словно он забыл вынести мусор, Нейт не мог остановиться, не смотря на то что старался, но его тело начало сотрясаться от смеха.

Он тут же решил, что любит ее и за ее умение прощать, и в этот же самый момент поклялся сам себе, что никогда больше не сделает ничего, за чтобы ей пришлось его прощать, никогда.

Он не долго смеялся, услышав вздох Лили.

— Что случилось у тебя с рукой? — воскликнула она, схватив его за запястье и усадившись на окровавленный носовой платок, завязанный вокруг ладони.

— Ничего.

Она подняла на него глаза и пристально посмотрела сердитым взглядом, но даже за этот взгляд он готов был расцеловать ее.

— Правильно, ничего. Как и моя мигрень, которая всего лишь головная боль, — отрезала она.

— Лили.

Она нагнулась к нему, схватив его за руки и стала вытаскивать из постели.

— Я хочу посмотреть, что это за ничего, — сказала она, направляя его в сторону ванной комнаты.

— Я сказал, что это пустяки.

Она замерла и обернулась к нему на полпути.

— Я хочу увидеть, — она четко произнесла каждое слово, словно подчеркивая, тыкая ему пальцем в грудь.

И в этот момент, он окончательно и бесповоротно понял, что она вернулась.

Его Лили.

Его.

В своем желании загадав *его*.

Его.

Натаниэля МакАллистера.

Он был предназначен для нее, также как и она предназначалась ему, они предназначались друг другу, они принадлежали друг другу.

Такое облегчение нахлынуло на него, он быстро рывком освободился от ее рук. Заставив ее ухватиться за него, чтобы вернуть себе равновесие, и заключил ее в свои объятия, склонив к ней голову, и опустив губы, даря быстрый, страстный поцелуй.

Когда он закончил, то обратился внимание на ее затуманенный взгляд темно-синих глаз, и пробормотал, интонацией которая не подразумевала выбора.

— Ты сможешь посмотреть, когда я закончу заниматься с тобой любовью.

Без колебаний она согласилась.

Именно тогда он начал снова смеяться, но недолго, потому что Лили, приподнявшись на цыпочках, обняла его за шею, и вернула ему страстный поцелуй.

Но Лили была не настолько быстрой.

* * *

Гораздо позднее, обнаженная спина Лили прижималась к его телу, и Нейт зарылся лицом в ее душистые волосы.

Он не занялся с ней любовью, потому что она толкнула его на спину и занялась с ним любовью, руками, губами, тихо и нежно говоря, дотрагиваясь губами до его кожи, перечисляя все причины, почему она его любит.

Не потому, что он был мужественный, с узкими бедрами, богатый и с разбитым сердцем, которое ей необходимо было (и ей удалось) починить.

А потому что он был, она сказала, великолепен во всем. Он был сильным, и люди уважали его. Он поцеловал ее, и она упомянула что-то про гимнасток, делающих колесо и кульбиты у нее в животе, но он не обратил на это особого внимания, так как в этот момент она вычеркивала своим языком дорожку у него на животе, и он пропал и совершенно не мог сосредоточиться на ее словах. Она сказала, что у него красивая улыбка. Она сообщила, от чего он удивился, что он очень бы понравился ее родителям и они его бы полюбили. Она сказала, что считала его очень хорошим сыном Лауру и Виктора. Она также сказала, что он прекрасно о ней заботился, пока она болела. И наконец, она сообщила, что с ним чувствует себя в безопасности, и что он отличным отец для Таш.

От ее последних слов, он перевернул ее на спину и занялся с ней любовью с такой решительностью, что она больше не могла вымолвить ни слова.

Потом она снова выдернула его из постели, чтобы посмотреть на его рану. Она промыла и перевязала, и он разрешил все это проделать с ним, поскольку она была единственным человеком, которому он позволял заботиться о себе. Он бы никогда не позволил такого даже Лауре, разделять с ним его боль, он не делился этим ни с кем. Он такой, вот и все. Но были и другие вещи, которыми он испытывал необходимость поделиться.

Он повел ее обратно в постель. Притянул ее к себе, спокойно обнял и прижал, и

рассказал остальное, в этот день произнесся гораздо больше слов, нежели за все время. Он рассказал, как рос со своей матерью Дедрой, как она так и не отправила его в специальную школу, несмотря на то, что учителя настаивали, о ее убийстве, о том, как встретил Виктора, который его спас, а Лауре, о Даниэлле с ее нежелательным вниманием и злобой Джеффри.

Она слушала молча, ничего не говоря, просто взяла его за руку, переплетя в нем пальцы. Частенько она напрягалась, он чувствовал это по ее телу, но она не перебивала его.

Наконец, когда он закончил и замолчал, она прошептала:

— Почему ты мне не рассказывал?

Настала его очередь напрячься.

— Я думал, если ты узнаешь, то уйдешь от меня.

— Почему? — спросила она.

— Ты, наверное, никогда не видела шприц, наполненный героином, и не убирала волосы с лица матери, когда она была так пьяна, что блевала в туалете, — пояснил он.

— Ты думал, что я оставлю тебя из-за того, что у тебя была жестокая, ужасный, кошмарная, никуда ни годная, даже невозможно описать словами плохая мать? — спросила она, в другой бы раз Нейт скорее всего бы улыбнулся от таких характеристик, данных его матери, но это сейчас было не время для улыбок.

— Я решил, что ты уйдешь, потому что я делал плохие вещи.

— Ты не знал, — защищая его воскликнула она.

— Я *знал*. Я был молод, но я был не дурак, — ответил Нейт.

— У тебя не было выбора, — тут же ввернула она.

Нейт не ответил, потому что это было правдой.

Наконец он сказал:

— У меня совершенно не красивое детство про джинна и волшебные желания, и даже не похоже на летний отдых на покрывах на пруду.

— Нет, — призналась она, — но это создало тебя... Тебя.

— Да, — Нейт согласился, потому что это тоже было правдой.

— И я люблю тебя, — продолжала она.

На этот раз его рука напряглась, притягивая ее ближе к своему телу.

— Да, — пробормотал он.

— И я бы не стала ничего менять в тебе, кроме того, чтобы попытаться стереть из памяти, что ты пережил, — сказала она, прижимаясь еще ближе к нему.

— Я не хотел, чтобы это как касалось тебя, — выдохнул Нейт. — Это ужасно, грязно и я не хотел, чтобы это было частью твоей жизни.

— *Это* было ужасно и грязно, но *ты* сам не такой, — ответила Лили понизив голос, наполненным эмоциями, ему пришлось даже наклонить голову к ней поближе, чтобы расслышать то, что она стала говорить в следующий момент и это потрясло его до глубины души, остатки его щитов вокруг сердца просто капитулировали (хотя, там почти уже ничего и не осталось) и растаял лед. — Я горжусь. Я горжусь, кем ты был, тем, что ты выжил и тем, кем ты стал. Я горжусь, что ты вдохновил Виктора сделать выбор в жизни и изменить ее, чтобы ты, он и Лаура могли жить лучше. И я горжусь тем, что ты любишь меня, и мы создали Таш.

Нейт закрыл глаза и глубоко вздохнул. Господи, он все года больше всего боялся именно этого момента. Ему осталось лишь признаться только в одном этой ночью.

— Лили, есть еще кое-то, что тебе следует узнать.

— Хорошо, — доверчиво ответила она, выглядя такой уязвимой, понимая, что он слишком далеко зашел в своих признаниях, она отдавала ему так много, и он сильнее прижался к ее спине, приготовившись почувствовать ее реакцию на его следующие слова.

— Я хотел, чтобы ты забеременела, — объявил он.

Она замерла, несколько секунд совершенно не двигаясь, и Нейт ощутил, как у него сжалось что-то в груди. Затем она развернулась в его объятиях и посмотрела ему прямо в глаза, ошеломленно.

— Я сделал это специально, — продолжил Нейт, поскольку считал, что она однозначно должна была знать и сейчас он даже ненавидел себя за это, а также за то, что сообщал ей об этом. — Я хотел привязать тебя к себе, я помню, что ты говорила о семье и подумал, что если ты забеременеешь, ты *никогда* не бросишь меня. Я не знал, что ты была уже беременна, когда уехала, я клянусь я сделал бы все, что мог, если бы...

— Слава Богу, — выдохнула она, шокируя его своим ответом. Затем она улыбнулась своей особенной улыбкой, Нейт уставился на нее полностью ошарашенный.

Она передвинулась, коснувшись его губ и снова повернулась к нему спиной, довольная, прижимаясь к его телу.

— Если бы не ты, — сонно произнесла она, совершенно даже не расстроившись, что он преследовал свои корыстные цели, чтобы привязать ее к себе, потом оставив одну, рожаящую ребенка в одиночку с трудной беременностью и родами, при которых она испытала клиническую смерть на две минуты и тридцать восемь секунд, а потом в течение семи лет прилагала титанические усилия воспитывая Таш при совершенно сложных обстоятельствах и без помощи Нейта, — у нас бы не было Таш, ну, в общем... Слава Богу.

И с глубоким чувством облегчения, Нейт наконец-то выдохнул.

Он зарылся лицом в ее волосы, и молча слушал, как Лили провалилась в сон.

Затем он обнял ее.

И впервые за всю свою жизнь, в гармонии с самим собой, находясь в ладу со своим прошлым, Нейт заснул.

Он проснулся перед рассветом, осторожно отстранился, пытаясь не разбудить ее, но только опять прижалась к нему, обхватив его руками.

Она приоткрыла заспанные глаза.

— Куда ты?

Он нежно поцеловал ее и прошептал:

— Я иду к Таш. Спи, дорогая.

Она кивнула, сонно улыбнувшись ему и отпустила. Как только он поднялся с кровати, она прижалась к его подушке.

Нейт оделся, присел на край, заправил волосы ей за ухо.

— Ты видишь меня в день нашей свадьбы, — пробормотала она в подушку, не открывая глаз.

Нейт наклонился и коснулся губами местечка сзади уха.

— Я думаю, мы собрали все плохие приметы, какие могут существовать, — заверил Нейт.

Она улыбнулась, прежде чем заснула.

Нейт минуту просто сидел и смотрел на нее, испытывая настоящую радость, которая сменила тяжесть в груди, и ему нравилось это совершенно новое чувство удовлетворенности, уверенности и принадлежности к ней.

Затем он оставил без пяти минут свою жену и направился к своей дочери.

— Что использовать? — спросила она в замешательстве.

Фазир кивнул головой в сторону Натаниэля, и Лили оглянулась через плечо на своего жениха.

— Я хочу поговорить с тем, кто регистрирует браки, — потребовал Нейт.

— Я уже говорил с ним, и *он* уже тоже говорил с ним, — служащий указал на Виктора, а Таш тяжело и уныло жалась к бедру отца. Натаниэль положил руку на плечо дочери и ободряюще похлопал, служащий продолжал:

— Мне *очень* жаль, но единственное, что мы можем сделать, это назначить новую дату, которая будет свободна.

Лили снова повернулась к Фазиру, ее лицо побледнело, Фазир понял, что она все поняла.

— Я не могу... мы можем подождать, — прошептала она, в ее глазах отражалась паника.

— Посмотри на них, Лили. Посмотри на Таш. Она думает, что Натаниэль может все. Она думает, что Натаниэль обладает *другим* видом магии. Если она увидит, что это ни так, малышка Лили, ты *знаешь же*, это разобьет ей сердце, — Лили отрицательно качала головой, причем делала это искренне, страх отражался у нее на лице, она с такой силой сжала на его руке свои пальцы, словно ни за что и никогда не позволит ему уйти. — Взгляни на них всех, — тихо призывал ее Фазир.

Она по-прежнему качала головой и не стала оборачиваться, потому что она *знала*, что происходит у нее за спиной, и что сделает Фазир. Он знал, что она готова на все ради Таш, и также он знал, что она готова на все ради Натаниэля.

Она схватила его другую руку.

— Фазир, — прошептала она, ближе придвинувшись к нему, потом еще ближе, обхвати его руками.

— Воспользуйся им, малышка Лили, — нежно пробормотал Фазир ей на ухо, в тот момент, когда его дорогая Лили зарылась лицом в его шею.

— Я не хочу. Ты тогда уйдешь, а ты — моя семья. Семья никуда не уходит, пока *не приходит* время, и ты *не должен* уходить. Ты не должен пропадать, — Фазир ощутил, как тело его Лили начинает дрожать, она прошептала:

— Я люблю тебя Фазир, — ее голос сорвался при упоминании его имени, она так крепко обняла его, Фазиру даже показалось, что он не сможет дышать, но к счастью ему это было и не нужно, поэтому он просто позволил ей так себя держать.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он, испытывая шок сам от себя, потому что он на самом деле имел это в виду в глубине своей такой циничной души джинна.

Заседание Совета Джиннов «Награда за Лучшее Желание Века» была неправильным потому что именно *Лили* была самым лучшим когда-либо выполненным желанием.

Когда-либо, но с тех пор прошла целая вечность.

— Используй, — повторил Фазир.

— Нет, — отказала ему Лили.

— Малышка Лили, используй его, — попросил он и почувствовал, как ее тело опять начало подрагивать.

Она долгое время молчала, затем он услышал ее шепот:

— Если я сделаю это, ты должен попрощаться с Таш.

Фазир прикрыл глаза.

— Нет, я не вынесу... нет, — теперь пришла очередь Фазира, когда его голос стал надтреснутым и хрипатым, он услышал, как Лили тихо горько всхлипывает.

— Если ты уйдешь, я буду скучать по тебе, — она по-прежнему говорила шепотом с болью в голосе.

— Используй его, Лили, — продолжал Фазир уламывать ее, уже сам не уверенный сможет ли он продолжить.

— Мы никогда не забудем тебя, — продолжала Лили, он понимал, что она оттягивает время. Он прекрасно осознавал, что она пытается придумать какой-нибудь другой способ.

— Пожалуйста, Лили, сейчас... *используй его*.

Ее руки еще крепче сжались вокруг него.

— Я напишу о тебе роман, и он будет переходить из поколения в поколение в нашей семье, поэтому все будут знать о тебе, — пообещала она. — Каким ты был прекрасным, смешным, каким верным...

— Малышка Лили..., — он почувствовал влагу на своих глазах, и не понял, что это было, потому что моргнул. Но она появилась вновь, слезы. Великий Джинн Фазир впервые *плакал*. Он надеялся, что это не будет так тяжело, за всю свою вечную жизнь он никогда не испытывал такого (в прямом смысле), он никогда не испытывал *таких* мук. — Воспользуйся им, — взмолился он, и от тона его голоса Лили притихла.

Затем зарывшись ему в шею, она как говорила сама себе, согревая его кожу своим дыханием.

— Фазир, я хочу выйти замужем за Натаниэля МакАллистера, сегодня, прямо здесь и прямо сейчас, в мэрии города Бат.

Фазир осторожно отодвинул ее от себя, она стояла перед ним, с мерцающим от слез взглядом, соединив руки в замок перед собой рядом с грудью, словно в отчаянной мольбе, плотно сжав губы, борясь со всхлипываниями.

Затем чинно, используя свой лучший голос джинна, Фазир сказал:

— Малышка Лили, твое желание для меня закон.

Он грустно улыбнулся, поднял руку и щелкнул пальцами.

И Великий Джинн Фазир исчез.

Все

Лили

— Лили, лимузин приехал! — прокричала Максин снизу лестницы.

Лили стояла, рассматривая себя в зеркало, и думая, что может быть, если только представить хотя бы на минуточку, что Нейт не был заколдован магией Фазира, и на самом деле видел, что она красивая.

На ней было простое платье из шелка цвета слоновой кости, без бретелек, приталенное, чуть выше колена. На талии тоненький поясик из такого же материала слоновой кости с небольшой квадратной пряжкой. На ней были туфли-лодочки с ремешком на шпильке, с заостренным мыском цвета слоновой кости. Единственным ювелирным украшением, которое она одела было жемчужное кольцо с браслетом и гвоздики-серьги в ушах, набор, который ей Лаура подарила этим утром, сказав, что это свадебный подарок от нее и Виктора. Волосы она убрала назад, скрепив атласным бантом.

— Ты выглядишь шикарно, — сообщила Сьюзан у нее за спиной.

Лили переместила свой взор на трех девушек, находящихся с ней в спальне. Сьюзан, Эмили и Лорна были ее коллеги по магазину «Flash and Dazzle». Магазин был закрыт сегодня, поэтому девушки смогли присутствовать на свадьбе и принять участие в подготовке.

Сьюзан была ас по волосам, поэтому она укладывала волосы Лили в день свадьбы. Эмили была большим спецом по косметике, поэтому она делала макияж невесте. Лорна имела никаких выдающихся навыков, но у Лили даже в мыслях не было оставить ее одну в магазине, потом Лорна относилась к такому типу девушек, которая бы не за что не пропустила такое событие по любому.

Лили могла бы, учитывая тот факт, что у нее на банковском счете лежало не меньше семи миллионов фунтов, могла бы нанять лучших стилистов и визажистов в Соединенном Королевстве, и ее склоняли к этому во время подготовки к свадьбе, но что же тогда будет особенным во всем этом?

Максин протолкнулись в комнату.

— Пропустите девочки, вам надо ехать или вы никогда не доберемся до Баг вовремя и ... — она остановилась как вкопанная, когда ее взгляд упал на Лили, полу открыв рот. Затем, спустя несколько секунд, она разразилась слезами.

Лили, Сьюзан, Эмили и Лорна все бросились к Максин, Лили обняла свою подругу.

— Максин, что черт побери случилось?

Максин вытирая слезы радости, по-прежнему смотрела восхищенно на Лили.

— Ты... — начала она затем вздохнула: — О-о Лили. — И Максин крепко обняла Лили в ответ. Когда она отстранилась, посмотрела прямо в глаза Лили и прошептала:

— Ты самая красивая невеста в мире.

Лили улыбнулась, думая о том, что еще может сказать Максин.

— Правда, точно! — громко закричала Лорна и с такой убежденностью, что Лили вздрогнула, а Лорна выпила свой последний глоток из бокала с шампанским.

— Я подтверждаю! — Эмили последовала ее примеру с шампанским.

— И я! — подхватила Сьюзен, хотя она и не пила, но Сьюзен также ехала, как и все девушки в Бат.

— Что происходит? — засуетилась Лаура, заглядывая в комнату, потому что она не только вела усиленную подготовку к свадьбе, но суетилась вокруг Лили все утро, как курица, начиная с той минуты, когда Лили пошатываясь, не выспавшаяся, но все еще в приподнятом настроении от событий прошедшей ночи, вошла на кухню и тут же встретила с заинтересованным взглядом Максина и Лауры, сидящих за кухонным столом. Как только они увидели счастливое, сияющее выражение лица Лили, они с облегчением вдохнули, ласково обняли со слезами радости на глазах и открыли первую бутылку шампанского.

Лили чувствовала себя на вершине мира, на вершине Вселенной, в раю.

У нее был Нейт, наконец, он *полностью* был *ее*. Она хотела забраться на крышу и закричать об этом на весь город (этого она не сделала, поскольку платье будет испорчено).

Глаза Лауры замерли на Лили, и она тоже застыла как вкопанная, не в состоянии отвести от нее глаз.

— О, Господи, — выдохнула она.

Лили подошла к Лауре и встала прямо перед ней.

Взяв ее за руки, несмотря на то, что сердце бешено колотилось в груди, она спокойно спросила свою без пяти минут свекровь:

— Я подхожу для вашего сына?

Лаура залилась слезами, протянув руку и прижимая к себе Лили.

— Ты подходишь, ты даже больше, чем подходишь, — Лаура отстранилась от Лили, но не опустила руку. — Я не могла бы желать лучшую невесту для моего сына, если это было в моей власти. Лили, ты *превосходна*.

Лили почувствовала слезы у себя на глазах от ласковых слов Лауры, и Эмили закричала:

— Нет! Не плачь! О, нет! — она вклинилась между Лорной, — принесите срочно косметичку, быстро!

Сьюзан, Лорна и Эмили быстро подправили макияж Лили, Максина и Лауре, а затем Эмили положила помаду, тушь, румяна и пудру, кружевной платочек, который ее мать держала на собственный день свадьбы, а ей он перешел от бабушки, в маленькую, изящную цвета слоновой кости сумочку (еще один подарок этим утром от Максина), и все они побежали вниз по лестнице.

Лили стояла на тротуаре и махала девушкам, пока они кричали ободряющие слова в открытые окна лимузина, потом они уехали. Лили хихикала им в ответ и улыбалась, ни о чем не думая, потому что ничто не могло заставить ее грустить в это утро.

Поэтому она совершенно не заметила трех человек, вышедших из автомобиля, остановившегося дальше по улице, поскольку стояла к ним спиной.

Но Лаура заметила их и побледнела.

Таш

Наташа Робертс МакАллистер-Джейкобс была благодарна маме за то, что оправила с ним Фазира в Бат.

Папа, Таш это выяснила, был не очень хорош в прическах, особенно для семилетней девочки, чтобы сделать ультра, суперкрасивую прическу для такого очень особенного дня.

Таш подумала, что это в порядке вещей, учитывая, что папа был хорош во всем остальном. Никто, Таш была уверена, не может быть хорош абсолютно во всем.

У Фазира была магия, поэтому он просто щелкнул пальцами, и волосы Таш превратились в игривые упругие локоны, обрамляющие лицо и скрепленные по бокам красивыми, блестящими заколками. Когда он это сделал папа уставился на Фазира подозрительно, они оба смотрели друг на друга слегка раздраженно (Таш понравилось это слово, и она знала, что оно означает) и посмеиваясь. Глядя на них, Наташа захихикала.

Папа, Таш это тоже выяснила, теперь знал, что Фафир был их личным джинном, и он не возражал. Таш и так знала, что он не подозревал об этом раньше, но считала, что им следовало рассказать ему давным-давно. Он был лучшим папой на свете, и Фафир был членом их семьи, хотя и был немного странным, но Таш всегда знала, что ее папа не будет против.

Мама приготовила ее бледно-голубое платье, именно такого цвета, какой папочка использовал в маминой спальни, теперь уже старой. Таш не была счастлива от голубого цвета, она хотела розовый. Пока она не увидела свое красивое, потрясающее голубое платье. Увидев это платье, она перестала возражать.

— Теперь, когда я сделал волосы Наташе, мне необходимо подготовиться, — сказал Фафир в своей манере Я-есть-Джин-все-посмотрите-на-меня, и исчез, оставив шлейф фиолетового дыма, который поплыл в сторону бутылки, пока она не исчезла тоже.

Таш посмотрела на отца. Он смотрелся очень красиво, ей никогда не доводилось видеть его таким. А она помнила всех, с кем ей когда-либо доводилось встречаться, она все помнила, хотя никогда никому не говорила об этом. Он был одет в темный костюм с рубашкой цвета слоновой кости и красивый галстук точно такого же цвета, как платье Таш.

Она передвинулась к отцу, и хотя она была уже не ребенок, а большая девочка, папа был таким сильным, он взял ее на руки, как и всегда. Она обвила его за шею, обхватив ногами за талию и уткнулась носом в его нос. И, снова, как и всегда, он обнюхал ее, как сначала она.

Затем она отстранилась немного назад, совсем немного, и глубоко вздохнула, потому что хотела его спросить о том, о чем она думала все эти дни, недели, но всегда побаивалась.

— Папа? — робко позвала она.

— Да, милая? — ответил он, и Таш почувствовала, как что-то радостное раскрывается у нее в сердце, потому что он никогда не называл ее милой, но ей очень сильно понравилось это.

— Ты не... гм..., — она остановилась, затем выпалила, — никогда не уедешь снова, не так ли?

Она увидела, как у папочки-красавца выражение лица стало ошеломленным, потом жестким, потом смягчилось, и он ответил:

— Никогда, — таким тоном, чтобы у нее не возникло сомнений.

Она обхватила его за шею и дотронулась до его щеки и спросила, хотя и была слишком напугана, чтобы спрашивать:

— Сегодня счастливый день и когда он закончится, как думаешь, ты больше не будешь испытывать боль?

Он медленно моргнул, а ответил:

— Боль? Таш, почему ты думаешь, что...

— Я вижу это в твоих глазах, — прервала его Наташа. Маме бы это не понравилось, она не разрешала Таш прерывать других, но она подозревала, что папе было все равно.

Объятия отца стали крепче, его рука опустилась ей на затылок, пальцы перебирали упругие локоны, и он прижал ее голову к своей сильной шее.

Но он не отвечал.

— Ты слишком сообразительна для твоего же блага, — пробормотал он, Таш слышала это выражение и раньше. Но у нее возникло подозрение, что она не слишком сообразительна для своего же блага. Она была слишком сообразительна для блага всех остальных.

— Я не хочу, чтобы тебе было больно, — тихо сказала ему Таш, предполагая, что им следует вернуться к теме, потому что для нее это была слишком важная тема.

Папа отстранился и посмотрел ей прямо в глаза, и взглянув на него, она увидела точно такие же как у нее глаза, только глаза своего отца.

— Боль прошла, Таш, — сказал он.

Она пристально смотрела на него, пытаясь обнаружить эту боль в его глазах, на лице, где-нибудь.

Но она не смогла ничего обнаружить, поэтому радостно улыбнулась, своей неповторимой милой улыбкой.

Тогда она воскликнула:

— Ураааааааааа!

И потом она получила от него самый-самый, наиразлюбимейший, самый лучший подарок в этот день.

Ее отец улыбнулся ей в ответ.

Максин

— Я не могу поверить, что это происходит, — Лили стояла, закипая в гостиной.

Максин не могла поверить, что это происходило на само деле. Время шло. Им следовало уехать десять минут назад. Вместо этого они все находились в гостиной с этими одиозными личностями, что-то говорящими Лили, слова... слова... ужасные... такие ужасные слова, что Максин стала переживать, что ее уши начнут кровоточить от услышанного.

Было веселое, счастливое утро, наполненное смехом, слезами и шампанским, и они даже поели, потому что вчера, накануне вечером, даже почти и не притронулись к еде (к удовольствию Максин еда ей понравилась). Лили прежняя Лили, цельная Лили, стала именно той девушкой, с которой Максин познакомилась почти десять лет назад, счастливая, легкомысленная, полная жизни, улыбчивая, открытая для всех.

Все наконец стало хорошо.

Затем провожая Лорну, Эмили и Сьюзан, Максин почувствовала, как напряглась Лаура. Она обернулась и увидела, что Лаура смотрит на нее и заметила Алистера, идущего к ним с мужчиной и женщиной.

— Алистер что ты здесь делаешь? — улыбнулась ему Максин.

Алистер не улыбнулся ей в ответ.

Затем Максин ощутила как кто-то постучал ей по спине, и обернулась, увидев побелевшую Лили, которая стала еще бледнее, чем Лаура, и словно заморозилась на месте, раскрыв рот от шока (в высшей степени ужасного шока, Максин ответила про себя, и это важно, потому что у нее сложилось такое впечатление, будто Лили готова совершить убийство прямо здесь и сейчас).

— Как вы посмели! — закричала Лили, наступая на них. — Уходите! Вон! Убирайтесь с

глаз моих! Как вы осмелились!

Жесткий и злой взгляд Алистера тут же смягчился, как только он посмотрел на Лили, но он по-прежнему был настроен решительно.

— Лили, ты должна выслушать Джеффри и Даниэлла, которые расскажут тебе о МакАллистере, — взмолился он. — Пожалуйста, ты должна выслушать их.

— Я не обязана слушать их, — взорвалась Лили и повернулась к Максину. — Пойдем.

Максин переводила взгляд от одного к другому. Она знала, кто такие Джеффри и Даниелла, поэтому прищурившись смотрела на них, потом перевела взгляд на Алистера и нужно быть слепым, чтобы не заметить выражение «Предатель», красовавшееся у нее на лице.

— Мы уходим, — заявила Максин, двинувшись к Лауре.

— Я хочу услышать, что они скажут, — тихо произнесла Лаура, глядя на своих детей, и все замерли.

— Лаура, у нас забронирована церемония на определенное время. Если мы пропустим или опоздаем, — Максин взяла Лауру под руку, — нам нельзя опаздывать, иначе им придется перейти к следующему бракосочетанию. По субботам все расписано. Лили и Нейту очень повезло получить это время, и даже Нейту пришлось нажать на определенные каналы.

— Вы идите, я хочу услышать, что они скажут, — ответила Лаура, поворачиваясь к Лили. — Я возьму твою машину. После того, как закончу здесь, обещаю, я приеду.

Лили отрицательно покачала головой, Алистер заговорил, и все внимание переключилось на него.

— Лили, выслушай это.

— Лили собирается выйти замуж за моего сына, — голос Лауры до этого мягкий, превратился в жесткий и звенящий, он чувствовался даже физически. — Я разберусь с Даниэлкой и Джеффри.

— Я не оставлю тебя наедине с ними, — голос Лили также стал повышенным и в нем сквозили стальные нотки.

Лаура повернулась к Лили и взял ее за руку.

— Ты должна поехать. Вступить в брак с Натаниэлом. Я разберусь с этим.

— Нет, — Лили отрицательно качнула головой и сказала со всей решимостью, — мы семья, а семья всегда все делает вместе.

Затем не дожидаясь ответа Лауры, Лили развернулась к Алистеру.

— У вас есть десять минут.

Они все прошли в дом. Лили не предложила никому присесть, а также не предложила прохладительных напитков. Максин стояла как страж. Алистер открыл свой портфель, но остался стоять, также как и Даниелла, Максин отметила с раздражением, что она пристально осматривалась вокруг, замечая новую дорогостоящую мебель в роскошной гостиной, словно она ожидала увидеть убогую лачугу, Джеффри же прищурившись пожирающим взглядом (совершенно не в хорошем смысле, у Максина даже мурашки по коже поползли), пялился на Лили.

— У вас осталось девять минут, — заявила Лили, поскольку все в комнате продолжали молчать.

— Твой жених — преступник, — без обиняков заявил Алистер.

Лаура ахнула. Лили прищурилась, руки сжались в кулаки. Максина напрягла, встав в стойку.

Алистер продолжил.

— Джеффри и Даниэлла наняли частного детектива, который провел расследование. Я читал его рапорты. МакАллистер был не только мелким воришкой и на побегушках у криминального авторитета, твой без пяти минут муж был дилером по оружию.

Джеффри двинулся вперед, и Лили отступила на шаг, он остановился, но, к сожалению, открыл рот:

— Лили, они оба стали легальными, но тебе следует знать, что его мать была убита. Есть даже вероятность, что это сделал он, то есть Нейт убил родную мать, — сказал Джеффри, и его голос звучал с такой искренностью, лживой искренностью, даже самый большой дурак на земле, смог бы сказать, что он был отъявленным лжецом.

Потом все и началось – ужасные мерзкие слова начал извергать не только Джеффри, но и Даниэлла. И они говорили уже не о Нейте, хотя все, что они говорили о Нейте было более шокирующее и ужасное, скорее даже мерзкое, но они стали говорить в таком же тоне и о Викторе.

Максин с трудом сдерживалась, призывая каждый мало-мальский кусочек силы воли (в лучшие времена, которые накопились) даже взял из резерва, пытаясь остановить себя и не рвануть вперед, чтобы выцарапать им глаза.

— Хватит! – вдруг закричала Лаура, наконец, останавливая этот ужасный поток слов, и все взгляды переместились на нее. — Тихо, — повторила она, понизив голос, который снова вибрировал, но на этот раз от гнева. — Я думала, — начала она и остановилась, моргнув и сглатывая, явно пытаясь взять себя в руки, потом продолжила:

— Я думала, что я стыдилась вас раньше за то, кто вы есть, кем вы стали, за все, что вы сделали, но сейчас, сейчас... сейчас, я даже не знаю, что сказать. Вы не просто больше не мои дети, с этого момента вы больше не существуете для меня.

И в этот то момент все и произошло, с сожалением отметила Максин. Ее сила воли рухнула (но, возможно, также повлияло на это шампанское, которое она пила этим утром, она пила его, потому что ей оно очень понравилось). Она, конечно, оглядываясь назад глубоко скорбит о своих действиях, но это было уже не подвластно ее контролю, потому что она очень полюбила Лауру, и она любила Лили, и она не смогла бы остановить себя, даже если бы и попыталась.

Собственно, она и не пыталась.

После того, как Лаура сделала свое заявление, Даниэлла подошла к матери и ударил ее по лицу.

И этого Максин уже не могла вынести.

К счастью для Максин, у нее был сообщник в ее действиях — Лили, по-видимому, была также настроена закончить этот разговор, и кроме того она не терпит никакого физического насилия к любой матери, тем более от дочери.

Поэтому Максин и Лили действовали сообща, решив положить этому конец.

И кто был, вы можете предположить, очень сильно пострадавшим?

Виктор

— Я не могу представить, где они могут находиться, — услышал Виктор девушек.

Они ожидали в фойе мэрии. В списке гостей было несколько близких друзей Виктора и Лауры, девушки с работы Лили и различные другие люди, которых совершенно не знал ни

Виктор, ни Натаниэль, поскольку никогда не встречал, они встречались когда-то в жизни Лили.

Предполагалось, что пять минут назад они должны были войти в комнату церемоний. Если они пропустят свое время, то церемонию придется отложить.

Виктор испытывал чувство обреченности. Весь день Натаниэль, Виктору казалось, хотя ему трудно было в это поверить, был беззаботным, расслабленным, в общем таким, каким Виктор никогда его раньше не видел. Никогда. Виктор не сомневался, что Натаниэль урегулировал своим отношения с Лили.

Сейчас, он не был в этом так уж уверен.

Виктор выглянул в окно и заметил Фазира, одетого в странный темно-фиолетовый костюм, бирюзовый галстук с фотоаппаратом на шее, расхаживающего по тротуару, вглядывающегося вдаль улицы, словно свой магической силой хотел материализовать лимузин с Лили прямо у входа, и Виктору показалось, что Фафир разговаривал сам с собой.

— Сэр, мы должны спросить..., — один из персонала возник рядом с Натаниэлем, который отметил Виктор при повышающейся нервозности, выглядел мрачным, даже с оттенком ярости, на что Виктор смотрел, полностью смирившись с неизбежным.

Потом Виктор услышал звонок мобильного Натаниэля.

— Мы должны попросить вас выключить свой мобильный, — сказал человек, но замолчал от сурового взгляда Натаниэля, который словно покромсал его на куски.

Натаниэль достал из кармана телефон, посмотрел на дисплей и быстро нажал на кнопку, у Виктора тоже зазвонил мобильный в кармане.

— Лили, — услышал Виктор Натаниэля.

Виктор вытащил телефон и увидел на дисплее «Лаура».

Он раскрыл свой мобильный, слыша Натаниэль, который спросил:

— Ты где?

Глаза всех переходили от Натанаиля к Виктору, приложившему телефон к уху.

— Лаура, — сказал Виктор, но он услышал только всхлипы. Виктор почувствовал, как страх закрался ему в сердце, он напрягся, и заметил, как ярость исчезает с лица его сына.

— Что случилось, Лаура? — тихо спросил Виктор, думая, что знает ответ.

Он этого не ожидал.

— Мы в... мы все..., — заплакала Лаура. — В тюрьме! — воскликнула она, и брови Виктора сомкнулись на переносице. Наконец до его сознания дошло, что сказала ему жена.

Поэтому Виктор крикнул:

— В тюрьме? — и Натанаиль и все остальные повернулись к нему, а Лаура продолжала лепетать ему на ухо что-то о адвокате Лили, Джеффри и Даниэлле, и Виктор просто чувствовал, как он сейчас получит удар, потому что повышается его кровяное давление, потому что его злость достигла новой рекордной отметки, Натаниэль целенаправленно двигался к нему, по-прежнему держа мобильный у уха.

— Я буду меньше чем через час, — сказал Натаниэль в телефон, голосом, вибрирующем от ярости. Виктор смотрел, как Натаниэль еще несколько секунд слушал, а потом снова заговорил, но тщательно контролируя свой голос, поэтому сказал совершенно тихо:

— Дорогая, я позабочусь об этом. Я буду меньше чем через час, — затем он захлопнул свой мобильник и посмотрел на отца.

— Лаура, мне пора, — прервал Виктор жену.

— Но Виктор! — продолжала плакать Лаура.

Виктор посмотрел на своего сына.

— Натаниэлю нужно что-то мне сказать, — сказал Виктор.

На мгновение наступила тишина, а затем с надеждой и дрожащим голосом его жена сказала:

— Конечно, — и с еще большей надеждой, — скоро увидимся, любовь моя.

Он услышал, как она положила трубку и хлопнул свой мобильник.

— Что мне нужно сделать? — спросил Виктор сына.

— Лили и я должны пожениться сегодня, — только и сказал Натаниэль.

Виктор кивнул, и Натаниэль взглянул на свою дочь, которая радостно хихикала с подружками Лили из магазина.

— Позаботиться о Таш, — приказал Натаниэль.

Виктор снова кивнул.

Фазир ввалился в комнату и громко прокричал всем собравшимся:

— Что, во имя Великого Гранд Джина Номер Один может задерживать их?

Натаниэль не ответил, быстрыми широкими шагами прошел мимо Фазира на улицу.

— А сейчас он куда едет? — крикнул Фазир Наташе, испуганно наблюдая, как она понеслась за отцом, но Виктор поймал ее и прижал к себе.

— Я пойду с папой! — закричала его внучка, напрягаясь в руках Виктора и пытаясь дотянуться к двери, за которой исчез ее отец.

— Все будет хорошо, — попытался успокоить Виктор Наташу. — Кое-что случилось, и папа должен выдворить твою маму.

Наташа перевела проницательный взгляд на своего деда, внимательно всмотрелась в него и решила, что он говорит правду, потому что ее отец мог разобраться в чем угодно (однозначно), ее страх растаял, причудливый неповторимая улыбка тронула ее губы, и она сказала:

— Хорошо.

И упорхнула обратно к подружкам Лили из магазина.

— Не хочешь мне рассказать, что происходит? — спросил Фазир запрокинув голову назад, задрав нос и смотря вниз на Виктора, и Виктор придвинулся к своему странному другу и рассказал все, что знал. Лицо Фазира приобрело фиолетовый оттенок, такой же, как и его костюм, но Виктор не обратил на это никакого внимания, потому что повернулся к возникшей сотруднице мэрии.

Сказав:

— Отведите меня к руководству.

Лаура

Впервые они были задержаны отвратительной полицией.

Казалось, что все случилось много часов назад (но это было ни так), возвращаясь назад в дом Лили и Нейта, Лаура пыталась проанализировать и найти какой-нибудь другой выход из создавшейся ситуации (но ничего исправить было невозможно), потому что ситуация сильно обострилась, и Лаура смутно слышал, как адвокат Лили позвонил в полицию. Прибывшую полиция, оказалось, совершенно не заботило нисколько, что девушка, борющаяся на полу с Даниэлой, должна была через час выйти замуж. Они просто увезли их всех в полицейский участок, и не позволяли воспользоваться телефонами.

Лили, к ужасу Лауры, казалось была совершенно спокойна.

Ее платье замечательно пережило поединок, несмотря на то, что сама Лаура была в отчаяние, потому что браслет был сорван, а волосы находились в полном беспорядке.

Даниэлла выглядела больше потрепанной.

Алистер и Джеффри умудрились вытащить Максина из драки, но им обоим приходилось ее контролировать, поскольку она пыталась вернуться на позиции, бесконечно выкрикивая и подбадривая Лили, которая как оказалась вела с Даниэлкой борьбу на смерть на полу гостиной.

В последние минуты боя, миссис Гундерсон решила, что хватит ей отлеживаться на диване и наблюдать с притворством кошки, проявляя таким образом свою заинтересованность. Она бросилась с шипением, выпустив когти на Даниэллу, исцарапав ей со злостью руки и ноги, но, что удивительно, или даже, наверное, совсем неудивительно, совершенно не трогая Лили.

Они сидели в полицейском участке, ожидая шанса, чтобы воспользоваться телефонами, Лили улыбнулась Лауре и сказала:

— Не переживайте, как только смогу, я позвоню Нейту, и он во всем разберется.

Это, Лауре пришлось признать, заставило ее чувствовать себя немного лучше. Однако это не меняет того факта, что у Лауры было двое прогневших, ужасных детей, которые снова все испортили Натаниэлю и Лили, и Лаура винила в этом себя, потому что именно она захотела услышать, что они собирались сказать, надеясь, так глупо, что они извиняться.

Лили не ошиблась насчет Нейта.

Десять минут спустя Лили позвонила Нейту, человек в форме пришел к ним, смущенно бросая укоризненные взгляды на офицеров, прибывших к Лили домой и увезших их от такого радостного события, и не расположив их даже в комнате и, не разрешая воспользоваться телефонами, им казалось, что прошла целая вечность.

Появившейся офицер утешительно улыбнулся Лили.

— Мисс Джейкобс, мне позвонили, — пояснил он. — Примите мои глубочайшие извинения. Ваш жених уже едет. А пока, позвольте я принесу вам чай и покажу, где вы сможете привести себя в порядок.

— Отлично! — торжественно заявила Максина, стоя и встряхивая свой лавандового цвета кафтан, обильно расшитый блестками вокруг воротника и подола. Наряд Максина не пережил также хорошо борьбу, большой клочок был вырван от колена до подола. — Он предлагает чай. Я пасс, — отрезала она.

— Могут ли мне пожалуйста оказать первую медицинскую помощь? — спросила Даниэлла всхлипывая со своего места дальше по коридору, к счастью, далеко по коридору, с того расстояния, где находились Лили, Лаура и Максина.

— А вы кто? — спросил полицейский.

— Я Дэниэлла Робертс, — заявила она, как будто она сообщала: «Я Королева Вселенной».

Лаура закрыла глаза от отчаяния, потом открыла, чтобы увидеть спину офицера.

— Мы вернемся к вам через минуту, — сказал он пренебрежительно и даже несколько угрожающе. Лаура отметила про себя, как на лице Даниэллы отразилось глубокое оскорбление, но она оторвала свой взгляд от своей дочери, наблюдая, как офицер повернулся к Лили и предложил ей руку. Тонем, который был почти благоговейным, он произнес:

— Мисс Джейкобс, — он также кивнул Максин и Лауру, и они поняли, что должны последовать за ним.

Лили взяла его под руку, и они пошли мимо дымящейся от злости Даниэллы, удивительно тихой и виновато выглядевшего Джеффри, и ослепительного, вышагивающего взад-вперед, беспардонного Алистера.

Лаура очень старалась игнорировать своих детей, но Даниэлла была так исцарапана и вся в крови, и, хотя она знала, что это не смертельно, но Лаура была матерью, и она не могла ничего с собой поделать. Хотя она поклялась самой себе никогда не заботиться, никогда даже не думать о своих двух детях, она открыла рот, чтобы попросить, но Лили опередила ее.

Шепотом, Лили попросила полицейского:

— Возможно ли, прежде чем мы будем пить чай, обработать ей царапины?

От слов Лили, Лаура протянула руку и почувствовала руку Максин, которая тут же сжала ее.

Лаура прикусила губу.

«Да, — подумала она, — да, моя дорогая Лили, ты идеально подходишь для моего Натаниэля».

Теперь они сидели в заваленном кабинете, но не грязном. Они пили чай и перед ними даже стоял пакет с печеньем, даже кто-то успел выбежать и купить Лили латте, такова была сила и влияние Натаниэля, Лаура была горда этим. Лаура и Максин сделали все возможное, чтобы как-то восстановить прическу Лили, придав им былую красоту. Они выглядели прекрасно, но не совсем так, как сделала ей Сьюзан. И они ожидали прибытия Натаниэля.

Лаура почувствовала, как болит сердце, пока она изо всех сил пыталась найти слова, чтобы еще раз извиниться перед Лили за своих детей, которые очередной раз все испортили. Она крепко зажмурилась, чувствуя, как слезы щекочут ей горло, из всех мест в день свадьбы Лили, она сидит в этом полицейском участке, и именно в этот день, и вдруг Лаура услышала смешок.

Ее глаза распахнулись и остановились на хихикающей Лили, которая все громче смеялась, ее тело даже сотрясалось от смеха.

— Я не могу, — задохнулась Лили и совершенно неженственно фыркнула. Она постаралась успокоиться, но потом начала снова. — Я не могу поверить, что я дралась на полу своей гостиной в свадебном платье. — Она облокотилась на спинку стула и начала опять сотрясаться от смеха.

Максин тоже засмеялась, аккуратно забирая у Лили стаканчик с латте. Даже если бы им пришлось ждать еще месяц, или, Лаура очень надеялась, что не два, чтобы перенести на другую дату бракосочетание, Лили могла бы опять надеть это же платье, поэтому пятно от кофе на нем будет совершенно некстати.

— Я бы поставила на тебя свои деньги, — сказала Максин сквозь смех. — Ты схватила ее за волосы, и мне показалось, что ты их просто вырвешь..., — она вдруг замолчала с ужасом взглянув на Лауру. — Лаура, прости. Она же твоя доч...

— Она для меня никто, — твердо заявила Лаура, отчего смех Лили и Максин внезапно затих.

— Лаура, — тихо произнесла Лили, начиная подниматься со стула.

Лаура остановила ее, вытянув вперед руку.

— Нет, — Лили замерла от резкого выпада Лауры.

— Но она..., — начала Лили.

Лаура, словно припилила своим взглядом Лили, и ей пришлось закрыть рот.

— Нет, она не моя дочь. Но у меня есть дочь, да. У меня есть еще одна дочь, и она сидит со мной в этой самой комнате.

— Лаура, — выдохнула Лили и поднялась, отодвинув свой стул. Лаура встала, и они заключили друг друга в крепкие объятия.

— Мистер МакАллистер, — донесся почтительный голос из-за закрытой двери, — я могу заверить вас...

Дверь распахнулась, и появился Натаниэль, возвышаясь за свет своего роста окидывая присутствующих напряженными глазами, подмечая каждую деталь, затем его взгляд замер на Лауре и Лили.

— Хватит! — глубокий голос Натаниэля звенел от ярости, хотя глаза по-прежнему были прикованы к Лили и Лауре, но он говорил офицеру, суевившемуся рядом с ним.

— Как я сказал, могу заверить..., — начал полицейский, но замолчал, как только Нейт взглянул на него. — Конечно, — офицер сказал:

— Все будет сделано... эм, оставлю вас здесь, — и офицер словно испарился.

Все остальные молча наблюдали за этой сценой, женщины смотрели на Натаниэля, Натаниэль не спускал глаз с Лили.

Наконец Лили вырвалась из объятий и подбежала к нему. Его руки сомкнулись вокруг ее талии, она прижалась щекой к его груди, он положил подбородок ей на макушку.

— Все хорошо, — прошептала Лили успокаивая его, — ничего страшного, мы подождем. Мы так долго этого ждали. Мы просто устроим вечеринку сегодня, и зарезервируем другой день, когда сможем...

Натаниэль поднял голову и посмотрел на свою невесту.

— Мы поженимся сегодня, — объявил он голосом, не подвергающимся сомнению.

— Но я думала..., — начала Лили, откинув назад голову и глядя в глаза своему жениху.

— Виктор разберется с этим, — отрезал Натаниэль и перевел взгляд на Лауру. — Мама, лимузин ждет, чтобы отвезти тебя и Максина в мэрию.

В комнате все притихли, и Лаура почувствовала, как стянуло сердце и дрожь прошла по всему ее телу.

— Чт... что ты сказал? — прошептала она, чувствуя, как ее сердце колотится где-то в горле.

Решительное и жесткое выражение лица Нейта смягчилось, как только он посмотрел на Лауру.

— Пожалуйста, езжайте со своей подругой в мэрию, — тихо сказал он, потом добавил:

— Мама.

Лаура превратилась в скалу, как только услышала, что ее сын назвал ее «мамой» первый раз в жизни.

Пошатываясь, ее сердце, наконец, стало биться в обычном ритме, и чувствуя себя несколько странно — прекрасно, радостно, она кивнула.

— Я отвезу Лили, — продолжал он.

— Конечно, — прошептала тихо Лаура.

Максим стояла и наблюдала за ними, обмахивая лицо рукой и судорожно сглатывая льющиеся слезы.

Лили даже не пыталась остановить слезы. Она прижалась щекой к груди Натаниэля и во все глаза смотрела на Лауру, а слезы свободно текли по щекам.

— Лили, перестань, — сказала Максин, — ты испортишь свой макияж.

— Я поправлю его в машине, — заверила ее Лили и улыбнулась. — Идите, — нежно произнесла она.

На трясущихся ногах Лаура направилась к двери, (я тут убрала НО) проходя мимо сына, Натаниэль остановил ее схватив за руку. Она широко раскрытыми глазами смотрела на него, он наклонился с высоты своего роста и поцеловал ее в щеку. Потом выпрямился, она закусила губу и кивнула, коснувшись рукой его плеча. Максин скользнула ей под руку и вывела ее за дверь.

Лили и Натаниэль последовали за ними.

Джеффри и Даниэлла все еще сидели в коридоре, Алистер же исчез. Лаура с удовлетворением отметила (она все-таки до сих пор была матерью), что на руках у Даниэллы появился лейкопластырь.

— Нейт! — Даниэлла вскочила со стула, Джеффри последовал за ней, отстраняя свою сестру, пытаясь удержать ее. — Послушай меня, ты должен...

Лаура с Максин, и Натаниэль с Лили прошли мимо их двоих, не произнеся ни слова.

Как обычно Натаниэль не выказал никакого внимания к своим непутевым, ни на что не годным, ведущим праздный образ жизни брату и сестре. Для Лауры потребовались титанические усилия, по крайней мере она так думала, но прошла мимо них совершенно безмятежно. И в этом ей помогла Максин, сжимавшая ее руку, придвинувшаяся к ней в этот момент в знак поддержки.

Они вышли на улицу, и Лаура поймала себя на мысли, что задержала дыхание. Она со свистом выдохнула.

Натаниэль посадил их обоих в ожидающий лимузин и закрыл за ними дверцу.

Лимузин плавно отъехал с обочины, Лаура и Максин смотрели в окно, наблюдая как Натаниэль направился с Лили к Астон Мартин.

— Я хочу просто сказать, — начала Максин, по-прежнему глядя в окно, — он бомба.

Впервые за это время Лаура испытала радость, и в груди послышалось веселое клокотание, и она расхохоталась во все горло.

Нейт

Нейт очень старался сохранять спокойствие, быстро ведя машину, но не слишком быстро, в глубине души надеясь, что свадьба все же состоится. Он не хотел крушить своих «непутевых родственников» стирая в порошок, как бы добавляя последний штрих в испытания и невзгоды, через которые должна пройти их любовь с Лили, чтобы ее желание осуществилось окончательно и бесповоротно.

Лили сидела рядом с ним в Астон Мартин, приблизившись к зеркалу на солнцезащитном козырьке машины, спокойно наносила тушь при этом весело щебеча:

— И тогда миссис Гундерсон подскочила шипя и выглядя очень, очень разозлившейся, и...

— Лили, — прервал Нейт ее бессвязный рассказ, который Лили почему-то находила веселым, но Нейт определенно был другого мнения.

— Что? — спросила Лили, закрывая колпачок у тубика с тушью.

— Я не нахожу это забавным, — сказал Нейт.

— Ну, конечно, не находишь, потому что тебя там не было. Если бы ты видел все

своими глазами, то поверил бы в это, — пояснила она со смешком, с воодушевлением, которое он уже слышал последние полчаса. — Я боролась в рукопашную на полу в своем собственном свадебном платье, — она повторяла эту фразу уже несколько раз, и именно эта фраза приводила Нейта в бешенство, из всего, что она ему уже рассказала, именно этот момент он ненавидел больше всего.

— Даже если бы я увидел это, я не думал бы, что это забавно, — ответил Нейт.

— Ну, а я нахожу, — твердо заявила она, и продолжила, и последующий ее рассказ потряс Нейта до глубины души, он даже не мог себе представить, что когда-нибудь опять испытает шок, но то, что она говорила, заставляло его сердце сжаться.

— Нейт, меня совершенно не волновало, что они говорили обо мне, я надеюсь, ты не думаешь обо мне плохо, из-за того, что произошло, я рада. Я не чувствую себя виноватой за случившееся. Я рассказала тебе, что она говорила, что они говорили, она и Джефри, о тебе и о Викторе. И когда она ударила Лауру. Я испытала настоящий зуд дать ей сдачи за то, что ударила свою мать! Я просто не могу поверить. Какая сука!

Это фрагмент ее рассказа, когда Даниэлла ударила Лауру, он ненавидел больше всего. Он был рад, что она не рассказала его до того, как они вышли из полицейского участка, иначе у него даже не возникло сомнений, он бы сел в тюрьму за совершение двойного убийства.

— Ты поменял обо мне мнение? — тихо спросила Лили, отрывая его от безрадостных мыслей.

— Нет, — честно ответил Нейт.

— Точно? — решила уточнить она.

— Абсолютно.

Наступила тишина, затем она прошептала:

— Мне кажется, что я вырвала у нее прядь волос, и я должна признать совершенно не жалею об этом.

Наконец Нейт засмеялся во все горло и через несколько секунд к нему присоединилась Лили.

И в эту минуту, Нейт обратил внимание, что они впервые смеются вместе. У них появилось много общих моментов — улыбки, хихиканье, он заставлял ее смеяться (гораздо чаще), она смешила его, но никогда ни разу они вместе так не смеялись.

И теперь у него была жизнь, наполненная такими моментами.

Он замолчал, найдя ее руку, подвел ее к губам и поцеловал. Он прошелся поцелуями по ее костяшкам пальцев, а затем положил соединенные руки к себе на ногу, не позволяя раскрепить пальцы.

— Ты думаешь, Виктор сможет перенести на другое время? — спросила Лили, Нейт кинул на нее взгляд, заметив к своему удивлению, что она выглядела совершенно спокойной и счастливой, и на ней никак не отразились события бурного дня.

— Да, — ответил он, переводя взгляд на дорогу.

— Ну, если он все же не сможет, пожалуйста, не расстраивайся. Мы перенесем и...

— Он сможет, — твердо ответил Нейт.

— Если все же нет, тогда...

— Он сможет.

— Но если все же...

— Дорогая, он сделает, — сказал Нейт тоном, подразумевающим, что тема закрыта.

— Хорошо, — пробормотала она, потом громко выдохнув, произнесла:

— Но, если вдруг не получится, мне все равно. Сейчас у меня есть ты, замужем я или нет, это совершенно неважно, поскольку у меня уже есть ты.

Он ощутил до боли знакомое чувство радости и счастья, хлынувшее у него из груди, его рука сжала ее и неохотно отпустила, чтобы переключить передачу, перед тем, как остановиться на светофоре в Бат.

— Итак, — сменила тему Лили, — куда мы поедem в медовый месяц?

— Это сюрприз, — ответил Нейт, свет на светофоре изменился, и он рванул вперед, направляясь напрямиком в мэрию и надеясь про себя, что Виктору удалось все решить.

— На пляж? — спросила она.

— Нет, — ответил он, ловко лавируя между машинами.

— Наверное в горы? — попыталась Лили еще раз.

— Нет, — ответил он, чувствуя, как вот-вот готов улыбнуться от ее любопытства.

— В другую страну?

— Да, — сказал он.

— Италия? — поинтересовалась она, с надеждой в голосе.

— Нет.

— Франция? — упорно продолжила Лили допытываться.

— Нет.

Она смутилась и призадумалась, пока Нейт подъезжал к мэрии. Он припарковался на двойной желтой линии, выключив двигатель. Ему явно выпишут штраф, но его это мало волновало сейчас, у него были миллионы фунтов. Он бы с радостью заплатил штраф, даже сто штрафов или больше за десять минут, чтобы оформить их брак с Лили.

Он вышел из машины, обогнул спереди.

— Пожалуйста, не выходи я открою тебе дверь, Лили, — нежно попросил он, как раз остановившись напротив.

— Швейцария? — она проигнорировала его просьбу, продолжая придерживаться своей темы, Нейт запрокинул голову и рассмеялся.

Он дотронулся губами до ее и провел на тротуар, сказав твердое:

— Нет.

— Тогда куда мы едем? — потеряла она терпение, глаза засверкали от счастливого разочарования, а не гнева.

— Я не скажу тебе.

Она привстала на цыпочки, чтобы оказаться с ним одного роста. Виктор и Фазир вышли им на встречу, наблюдая за Лили и Нейтом.

— Я никогда не говорила, что хочу, чтобы это было сюрпризом, Нейт, — заявила Лили, глядя ему прямо в глаза, а потом пригрозила:

— Я никуда не пойду, пока ты не скажешь, буду стоять здесь.

Недолго думая, поскольку Нейта больше не волновало сюрприз это или нет, если ему придется из-за этого ждать, чтобы пожениться, он смягчился и ответил:

— Индиана.

Голова Лили невольно дернулась, и она моргнула.

— Ты везешь меня в Индиану на наш медовый месяц?

Нейт обнял ее за талию и ближе притянул к своему телу, почувствовав ее податливость и мягкость, он наклонил голову, их дыхание смешалось в одно и ответил:

— Я хочу, чтобы ты увидела ту недвижимость, которую я приобрел. Она стоит целое состояние. Люди, живущие там, не хотели переезжать. В итоге, я убедил их. Это фермерский дом из белого известняка с мраморными подоконниками и большим прудом во дворе.

Лили шумно втянула воздух через нос, ее глаза стали просто огромными. Он увидел, как в них собираются слезы, она оперлась на него, прижавшись ближе. Она дотронулась до его щеки, прошептала его имя, и он почувствовал, как вся любовь мира омыла его этим тихим шепотом.

Слыша свое имя, слетающее с ее губ, благоговейным шепотом, Нейт опустил голову и стал целовать ее стирая губами ее слезы.

— Лили! – где-то рядом прокричала Максин, но Нейту было все равно. — Ты испортишь свой макияж!

Фазир

— Нэйт, это совершенно не важно, — словно в утешение сказала Лили Натаниэлю.

— Это важно, — ответил Натаниэль.

Фазир посмотрел на него.

— Мы ничего не можем сделать. У нас все занято, — говорил официальный представитель, заламывая руки.

— Сынок, я старался, — вторил Виктор, и Фазир заметил, что он выглядел совершенно удрученным. Фазир знал, что он гордый человек, и он действительно старался, Фазир наблюдал за ним. Виктор перепробовал все. Сначала уговаривал, умолял, пытался угрожать, потом пытался подкупить, но ничего не получилось.

— Она вела переговоры в гостиной и по ошибке ее увезла полиция! – резко выкрикнула Максин. — Конечно, вам следует сделать исключение ради этого.

Сотрудник отрицательно покачал головой.

— Но они ждали восемь лет, — услышал Фазир голос Лауры, который звучал печально, и Фазиру от этого сделалось еще грустнее, даже больше чем грустнее, он и так был не весел. Он печалился из-за Лили, Натаниэля и Таш, его восхитительная Таш ходила, как в воду опущенная, он печалился и из-за Лауры с Виктором, которые также хотели этой свадьбы.

— Малышка Лили, — негромко позвал ее Фазир, прекрасно понимая, что должен сделать.

Лили даже не повернула голову в его сторону, поскольку смотрела на Нейта и в ее глазах светилась любовь, смешанная с беспокойством.

Фазир знал, достаточно было просто кинуть на нее один взгляд, она изменилась. Фазир также знал, что Натаниэль исцелил ее вчера, а Лили исцелила Натаниэля, и что ее желание наконец-то сбылось, они наконец-то обрели свое счастье. Все свои дни в образе джинна, а их будет много, он будет счастливо жить с осознанием того, что сотворил для его Лили.

Но Фазиру было по-прежнему грустно. Грустно за себя, что ему придется оставить их — его обожаемую Лили, его прекрасную Наташу с этим замечательным человеком, его уважение к которому очень выросло.

— Малышка Лили, — повторил Фазир гораздо сильнее, и Лили повернула к нему голову, она высвободилась их объятий своего разъяренного жениха и подошла к Фазиру.

— Ты в порядке? – мягко спросила она, взяв его за руку, и пристально смотря на него, забыв про свои проблемы, потому что беспокоилась о нем.

— Используй его, — сказал Фазир и к своему полнейшему удивлению обнаружил, что его голос хрипит.

Ох, как другие джинны будут смеяться, если они когда-нибудь это услышат.

Он прочистил горло и повторил:

— Используй его.

— Что использовать? — спросила она в замешательстве.

Фазир кивнул головой в сторону Натаниэля, и Лили оглянулась через плечо на своего жениха.

— Я хочу поговорить с тем, кто регистрирует браки, — потребовал Нейт.

— Я уже говорил с ним, и он уже тоже говорил с ним, — служащий указал на Виктора, а Таш тяжело и уныло жалась к бедру отца. Натаниэль положил руку на плечо дочери и ободряюще похлопал, служащий продолжал:

— Мне очень жаль, но единственное, что мы можем сделать, это назначить новую дату, которая будет свободна.

Лили снова повернулась к Фазире, ее лицо побледнело, Фазир понял, что она все поняла.

— Я не могу... мы можем подождать, — прошептала она, в ее глазах отражалась паника.

— Посмотри на них, Лили. Посмотри на Таш. Она думает, что Натаниэль может все. Она думает, что Натаниэль обладает другим видом магии. Если она увидит, что это ни так, малышка Лили, ты знаешь же, это разобьет ей сердце, — Лили отрицательно качала головой, причем делала это искренне, страх отражался у нее на лице, она с такой силой сжала на его руке свои пальцы, словно ни за что и никогда не позволит ему уйти. — Взгляни на них всех, — тихо призывал ее Фазир.

Она по-прежнему качала головой и не стала оборачиваться, потому что она знала, что происходит у нее за спиной, и что сделает Фазир. Он знал, что она готова на все ради Таш, и также он знал, что она готова на все ради Натаниэля.

Она схватила его другую руку.

— Фазир, — прошептала она, ближе придвинувшись к нему, потом еще ближе, обхвати его руками.

— Воспользуйся им, малышка Лили, — нежно пробормотал Фазир ей на ухо, в тот момент, когда его дорогая Лили зарылась лицом в его шею.

— Я не хочу. Ты тогда уйдешь, а ты — моя семья. Семья никуда не уходит, пока не приходит время, и ты не должен уходить. Ты не должен пропадать, — Фазир ощутил, как тело его Лили начинает дрожать, она прошептала:

— Я люблю тебя Фазир, — ее голос сорвался при упоминании его имени, она так крепко обняла его, Фазире даже показалось, что он не сможет дышать, но к счастью ему это было и не нужно, поэтому он просто позволил ей так себя держать.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он, испытывая шок сам от себя, потому что он на самом деле имел это в виду в глубине своей такой циничной души джинна.

Заседание Совета Джиннов «Награда за Лучшее Желание Века» была неправильным потому что именно Лили была самым лучшим когда-либо выполненным желанием.

Когда-либо, но с тех пор прошла целая вечность.

— Используй, — повторил Фазир.

— Нет, — отказала ему Лили.

— Малышка Лили, используй его, — попросил он и почувствовал, как ее тело опять

начало подрагивать.

Она долгое время молчала, затем он услышал ее шепот:

— Если я сделаю это, ты должен попрощаться с Таш.

Фазир прикрыл глаза.

— Нет, я не вынесу... нет, — теперь пришла очередь Фазира, когда его голос стал надтреснутым и хрипатым, он услышал, как Лили тихо горько всхлипывает.

— Если ты уйдешь, я буду скучать по тебе, — она по-прежнему говорила шепотом с болью в голосе.

— Используй его, Лили, — продолжал Фазир уламывать ее, уже сам не уверенный сможет ли он продолжить.

— Мы никогда не забудем тебя, — продолжала Лили, он понимал, что она оттягивает время. Он прекрасно осознавал, что она пытается придумать какой-нибудь другой способ.

— Пожалуйста, Лили, сейчас... используй его.

Ее руки еще крепче сжались вокруг него.

— Я напишу о тебе роман, и он будет переходить из поколения в поколение в нашей семье, поэтому все будут знать о тебе, — пообещала она. — Каким ты был прекрасным, смешным, каким верным...

— Малышка Лили..., — он почувствовал влагу на своих глазах, и не понял, что это было, потому что моргнул. Но она появилась вновь, слезы. Великий Джинн Фазир впервые плакал. Он надеялся, что это не будет так тяжело, за всю свою вечную жизнь он никогда не испытывал такого (в прямом смысле), он никогда не испытывал таких мук. — Воспользуйся им, — взмолился он, и от тона его голоса Лили притихла.

Затем зарывшись ему в шею, она как говорила сама себе, согревая его кожу своим дыханием.

— Фазир, я хочу выйти замужем за Натаниэля МакАллистера, сегодня, прямо здесь и прямо сейчас, в мэрии города Бат.

Фазир осторожно отодвинул ее от себя, она стояла перед ним, с мерцающим от слез взглядом, соединив руки в замок перед собой рядом с грудью, словно в отчаянной мольбе, плотно сжав губы, борясь со всхлипываниями.

Затем чинно, используя свой лучший голос джинна, Фазир сказал:

— Малышка Лили, твое желание для меня закон.

Он грустно улыбнулся, поднял руку и щелкнул пальцами.

И Великий Джинн Фазир исчез.

Лили

Лили сидела на элегантном диване в зале ожидания, Таш крепко прижалась к ней, Максин сидела с другой стороны, держа ее за руку.

Нейт отправился разговаривать с тем, кто регистрирует браки, поэтому скрылся за закрытой дверью.

Таш мгновенно успела заметить, как только ее отец ушел, что Фазира нигде не было и спросила о нем. Лили солгала, пытаясь придать лицу соответствующее выражение, сказав, что Фазир что-то забыл и скоро вернется. Лили собиралась позже все объявить Таш. Вскоре, она это знала, Таш сосредоточится на других более приятных вещах, и у Лили не хватило духу испортить ей еще больше настроение в этот день, чем оно и так уже было испорчено.

Лорна подошла к ней и протянул букет из раскрывшихся белых благоухающих пионов, любимых цветов Бекки.

— На всякий случай, — с надеждой прошептала Лорна и тихо отошла.

— Хотела бы я, чтобы твои бабушка и дедушка были здесь, — сказала Лили Таш, наклоняясь к букету, чтобы почувствовать аромат.

— Они здесь, — ответила Таш, посмотрев на Лауру и Виктора.

Лили улыбнулась, маленькой и грустной улыбкой.

— Твоих *других* бабушки и дедушки, куколка.

Таш уютно прижалась к Лили и обвила тонкие руки вокруг талии Лили, и крепко-крепко ее сжала, своими фирменными объятиями.

— Мне тоже.

«И я желаю, чтобы Фазир тоже был здесь», — страстно подумала Лили, отправляя свою мысль в пространство и отчаянно надеясь, что Великий Гранд Джин Номер Один заметит ее своевольное желание и исполнит его по своей собственной прихоти, хотя она знала, что это не может быть (Фазир рассказал ей, что Великий Гранд Джин Номер Один курирует не много людей, но тех, кого он курирует он всего выполняет их желания).

С каким-то яростным напором она про себя продолжала говорить желание.

«Желаю, чтобы Фазир был здесь и увидел меня замужней. Желаю, чтобы Таш могла загадать желание Фазиру, и ее дети тоже, и дети детей и остальные, всегда. Вот этого я хочу для себя, своей дочери, для моей семьи и поколений моей семьи, но в основном я желаю это для моего любимого Фазира».

Дверь открылась, и Нейт вышел с девушкой из мэрии. Они, Лили даже не удивилась, вышли улыбающиеся.

— Произошла отмена одного бракосочетания, — объявила девушку.

Послышались крики и возгласы радости. Таш вскочила и заскакала по комнате, бросившись со всего разбега к Нейту, который усмехнулся, поскольку не каждый мог без брони принять такой напор от его дочери. Он поднял ее на руки, развернул к себе лицом, Таш засмеялась радостно. И лицо Нейта тоже светилось облегчением и радостью.

Глядя на них, Лили поняла, что поступила правильно.

Тем не менее, она ничего не могла с собой поделать, но что-то внутри нее, все время говорило, что это было неправильно.

Нейт и Лили сидели перед длинным, сверкающим столом.

Виктор и Максин были на одном конце, как официальные свидетели брака, именно они должны были поставить свою подпись на свидетельстве о браке. Регистрирующая девушка сидела напротив Нейта и Лили.

— Ну что же начнем? — спросила она, улыбнувшись паре.

Лили кивнула и повернула голову к Нейту. Он сидел рядом с ней, но как будто находился где-то далеко. Словно прочитав ее мысли, он схватил ее за руку крепко, надежно.

Лили попыталась остановить наворачивающиеся слезы.

«Фазир, ты меня видишь?» — спрашивала она про себя.

Ответа не было.

«Я надеюсь, что ты можешь видеть меня, видеть то, что ты сделал», — думала она.

— Дамы и господа, мы собрались здесь сегодня..., — начала регистрирующая.

Послышался какой-то шум.

Дверь громко распахнулась, стукнув с силой о стену и вошел человек.

Не просто человек.

Мужчина одетый в золото — золотую феску, золотые серьги, золотые браслеты на предплечьях, золотую короткую жилетку, золотые струящиеся брюки-шаровары и золотые туфли с загнутым носком. У него были черные волосы, черная остроконечная борода, и подведенные глаза сурьмой. Он ступал на пол с таким отвращением, словно его ноги не смели этого делать, а должны были ступать по облакам.

— Извините! Мы уже начали, — сказала девушка-регистратор, поднимаясь со своего места, Лили запоздало отметила, что Нейт отпустил ее руку и тоже поднялся. Лили также заметила появившуюся тревогу на лице у Нейта, скорее не тревогу, а лицо его выражало *начало шторма*.

— Что за черт? — Лили услышала, как воскликнула Лаура.

За золотым джинном следовали другие джинны, сначала один, два, три, полтора десятка, два десятка, четыре десятка, все в таких же *диких* нарядах, но *разных ярких*, более контрастных тонах.

Они входили и входили, заполняя комнату, девушка-регистратор начала нервничать.

— Простите! Что это значит?

Огромное количество джиннов зашло в комнату, заполнив ее фактически до отказа, рассевшись на свободные кресла, прижавшись к стене, стоя между креслами, короче, где только можно, и все они, вытянув шеи не стесняясь пялились на Лили, Нейта и даже Таш.

Лили медленно встала, наблюдая за Представлением Джиннов, так же, как и все остальные не спускали с них глаз.

— Это полный абсурд. Кто вы люди? Вы должны оставить помещение. Я должна зарегистрировать эту пару, — истерично заявила девушка.

— Ты! — прогрохотал Золотой Джинн, заняв место рядом с Таш в первом ряду, высокопарно произнес, — можешь подождать минуту.

— Я не буду ждать, — ответила ему девушка-регистратор.

— Будешь, — повелел Золотой Джинн.

— Я не..., — попыталась возразить она.

Золотой Джинн проигнорировал ее и его темный взгляд упал на Лили.

— Ты Лили Джейкобс? — спросил он.

Нейт придвинулся к ней, бережно обняв ее за талию, недружелюбно уставившись на Золотого Джинна.

— Что происходит? — потребовал ответа Нейт.

— А *ты* Натаниэль МакАллистер, — провозгласил Золотой Джинн.

— Да. Что, черт возьми, происходит? — резко воскликнул Нейт.

— Я Великий Гранд Джин Номер Один, — манерно провозгласил Золотой Джинн.

Лили ахнула, также, как и Максин, Таш радостно захлопала в ладоши, глядя на джинна, который возвышался рядом с ней, глазами полными восторга. Золотой Джин взглянул на Таш, и Лили могла почти *поклониться*, более нежным взглядом, но мало того он подмигнул ее дочери.

— Мне плевать, кто ты, ты посмел прервать наше..., — начал Нейт, потом остановился, быстро просканировав комнату взглядом, переходя от Джина к Джину. Лили почувствовала, как он постепенно стал напрягаться, его пальцы крепче ухватили ее за талию. Он резко повернул голову к Лили, нахмурившись.

— Где Фазир? — спросил он.

Лили открыла было рот, собираясь ответить, но в этом не было необходимости, поскольку на лице Нейта отразилось полное понимание. Медленно он прикрыл глаза и развернул ее, прижав к своему сильному телу. Он прижал свой лоб к ее, и открыл глаза.

— Лили, — пробормотал он, глядя ей прямо в глаза, — ты не сделала этого.

Она кивнула и почувствовала, как опять навернулись слезы. Разве может один человек столько плакать в течение одного дня, как Лили, но слезы текли и текли.

— Я знала, что ты очень хотел, — прошептала Лили, — и Таш выглядела такой опустошенной.

— Мы могли бы подождать, — сказал Нейт, не обращая внимания на армию джиннов. И игнорируя тот факт, что сам вел машину как маньяк (ну, *не совсем* как маньяк, но близко к этому), чтобы побыстрее добраться до мэрии. А также игнорируя тот факт, что рассказал Лили о прекрасном, невероятном, удивительном сюрпризе, который ожидает ее на медовый месяц. Она пригрозила, что не войдет в мэрию, пока он не расскажет ей про медовый месяц, она, конечно же, пошутила, но он был настолько нетерпелив.

Он не хотел ждать, и она знала это, что он не хотел ждать. Черт возьми, восемь лет назад, он специально сделал ее беременной, чтобы привязать к себе. Лили, а также все люди вокруг знали, что Нейт не остановится ни перед чем, чтобы получить то, что он хочет. Видения Нейта, заставляя зарегистрировать их брак под дулом пистолета танцевали у Лили в голове (*это*, призналась она сама себе, малость сгустила краски, но она определенно не хотела, чтобы он ударил в грязь лицом перед Наташей).

Лили даже не могла подумать, потому что Таш была уверена на все сто процентов, что ее отец может свернуть горы, поэтому если Лили могла помочь ему в этом, тогда просто почему бы не сделать это.

Нейт притянул Лили к себе, обрывая ее запутанные мысли.

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? — потребовала девушка-регистратор теряя терпение.

Нейт и Лили проигнорировали ее.

— Он сказал мне, — начала Лили. — Я не хочу, чтобы Таш... мы так долго этого

ждали... я знала, что ты хотел... — она запнулась, а затем продолжила:

— Он велел мне, — повторила она, ее голос звучал надломлено, и она опустила лицо ему на грудь.

— Дорогая, — прошептал Нейт ей в макушку.

— Что здесь происходит? — уже закричала девушка. — Кто эти странные люди?

— Они джинны, — зло ответила ей Наташа, — и они не странные.

— Они *не* Джинны, — парировала девушка-регистратор.

— Джинны, — настояла на своем Таш.

— Они *не могут* быть джиннами. Нет такого понятия, как джинн, — бойко ввернула ей девушка, глядя на Таш такими глазами, а потом переведя соответствующий взгляд на Нейта и Лили, который подразумевал, что девочку нужно показать врачу.

— Существует такое понятие, как джинн. Вы же смотрите на них, и их здесь *миллион!* — окончательно потеряв терпение, заорала Таш.

Лили отстранилась от Нейта и посмотрела на дочь.

— Таш, не кричи, — тихо сказала она.

— Мамочка, — так же тихо ответила Таш. — Как она может говорить, что их нет...

— Таш, — голос Нейта был тверд, и Таш тут же закрыла рот, скрестив руки на груди, хотя у нее на лице поселилось послушное-но-мятежное выражение. Таш не только получила необычную улыбку от Лили, но она также получила немного мятежного духа от своего отца.

Нейт перевел взгляд на Великого Гранд Джина Номер Один.

— Зачем вы здесь? — спросил Нейт.

— Присудить «Награду Желанию Века», конечно. Эту, — Великий Гранд Джин Номер Один жестом указал на них, — пришел совет, плюс, э-э... несколько других джиннов, которые хотели увидеть ваше бракосочетание. — Он закончил менее пышно, но все с пафосом.

— Хорошо, — сказал Нейт. — Вы не возражаете, если мы на самом деле *поженимся?* — спросил он с сарказмом.

Великий Гранд Джин Номер Один царственно склонил голову.

— Тысяча выражений благодарности, — пробормотал Нейт сухо с юмором, Лили почувствовала, как у нее в груди зарождается истерический хохот.

Нейт бросил на нее взгляд, говорящий, что ему совершенно не смешно и не стоит сейчас смеяться. Лили прикрыла рот рукой, чтобы заглушить свое хихиканье.

— Лили, — демонстративно произнес Нейт.

Лили убрала руку ото рта.

— Я ничего не могу с собой поделать. О, Нейт! — она положила руки ему на плечи, поднялась на цыпочки, заглянула ему в глаза. — Я *так* желаю, чтобы Фазир был здесь и увидел все это. Он будет радоваться и смеяться, и...

— Твое желание! — громовым низким голосом объявил Великий Гранд Джин Номер Один, заставив подпрыгнуть Лили, а Нейта нахмуриться, они оба перевели взгляд на него, — Лили Джейкобс, Внучка Великой Сары Джейкобс, это *для меня* закон!

Затем он поднял руку и щелкнул пальцами, из ниоткуда появился закручивающий фиолетовый дым, и возник Фазир буквально в двух шагах от них.

— Фазир! — закричала Лили, вырываясь из рук Нейта и рванув к Фазиру.

Она смутно слышала шепот удивления, пролетевший по комнате, когда она прижалась к Фазиру, она понятия не имела, что джинны редко, очень-очень редко дотрагиваются до

людей, люди вообще не имеют права дотрагиваться до джиннов.

— Малышка Лили! — воскликнул Фазир. — Где я?

Фазир осмотрелся вокруг и увидев огромное количество джиннов и Золотого Джинна перед собой.

— Великий Гранд Джин Номер Один! — воскликнул он, отстраняя Лили и падая в глубокий, низкий поклон перед своим господином.

— Фазир, — Великий Гранд Джин Номер Один смотрел вниз, задрав нос на поклоны Фазира, — встань.

Фазир выпрямился, и Лили взяла его за руку. Взгляд Золотого Джинна упал на их скрещенные руки, и он сначала прикрыл глаза, потом в явном отчаянии покачал головой.

— Великий Джинн? — обратился Фазир, явно смущенный таким поворотом событий.

Золотой Джинн открыл глаза.

— Мой друг, — мягко произнес он по-прежнему громовым голосом, — ты хорошо служил этой семье. Единственный джинн, который когда-либо служил *трем* поколениям людей. Ты исполнил два Самых Лучших Желания за всю историю Джиннов — сотворив эту девушку и связав ее с этим мужчиной, который так нуждался в ней.

Фазир кивнул, все еще недоумевая, куда клонит Великий Джин, но всячески старался не показывать этого. Лили крепче сжимала его руку, и он ответил ей тем же.

— Поэтому, я думаю, Великий Фазир, — заявил Золотой Джинн, — если это *твое* желание, то ты сможешь служить им вечно.

Вокруг послышались вздохи, но Лили едва ли обратила внимания, что ее и Фазира были самыми громкими.

— Правда? — спросил Фазир с надеждой.

— Ты хочешь этого, Фазир? — спросил Золотой Джинн.

Фазир посмотрел на Лили, потом на Таш, потом на Великого Джинна, и не колебавшись ни мгновения, кивнул.

— Да будет так, — изрек Золотой Джинн, постановив. — Твое желание, Великий Фазир, для меня закон! — Он поднял пальцы и щелкнул.

И это стало так.

Лили взмахнула руками в воздух и закричала от радости.

— Урааааааааааа! — кричала Таш, бросившись вперед и прыгая вверх-вниз, подбежав к матери и Фазиру, она обняла их.

Лили обняла Фазира, потом обняла Таш, Максина, потом каждого, кто встречался на пути. Она обняла Виктора, потом Лауру. Наконец, она повернулась и бросилась к Нейту, который подхватил ее и стал кружить в воздухе.

Нейт опустил ее на пол и взглянул с настоящим восторгом, качая головой и касаясь ее щеки.

Затем он перевел взгляд на Фазира.

— Не возражаешь, если мы все же поженимся сейчас? — спросил он с показной любезностью, но его губы подергивались в улыбке.

Фазир прищурился.

— Не разрешаешь *мне* стоять на вашем пути. Это только благодаря *мне* вы соединились *вместе*, — проворчал Фазир. — Конечно, вы не позволяете *моему* маленькому желанию вклиниться в любое время в ваши занятые, человеческие жизни. Не то, чтобы это было *беспрецедентным* случаем в истории джиннов, чтобы получить и осуществить *его* желание.

Конечно же, не стоит обращать внимание на то, что *такого никогда* не случалось раньше за всю *вечность*. Нет, конечно, стоит забыть момент *моей* славы и мою безграничную радость и вечную благодарность Великому Гранд Джинну Номер Один.

— Фазир, — оборвал его Нейт.

— Что? — огрызнулся Фазир.

Нейт положил руку ему на плечо, Фазир перевел взгляд на руку, потом на Нейта.

— Таш, — тихо сказал Нейт, и сердце Лили растаяло.

Она никогда не думала, что сможет еще сильнее любить Нейта, но в этот момент она поняла, что сможет.

Лицо Фазира тут же смягчилось, затем он принял обычное выражение лица и закатил глаза.

— Хорошо. Я сажусь, — фыркая произнес Фазир с притворным недовольством, метнув взгляд в сторону Лили. — Малышка Лили, женитесь уж поскорее, ради Бога, я голоден.

Лили снова захихикала, но на этот раз Нейт присоединился к ней своим мягким глубоким смехом.

Фазир взял Таш за руку и усадил ее назад в кресло.

Все сидели, за исключением некоторых джиннов, которые дрейфовали в воздухе.

Нейт взял Лили за руку, Лили сжала в ответ его руку.

И посмотрела в глубину красивых, темных глаз, ее горячо любимого Нейта.

Десять минут спустя они поженились.

Нейт

Восемь лет спустя. Нейту — сорок четыре, Лили — тридцать восемь, Таш — пятнадцать, Джону — семнадцать, Фазиру — слишком много, чтобы считать, снова начало мая...

Роллс-Ройс подъехал и остановился перед огромным книжным магазином на Оксфорд-стрит в Лондоне.

Нейт заметил очередь, тянущуюся к двери и заворачивающую за угол.

Он повернулся к молодому человеку, сидевшему рядом с ним.

— Похоже, нам придется задержаться здесь на некоторое время, Джон, — сказал Нейт своему сыну.

Молодой человек пожал плечами, взглянул на отца и закатил глаза.

Нейт улыбнулся.

Они это уже проходили, книги Лили стали очень популярны, и она уделяла много времени встречам с читателями.

Семь лет назад Лили опубликовала роман о вдове, потерявшей мужа на войне, о дочери, которая росла без отца, о трудной жизни, о любящем мужчине, за которого она вышла замуж, и обратилась к джинну со своим желанием иметь дочь, и у которой был роман с безумно красивым, но жестким хладнокровным, неприступным мужчиной, чье сердце она должна была растопить, пройдя испытания и невзгоды.

Он стал бестселлером, и Лили часто с Нейтом, Таш и недавно усыновленным десятилетним сыном Джоном, путешествовали по миру, подписывая книги или выступая перед поклонниками.

После выхода первого бестселлера, следующие книги почти всегда встречались фанатами на ура, однако Лили начала писать серии книг, в которых книги шли одна за одной, о романтических влюбленных и перипетиях, которые им предстояло пройти, каждый роман был наполнен юмором, немного грустью и всегда, в них присутствовал джинн.

Нейт и Джон стали пробираться сквозь толпу к столу, за которым сидела Лили со стопкой книг, улыбаясь своей необычной, эффективной улыбкой, подписывая книгу следующему читателю в очереди.

По истечении восьми лет Нейт все равно каждый день телом (и сердцем) продолжал реагировать на ее улыбку.

— Папа! — закричала Таш и рванула со своего места рядом с Фазиром, который стоял позади, справа от Лили, охраняя и наблюдая за всем.

Таш бросилась на Нейта, она стала высокой, стройной, и ему пришлось от ее наскока, покачнуться на пятках, удерживая равновесие.

Она так и не изменила своей привычки, кричать о его прибытии, наскакивать на него и обвивать руками его за шею, каждый раз, как только он приезжал.

Как-то поздно ночью несколько лет назад, лежа в его объятиях в темноте, Лили с грустью сказала Нейту, что ей кажется, будто бы Таш боится, что не вернется, когда каждый раз оставляет ее, поэтому она так бурно реагирует на его возвращение.

Нейта уже давно беспокоил этот вопрос.

Он отодвинулся от своей дочери, заправил тяжелые черные волосы ей за ухо и улыбнулся, глядя в глаза, *его* глаза, и она улыбнулась ему в ответ. Он увидел в них облегчение, и эту эмоцию он наблюдал с самых первых дней, как только вошел в ее жизнь, затем ее взгляд быстро изменялся.

— Господи, Таш. Ты когда-нибудь собьешь его с ног, зачем ты это делаешь? — пробормотал Джон стоя рядом с Нейтом.

Таш освободилась от объятий Нейта и толкнула своего брата в плечо.

— Заткнись, Джон.

— *Повзрослей*, Таш, — выстрелил Джон в ответ.

— *Ты* повзрослей, — в ответ вернула Таш.

Джон повернулся, глядя на отца возмущенными глазами.

— Хватит, — тихо сказал Нейт, но твердо, в течение многих лет, когда их отец говорил им в подобном тоне, они немедленно повиновались. Хотя, надо сказать, Таш делала это с явной неохотой, а Джон делал с особой наглостью и высокомерием, как утверждала Лили, на что Джон получал от Нейта нравоучения, иногда очень долгие, проводя воспитательную работу над его характером.

Нейт настороженно относился к усыновлению ребенка старше Таш по возрасту, особенно к уличному дикому ребенку очень похожего на него.

Лили настаивала, Лаура присоединилась к ней. Максин потребовал (причем резко). Виктор, что удивительно, встал на сторону Лили, Лауры и Максина. Фазир, на удивление, встал на сторону Нейта.

И конечно же не удивительно, что Лили убедила Нейта, а также и Фазира.

Это было нелегко.

Джон был очень симпатичный парень, высокий, стройный, сильный, с темными волосами и глазами. Он был умный, не такой умный, как Таш, но он был воспитан по законам улицы, с острым умом и быстрой обучаемостью.

Джон был также грубым, сквернословящим, дурно воспитанным и был лишен обычных радостей жизни, по сравнению с Нейтом, даже превзошел его в этом.

Таш, с ее открытым сердцем, тотчас же приняла его. Она очень хотела иметь брата и это стали месяцы неослабевающего восторга Таш, который просто сокрушил Джона. И конечно же непоколебимая, но не чрезмерная любовь Лили, не такая, какую Лаура показывала Нейту, и твердое руководство и врожденное понимание Нейта. Не говоря уже о Фазире, этом диковинном, но заботливом мужчине, экзальтированной Максина с ее властной любовью, нежными ласками Лауры и грубоватая доброта Виктора.

Это заняло целый год, с того момента, как Джон появился у них и до того момента, когда он принял всех, позволив себе стать одним из членов семьи.

Единственной, кто в семье знал всю его историю, была Таш. Но так думал Джон, что Таш была единственной, кто знал. Фазир слышал их разговор, позвал Лили, которая махнула рукой проходящему мимо Нейту, и они все подслушивали, стоя под дверью, пока Нейт окончательно не понял, что они подслушивают под дверью совсем личную историю Джона, и стал решительно уводить их — жену и ее джинна дальше по коридору, они молча тихо боролись, в конце концов Нейт сдался. Джон рассказал все своей новой сестре. И Таш хранила его секреты, и они сблизились, по-настоящему сблизились, как брат и сестра.

Хотя к небольшому раздражению Нейту, они постоянно ссорились.

Сейчас они все трое стояли и наблюдали, как Лили подписывала книги.

— Я хочу, чтобы эта толпа поскорее рассосалась, я хочу есть, — нетерпеливо пробормотала Таш.

— Осторожнее со своими желаниями, сестренка, — Джон небрежно обнял Таш за плечи, и она оперлась на брата, — Фазир смотрит.

Фазир, как заметил Нейт, не смотрел, а хмурился. Но Фазир всегда хмурился.

Джон знал кто такой Фазир. Джон даже мог загадать собственное желание, хотя ему, как и Таш, еще не пришлось этим воспользоваться. Такой распорядок появился два года назад, после посещения Великого Гранд Джина Номер Один. По какой-то причине, эти визиты перешли на регулярную основу, и происходили обычно, когда Лили делала торт Нейту, которые она стала готовить каждую неделю в первый же месяц, как они только поженились (как и обещала), потом каждый месяц после вечеринки его первого дня рождения, которое отмечалось теперь ежегодно в обязательном порядке, и кроме Дня рождения Нейта отмечались все другие дни рождения и праздники.

Правила магического обслуживания Фазира их семьи были оглашены на их свадебном приеме. Каждый прямой потомок Нейта и Лили имел одно желание, если Фазир желал наградить его еще одним, то мог это сделать и Фазир должен был жить с первой рожденной девочкой, если у него не будет другого желания жить с кем-то еще более предпочтительным, это на усмотрение Фазира.

У Фазира с Джоном были своеобразные отношения, которые могли даже составить конкуренцию отношениям между джином и Таш. Фазир не любил так никого, как любил Лили. Даже Нейт понял это через некоторое время.

Фазир подошел к Нейту и детям, стоявшим рядом, но, как всегда, он направил свой взгляд на Нейта.

— Сделай *что-нибудь*. Мне необходимо выпить кофе. Мне нужно съесть кусок торта. Я умру, если не съем торт сейчас же, — сказал он Нейту.

— Ты *не умрешь* Фазир. Ты *не можешь* умереть, — сказала Таш, сморщив нос.

— Хорошо, я буду испытывать муки хуже, чем смерть, — произнес Фазир.

— Это какие? — спросил Джон, ухмыляясь, он всегда так реагировал на странное поведение Фазира.

— Экстремальный голод и отсутствие торта, — ответил Фазир, и его взгляд перекинулся к Нейту. — Натаниэль, сделай *что-нибудь*.

Нейт посмотрел на часы, у Лили уже прошло сорок пять минут забронированного времени, она должна была закончить.

Он повернул голову и посмотрел на свою жену. С каждым днем она становилась красивее, все больше и больше, и он рассеянно задался вопросом, может он околдован.

Он не стал спрашивать вслух, в основном, потому что ему было все равно.

— Лили, — позвал он, своим глубоким голосом, перекрывая гул толпы, которая отделяла их.

Лили вскинула голову и улыбнулась мужу.

У Нейта тут же от ее улыбки скрутило живот, но это чувство для него не казалось неприятным, на самом деле, это было очень даже приятно и вообще, Нейт не только привык к нему, но оно ему нравилось.

— Да? — ответила она.

— Фазир хочет торт, — произнес Нейт.

— Я не хочу торт, — громко объявил Фазир, и все глаза присутствующих с Нейта передвинулись на него (Нейт привык к женским взглядам дам, стоящих в очереди, чтобы Лили подписала им книги, как правило, пока они стояли, то все пялились на него, он уже давно привык, что женщины всегда смотрят на него), Фазир уточнил свое заявление, — мне просто необходимо съесть торт.

— Мы заканчиваем, — сообщила сотрудница недовольной аудитории.

— Еще десять, — Лили положила ручку и повернулась с улыбкой к очереди, поясняя:

— Мне необходимо повидаться с моей семьей.

Еще больше голов повернулось к Нейту, к невероятно красивому Джону, необычайно красивой Таш и причудливому Фазиру. Устроители вечера повернулись обратно к Лили.

Большая часть очереди спокойно стала расходиться с мыслями, что странный мужчина выглядел в точности как Джин, и, конечно же, что муж Лили МакАллистер до *невозможности* красив.

Лили закончила подписывать еще десять книг, пожала руку менеджеру интернет-магазина, быстро пообщалась с работниками магазина, затем двинулась к своей семье с присущей только ей радостью.

Приблизившись, она поцеловала в лоб Таш, в щеку Джона, приподнялась на цыпочки, ее глаза излучали теплоту, она слегка дотронулась до губ мужа и провела рукой по его щеке.

— Прости, прости, — пробормотала она, беря Нейта под руку, — теперь торт.

— *Наконец-то*, — проворчал Фазир, словно этого момента он ждал тысячелетия, а не сорок пять минут.

Они двинулись на выход, Нейт открыл телефон и позвонил водителю. Он отпустил руку Лили, но потом его рука скользила по ее плечу, притягивая ее к себе, пока они шли. Он сделал многое, благодаря практики и шаг Лили теперь выступал в тандеме с его.

Во время разговора с водителем, Нейт наблюдал, как Таш пихнула Джона, тот обернул руку вокруг шеи Таш и сильно потянул ее к себе, также, как и Лили двигалась с Нейтом, но с явным различием, потому что Таш громко воскликнула: «Отпусти!», хотя она явно этого не хотела, чтобы он ее отпускал.

— Дети! Не *устраивайте сцен*, — еще громче объявил Фазир, тем самым создавая свое собственное шоу.

Нейт закрыл телефон, и его рука обхватила Лили за талию.

Она склонила голову набок и взглянула на него.

— Мы проведем выходные в пентхаусе или вернемся в Клеведон?

— В Лондоне, — заявил Нейт.

Лили кивнула и опустила глаза вниз.

— Лили? — позвал ее Нейт.

Она приподняла голову, и ее губы постепенно стали расплываться в ее причудливой улыбке.

— Да?

— Я люблю тебя.

Он не говорил это часто, он предпочитал показывать, хотя Лили говорила и показывала часто.

Поэтому сейчас, когда он произнес эти слова, она отреагировала, необычно, к счастью. Ее глаза засверкали, загорелись страстью, потом смягчились, сменившись удивлением и каким-то благоговением, хотя последнее стало обычным, она часто так смотрела на Нейт...

— Я тоже тебя люблю, — прошептала она.

Нейт резко остановился вместе с Лили.

И про себя поблагодарил, что его дети стали достаточно взрослыми, что больше не нужно их защищать от сильной неумемной привязанности Нейта к своей жене.

Он обнял Лили и подарил ей поцелуй, настоящий поцелуй, который заставил замереть ее дыхание (Нейт, с удовольствием почувствовал это) и как быстро заколотилось ее сердце от его поцелуя.

Он понятия не имел, что люди стали останавливаться, глядя на красивую, любящую, счастливую пару и некоторые их даже фотографировали.

Ему было совершенно на это наплевать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net